

Ф. Дж. Коттэм
Дом потерянных душ

Аннотация

Желая помочь своей девушке написать дипломную работу, Пол Ситон начинает собирать материал о фотографе Пандоре Гибсон-Гор. В его руки попадает дневник этой таинственной женщины, в котором она рассказывает об экстравагантном и сказочно богатом магнате Фишере и его гостях, проводивших сеансы черной магии и совершавших ритуальные жертвоприношения. Ситон посещает зловещий дом Фишера, надеясь найти там спрятанные Пандорой фотографии, и едва остается в живых. Он теряет все: любовь, работу, близких — и оказывается вовлеченным в цепь странных и страшных событий. Призраки дома Фишера не отпускают его. Пытаясь разобраться с разрушившими его жизнь зловещими силами, Пол Ситон еще глубже погружается в мистические события полувековой давности...

Ф. Дж. Коттэм

Дом потерянных душ

Моим дочерям и сыну, с любовью и гордостью

1

Гулль, октябрь 1995 года

Ирония судьбы состояла в том, что Ник Мейсон умел прекрасно маскироваться. Точнее, это было даже не умение, а своего рода талант. Он обладал инстинктивной способностью прятаться, что было частью его ремесла.

Мейсон следил за сестрой из укрытия. Смертельно бледная, она стояла у края могилы всего в каких-нибудь ста футах от него. Но Ник совершенно не боялся, что его могут обнаружить. Он был абсолютно в себе уверен. Ему не единожды приходилось проделывать то же самое, и при этом он умудрялся оставаться в живых.

Ирония судьбы состояла и в том, что он никогда не предполагал, что ему придется использовать свои навыки для слежки за родным и близким человеком. Но это случилось. И вот он следит за своей маленькой сестренкой. Чутье подсказывало ему, что он все делает правильно. Ведь это для ее же блага. Была в том ирония судьбы или нет, но его умение терпеливо ждать оказалось как нельзя более кстати, чтобы успешно выполнить задуманное.

Азы мастерства Ник осваивал в восьмидесятые, в Северной Ирландии. И уже тогда он заметил, как любят пэдди¹ ходить на похороны. Они считают своей святой обязанностью достойно проводить мучеников в последний путь. По натуре меланхолические, пэдди ищут любой удобный повод, чтобы всласть погоревать. Ни одни значительные похороны не обходятся без участия известных личностей. Наблюдая за тем, как ведут себя пришедшие на похороны, за языком их жестов, можно многое о них узнать. Ты смотришь, как они здороваются, как обмениваются соболезнованиями, и тебе становится понятна их иерархия. Ник проводил к месту последнего упокоения не одного героя ИРА, надежно укрывшись от посторонних глаз, совсем как сейчас. Иногда бывало и такое, что всего лишь фут отделял его от парней, стоявших в почетном карауле. Порой он находился так близко, что мог точно сказать, сколько рюмашек они пропустили для храбрости по дороге в церковь.

Впрочем, похороны эти отличались от тех, что он видел раньше. Это уж точно. Во-первых, на них присутствовала его сестра — скорбная фигурка в черном пальто. Она стояла, крепко сжав руки, и горькие слезы текли по ее бледному личику, покрытому красными пятнами. Она не разрешила себя сопровождать. И ему пришлось подчиниться. Вот почему сейчас лицо его было разрисовано камуфляжной краской, а сам он для маскировки накинул сетку, совсем как снайпер на боевой позиции. Вот почему он был в пятнистой защитной форме и уже больше двух часов сидел не шевелясь в небольшой ложбине под грудой буровато-рыжей октябрьской листвы, невидимый за густыми колючими кустами.

Похороны эти отличались от остальных не только потому, что на них присутствовала его сестра. Наблюдать за погребальной процессией, направлявшейся к кладбищу, для Мейсона было все равно, что смотреть фильм, в котором не доставало отдельных кадров. В неверном свете дня движения людей казались нечеткими, и было трудно уловить суть происходящего. У похорон есть своя зловещая хореография. Даже в Белфасте проводы в последний путь погибших боевиков проходили неспешно, в раз и навсегда заведенном порядке.

Здесь же, едва процессия вышла из церкви, один из несущих гроб вдруг пошатнулся. Он согнулся, уперев руки в колени, и его вырвало. Остальные несущие гроб — спотыкающиеся, с бледными лицами — выглядели ничуть не лучше. Их явно мутило, но они

¹ Пэдди — шутивное прозвище ирландцев.

старались не оплошать. Родители усопшей, похоже, ничего не замечали. Мейсон, который знал, каким образом девушка лишила себя жизни, старался лишний раз на них не смотреть. Священник, весь в испарине, шагал за гробом на негнувшихся ногах, точно шел навстречу собственной смерти, и одышливым голосом читал литургию.

Было что-то неправильное и в звуках, сопровождавших церемонию. Церковный колокол звучал глухо, не в лад, словно его звон доносился издалека. До слуха Ника долетала и органная музыка, придушенная церковными сводами. Как ни странно, ее перекрывали обрывки других мелодий, напомнившие рэгтайм, некогда так любимый его дедом.

Освещение было обманчивым. Мейсону пару раз померещилось, будто мелькающие кадры медленно движущейся толпы служителей церкви, скорбящих и устроителей похорон вдруг стали черно-белыми. Нику показалось, что он видит людей в цилиндрах и жестких крахмальных воротничках. Скорбная процессия с черным гробом на пути к месту последнего упокоения, окруженная толпой плакальщиков в черных одеждах.

Мейсон протер глаза. Он знал: зрение тут ни при чем. Снова взглянув на процессию, он убедился, что в ней нет ничего необычного. Погибшая девушка заканчивала свой жизненный путь у края могилы.

Погода стояла какая-то странная. Порывы ветра закручивали пожухлые листья среди могил, образовывая на траве замысловатые узоры, словно в калейдоскопе. Ветер этот, теплый и капризный не по сезону, нес с собой странный запах — слабый, но тошнотворный. И все же самое странное зрелище представляли собой девушки. Их было трое, оплакивавших свою усопшую подружку. Точнее, две девушки и одна женщина, ибо американка была на несколько лет старше сестры Мейсона и студентки из Мерсисайда. Но это не имело значения, так как их объединяли молодость, общее горе и принадлежность к студенческому братству. И все же Ник упорно продолжал считать, что их четверо.

Мейсону уже приходилось слышать о произвольном внимании. Эту чрезвычайно полезную дисциплину армейские психологи вбивали в головы тех, кому предстояло участвовать в боевых действиях. Природа беспорядочна по своей сути, а организованное поведение человека — нет. Члены ИРА хотели, чтобы окружающие считали их хладнокровные убийства стихийными проявлениями героизма, хотя все прекрасно понимали, что действия были заранее отрепетированы и доведены до совершенства. Развитие произвольного внимания помогало обнаружить ничем не примечательную машину, слишком часто мелькавшую в зеркале заднего вида или приветливого человека то и дело попадавшего на пути. Оно помогало определить победителя в толпе людей у игрового автомата или угадать ключевое слово кроссворда. А еще оно помогало спасти свою шкуру.

Опыт подсказывал Мейсону, что в картинке на кладбище было что-то неправильное, что-то явно было не так. Но стоило ему пристально взглянуть в толпу скорбящих, как нечто важное тут же ускользало от него, словно растворяясь в жарком мареве. Что само по себе было странным. Никакого марева не было и в помине! Но были убитые горем члены семьи, напоминавшие ходячих мертвецов, был явно напуганный священник, и были служащие погребальной конторы, все как один занемогшие от неизвестной хвори. Вот и среди девушек маячила лишняя фигура. Мейсон рискнул пошевелить рукой, чтобы протереть глаза, вспалившие от пыли и листьев, которые швырял ему в лицо ветер. И вдруг он почувствовал, как земля под ним пульсирует, словно кто-то хлопает в холодные ладони.

Ник никогда особенно не задумывался о смерти. Он убил трех человек в Ирландии и еще двух в Центральной Америке. И ни об одном из них ни разу даже не вспомнил. В Колумбии он попал в засаду, устроенную боевиками Медельинского картеля. Тогда их полк помогал янки решать проблемы с наркodelьцами. Мейсон ходил в атаку и был дважды ранен. Все было просто: или убьешь ты, или убьют тебя. Но Северная Ирландия — особый случай. Эта провинция вела гнусную, затяжную, зачастую невидимую войну. Нику не в чем было себя упрекнуть. Его даже наградили медалью. И за все это время совесть ни разу не напомнила о себе. Мейсон мог честно сказать, что никогда и ничего не боялся.

Зато теперь страх не отпускал его. Душил. Мейсон снова взглянул туда, и в тускло

мерцающем свете ему померещилась упряжка всхрапывающих лошадей с черными плюмажами на голове. Лошади везли дроги со стеклянным гробом. Ник моргнул — и видение исчезло, но земля под ним по-прежнему содрогалась, словно там шла какая-то своя жуткая внутренняя жизнь. И Мейсон понял — это бьется его собственное сердце. Его сковало от холода и напряженного ожидания чего-то страшного.

Потом он услышал, как закричала у могилы сестра. Да, это была Сара. Крик ужаса и смятения, принесенный порывом зловонного ветра, пронзил сердце Ника.

2

Пол Ситон понял, что оно вернулось, когда порыв ветра яростно обрушил поток дождя на окна автобуса. Они как раз застряли в вечерней пробке посреди Вестминстерского моста. Шквалистый ветер бил по стеклам, оставляя на них мутные потеки. Видавший виды «рутмастер» вздрогнул, и Ситон все понял. В том, что в промозглый лондонский вечер в начале ноября шел дождь, не было ничего удивительного. Он лишь подчеркивал унылость этого времени года. И Пол сразу почувствовал, что-то, от чего — как он очень надеялся — ему однажды удалось избавиться, вернулось и теперь охотится за ним.

Он встал и, протиснувшись сквозь толпу стоящих пассажиров, сошел на мокрую лондонскую мостовую. Ветер свистел в ограждении моста. От проливного дождя брюки Ситона быстро промокли, прилипли к ногам и хлестали по икрам и лодыжкам в такт ходьбе. Ткань стала холодной и словно жирной на ощупь. Ветер трепал намокшие волосы Пола, а потоки воды обрушивались на голову, ручейками стекая за воротник пальто.

Он направлялся на юг, и знаменитая панорама — волшебный вид на палату общин и башню с часами — осталась справа за фырчащей вереницей автобусов. Река находилась слева. Но он поборол в себе искушение бросить взгляд в ту сторону. Ситон не смотрел на реку до тех пор, пока не достиг подножия моста и под окаменевшим взглядом выцветшего Саутбэнкского льва не спустился по ступенькам прямо на набережную. Там он украдкой взглянул на статую на постаменте, на знакомые очертания свирепой львиной морды. Дождь струился по каменной гриве, капал из уголков глаз.

Река от дождя покрылась рябью. Промокшего насквозь Ситона начал бить озноб. Чтобы успокоиться, он перевел взгляд на фонари, вытянувшиеся вдоль набережной, но в этот вечер их свет почему-то не радовал. Высота прилива пугала: вода в бликах света подступила слишком близко. На этом участке набережной Темзы львиные пасти украшали внушительные швартовые кольца, которые успели позеленеть от водорослей. Сейчас с высоты парапета эти свидетельства укрощения бронзового прайда были скрыты от глаз Ситона. Когда вода в Темзе поднималась, то доставала до колец в львиных мордах, что позволяло судить о высоте прилива. Ситон подумал, что сегодня вечером хищники, охраняющие набережную, наверняка ушли под воду. Река затопила их. Ситону даже показалось, что он слышит позвякивание металлических колец.

Он взглянул на воду. Резкий порыв ветра взъерошил широкую темную полосу на ее поверхности, не затронув бескрайней черной глади. Мимо него течение пронесло разрозненный мусор, полузатопленные обломки, которые в неверном свете фонарей сквозь пелену дождя приобретали странные очертания. Он все стоял и смотрел на реку, как вдруг увидел в воде нечто бесформенное, похожее на тряпку. Это «что-то» не отражало, а поглощало падающий на него свет. Его все ближе прибивало к берегу, и Ситон решил, что это, должно быть, чья-то одежда или кусок темной ткани (скорее всего, габардина), выброшенный за ненадобностью. Пола удивило, как может тряпка так долго держаться на поверхности. Но тут он увидел, что качающийся на волнах бесформенный сверток — это мертвое тело, и понял, почему ткань так долго держалась на плаву. Так и не приблизившись к берегу больше чем на тридцать футов, тело еще раз показалось на поверхности воды и исчезло в волнах. Ветер с дождем донес до Пола знакомый запах: почти забытый дегтярный дух дымящих паровозных труб, смешанный с вонью пеньки и нефтяных пятен на прибитой к

причалу речной пене. Впрочем, едва появившись, этот запах исчез, словно его и не было.

Ситон поежился — дождь, проникший сквозь одежду, казалось, уже начал пропитывать тело и даже кости. Подняв воротник пальто, Пол решительно развернулся, собираясь идти домой, благо жил он недалеко. Этот ненастный день не сулил ему ничего хорошего. Зазвучавшая вдруг музыка пригвоздила его к месту. Ситон прислушался к доносившемуся с реки обрывку печальной мелодии. По телу поползли мурашки. Мелодия была старая, можно сказать, очень старая и хорошо знакомая. Надтреснутый голос из радиоприемника с чувством тянул песню шестидесятилетней давности «Скажи мне, кто теперь ее целует».

«Если обернусь, — подумал Ситон, — то непременно увижу прогулочное судно и гротескные фигуры отдыхающих за запотевшими стеклами в освещенном салоне. Все-таки ноябрь на дворе...»

В эту пору всюду готовились к Рождеству, и кое-где проходили корпоративные вечеринки. В глубине души Ситон не сомневался, что, обернувшись, он ничего подобного не увидит. Не было там никакого прогулочного судна. По мере того как песня за его спиной звучала сквозь пелену дождя все громче, он, казалось, уже мог различить шуршание старой записи, потрескивание иглы о пластинку на старинном граммофоне. Песня звучала для него одного. Но меньше всего он хотел увидеть то, что эта музыка сопровождала. Пол не обернулся. Он с удивлением понял, что вполне способен двинуться прочь от реки с ее звуками, тем самым невольно ответив на вопрос, поставленный в названии песни.

«Я не знаю, кто теперь ее целует, — сказал он себе, уходя. — Зато точно знаю, что не я и никогда больше не буду этого делать».

Предчувствие, охватившее его еще в автобусе, было невероятно сильным. Когда он вернулся домой, на автоответчике мигал огонек. Ситон редко получал сообщения. И поэтому сразу же забыл о привидевшемся ему на реке трупe в габардиновом облачении.

Ситон жил в двухкомнатной квартирке на последнем этаже семиэтажного дома в Ватерлоо. В ветхом здании был один-единственный воняющий мочой лифт, постоянно требующий ремонта. Но сегодня вечером лифт, как ни странно, работал. Ситон открыл дверь, стараясь не обращать внимания на затхлый запах, типичный для дешевого съемного жилья. Закрывая за собой дверь, он краем глаза следил за мигающим в гостиной зеленым огоньком автоответчика. Наверху ветер задувал сильнее, и Ситон слышал, как дождь стучит по стеклам. Именно вид из окна гостиной и заставил его когда-то снять эту квартиру. Ее местоположение затрагивало какие-то струны его души. Квартирная плата также была немаловажным фактором. Но все решил вид из окна просторной гостиной. Ради него Ситон готов был пренебречь непрезентабельностью, почти убогостью этого жилья.

Он прошел в комнату мимо призывно мигающего автоответчика, подошел к окну и сквозь ночную тьму посмотрел на город. Здание находилось на южном конце Морли-стрит. При нем был ухоженный садик, обнесенный низкой оградой и выходящий на Сент-Джордж-роуд. Напротив тянулась череда четырехэтажных георгианских домов. Слева нависала громада католического собора. Еще через квартал, чуть правее, за колышущимися ветвями деревьев можно было различить подсвеченный прожекторами купол Имперского военного музея. Рядом с домом Ситона, с тыльной стороны собора, призывно сверкали огни бара. Когда-то это был паб, но затем его безвкусно перекрасили и переименовали в «Занзибар». По вечерам Ситон иногда заглядывал туда, хотя в качестве паба он ему нравился больше. Но пиво было холодным, а персонал — в меру приветливым. Район был весь пронизан ассоциациями с его некогда счастливым прошлым. И в этом Пол находил утешение.

За спиной в темноте пульсировал зеленый сигнал автоответчика. Он явно не собирался успокаиваться до тех пор, пока Ситон не прослушает сообщение.

Или не сотрет его.

«Я всегда успею его стереть», — подумал Пол.

Оконное стекло вдруг помутнело от дождя. Ситон моргнул и попятился.

«Но чего я добьюсь, стерев это сообщение? Выиграю лишний час счастливого неведения? И не такие, как я, вступали с этим в противоборство, и что с того? От него нигде

не скроешься».

Приняв наконец решение, Пол стал уговаривать себя отойти от окна, как вдруг телефон за его спиной зазвонил.

Ситон не шевельнулся. Он дождался, пока дребезжание утихнет, и только тогда обернулся, подошел к телефону и прослушал сообщение:

«Здравствуй, Пол. Я должен кое-что сказать тебе по поводу дома Фишера».

Голос принадлежал Малькольму Коуви.

Обстановка гостиной была скучной и унылой. В нее в числе прочего входили два кресла. Ситон тяжело опустился в одно из них. Коуви молчал, видимо, для создания должного эффекта. Хотя, скорее всего, он просто давал Ситону возможность оправиться от шока. Вот уже двенадцать лет, как Пол не встречался с Коуви и не получал от него вестей. А теперь всего в девяти словах тот выложил суть дела.

«Извини за беспокойство, но у меня действительно нет выбора. Я, возможно, как и ты, был уверен, что от того места давно и камня на камне не осталось. Но оказалось, что это не так. Пару недель назад там побывала группа студентов».

«Их туда заманили», — мысленно возразил Ситон.

На другом конце линии у Коуви играла музыка. Определенно Гендель с его характерными паузами. Затем там все стихло. У Ситона же звуковое сопровождение составлял шум машин и отдаленный рев идущего на посадку «Боинга-747».

«Одна из студенток уже мертва. Остальные находятся в жутком состоянии. Всего их там было четверо».

«Пятеро», — подумал Ситон.

«Пятеро, — добавил Коуви, — если считать преподавателя, который вроде бы их курировал. Именно этот придурок и отвел их туда».

Ситон сжал голову руками.

«Пол, ты мне нужен. Ты им нужен. Сейчас нет времени на отговорки. — Коуви помолчал. — Тут неподалеку, почти у твоего дома, есть бар с несуразным названием».

«Бар „Занзибар“», — мысленно добавил Ситон.

«„Занзибар“, — усмехнулся Коуви. — Кто бы мог подумать, Пол? И это в Саутуорке!»

Но мысли Ситона уже были далеко, в доме Фишера.

«Давай встретимся там сегодня часов в восемь. Пол, прошу тебя, приходи! Ради бога, приходи!»

Ситон выбрался из кресла, думая о том, что Бог вряд ли имеет какое-то отношение к тому, что когда-то происходило в имении Клауса Фишера и в стенах его мрачного дома. Пол вернулся к окну и посмотрел на часы. Циферблат вспыхнул в сиянии уличных огней. Некоторое время Ситон безразлично прислушивался к вою проносящихся внизу машин. Стрелки показывали без четверти восемь.

Честно признаться, в этой жизни ничего его особенно не держало. Он жил на съемной квартире в многоэтажке, провонявшей жареным луком, застарелой спермой, мышиным пометом и сыростью. Он ездил на метро на работу в Британский музей, где ему платили сущие гроши — несколько сотен фунтов в месяц за сбор сведений, которым слишком ленивые писатели не хотели себя затруднять. У него не было ни персонального компьютера, ни кредитной карты, ни приличного костюма. У него не было даже телевизора. Единственное развлечение — подержанный кассетный плеер с развала на Лоуэр-Марш-стрит. Но и плеер Ситон не слишком часто слушал, так как сохранившиеся у него записи будили невыносимо тяжкие воспоминания.

Пол включил плеер и поставил «Everything But the Girl». Услышав первую песню альбома группы «Эдем»,¹ он опустился на колени, закрыл лицо руками и горько заплакал от жалости к себе. Он прятался в нежно любимом им квартале, памятном по дням юности. Он укрывался в нем потому, что когда-то обрел здесь веру в себя. И счастье. И еще потому, что теперь эти знакомые улицы и теплые воспоминания были для него единственной отрадой.

¹ Британская электронная поп-группа, образованная в начале 1980-х годов.

Если вдуматься, то его прошлая жизнь была совсем пустой, но другой у него никогда не было. И теперь он боялся, что вторжение Малькольма Коуви может все это отнять.

Сначала выходишь из лифта и с риском для жизни устремляешься через Сент-Джордж-роуд, наперерез мчащемуся потоку машин. Затем через ворота попадаешь в проулок и, минуя собор, направляешься к бывшему пабу. Зловещая громада храма превращала этот короткий путь в испытание. В проулке не было ни одной живой души. Листья и городской мусор кружились и сбивались в кучи на ступенях и в темных закутках. Это место казалось пронизанным атмосферой готики, а архитектура каменного здания наводила на мысль о склепе. Перед глазами Ситона мелькали странные очертания каких-то фигур, вертявые тени, блуждающие во тьме. Послышался чей-то резкий смех — то ли презрительный, то ли язвительный, — и Пол ускорил шаг, хотя и решил, что это, скорее всего, визг тормозов на соседней улице или завывание осеннего ветра в выступах и нишах здания.

Малькольм Коуви сидел и курил сигару. Даже в битком набитом баре он ухитрился занять свободный столик и держал место для Пола. Казалось, за истекшее десятилетие он совсем не постарел, а стал еще импозантнее. Его волосы и борода благородно серебрились. Коуви и раньше выглядел представительно, но теперь его фигура приобрела некую особую значимость. Свое объемистое тело он облачил в застегнутый на все пуговицы темно-серый костюм-тройку. На пухлой руке красовались два кольца одно — гладкое золотое, а второе — с крупным рубином. Словом, Коуви производил впечатление человека обеспеченного и вполне довольного жизнью. Но только до тех пор, пока не открывал рот. Его голос слегка изменился из-за избыточного веса и бесчисленного количества гаванских сигар, выкуренных за все эти годы. В нем слышались сипловатость и одышка, которых не было раньше и которые никак не проявились в телефонном сообщении.

Пол знал, что страдает излишней сентиментальностью и любит вспоминать прошлое. Но сидящий перед ним человек не будил в нем ни одного из этих чувств. Ситона совсем не радовало возобновление давно утраченного знакомства. Это отчасти объяснялось стремительностью, с которой Коуви снова ворвался в его жизнь. Но скорее всего, тем, что Пол всегда испытывал к Коуви двойственное чувство. Трудно симпатизировать тому, кому твой внутренний голос велит не слишком доверять.

— Вы хорошо выглядите, Малькольм. Наверное, в таких случаях положено говорить: «Рад встрече».

Коуви, выхнув сигарой, кивнул, затем встал, поздоровался с Ситоном за руку и снова уселся на место.

— Ты тоже. С учетом всех обстоятельств. А мог бы выглядеть как из преисподней.

— Благодарю.

— Туда, Пол, они и направляются. Те девушки, которые навестили дом Фишера. Если только ты не захочешь им помочь...

Ситона передернуло.

— Я был жертвой, а не противником, Малькольм. Я проиграл. Хотя и выжил. Вам это известно лучше, чем кому бы то ни было.

— Выжить в той ситуации — это тоже своего рода победа.

— Если бы вы сами там побывали, то так бы не говорили. И на моем месте вы думали бы как раз наоборот.

— Возможно, вернувшись туда, ты сможешь наконец поставить точку.

— Я к этому не стремлюсь.

— Я сделаю для них все, что в моих силах, — насупился Коуви. — Просто не знаю, достаточно ли я для этого вооружен. Три студентки хоронили свою подружку. И все они видели ее там.

— В открытом гробу? — не понял Ситон.

— Нет. Она тоже пришла туда, — ответил Коуви. — Девушки в один голос уверяли, будто видели ее среди скорбящих. Тогда каждая из них сочла, что это помрачение рассудка, вызванное нервозностью и горем. Так или иначе, все они были потрясены и сильно

расстроены. У той, которая впоследствии пыталась покончить с собой, было самое страшное видение. Мертвая подружка бродила у вырытой могилы в шляпе с вуалью, искривленный рот изрыгал беззвучные проклятия, а из-под остроносых кожаных туфель в яму сыпался песок. Потом девушки сравнили свои впечатления. И тогда начался сущий кошмар.

Ситон сидел и обдумывал услышанное.

— Когда они ходили в дом Фишера?

— Около трех недель назад. Та, которая умерла, покончила с собой через неделю, и еще через неделю ее похоронили.

— А другая, неудавшаяся самоубийца?

— Пыталась свести счеты с жизнью на третий день после похорон, — ответил Коуви. — Ее уже выписали из больницы. Сейчас она понемногу поправляется в доме своего брата в Уитстейбле.

— «Поправляется» надо понимать фигурально? — вставил Ситон.

В ответ Коуви только пожал плечами.

— И что они там делали?

— Уж точно не паранормальные явления изучали, — сказал Коуви. — Это студентки обычного университета в Суррее. У заведения государственная лицензия и финансирование. Его дипломы везде котируются.

— И нанимает на работу придурков, — заметил Ситон.

— Тот придурок, которого ты имеешь в виду, преподает этику, — парировал Коуви. — А девушки учились, то есть учатся, на философском факультете. По всей видимости, они исследовали диапазон возможностей зла. И добрались в рассуждениях до коммуникативности зла — до его, так сказать, способности заражать других. Затем они перешли к вероятности наличия остаточного зла. Тогда и было решено в исследовательских целях получить допуск в дом Фишера. И они его получили.

— О господи! — схватился за голову Ситон.

— Большую часть времени, как ты и сам, наверное, мог убедиться, это место абсолютно безопасно, — заявил Коуви. — Но на этот раз вышло иначе. И на свое несчастье, группа нашла там именно то, что искала. Не само зло. Оно в тот момент отлучилось из дома.

— Вы хотите сказать, они отлучились?

— Не путай зло с его проявлениями.

— К чертям собачьим! Я буду делать то, что считаю нужным!

— Пол, ты столько лет не практиковался. Впрочем, тебе и не давали.

Ситон с минуту помолчал. В баре было шумно и накурено. На кухне тушили чеснок, и его едкий аромат перекрывал другие запахи: мокрой одежды, потных тел, пива и грязных волос. Вокруг раздавались монотонный гул голосов, звон кружек, смех Ситону пришлось повысить голос, чтобы собеседник мог его услышать.

— Какой именно помощи вы ждете от меня, Малькольм?

— Мне кажется, надо навестить девушку из Уитстейбла, — вздохнул Коуви.

Он потянулся к стоящему в ногах портфелю, вынул из него толстый конверт из плотной манильской бумаги и положил его на столик.

— Тут адрес и тысяча двести фунтов наличными в придачу, а также ключи от машины, стоящей в гараже под железнодорожным мостом. Это за углом, на Геркулес-роуд. Ты ведь психолог и специалист по эмоциональным травмам. В конверте соответствующие документы на твое имя, а также рекомендательное письмо от Британской медицинской ассоциации и еще кое-какие бумаги от попечительского совета больницы Святого Томаса.

— Ее семья не будет возражать?

— Вся ее семья — это брат. И он возражать не будет. Он в полном отчаянии и хочет, чтобы она выжила.

Ситон накрыл ладонью конверт:

— Для начала я хотел бы встретиться с тем преподавателем.

— Так и сделай, — кивнул Коуви. — Ваша встреча уже назначена на завтра, на два часа

дня. Ему предъяви те же документы. А после этого сразу отправляйся в Уитстейбл.

— Это значит, что туда я доберусь только к ночи.

— Думаю, ее брат покажется тебе достойным внимания. Судя по тому, что я о нем знаю, вы вряд ли закончат, как теперь принято говорить. Но он парень что надо. В своем роде.

— Ведь я приеду туда затемно.

— По-другому и не получится.

— Уитстейбл, кажется, расположен на побережье? — спросил Ситон.

— Совершенно верно.

Это было уже кое-что. Пол пододвинул к себе конверт, ощупал его содержимое. Ключи, сфабрикованные документы и, разумеется, деньги. Тысяча двести фунтов — по четыреста за каждую юную жизнь. Преподавателя этики в смету не включили — в наказание за то, что отвел их туда. Будто бы деньги могли спасти остальных. Будто бы их жизни можно было просто взять и купить.

— Почему именно девушка из Уитстейбла?

— Твое умение вести душевительные беседы, — усмехнулся Коуви, — вряд ли им поможет. Мы оба это прекрасно знаем. Навестить всех означает досадную трату времени, а брат Сары Мейсон может нам кое в чем помочь. Я ведь уже сказал — он парень что надо. И к тому же сейчас не отходит от постели больной сестры.

— Малькольм, но почему я?

— Глупый вопрос, Пол.

— Нет, серьезно: почему я?

— Потому что ты уже сражался с этим. И у тебя есть силы, чтобы сразиться еще раз.

— Я не буду этого делать, — сказал Ситон, отпихнув конверт. — У меня для этого недостаточно сил и знаний. Не стану этого делать!

— У тебя нет выбора, — бесстрастно заявил Коуви. Он сидел, вальяжно развалившись на стуле. Царящий в баре гвалт, похоже, его совершенно не трогал. Небрежно стряхнув пепел на пол, Коуви снова пододвинул к Ситону конверт с деньгами и фальшивыми документами.

— А теперь, — произнес он, сверля Ситона взглядом, — слушай очень внимательно, что я тебе скажу. Каждое мое слово.

3

Через полчаса они расстались на улице под дождем. Коуви втиснулся в такси, а Ситон, оставшись мокнуть, прислонился к распахнутой дверце. Зажмурившись от яркого света в салоне, Коуви кивнул в сторону собора, который находился всего в нескольких футах от паба:

— Страховка?

Ситон покачал головой. Дождь, барабанивший по крыше машины, попадал в глаза, заставляя то и дело моргать.

— Это только испортит все дело. Они могут решить, что это провокация, — ответил он.

— Вы и впрямь считаете, будто они настолько... информированы?

— Боюсь, что так.

Теперь настала очередь моргать Коуви. Впрочем, вид у него был скорее печальный, нежели удрученный.

— Малькольм, мне надо подумать, — сказал Ситон.

— Нет времени, — возразил Коуви, потянув на себя ручку дверцы такси. — Нет времени на раздумья.

Ситон отошел от машины, и такси умчалось, задними колесами разбрызгивая воду. Пол Ситон выпрямился. За этот вечер он уже дважды промок до нитки.

Он лежал в постели, как вдруг услышал тихую музыку, доносившуюся из гостиной за стенкой. Когда он снял эту квартиру, то сразу же купил фланелевое постельное белье и стеганое покрывало, чтобы побаловать себя и почувствовать, как в детстве, тепло родного дома. Он купил их, причем совсем недешево, в универмаге «Арми энд Нейви», а еще мягкие

подушки и толстое одеяло на гусином пуху. Он хотел проводить свои одинокие ночи в расслабленном забытье. До нынешнего дня. Но теперь эта музыка, доносящаяся из гостиной, разрушила все. И простыни жестким саваном облепили его онемевшее тело. Он опять слышал все ту же бесконечную мелодию.

Ситон отсчитал семь минут по светящемуся циферблату наручных часов. Его прошиб холодный пот, и он начал мерзнуть даже в теплой постели. Он узнал эту песню, или, может, ему показалось. А она все звучала и никак не кончалась. Мелодия просачивалась сквозь стенку назойливыми обрывками размытых аккордов и рефренов, звук то усиливался, то вновь затихал. Дверь в гостиную находилась справа. А слева было окно. И если вылезти из постели и раздвинуть тяжелые шторы, то можно было увидеть раскинувшийся внизу ночной город. Оживленный перекресток, а дальше — подсвеченный купол Имперского военного музея, расположенного посреди ухоженного парка с поникшими осенними деревьями. Старожилы по привычке называли его дурдомом. Когда-то в здании музея размещался приют для умалишенных. Но теперь безумие подкрадывалось к Полу справа. Не выдержав, он откинул одеяло, вылез из постели и открыл дверь в гостиную.

Музыка зазвучала громче. Окна не были занавешены, и комната была залита унылым белым светом фонарей, установленных на перекрестке. От проносящихся по улице автомобилей по стенам метались черно-белые тени. А песня все не кончалась, повторяясь до бесконечности, отчего Ситону стало не по себе.

Это была композиция «Tam Lin»¹ группы «Фэйрпорт конвеншн»,² а исполняла ее ныне покойная Сэнди Денни. Да, этот бесплотный голос, несомненно, принадлежал ей. По крайней мере, надрыв и хрустальные речитативы были характерны для поздней Сэнди Денни. Ситон мог слышать бодрые выкрики и посвистывание музыкантов. Фэйрпорты — или их двойники, — как и положено, жарили на всю катушку, выделявая виртуозные пассажи на скрипке, неистово терзая гитары и мандолины и не жалея ударных. Но было за этим кое-что еще — некий диссонанс, посторонний шум, похожий на треск разрываемой ткани или придушенный злорадный смехок.

Ситон тяжело опустился в кресло и принялся рассматривать плеер, валяющийся на полу у стены. Вилка была по-прежнему выдернута из розетки и лежала там, где он бросил ее несколько недель назад после неудачной, закончившейся слезами попытки послушать «Эдем». Когда он покупал плеер на блошином рынке, в нем не было батареек, и Пол мог поклясться чем угодно, что и сейчас их никто туда не вставлял. Плеер работал сам по себе — не горела даже красная лампочка, говорящая о том что аппарат включен в сеть. Восставший из гроба дух Денни пел, а музыканты из ее группы тянули за исполнительницей ту же мелодию. Ситон вспомнил престарелую пару, торгующую всяким старьем и антикварным хламом в лавчонке на Лоуэр-Марш-стрит. Они-то и продали ему плеер. Самые обычные люди — в этом Ситон не сомневался. Самые обычные люди, зарабатывающие себе на хлеб безобидной коммерцией.

Он встал и нажал кнопку перемотки, чтобы прослушать запись на другой стороне, хотя отлично понимал, что никакой кассеты в плеере не было. После паузы послышался смех, и кто-то свистящим шепотом произнес его имя, а затем повторил еще раз, словно пытался донести до него смысл шутки из серии «черного юмора». Потом все смолкло, слышалось только шипение несуществующей записи. Но Ситон уловил чей-то разговор, в котором узнал обрывок своей недавней беседы в «Занзибаре» с Малькольмом Коуви. За ним опять последовал злорадный смех и тот же звук вроде треска разрываемой ткани. Кто-то передвигал тяжелую мебель, пронзительно елозил тонкими ножками стула по полированному паркету.

Ситон нажал на «стоп», и наступила оглушительная тишина. Он открыл крышку магнитофона, кассеты там не было. Он встал и направился было на кухню, чтобы налить стакан воды из-под крана, но услышал, как крышка за его спиной резко захлопнулась.

1 Там Лин — персонаж шотландской легенды, рыцарь королевы эльфов.

2 Одна из первых британских фолк-групп; образована в 1967 г.

Призрак Сэнди Денни, вернув себе голос, вновь запел «Tam Lin» — на этот раз без музыкального сопровождения. Только теперь в пении появились какие-то мерзопакостные нотки.

— Хорошая шутка, — нарочито громко произнес Ситон. — Правда, чувствуется домашняя заготовка.

Пение прекратилось. С минуту все было тихо, а потом Ситон вдруг ощутил, как содрогнулась ночная тьма от одинокого удара соборного колокола, эхом разнесшегося над мокрыми зданиями. Затем все стихло. Пол взглянул на часы: четырнадцать минут второго. Да, время для благовеста явно неподходящее.

Ситон понимающе кивнул. Удар колокола уже никак нельзя было отнести к домашним заготовкам. Интуиция подсказывала Полу, что они специально все это затеяли, чтобы потешить свое самолюбие. Ситон понимал, что на таком расстоянии они не могут причинить ему вред, по крайней мере физический. Но его покой был нарушен, и если они намеревались лишить его душевного равновесия, то им это вполне удалось.

Ситон прошел на кухню, налил стакан воды, выпил, затем вернулся в спальню и снова улегся в постель. И все же он опасался, что томительная мелодия вдруг снова оживет в плеере. Беспокоило его и то, что соборный колокол своим металлическим голосом вновь может нарушить ночную тишину, вопреки календарю и времени суток вызывая молитву к Пресвятой Богородице. Но сейчас Ситон был далеко от дома Фишера. К тому же те три студентки философского факультета и их идиот наставник заслуживали гораздо большего внимания, чем он. Итак, Пол лежал в кровати и безуспешно пытался заснуть. Он долго ворочался с боку на бок, прежде чем сон неохотно принял его в свои объятия. Засыпая, Ситон видел из окна спальни отблески огней, отражавшихся от крыши его многоэтажки. Кто-то зажег свет в жилом флигеле собора. Наверное, это проснулся настоятель или священник. А может, и сторож. Звоняря они, естественно, не обнаружат. Если только им очень сильно повезет.

Когда Полу было лет двенадцать-тринадцать, они с матерью жили в доме на северной окраине Дублина, где снимали два этажа. Для матери это был самый тяжелый период после развода с отцом. Душевные раны она лечила лошадиными дозами валиума поэтому постоянно спала прямо на ходу. Оставленный без присмотра обед выкипал на плите, огонь в камине горел как хотел, вода для купания сыновей переливалась через край ванны...

В тот самый вечер мать прилегла на диван и заснула как убитая. Пол не возражал: телевизор, установленная на севере Пеннинских гор на Винтер-хилл, позволяла им принимать английские каналы. Благодаря матушкиной сонливости он мог смотреть непристойности вроде «Возьми трех девчонок» или «Внутренние дела». Последнее представляло собой сериал с таким количеством женской обнаженки, что на школьной спортплощадке его обсуждали с благоговейным ужасом.

Украдкой взглянув на мать, Пол подобрался к телевизору и включил его. «Гранада» и Би-би-си-2 предоставляли широкий выбор обнаженной натуры на любой вкус. Он услышал, как по лестнице крадучись спускается его младший братишка Патрик. По «Гранаде» показывали какой-то документальный фильм о беспорядках на Севере, на Би-би-си уже заканчивал свою болтовню обозреватель погоды.

— Именно то, что мне нужно, — шепнул за его спиной Патрик. — Я точно быстрее засну, если буду знать, что в Восточной Англии будет хорошая погода.

— Тише! — шикнул на него Пол.

Они вместе устроились в кресле напротив телевизора, тесно прижавшись друг к другу. Пол по привычке положил руку братишке на плечо, и оба замерли в предвкушении зрелища.

Передача называлась «The Old Gray Whistle Test». И в тот вечер мальчики увидели нечто такое мерзкое, что ни в каком телешоу не увидишь. Музыканты группы оделись на манер средневековых менестрелей в остроконечные колпаки с бубенчиками, шутовские камзолы и вязаное трико. Когда они двигались, принимая разные позы, то напомнили Полу гротескных персонажей Иеронима Босха с иллюстраций в школьном учебнике истории.

Песня, которую они исполняли, называлась «Tam Lin». Но Пол тогда еще этого не знал. Сатанинская группа выступала так, словно в них вселились злые духи. По мере того как певица пела куплет за куплетом, их исполнение становилось все более и более разнузданным. Ее голос, однако, вызывал в воображении вовсе не тот мир, который создал на своих картинах фламандский живописец. Это был мир древней Англии с ее друидами и страшными заклятиями. Поистине колдовское песнопение, пробуждающее к жизни Зеленого Джека,¹ и мстительных эльфов, и Джона Ячменное Зерно, и потерянные души, оглушающие страшными воплями туманные болота в лесной глуши.

Увиденное и услышанное в том телешоу потрясло юного Пола. Он, испуганно прижимаясь к брату, смотрел на серый экран, который казался ему тусклым окном в уродливый мир магии.

Только через восемь или девять лет Ситон снова услышал в Тринити² ту же песню и смог наконец осознать, что же он тогда видел. Как выяснилось, группа называлась «Фэйрпорт конвеншн». Почти все музыканты в ней были родом из Северного Оксфорда,³ а вокалисткой они взяли девушку из Уимблдона. Ее звали Сэнди Денни. В группе были также гитарист Ричард Томсон и скрипач Дейв Сворбрик. Выступление музыкантов в «The Old Gray Whistle Test» потрясло впечатлительного мальчугана, пробудив в нем самые дикие фантазии, которые прочно засели в его памяти.

Пол так и не удосужился спросить у Патрика, который был на два года младше его, что тот вынес из просмотра. Впоследствии в разговоре Пол намеренно обходил эту тему. Он хорошо помнил, как в тот вечер они выключили телевизор, накрыли маму пальто и подложили ей под голову подушку, а потом тихонько прокрались наверх, в свою спальню, где улеглись вместе на единственной кровати.

Теперь, лежа в темноте в собственноручно обустроенном гнездышке в Ватерлоо и слушая шум дождя за окном, Пол думал о том, что тогда-то все и началось. Да, это и было началом. Не дом Фишера и не связанные с ним события, а это самое. Именно «Tam Lin» много-много лет назад разбудил в нем страх, который в конечном итоге и был причиной всего этого ужаса.

— Приятно, что вы об этом не забыли, — уже проваливаясь в сон, громко произнес Ситон.

Конечно, пиво, выпитое за разговором со словоохотливым Малькольмом Коуви, придало ему храбрости, но вся его бравада была чисто напускной. На самом деле Ситона приводило в ужас, что они всегда шли на шаг впереди. С самого начала они знали буквально все, каждую мелочь. Над его головой, в мелких лужицах на плоской крыше многоэтажки, явно кто-то шебаршился. Может быть, это скрежет когтей какого-нибудь залетного демона, но, скорее всего, просто ворона или вышедший на охоту одичавший кот.

«Да, скорее всего», — подумал Ситон и провалился в сон.

4

На следующее утро в половине десятого Ситон мирно пил кофе в открытом кафе на Кеннингтон-роуд, радуясь, что сегодня суббота. Выходные он полностью посвящал отдыху, стремясь максимально упростить свою жизнь, свести ее к набору привычек и формальностей, отрицающих любые усилия и, вообще, мало-мальскую работу мысли. Но теперь, после вмешательства Коуви, жизнь снова невероятно усложнилась. Она может стать гораздо более опасной, но, к своему удивлению, Ситон был заранее к этому готов. Преследуемый страхом, он отсиживался в своей норе долгие месяцы и годы, и возможность перейти к активным действиям принесла даже облегчение. Проснувшись на рассвете и с

1 Зеленый Джек, или Джордж, — языческое лесное божество Британских островов. Изображается в виде рогатого человека, выглядывающего из листвы.

2 Колледж в Дублине.

3 Престижный район города между центром и Саммертауном.

ужасом вспомнив о балагане, устроенном его плеером, Пол подумал о том, что если осуществит задуманное, то вряд ли останется в живых. С горечью в душе он признал, что в любом случае ему нет смысла жить. По крайней мере, такая жизнь ему не нужна. И даже если он сбежит от проблем, это ничего не изменит.

Кафе было итальянским и называлось «У Пердони». Оно имело два входа. Перед ними на тротуаре выстроились блестящие ряды металлических стульев и столиков. За одним из них и устроился Ситон, чувствуя под ногами мокрую после ночного дождя плитку. Красные кожаные банкетки внутри кафе были заняты в основном таксистами. Иногда в кафе попадались случайные туристы, только что сошедшие с поезда «Евростар».¹ Через дорогу находилось угрожающего вида строение из стекла и кирпича — Кеннингтонский полицейский участок, а слева от него — станция подземки Ламбет-Норт. Справа виднелась черная решетка, ограждающая территорию Военного музея, за ней — деревья с поредевшей листвой. К Пердони заглядывали посетители музея — в основном немцы, голландцы и бельгийцы. Они сидели над опустевшими чашечками эспresso и курили сигарету за сигаретой, к явному неудовольствию таксистской братии. Разумеется, таксисты тоже курили, но, перекусив и перекинувшись парой слов, они возвращались к своим машинам. К тому же, в отличие от туристов, они курили словно исподтишка, пряча в кулаке мятые хабарики.

Утреннее небо было ярко-синим с прожилками облаков. Синева эта, конечно, радовала глаз, но глубина и безмятежность холодного неба напоминали о неумолимом наступлении осени, когда тепла и солнечного света становится все меньше и меньше. Только что отпраздновали Хеллоуин, и в газетной лавке через несколько домов от кафе еще пытались со скидкой продать залежавшийся товар: перчатки для оборотней и остроконечные шапки. В последние годы британцы вошли во вкус отмечать Хеллоуин, и ребятишки, кто в масках вампиров, кто в костюмах скелетов или оборотней, старательно подражали своим американским сверстникам, пугая соседей. Своим размахом праздник грозил превзойти даже ночь Гая Фокса² — если уже не превзошел. Ситон только грустно улыбался при мысли, что в сознании людей канун Дня всех святых³ — это только хороший предлог для детей ходить по чужим домам и кланчить конфеты. Пол, однако, не разделял их энтузиазма. Он своими глазами видел вампиров и знал, что магию можно использовать в личных целях. Он знал и то, что в мире есть люди, настолько жадные до денег и власти, что готовы с риском для жизни вновь и вновь окунаться в ее темные, безжалостные глубины.

Впрочем, об этом лучше не думать. Гораздо приятнее наблюдать за психологической войной между таксистами и иностранцами. Ситон украдкой посмотрел в окно кафе. Воинственно позвякивая латунными жетонами, водилы дружно склонились над тарелками с дымящимся жарким и кружками со сладким чаем. Бледнолицые туристы демонстрировали полную безучастность. Они все как один были в очках в тонкой черной оправе и явно предпочитали темную одежду — несомненно, с лейблами известных фирм. Перед походом в музей они настраивали свои дорогостоящие видеокамеры, вынимая их из кожаных рюкзачков с тиснеными логотипами. Владельцы рюкзачков то и дело поглядывали на шикарные наручные часы, сверяя время. И непрерывно курили.

Несколько поодаль от этой шикарной группы сидела чрезвычайно эффектная пара. Оба — и мужчина, и женщина — были очень высокими и на редкость стройными. Можно было даже сказать, что они обладали какой-то особой — бестелесной — красотой. На губах у женщины была черная помада, окрасившая фильтры бесчисленных окурков в пепельнице на столике перед ними. Что-то в этой паре заинтриговало Ситона. Он вдруг поймал себя на том, что разглядывает их в упор. Но и они, в свою очередь, столь же бесцеремонно пялились на него сквозь стекло. Затем мимо прогромыхал грузовик, да так, что задрожало окно. На

¹ Европейская железнодорожная компания, соединяющая сверхскоростными экспрессами Великобританию, Францию и Бельгию.

² Ночь на 5 ноября, знаменующая провал Порохового заговора 1605 г. против английского и шотландского короля Якова I. Самый известный участник заговора — дворянин Гай Фокс, чучело которого сжигается во время всенародного празднества.

³ Тридцать первое октября.

мгновение картинка внутри кафе расплылась, размазалась, и Ситон отвернулся.

Дома Пол побросал кой-какие вещи в дорожную сумку и пешком дошел до гаража, расположенного под железнодорожным переходом на Геркулес-роуд. В переданном Коуви пухлом конверте Ситон нашел ключ от гаража, а по вложенному туда же ключу от машины понял, что ему предстоит вести «сааб». Автомобиль был практически новый, черного цвета, без единой царапины, а по его коврикам и внутренней обивке явно прошлись пылесосом. Бак был залит доверху, а маршрут Пол изучил по дорожному атласу еще утром, когда сидел за столиком на террасе кафе.

Он уже давненько не садился за руль, но накануне вечером, в баре с Коуви, практически не пил. К тому же Пол считал, что вождение — это тот навык, который утратить невозможно. Но без неприятных моментов не обошлось. Это случилось на трассе А-3. Когда слева замаячила громада Гилфордского кафедрального собора, радиоприемник в «саабе» вдруг ни с того ни с сего включился. Ситон испуганно покосился на зеленые лампочки на приборной доске, и руль в его руках непроизвольно дернулся. Машину резко занесло влево, и сзади тут же раздался пронзительный гудок. В зеркале заднего вида Пол увидел грузовик, с которым чудом не столкнулся.

Ситон вырвняла руль внезапно вспотевшими руками, чувствуя, что сердце готово выскочить из груди, и уже приготовился к тому, что из динамиков вот-вот польется холодноватый, хриплый голос Сэнди Денни, исполняющей «Tam Lin». Однако он услышал абсолютно незнакомую композицию на совершенно безобидной радиоволне с бессодержательной болтовней ведущего о погоде, или о своей жене, или еще о каких-то пустяках, забивающих музыку, которая вскоре и вовсе пропала из эфира из-за слабого сигнала. Вероятно, радио включалось автоматически, каким-то электронным устройством в приборной доске. Вот оно-то сейчас и сработало. Скорее всего, тот, кто пользовался машиной до Ситона, просто-напросто запрограммировал приемник. Ситон нажал кнопку «стоп», и музыка вместе с разговорами оборвалась. Его пульс понемногу пришел в норму.

Университет представлял собой группу новых зданий, частично деревянных, с внушительными окнами из тонированного стекла. Между зданиями были проложены дорожки, посыпанные гравием, и широкие аллеи со старыми деревьями. Университет стоял на склоне холма. И чем выше поднимался Ситон, тем гуще росли деревья. Венчали холм административное здание и часовня. Внешний вид последней удивил Ситона. Похоже, что часовня существует на деньги либо американцев, либо католиков. За время пути в Суррей лондонское безоблачное небо сменила унылая ноябрьская послеобеденная хмарь. Ситон взглянул на небо — низкая серая туча над ним налилась непролитым дождем. Он шел по тропинке, и более крупный, чем обычно, гравий хрустел под ногами. Галогеновые лампы, установленные на деревьях через небольшие промежутки, ярко горели, и Ситон был только рад дополнительному освещению. Машину ему пришлось оставить у подножия холма, а факультет гуманитарных наук находился ближе к вершине. Подъем становился все круче, и Ситону стало тяжело дышать. Тропинка постепенно сузилась, лес стал еще гуще, и дневной свет уже не проникал сквозь хрусткую бурю осеннюю листву. Да, галогеновые лампы были здесь весьма кстати. Ситона особенно порадовал их ровный холодный свет, когда ему почудилось, будто слева от тропинки, за стеной сомкнутых стволов, следом за ним идет какой-то крупный зверь. Подбирается все ближе, приминая пожухлые листья и мокрую траву, продираясь сквозь кусты и заросли папоротника. Пол остановился, и все стихло. Ситон слышал только собственное тяжелое дыхание и шуршание капель в кронах деревьев: похоже, начинался дождь. Впереди поблескивали окна корпуса факультета гуманитарных наук — пункта его назначения.

Ситон огляделся, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Ливень усилился. С крон уже не просто капало, а водопадом лилась вода. Пол подумал, что и суток не прошло, а он уже в третий раз промокает до нитки. Подумал он и о том, что лес на холме намного старше университетских зданий, прекрасно вписывающихся в мрачный пейзаж. Ситон постоял под дождем, ожидая, не зарычит ли снова неизвестный хищник. Прошло пять минут:

он специально засек время. Темнело, но кругом все было тихо. Тогда Ситон снова двинулся вверх по тропинке. Его ждала встреча с Эндрю Кларком, преподавателем этики. Пол не хотел опаздывать, хотя и не сомневался, что у профессора Кларка никаких важных встреч больше не назначено. Суббота, в конце концов. А суббота в учебных заведениях — выходной день.

Деревянные части здания поросли мхом. Его мягкая темная зелень густо устлала подоконники, облепила каменное обрамление главного входа. Внутри пахло плесенью. Едва стеклянная дверь за Ситоном захлопнулась и он оказался в холле с моргающими флуоресцентными лампами, как сразу почувствовал легкий гнилостный запах. Пол чуть замешкался, гадая, в какую сторону идти, чтобы отыскать пресловутого этика. В уходящем в темноту длинном коридоре было пусто. Ситон двинулся вперед, на ходу заметив, что двери кабинетов по обе стороны коридора пронумерованы, но без табличек с именами. Запах плесени усиливался. Ситон набрел на две двери с обозначением «WC» и символическими мужской и женской фигурками. Он направился в мужскую уборную.

Фаянсовые писсуары тут и там обметала плесень, капающие медные краники над раковинами были поражены грибом, а зеркала были покрыты черными пятнами. Все это Ситон рассмотрел в скудном освещении аварийной лампочки, торчащей из штукатурки над дверью. Лампы дневного света здесь почему-то не горели. Он спокойно справил нужду, неторопливо вымыл руки и вытер их бумажным полотенцем из диспенсера. Бумага на ощупь казалась пыльной. Наибольшее отвращение у него вызвали зеркала над раковинами, выстроившимися у стены. Возникло почти непреодолимое желание в них посмотреться. Войдя, он ненароком взглянул в одно из них и в его темной глубине уловил как будто мимолетную ухмылку. Да, играть в гляделки со здешними зеркалами слишком опасно.

Ситон скомкал в руке бумажное полотенце и хотел бросить его в прикрученную к стене урну. Но не попал. Он уже взялся было за ручку двери, как вдруг услышал в одной из кабинок сдавленный смешок. Оказалось, что кабинка заперта изнутри, и только теперь Ситон почувствовал, как сильно в туалете пахнет ароматным табаком — очевидно, турецким или египетским. Пол наклонился и заглянул под дверь кабинки, где обнаружил ноги в начищенных кожаных ботинках. От ботинок поднимались вверх надетые с напуском архаичные серые холщовые гетры. В тусклом свете аварийной лампочки Ситон разглядел также ряды мелких пуговиц на туго обтянутых щиколотках. Затем одна нога поднялась, явив взору кожаную подошву башмака, и топнула об пол. Обитатель кабинки вновь фыркнул.

— Моя взяла, — послышался раскатистый голос.

Ситон выпрямился и покинул уборную, стараясь по возможности не терять самообладания.

Кабинет преподавателя этики он обнаружил в самом конце коридора. Профессор Кларк сидел за письменным столом. На книжных полках стояли фолианты с его фамилией на корешках и кое-какие фотографии, где он был запечатлен на официальных мероприятиях, облаченный в академическую мантию. На столе горела лампа Колмана, и в ее ровном ярком свете тени в кабинете казались еще глубже. Блики света играли и на стеклах очков профессора, и поэтому по глазам невозможно было ни прочесть его мысли, ни понять его настроения. Судя по тронутой сединой шевелюре и бакенбардам, ему было хорошо за пятьдесят. Вид у профессора был помятый, изможденный — совсем не такой, как на фотографиях. Ситону было его искренне жаль. За окном открывался вид на темные стволы деревьев. Профессор откашлялся, встал, подошел к окну и в задумчивости посмотрел во двор.

— Известно ли вам, мистер Ситон, что в Суррее произрастает больше деревьев, чем в любом другом графстве Англии?

— Нет, профессор. Этот факт мне неизвестен.

— Ирландский акцент. Вы из Дублина?

— Из Дублина. Правда, родился я в Брее. Это к югу от Дублина, на севере графства Уиклоу.

— На побережье.

— На побережье.

Профессор кивнул. Он все так же, не отрываясь, глядел в окно.

— В Суррее, конечно же, никакого моря нет. Нет ни солончаков, ни береговых ветров. Что, возможно, объясняет плотность древесного покрова.

Ситон промолчал.

— Этот лес на холме вырос задолго до основания здесь университета и, думаю, намного его переживет. Вы со мной согласны?

— Вполне возможно, профессор. Я бы даже сказал, вероятность этого не подлежит сомнению.

— Энтропия, — объяснил Кларк.

— Что-что?

— Вчера приходили рабочие с брандспойтами. Их обычно используют, чтобы смывать граффити со стен. Но здесь они нужны для очистки учебных корпусов от мха. В последнее время приходится все чаще их отскребать. А к утру мох снова вырос.

Ситон сидел, оперевшись локтями в колени. Он устал изучать профессорскую спину и принялся разглядывать свои руки.

— Каждый день приходит электрик. Каждый день уборные надраиваются и дезинфицируются. И все впустую. Энтропия, мистер Ситон. Поломка матрицы. Погружение в хаос.

Ситону было слышно, как потрескивают, моргая, флуоресцентные лампы в коридоре.

— Это не энтропия, профессор.

Профессор Кларк отвернулся от окна и, сняв очки, в упор посмотрел на Ситона. В свете лампы Колмана его глаза казались невероятно синими, а взгляд, как отметил про себя Ситон, слишком бесхитростным для человека, преподающего этику.

— С деревьями что-то не так, — предположил Кларк. — И в самом здании, наверное, есть что-то такое. А может, все это мне просто кажется?

— Боюсь, куда серьезнее.

— Вы боитесь... — простонал профессор, снова сев за стол.

— Что на вас нашло, когда вы повели их в дом Фишера?

— Вы можете мне помочь, мистер Ситон? Хоть кому-нибудь из нас? Вы похожи на священника. По крайней мере, на киношный образ священника. Этаким суровый мыслитель-богоборец, несущий пламя своей веры, которое вспыхивает еще ярче в оптимистическом финале картины.

«Да он же пьет! — догадался Ситон. — Скорее всего, водку».

Запах спиртного Пол, впрочем не почувствовал. Все, надо уходить. Здесь ему делать больше нечего.

— Нет, профессор Кларк, я не священник.

— Но вы католик.

— Это не слишком помогает, — улыбнулся Ситон.

— Вы все же живы. А вы туда тоже ходили.

Глядя на обреченного человека, стоящего перед ним, Ситон повторил вопрос:

— Что заставило вас отвести туда этих девушек?

— Приглашение, разумеется, — ответил Кларк. — Я повел их, потому что нас туда пригласили.

Ситон помолчал, пытаясь переварить услышанное.

— Могу я узнать, кто именно вас пригласил?

— Питер Антробус. Аспирант философского факультета. По крайней мере, он так отрекомендовался. Но мне кажется, имя это вымышленное, и корочки у него были такие же фальшивые, как и те, что вы мне только что предъявили.

Эти слова заставили Ситона снова опуститься на стул.

— Расскажите мне все, профессор. Начните с самого начала. Я хочу услышать от вас

все, что вы знаете об этом самом Питере Антробусе. И я непременно услышу. Вы, конечно, пьяны, но все же не настолько забыли этику, чтобы не понять: вы в моральном долгу перед теми девушками.

Ситон посмотрел на часы. Ему совсем не улыбалось шагать в темноте по хрустящему гравию университетских дорожек. И вообще, ему хотелось оказаться сейчас подальше от этого места до наступления сумерек. Он не хотел идти на риск еще раз столкнуться с обладателем гетр. За окном из низкой иссиня-черной тучи не переставая лил дождь. Но было всего два часа дня. Ситон поудобнее уселся в кресле, и профессор начал свой рассказ.

5

Дорога на Уитстейбл вела почти прямо на восток, и Ситон двигался навстречу ночи, оставляя позади закат, слабо пробивающийся сквозь облачность и отражающийся в зеркалах заднего вида Восточнее Уэстерхэма, в нескольких милях от него, проходила трасса М-25. Свернув на нее, можно было бы влиться в поток спешащих за город на выходные машин и до самого Боксли ехать на приличной скорости. Но Ситон предпочел добираться проселочными дорогами. Дождь все не переставал, но электроника приборной доски хотя бы не преподносила больше неприятных сюрпризов.

Поездка Уитстейбл сулила Ситону сомнительное удовольствие. Девушку, совершившую попытку самоубийства, звали Сара Мейсон, ей было девятнадцать. И отец, и мать у нее умерли, а ближайшим родственником был брат Николас. Как-то связанный с армией, он взял отпуск по семейным обстоятельствам для ухода за сестрой. Сейчас она находилась в родительском доме, перешедшем в собственность Николаса. Здание в викторианском стиле ничем не выделялось из точно таких же, выстроившихся вдоль городского пляжа под названием «Гребень волны».

Ник Мейсон был искренне рад встретиться со специалистом по душевным травмам из Лондона. Но не у себя дома. Он готов был проконсультироваться с Ситоном, доверив наблюдение за сестрой опытной сиделке. С психологом из Лондона он решил встретиться в «Доспехах Пирсона» — ресторанчике, славящемся блюдами из морепродуктов в городе, славящемся добычей этих самых морепродуктов. Мейсон нанял трех сиделок, обеспечивавших сестре круглосуточный квалифицированный уход.

— В каких войсках он служит? — поинтересовался Ситон у Коуви.

— Это мне выяснить не удалось, — ответил тот. — Что, как мне кажется, уже говорит само за себя.

Впрочем, по дороге в Уитстейбл голова Ситона была занята не крабами и омарами и даже не вопросами ведения тайных войн в духе «плаща и шпаги». Он вспоминал рассказ, услышанный в унылом кабинете профессора Кларка, где тот пытался спастись от плесени и перебоев с электричеством. Сидя за рулем «сааба», Ситон снова и снова прокручивал в уме услышанное.

Питер Антробус был тридцатичетырехлетним аспирантом, писавшим докторскую диссертацию по философской этике. Благополучно получив степень бакалавра, он катился вперед по академическим рельсам, щедро смазав их финансовой независимостью. Благодаря этому Антробус мог учиться, не гоняясь за стипендиями и не участвуя в мышиной возне вокруг получения грантов. Напротив, его сотоварищи поговаривали о крупном пожертвовании, внесенном его родителями в фонд университета. Старинное происхождение их капитала позволяло им потворствовать увлечению сына чисто абстрактной наукой и не считать его занятия пустой тратой времени и пренебрежением карьерными возможностями.

Единственной проблемой стал категорический отказ Питера поселиться в студенческом общежитии. Кларк честно признался Ситону, что причина такого упрямства была, скорее всего, тоже финансового свойства. Университет взимал со студентов плату за проживание на своей территории, заведомо завышенную по сравнению с расходами на их содержание. Порядок был строгий, и предприятие приносило сказочную прибыль. Как только Антробус

вник в суть дела, он предложил администрации дарственный взнос, равный годовой сумме за проживание. И все получилось. Питер вместе с подружкой обосновался в заброшенном каретном сарае, стоящем на перекрестке дорог в двух милях от университета.

Они оба были стройные и очень бледные, с одинаковыми светло-русыми волосами, оба предпочитали одеваться в черное. На неискушенный взгляд профессора, их гардероб состоял из стильных и явно дорогих вещей. Профессор Кларк постоянно видел Марту и Питера вместе, и это его ничуть не удивляло.

Однажды, один-единственный раз, они пригласили его на вечеринку в свою компанию. Парочка беспрерывно курила и пила абсент, но почти не притрагивалась к холодным закускам, которые они приготовили сами. Стоял февраль, и в каретном сарае было зябко и неудобно, но еще более невыносимым показалось Кларку демонстративное сладострастие хозяев. Они вполне могли бы сойти за брата и сестру, если бы не держались постоянно за руки и то и дело не лизались. Профессор рассказал Ситону, что они поставили музыку, чтобы потанцевать, но все танцы свелись в результате к откровенным обжиманиям, совсем как у подростков в темном кинозале.

— В тот вечер они вели себя неподобающе. И это еще мягко сказано.

— А какая была музыка?

— Для их возраста несколько старомодная, — чуть подумав, ответил профессор.

— А более конкретно? — настаивал Ситон.

— Фортепианные пьесы. Рэгтайм.

— Рядом с каретным сараем есть какой-нибудь водоем?

— Ни рек, ни ручьев. Ничего такого, — снова порылся в памяти Кларк.

— Значит, воды там совсем нет?

— Проточной воды нет, — пояснил профессор. — Но есть пруд.

Ситон кивнул.

— Это имеет какое-то значение?

— Прошу вас, профессор, продолжайте. Простите, что перебил.

Профессора больше всего поражало отношение Питера Антробуса к нравственности. Преподаватель этики рассказал, что Антробус подходил к этому предмету, совсем как только что научившийся ходить ребенок ко взведенной ручной гранате. Питера тоже снесло любопытство, при этом он был начисто лишен каких-либо предрассудков и страхов. Похоже, ему ни разу в жизни не приходилось сталкиваться с принципами, регулирующими и ограничивающими поведение человека в обществе. Выходит, его никто никогда не обижал, а не испытав хоть однажды таких переживаний, невозможно усвоить урок сострадания к чужой боли.

— Будто он никогда и не рождался, — пробормотал Ситон.

Он сидел за рулем «сааба» и, спеша навстречу сумеркам по дороге в Уитстейбл, то и дело нажимал на газ, чтобы прибавить скорости.

Антробус представил Кларку смелое эссе о контагиозном свойстве зла. Вопреки ожиданиям, речь в нем шла вовсе не о демагогии и не о харизматических лидерах, способных сподвигнуть своих последователей на стихийные проявления жестокости во имя религиозных или политических идеалов. Там ни слова не говорилось ни о гонениях, ни о погромах. Вместо этого Антробус взялся отстаивать мнение, будто на Земле существуют особые места, заражающие определенных людей недугом, воспринимаемым социумом как Зло. Он назвал таких людей случайными жертвами инфицирования. При этом Антробус указывал совершенно конкретные адреса. Так, он упомянул частное владение в Чикаго и одно палаццо в Венеции. Атмосфера, царящая на отдаленной горнолыжной базе в Тирольских Альпах, была воспроизведена настолько правдоподобно, что у профессора мурашки бежали по спине, пока он читал описание событий, некогда там происходивших, если верить Антробусу. В мортирологе зловещих адресов оказались и два британских: один — в трущобах Глазго, а другим, разумеется, был дом Фишера.

— Лучше бы вы выбрали трущобы, — сказал Кларку Ситон.

Но по опрокинутому лицу профессора он понял, что время для легкомысленных шуток давно прошло.

Профессор предложил Антробусу прочитать эссе студентам на семинаре по этике, где оно произвело настоящий фурор. Именно в ходе завязавшейся дискуссии Питер и сообщил, что Фишер приходился его отцу троюродным братом и компания, управляющая имением, может обеспечить доступ туда.

— На уик-энд, — уточнил Антробус. — Ради поиска аргументов для философских дебатов.

— Из вашего описания следует, что этому Антробусу была абсолютно чужда мораль.

— Да, абсолютно, — подтвердил профессор.

— Тогда какие определения он давал злу в своих рассуждениях?

— В общепринятых терминах. У Питера были довольно устойчивые представления о том, что такое «плохо». Само понятие зла он усвоил вполне и в своем эссе приводил яркие примеры его проявления. Правда, он никоим образом не высказывал своего осуждения.

— А как, по-вашему, оно должно было проявиться?

— Думаю, он и не осуждал.

— То есть те события и действия, которые сам же и описывал. Они ни разу не вызвали у него ни потрясения, ни отвращения.

— Более того, все эти истории его вообще эмоционально не затрагивали, — ответил, чуть-чуть подумав, профессор.

— А любопытство вызывали?

— Скорее развлекали, — выдавил Кларк и закрыл лицо руками. — О боже! — наконец произнес он.

Он трезвел прямо на глазах. Воспоминания о Питере Антробусе выветрили хмель.

На организацию посещения дома Фишера ушел не один месяц. Впрочем, особой спешки и не было: история этого поместья не входила в учебный план группы профессора Кларка. Студенты-этики воспринимали будущую вылазку как некое приключение. Но стоило им всерьез заняться изысканиями накануне похода, изучить историю дома и отзывы о его прежнем владельце, как всех живо заинтересовало наличие хоть каких-либо фактов у молодого родственника Фишера. Имеющиеся описания, без сомнения, представляли его жилище в самом устрашающем свете, и это давало достаточные основания для испытания на нем теории, выдвинутой Антробусом.

К тому же получить разрешение на доступ в имение было редкой удачей. Несколько газетных репортеров и телеведущих уже потерпели здесь фиаско. Сам профессор Кларк узнал, что имение закрыто для посетителей на протяжении почти полувека. Кларк не сомневался, что от дома, так давно заброшенного и вдобавок расположенного в глуши, к этому времени должны остаться одни руины. Но Антробус был непреклонен, заявив, что дом Фишера не только строго охраняется, но и содержится в образцовом порядке.

— Так понимаю, профессор, что лично вы верите в зло.

— Я рассуждаю с позиций этика. Зло как предмет обсуждения невозможно точно интерпретировать, отделив черное от белого, разом дать ответ на все вопросы. Дело в том, что, даже допустив существование зла, мы все-таки не можем дать ему четкое определение.

Ситон кивнул.

— Наши представления о зле в значительной степени зависят от нашей индивидуальной восприимчивости. Гитлера, например, гораздо удобнее считать сумасшедшим, чем злодеем, — с учетом масштаба его преступлений. Для нас такой выбор предпочтительнее. Верить в первое гораздо легче, чем во второе, поскольку нам так спокойнее.

Ситон снова кивнул.

— Важную роль играют и преобладающие на данный момент настроения в обществе. Бьюсь об заклад, что в шестидесятые годы убийства и расчленения, совершенные Йоркширским Потрошителем, расценили бы как проявления жестокости психически

нездорового человека, доведенного своим безумием до преступления. А в период раннего правления Тэтчер его поймали и судили, с тем чтобы он ответил за содеянное по всей строгости закона. Правительство Тэтчер делало ставку на силу и популярность среди избирателей идеи возмездия. Вспомните начало восьмидесятых: месть стала господствующим императивом у власть предержащих. Потрошитель был признан вполне вменяемым и обвинен в убийстве по множеству статей. Однако он до сих пор содержится в Бродмуре,¹ а не в Белмарше,² мистер Ситон. Между тем если вы сегодня прочли бы стенограмму судебного заседания, то ни на минуту не усомнились бы, что Питер Сатклиф страдал серьезным и неизлечимым психическим расстройством.

Ситон прекрасно помнил начало восьмидесятых, хотя оно и не ассоциировалось у него с судом по делу Потрошителя, а тем более с правлением Тэтчер. Он тогда жил в Лондоне и работал младшим репортером в одной местной газетенке. Его брат посещал курс живописи при школе искусств Святого Мартина, и они вместе снимали студию на шестом этаже дома по Черинг-Кросс-роуд, на крышу которого можно было выбраться по пожарной лестнице. Он помнил длинные летние вечера, проведенные на этой крыше, да бутылки итальянского вина.

И было это двенадцать лет назад. Помнил он и вечера, проведенные со студентками факультета моды. Они переходили из паба «Кембридж» в кафе «Сохо», а затем из клуба в клуб. Он помнил «Don't It Make My Brown Eyes Blue» из музыкального автомата наверху в «Кембридже». Конечно, он читал и о суде над Потрошителем, и о войне на Фолклендах, и о волнах протеста в связи с назревающим промышленным кризисом на рудниках Северного Йоркшира.³ Он живо припомнил красный транспарант со статистикой по безработице, вывешенный на здании Каунти-холл как упрек правительству, заседающему как раз напротив, в палате общин. В День святого Патрика он зажигал на концертах «Поугз»⁴ в Килбурне, а еще следил за триумфальным шествием «Ливерпуля»⁵ по Англии и Европе. Но ему и в голову не приходило анализировать нравственные императивы правления Тэтчер. Он тогда был слишком занят, весело проводя время, и понятие этики еще не коснулось его сознания. Впрочем, его блаженное неведение в те дни распространялось и на черную магию.

Кларк откашлялся. Неоновая лампа под потолком опасно заморгала. Профессор снова надел очки, и Ситон заметил, что у него трясутся руки. Как не пожалеть того, кто напрасно ищет утешения в относительной определенности своей науки, прикрываясь ненадежным щитом псевдознаний? Однажды ему предстоит потерять привычную точку опоры, покинуть свою территорию, чтобы вновь двинуться на ощупь в темноту.

— Думаю, общество верит в существование проклятых мест, а власти делают все для того, чтобы закрепить этот предрассудок. Именно поэтому дом десять на площади Риллингтон⁶ был снесен после того, как там схватили Кристи, которого потом повесили по приговору суда. Как будто мы верим, что можно покарать кирпичи и известь каменной кладки. Полный бред, разумеется. Но с другой стороны, туристы охотно платят за то, чтобы попасть в лондонский Тауэр и поглазеть на орудия пыток.

— В основном фальшивки времен королевы Виктории, — вставил Ситон.

— Но туристы ездят и в Освенцим. А там ничего подделывать не надо. Нет надобности приукрашивать ужасы, — улыбнулся профессор. — Мне говорили, что гости Москвы якобы все чаще изъявляют желание непременно посетить Лубянку — «черную Лубянку», где сами стены, кажется, сочатся пережитым страхом и стонут от рыданий.

— А сами вы, выходит, не верите, что бывают проклятые места?

¹ Бродмур — психиатрическая клиника в графстве Беркшир.

² Белмарш — тюрьма в Лондоне с усиленным режимом содержания.

³ В 1980-е годы горняки Йоркшира и Южного Уэльса устраивали акции протеста против закрытия шахт.

⁴ Ирландская фолк-группа, образованная в начале 1980-х годов.

⁵ В 1984 году британская футбольная команда «Ливерпуль» выиграла чемпионат Англии, Кубок европейских чемпионов и Лиги чемпионов УЕФА.

⁶ «Риллингтон-плас десять» — триллер британского режиссера Ричарда Флейшнера (1971). Главный герой фильма — маньяк по фамилии Кристи, который душил своих жертв с помощью кислородной маски и прятал тела в доме № 10 на площади Риллингтон.

Профессор страдальчески улыбнулся:

— Не верил, мистер Ситон. Раньше не верил. Но если уж быть до конца откровенным... После посещения дома Фишера мое мнение изменилось.

Поход туда наконец состоялся в первых числах октября, сразу после Михайлова дня,¹ то есть в самом начале семестра после долгих летних каникул. Студентки из четверки Кларка еще демонстрировали кто местный, кто заграничный загар. Двое из них — помоги им Господь! — были в солнечных очках, по привычке надев их, как обруч, на выгоревшие от солнца волосы. Группа собралась на автостоянке колледжа. Девушки взяли с собой дорожные сумки и позаимствованные на этот случай видеокамеры. Все были в состоянии сильного возбуждения, граничащего с экстазом. Ключи от дома вместе с картой и прочими инструкциями Кларк обнаружил у себя в почтовом ящике.

Антробус к тому времени еще не успел вернуться в университет. Он находился в Германии, где изучал материалы дела Петера Куртена, психопата и каннибала, печально известного как Дюссельдорфский Вампир. В подвале одного из полицейских участков Дюссельдорфа была оборудована камера, где какое-то время содержался Куртен. Камера уцелела при нацистах, а ближе к концу войны успешно пережила массированные бомбовые налеты союзников. Антробусу каким-то образом удалось получить разрешение на ее осмотр. Свое первое убийство Куртен совершил в возрасте пяти лет, преднамеренно утопив двух школьных приятелей. Но тогда это квалифицировали как трагическую случайность. По признанию Антробуса, его очень заинтересовал человек, начавший карьеру убийцы в столь нежном возрасте. Но, даже находясь за границей, Питер сделал все от него зависящее, чтобы группа смогла беспрепятственно попасть в имение Фишера. Его инструкции были хорошо продуманные и очень подробные.

— В общем, позаботился, — сказал Кларк.

Дождь мстительно швырял в стекла его кабинета пригоршни крупных капель. Профессор продолжил, и, вслушиваясь в интонации его голоса, Ситон даже поежился.

Семинарская группа по этике профессора Кларка состояла из трех студенток-второкурсниц: это Сара Мейсон из Уитстейбла, Ребекка Мортимер, приехавшая из Саутпорта, с побережья в Ланкашире, и Рейчел Бил — та девушка, что покончила с собой. Рейчел родилась и была похоронена в Гулле, в суровом краю на северо-востоке Англии, и ее тело теперь покоилось на кладбище возле церкви, куда она в детстве ходила на мессы.

Четвертой в группе студенток была американка Эллен Паулюс. Как и Питер Антробус, Эллен в свои двадцать шесть уже училась в аспирантуре. Она приехала в университет на год по программе обмена. И попала в дом Фишера в самом начале своего пребывания в Суррее. На родине она заканчивала четырехгодичный курс психологии и парапсихологии в солидном вермонтском колледже.

По некой непонятной для него причине фамилия Паулюс показалась Ситону до странности знакомой. Затем до него дошло: Паулюс был генерал-фельдмаршалом армии вермахта, капитулировавшим при обороне Сталинграда. Гитлер пришел сначала в недоумение, а затем в ярость, узнав, что Паулюс после поражения не нашел в себе силы свести счеты с жизнью. «Что есть смерть?» — разочарованно вопрошал фюрер. «Действительно, а что есть смерть?» — думал Ситон, понимая, насколько неоднозначен этот вопрос. Как бы там ни было, Эллен Паулюс была не виновата в своей фамилии. У многих американцев — немецкие корни. И Ситон догадывался, что этой молодой женщине сочувствие еще понадобится.

— Давайте ближе к делу, профессор.

Кларк выдвинул ящик стола и достал бутылку забористой польской водки, уже на две трети опустошенную. Открыв крышечку, профессор, не стесняясь, приложился к бутылке. Свет от лампы Колмана отражался в стеклах его очков. Профессор закашлялся.

В достопамятные времена процесса над Потрошителем Ситон тайком пронес бутылку подобного зелья в кинотеатр «Зеленый экран» в Айлингтоне. С ним была студентка

графического отделения из школы искусств Святого Мартина. Пергидролизная блондинка с конским хвостом по имени Клэр. Они смотрели жуткое «мягкое» порно под названием «Татуировка» и незаметно осушили бутылку почти до дна. Поэтому Ситона весьма удивляло, что профессор до сих пор не вырубился.

Из-за двери послышался какой-то звук. Словно что-то покатилося по дереву. Затем в конце коридора кто-то вроде как хихикнул. В замке торчал ключ. Ситон встал, провернул его и снова сел.

— Достали, — лениво пожаловался кто-то за дверью.

Ни один из них не шелохнулся. Ситон судорожно сглотнул.

— Что вам запомнилось из посещения дома Фишера?

— Ничего, — ответил Кларк. — Абсолютно ничего. Я постоянно пытаюсь хоть что-то вспомнить. Но, честно говоря, безрезультатно. Я все-все забыл.

6

Ситон уехал, предоставив возможность пьяному профессору и дальше пребывать в уверенности, будто он ничего не помнит. Так оно и было — во всяком случае, пока тот бодрствовал, хотя тяга к спиртному говорила о возможных просветлениях во время сна. Кларк пил в надежде, что польская водка сотрет следы снов, засевших в подсознании. Ситон в свое время тоже прибегал к этому средству. Оно не помогло, но профессору об этом знать было необязательно. Пусть лучше борется со мхом, выросшим на здании, с таинственным лесным существом, с плесенью в уборных и перебоями в электроснабжении. И еще нельзя забывать о посетителе туалета. Ситон покидал профессора в полной уверенности, что с этим посетителем у того будет дел под завязку. Трезвый или пьяный, Кларк невольно накликал на себя массу неприятностей.

— Кстати, об Антробусе. — Ситон приберег напоследок решающий удар, но тут же понял его бессмысленность, поскольку профессора прямо-таки передернуло при упоминании этого имени. — Я, конечно, не мог не заметить, что вы говорите о нем в прошедшем времени.

— Он куда-то пропал, — объяснил Кларк. — Мне и самому любопытно.

— Что именно?

— А был ли он тут вообще, мистер Ситон. Я на днях специально проехал мимо того каретного сарая. Ну и остановился, чтобы посмотреть. И знаете что: он заброшен. В нем будто никто и не жил вовсе.

Ситон уже давно понял, что описание Антробуса и Марты точно совпадает с внешностью двух незнакомцев, глазевших на него утром в кафе «У Пердони», но счел за благо об этом умолчать. Он еще раз окинул взглядом профессорский кабинет: книги, вышедшие из-под его пера, цитаты в рамках, триптих из семейных фотографий, сделанных во время барбекю, с резвящимся на заднем плане Лабрадором. Все. Больше говорить было не о чем. Ситон встал, пожал руку профессору и ушел.

Ситон приехал в Уитстейбл вконец вымотанный. Он рассчитывал добраться туда гораздо раньше, а в результате было уже начало восьмого. Он сам толком не понял, почему так долго добирался. Спустившись с холма, Ситон поехал по главной улице. Проливной дождь и шквалистый ветер с моря придавали городу угрюмый вид. Слева магистраль прорезали узкие переулки, ведущие к набережной. На перекрестках «сааб» попадал под безжалостные порывы ветра. Если на главной улице где-то и горели огни, то Ситон их явно не заметил. Большинство зданий здесь оккупировали магазины — сонная процессия сырых двухэтажных фасадов. Серфингисты и яхтсмены — те, кто летом наполнял жизнью местечко, — давным-давно отбыли.

Ситону показалось, будто в залитом дождем запотевшем боковом стекле промелькнули деревянная дверь и дощатая вывеска какого-то пивного заведения, но это явно были не «Доспехи Пирсона». Его подробно инструктировали, как добраться до паба. И тут снова

включилось радио. Ситон чуть было не подпрыгнул на сиденье. Джон Леннон играл вступление к «Imagine». Пол поспешно нашарил на панели настройки кнопку «Выкл», от души жалея, что он не владелец этой «сааба»: тогда бы он выломал к чертовой матери приемник из приборной доски. Может быть, ему повезет и какой-нибудь уитстейблский отморозок угонит машину. Как бы там ни было, он не встретил по пути ни одного пешехода. И тем более — слоняющегося без дела ворishiки.

При нажатой кнопке «Выкл» голос Леннона превратился в еле слышный гнусавый шепот. Вот так Ситон доехал до указанного места и припарковался. Он выключил зажигание, и в машине воцарилась тишина. Но затем он открыл дверь и услышал, как барабанит дождь по крышам и по мостовой, как всего в нескольких футах в холодной тьме со смачным плеском волны разбиваются о гранитный волнорез. Ситон ощущал их запах, дышал морем, вдыхал в себя вздувающуюся пенную зыбь.

Мейсон сидел за угловым столиком в подвальном помещении паба, где посетителям обычно предлагается дежурное блюдо. Даже в искусственно созданной полутьме подвала Ситон тут же узнал его. В цокольном этаже сидели всего семь человек, из них четверо — парами. Накануне вечером Ситон изучил фото Сары Мейсон в досье, врученном ему Малькольмом Коуви. У Николаса были такие же, как у сестры, высокие скулы и глубоко посаженные карие глаза. Одет он был неприметно, но его выдавало телосложение — стройная, можно даже сказать, худощавая фигура. Мейсон сидел без пиджака, закатав по локоть рукава рубашки. Руки у него были жилистые и сильные, на плечах под рубашкой выделялись твердые выпуклости бицепсов. Усевшись напротив него, Ситон заметил на столике пачку «Ротманса». Мейсон держал между пальцами неприкуренную сигарету.

— Не возражаешь, если я закурю?

— А даже если и возражаю. Это разве что-то меняет?

— Господи боже! — улыбнулся Мейсон и закурил. — Пэдди. Мне не говорили, что приедет пэдди.

— Похоже, вы не слишком жалуете ирландцев.

— Да, не слишком.

Ситон вздохнул и сделал вид, что собирается уходить.

— Садись, приятель. Сделай одолжение, — остановил его Мейсон. — Мне сейчас туго приходится. Поэтому не до хороших манер. Но за то, что приехал, я тебе очень благодарен. И еще буду, если поможешь сестренке.

Ситон снова сел. Он и не собирался уходить. Он ехал сюда, чтобы помочь, если сможет. И сейчас был полон решимости. Но у него совершенно не было времени выслушивать в качестве вступления армейский треп, без которого, как он подозревал, крутые парни типа Мейсона обойтись не могут. Белфаст был отпечатан у него на лбу. Два, а может, и три срока службы. Но Ситон в данный момент не располагал ни временем, ни желанием выслушивать всю эту гнусь.

— Она что-нибудь помнит из того путешествия?

— Ее держат на успокоительном, — покачал головой Мейсон.

— А раньше?

— Она выглядела очень подавленной. Но я так не думаю. Во всяком случае, днем из нее слова было не вытянуть. А ночью ее вроде бы кошмары не мучили. Потом она сходила на похороны Рейчел Бил и стала уверять, что якобы видела Рейчел у края могилы.

— Они все видели.

— После этого она будто в ступор впала. И вскоре попыталась покончить с собой. — Мейсон затаился. — Хотела утопиться в море, мистер Ситон.

Тут оба с минуту помолчали. За стенами паба завывал ветер, и слышно было, как высокие волны бьются о гранит.

— Вечером неделю назад, в такую же непогоду. А я как послушный брат сидел у окна с видом на набережную. И заметил ее только потому... — его голос прервался, — что она прикрыла свой срам простыней.

Свой срам. Еще не успев сесть в пабе напротив Николаса Мейсона, Ситон понял, что тому приходилось убивать. Ситон понял и другое: если у него хватит сил, то он обязательно поможет этой семье.

— Я собираюсь попросить вас кое-что сделать, мистер Мейсон. И здесь вам придется довериться мне целиком и полностью.

Мейсон молча посмотрел на него.

— Здесь, может, даже уместнее будет слово «вера».

— Может, будешь называть меня просто Ником, — сказал Мейсон.

— Пол, — откликнулся Ситон.

Они обменялись над столом рукопожатием.

— Пол, я чувствую, происходит нечто странное. Что-то необъяснимое. По крайней мере, я этого объяснить не могу. Что-то жуткое. Я присутствовал на похоронах Бил. Против воли Сары и без ее ведома. Но я даже рад, что сделал это. Я видел, как она потеряла сознание. Но еще до ее обморока я наблюдал вещи из ряда вон.

— А после того? Что-то с ней? Это тоже важно.

— Вчера ночью произошли две странные вещи, — чуть подумав, ответил Мейсон. — Ближе к рассвету. Около полуночи я проверил, как дела у Сары. Ну, с ней была одна из нанятых мной сиделок. Тогда я решил хоть пару часиков соснуть. Но меня разбудило играющее на кухне радио. Пришлось встать и идти его выключать.

— И что в этом необычного?

— Да ничего. Только разве радио может само собой включаться?

Ситон пожал плечами.

— Еще до Херефорда¹ я служил в десанте. Однажды ночью мы втроем несли дозор на КПП на лесной дороге у Кроссмаглена. Никаких данных о передвижениях «прово»² мы не получали. Словом, обычное дежурство. Я как раз сменился, тянул себе тихонечко пиво и слушал плеер. Вот тут-то они и ударили по нам минометным снарядам. Оба моих подчиненных погибли. Взрывом их просто выдернуло из обмундирования, а клочки тел разметало по деревьям. У меня же — ни царапины. С тех пор я не могу слышать эту песню. А когда радио на кухне само включилось, то звучала именно она.

— Что за песня? — спросил Ситон, хотя уже знал ответ.

— Джон Леннон. «Imagine». — Мейсон встал и сунул руку в карман брюк. — Я ведь даже не предложил тебе выпить, Пол. Выпьешь что-нибудь?

— Ты говорил, две. Ты сказал, вчера ночью случились две странные вещи.

— Да, случились. Когда я выключил радио и поднимался к себе по лестнице, мне послышался удар колокола. Всего один. Но такой громкий. Ни одной уитстейблской звоннице это не под силу.

— Я, пожалуй, выпил бы виски, — сказал Ситон.

Мейсон отошел к бару, а Ситон обхватил руками голову. Он исходил из убеждения, что неведомая сила, таившаяся в доме Фишера, то крепла, то вновь слабела. По-видимому, профессор этики и злополучная стайка его девчушек отправились туда в момент ее кульминации.

Мейсон вернулся с двойным виски. Ситон принялся посасывать «Бушмилз», на вкус — двенадцатилетней выдержки.

— Кто такой Коуви?

— Он разве не сказал?

— Нес какой-то бред про институт психических исследований.

— Это вовсе не бред.

— Может, и нет. Он как-то задействован в лотерейных призовых фондах. Вот все, что я о нем знаю. Но ты явно не тот, за кого себя выдаешь.

— Не тот, — подтвердил Ситон.

¹ Херефордская тюрьма в графстве Херефорд и Вустер.

² Прово (от Provisional IRA) — члены экстремистских группировок в Ирландской республиканской армии.

Он все цедил виски. Такой хороший, такой соблазнительный, напоминающий о доме.

— Я еще не все рассказал, — признался Мейсон. — Я говорил, что услышал по радио «Imagine». Да, я слышал. Вернее, мне показалось, что слышу. Но пел вроде бы не Леннон. По звучанию она вообще смахивала на пародию. — Он пожал плечами. — Может, и ерунда.

— Нет-нет, рассказывайте.

Ветер пополам с дождем завывал за стенами паба, и волны прибоя вторили ему, сливаясь в один нестройный хор. Светильники отбрасывали приглушенный свет и то и дело мигали. Ситон улавливал слабый запах дегтя, исходящий от деревянной обшивки подвальных стен. Он сидел и думал:

«Господи! Так близко от моря...»

Дрожащей рукой он поднес стакан с виски ко рту.

— Не похоже было, что это Леннон играет на пианино, — продолжал Мейсон, в очередной раз затягиваясь. — Когда я был еще мальчишкой, мой старик всерьез увлекался примитивным джазом. Обожал классику, стандарты начала века. Кинга Оливера, Луи Армстронга. Особенно он фанател от Фэтса Уоллера.¹ Заставлял нас до одурения наигрывать нью-орлеанский регтайм и прочие веселенькие вещицы. Примерно так и звучала та интерпретация Леннона. Музыка «черных», мотивчик в стиле страйд. С бордельным душком.

Ситон залпом осушил стакан. Дрожь в руках исчезла: «Бушмилз» сделал свое дело. В уме он уже вынашивал заманчивую идею выгрести из кармана денежки Коуви и купить у хозяина бутылку. Остатки прежней или даже целую. Боже мой, а почему бы не уравнять шансы: почему бы не взять ту и другую? А почему бы не оттянуться на всю катушку этой ночью с целым ящиком виски? У него ведь теперь денег немерено. Двенадцать глянцевого поблескивающих сосудов, до горлышка наполненных темным тягучим забытьем. Идея была в высшей степени заманчивой. Особенно если учесть дурные предчувствия и жалость к самому себе, стремление поскорей унести отсюда ноги и томительную жажду утешения. Но вместо этого Ситон поднялся со стула и заявил Мейсону:

— Я должен увидеть твою сестру. Прямо сейчас, если можно.

В комнате Сары горел камин. Весело потрескивали сосновые поленья. Комната находилась на самом верху трехэтажного дома. Смолистые дрова приятно пахли дымком. Внизу за окном бурлило море, черно-белое от барашков под мятущимся небосводом. Старые рамы поскрипывали, раздраженно звеня оконными стеклами. Весь деревянный дом стонал от непогоды. Ветер свистел и протяжно вздыхал на чердаке прямо над головой. В вазах стояли живые цветы, горели яркие ночники под цветными абажурами. Сиделку, спокойную пухлощекую девушку в накрахмаленной униформе, казалось, несколько не обременял уход за своей нетребовательной пациенткой.

Ситон чувствовал себя неловко. Стоя с Мейсоном у постели его сестры, он ощущал, что вся его одежда пропахла в пабе сигаретным дымом и от Николаса тоже разит пивом и куревом. Вдобавок они пешком прошлись под дождем вдоль набережной и изрядно промокли. Ситон слышал стук капель, стекающих с подола его плаща на покрашенный лиловой краской дощатый пол.

Это была комната маленькой девочки. Не больше и не меньше. Ее хозяйка крепко спала. Только сейчас, глядя на Сару, Ситон понял, насколько внешне привлекателен ее брат. Природа щедро наградила обоих. Сон девушки, очевидно, был глубок и безмятежен, хотя под глазами залегли тени, а щеки запали. Дряблая кожа руки, лежавшей поверх одеяла говорила о сильном истощении. Лицо спящей было бледно, губы темные, словно синюшные. Волосы, чисто вымытые и расчесанные, выглядели ухоженно. Она тихо и ровно дышала.

Ситону показалось, что в спальне, несмотря на пылающий камин, все же на градус или

¹ Джо «Кинг» Оливер (1885–1938) — негритянский кларнетист, один из ведущих представителей классического джаза; Луи Армстронг (1901–1971) — великий американский джазовый музыкант, трубач, вокалист и руководитель оркестра; Томас «Фэтс» Уоллер (1904–1943) — американский джазовый пианист и композитор, блестящий исполнитель в стиле страйд.

два холоднее, чем на лестнице. Даже полненькая сиделка и та накинула кардиган поверх своей безупречной униформы.

«Климат в спальне я бы расценил как зловещий, — рассуждал про себя Ситон, — хотя всегда можно поспорить и сослаться на то, что, дескать, комната обращена к морю, находится на верхнем этаже, а в викторианских домах всегда гуляют сквозняки. В конце концов, сейчас конец ноября и мы на побережье. Можно уморить себя бессмысленными предосторожностями. Или просто зачихнуть от самодовольства».

— Так что же, мы имеем дело с привидениями? — спросил Мейсон.

Они уже перешли в гостиную. Одна из стен была полностью скрыта под стеллажами, заставленными аккуратными рядами книг. Ситон подумал, что для военного такое количество литературы немного странно. Возможно, книги были отцовские и достались Мейсону по наследству вместе с домом. Среди полок одна была отведена под видеокассеты. Рядом находился вполне предсказуемый телевизор с большим экраном. Внимание Ситона привлекла чрезвычайно дорогая стереосистема с явно недешевыми усилителями на металлических стойках. Судя по всему, Мейсон был равнодушен и к картинам. Те, что висели в гостиной, скорее всего, были оригиналами. Среди множества стилей хозяин явно тяготел к английской колористической школе Сент-Ива. Если, конечно, это не было выбором его отца.

Итак, они сидели у Мейсона и пили виски — разумеется, не такими мизерными дозами, как в пабе. Теперь это был «Гленморанги».

— Твои книги? — кивнул на стеллажи Ситон.

— Я первый спросил, Пол, — парировал Мейсон.

— Да ладно. Так это твои книги?

— В основном. Есть и отцовские. Я люблю читать.

— Не попадался ли тебе такой писатель — Дэннис Уитли?

— Читал одну книжицу. Одной вполне хватило. Это ведь триллеры о сверхъестественном? — усмехнулся Мейсон.

— Не ожидал, что ты слышал о нем. Его сейчас больше не издают.

— Скорее всего, получил в нагрузку на какой-нибудь распродаже. Вряд ли осилил до конца.

— Ужасный писатель, — продолжил Ситон. — Хотя в свое время добился немалой популярности. Пик его успеха пришелся на период между войнами. Уитли верил в арийское превосходство и искренне восторгался Гитлером и Муссолини, о чем не стеснялся открыто заявлять в своих сочинениях. Там же он проповедовал идею расовой неполноценности чернокожих. И в придачу еще был антисемитом. Даже в самом конце сороковых он делал попытки реабилитировать доброе имя Германа Геринга.

— В таком случае вряд ли он в ближайшее время выйдет из забвения.

— Да маловероятно, — откликнулся Ситон и умолк, явно с трудом подбирая слова. — На пороге зрелости в натуре Уитли обнаружился некий изъян.

— Так-так, — поощрил его Мейсон.

— В те времена многие представители его сословия разделяли убеждения Уитли. Я говорю о материях куда более тонких, чем профашистские настроения. Отец Уитли был успешным дельцом. Занимался торговлей вином в Мейфэре.¹ Он специально забрал сына из школы и для выработки характера отправил служить на военный корабль времен Наполеона. Такой поступок амбициозного папаши по отношению к своему отпрыску и наследнику даже в те дни красноречивее любых слов говорил о его отчаянии. Затем началась мировая война, и юноша пошел служить младшим офицером в артиллерийские войска, дислоцированные под Монсом и Ипром.

— Вот это уж точно должно было помочь, — заметил Мейсон. — Я о выработке характера.

¹ Мейфэр — квартал офисных зданий в Вестминстере; здесь же находится знаменитая улица фешенебельных магазинов Бонд-стрит.

— Должно было, — согласился Ситон. — Но явно не помогло. Вскоре после заключения мира старший Уитли скончался, и Дэннис унаследовал винный бизнес. Это случилось в самом начале двадцатых годов. Новоиспеченный виноторговец связался с очень сомнительными личностями. И времена тогда тоже были сомнительные. Слышал ли ты что-нибудь о периоде двадцатых — тридцатых годов в Англии?

— Просвети меня, — попросил Мейсон.

— В обществе тогда происходили массовые волнения.

— Ну, я слышал о марше из Джарроу.¹ О Всеобщей стачке.²

— Во время тех событий Уитли водил лондонский автобус. На поясе он носил револьвер для отражения большевистской угрозы.

— Ну и придурок!

— Пижон, а не придурок, — возразил Ситон. — Если ты читал Оруэлла, что стоит у тебя на полке, — а я в этом не сомневаюсь, — то должен знать, что в те дни и судам, и полиции хватало работы. Они бросили все силы на подавление многочисленных и подчас воинственно настроенных рабочих масс. Правительство удручали события, происходившие в России после расстрела большевиками царской семьи. Парламентариев пугали выступления шахтерских профсоюзных лидеров в Уэльсе и на севере — крепких парней, посланных на четыре года к такой-то матери воевать в окопах. И только затем, чтобы по возвращении они обнаружили: ни одно из обещаний по искоренению социальной несправедливости в ближайшее время не будет выполнено. В те годы уже мирная армия ошетиливала штыки против бастующих докеров Ливерпуля, Тилбери и Чатема. Словом, если в период между войнами ты принадлежал к элите, правосудию некогда было тобой заниматься. У него просто руки не доходили. Ты оставался в стороне, и никому, по сути, не было до тебя дела. Такое положение вещей провоцировало разные декадентские выверты.

— Кокаин и черную икру?

— Да нет, покруче, — обронил Ситон. — Сатанизм.

— И что, это имеет какое-то отношение к Уитли? — удивленно поднял брови Мейсон.

— Он едва не развалил винный бизнес своими барскими замашками и разгульным образом жизни. Например, любовнице он снял в Лондоне квартиру. А еще, разумеется, открыл кредит в «Хэрродс» и в «Фортнам энд Мейсон». В результате жена с ним развелась, и Уитли вступил в повторный брак. Новая супруга оказывала ему финансовую поддержку до тех пор, пока его книги не начали приносить доход. Произошло это тогда, когда Уитли начал писать о черной магии и о ее английских приверженцах: о группе, названной им «Следующие стезей левой руки». Свой первый бестселлер Уитли выпустил в тысяча девятьсот тридцать четвертом и потом уже писал без остановки...

— И он был сатанистом?

— Уитли был посвящен во многие подробности ритуалов черной магии, — чуть поколебавшись, продолжил Ситон. — Он, несомненно, водил знакомство с черными магами. С Алистером Кроули его связывали близкие дружеские отношения. Однако сам он всегда отрицал свое непосредственное участие в этих обрядах и ритуалах. Думаю, лгал.

— И что же дальше?

— Уитли был приятелем Клауса Фишера. Это он посоветовал Фишеру приобрести имение на острове Уайт. Возможно, он даже выступил в этой сделке посредником. Похоже, он ловко умел проворачивать дела, если был заинтересован лично. Уитли часто гостил у Фишера из чего логично предположить, что его приглашали туда и на званые вечеринки. Дэннис Уитли служил Фишеру пропуском в лондонский высший свет. И именно это сподвигло меня посетить дом Фишера. Я побывал там десять лет назад.

Оба помолчали. Несмотря на выпитое спиртное, Ситон не мог избавиться от внутреннего напряжения. Он все ждал, когда сверху донесется истошный вопль или из

¹ В 1936 г. сотни безработных шахтеров начали «поход на Лондон» из города Джарроу в графстве Дергам.

² Крупнейшая стачка в истории рабочего движения Великобритании, охватившая в 1926 г. более пяти миллионов человек.

лакированных стереодинамиков Мейсона польется «Tam Lin» или «Imagine» — издевательская пародия в ритме регтайма. Он взглянул на наручные часы: только что миновала полночь.

— Давай вернемся к моему первому вопросу, — предложил Мейсон. — Мы что, имеем дело с привидениями?

Ситон подавил зевок. Он очень устал и не мог расслабиться. А еще даже думать боялся о том, что ему предстояло совершить. Он вяло произнес.

— С какой стати? Ты веришь в привидения, капитан Мейсон?

— Я сижу здесь, в собственном доме, — парировал Мейсон. — А какой-то пэджи, который пьет мой виски, читает мне лекцию по английской общественной истории. И сейчас, учитывая обстоятельства готов поверить во что угодно.

Ситон молча улыбнулся.

— Хочу тебе кое-что рассказать, — продолжил Мейсон. — У меня есть одна история, и от нее в какой-то степени будет зависеть, как мы поладим. Ну а потом ты выложишь мне все о своем визите в дом Фишера. Договорились, мистер Ситон?

— Мы что, сегодня спать совсем не будем? — поинтересовался Пол.

— На том свете отоспимся, — не отступал Мейсон.

Ситон подумал, что как было бы хорошо, если бы он мог просто сказать «аминь».

— Рассказывай, капитан, — согласился он. — Я весь внимание.

7

Тайная операция проходила в Кот-д'Ивуар. Ее целью было помочь французам уладить очередную племенную распрю. Из полка Мейсона выделили троих и прикрепили к отряду гуркхов.¹ Территория представляла собой непроходимые джунгли. Гуркхов выбрали за их выносливость, молчаливость и способность безропотно переносить непростые условия, в которых им приходилось жить и воевать. Двое парней под началом Мейсона были сержанты и отличные бойцы, ветераны спецопераций на Фолклендах и в Северной Ирландии, участвовали в первой войне в Персидском заливе. К концу службы в действующей армии они сохранили отменное здоровье, каким даже на гражданке мог похвастаться не всякий пацан. Несмотря на чин Мейсона, в троице все держались на равных. Не то чтобы так было принято в полку, но во время боевых действий между ними не было различий ни по части экипировки, ни по части знаний. В данном случае французского, у всех одинаково плохого и неподдающегося переводу, что словно нарочно усугубляло ситуацию. Зато члены отряда могли всегда положиться друг на друга.

Все подобные конфликты разворачивались примерно по одному и тому же сценарию: племена начинали ругаться из-за спорного участка земли, стада, водопоя или еще чего-нибудь. Мелкие стычки и нападения из засады перерастали в изнуряющую междоусобицу, в ходе которой неприятели отравляли колодцы, сжигали деревни, уводили коров и коз. В результате дело доходило до изнасилования женщин и нанесения увечий. Наконец наступал момент, когда цена потерь уже не окупалась потенциальной выгодой. Тогда старейшины враждующих племен собирались на совет и достигали соглашения, стараясь, чтобы обе стороны могли по возможности сохранить лицо. Затем все расходились по домам, чтобы оплакать погибших и залечить раны — до следующего раза.

— А почему французы сами не могли навести там порядок? — поинтересовался Ситон.

— Французы очень привязаны к своим африканским владениям, — улыбнулся Мейсон.

— Уж не хотите ли вы сказать, будто они все еще мнят себя империей?

— Не забывайте, что они там прочно обосновались, причем давно. Как бы там ни было, я что-то ни разу не слышал, чтобы французы собирались оттуда уйти. За это время они кое в чем поднаторели и одну вещь поняли очень хорошо: нельзя участвовать в межплеменных

¹ Гуркхи — британские колониальные войска, набиравшиеся из непальских добровольцев. «Лучше умереть, чем быть трусом» — девиз непальских гуркхов.

конфликтах, то есть демонстрировать пристрастность. Пусть уж лучше наемников клянут за несправедливое вмешательство. Вот почему Париж готов платить гуркхам — они не похожи на французов. Французская интервенция в Кот-д'Ивуар выглядит как охраняемые колонны военного автотранспорта, выходящие из гарнизона. Мы же передвигаемся ночью на чинуках. Мы — это кто угодно.

— Не самый дешевый способ решать проблемы.

— Да, не самый. Но иногда единственный.

— Но тот конфликт, похоже, сам собой не рассосался, — предположил Ситон.

— Нет. Не рассосался. В тот раз все было иначе.

Их послали на север страны, в холмистый район к западу от Тубы.¹ Примерно в ста километрах проходила граница с Гвинеей. Отдаленность участка умаяла его государственную значимость, превращая в неясную точку на карте. Естественно, для воюющих туземцев участок этот тоже ничего не значил. Примкнувшие к гуркхам Мейсон и его соратники сначала находили только следы кровавой бойни. Их взгляду представляли обугленные деревни с мертвецами, раздувшиеся трупы животных, кишасшие личинками и облепленные мухами. В общем, знакомая картина. Но одно было непонятно и даже подозрительно: смертельный урон, по их наблюдениям, несла одна и та же сторона. Туземцы двух племен внешне сильно различались. Все убитые были кесаби — рослые, с более светлым оттенком кожи. Их противники тенгвай то ли проявляли нетипичную разборчивость, подбирая своих павших собратьев, то ли каким-то образом умудрялись оставаться неуязвимыми.

Погоня за призраками продолжалась шесть дней и семь ночей. За это время ни Мейсон, ни его подчиненные не видели ни единого живого участника конфликта. Каждый раз они заставляли только тишину и страшные последствия. Такая ситуация донельзя раздражала двух сержантов, считавших себя спецами по тропикам. За всю свою профессиональную карьеру они ни разу ни с чем подобным не сталкивались. Безмолвие, царившее под пологом листвы, казалось им осязаемым, а запах смерти проникал сквозь одежду, пропитывал вещевые и спальные мешки. Они уже ощущали себя не охотниками, а добычей или уж, на худой конец, — вот умора! — не наблюдателями. В наблюдателях здесь не было необходимости, так как конфликта, который требовалось урегулировать, тоже не было. Они словно оказались свидетелями кампании по этнической чистке, проводимой некими безжалостными призраками.

— Что вам известно о гуркхах, Пол?

— Отважные непальские солдатики. Кровожадные наемники без стыда и совести, состоящие на содержании у британцев.

— Ни один из этих стереотипов здесь не годится, — возразил Мейсон. — Конечно, они храбрецы. И несгибаемые, как член. Очень дисциплинированные. Но это вам не просто взятые напрокат винтовки. Гуркхи очень преданные. Но они желают знать, что происходит. Скажу больше — настаивают на этом. Во время корейской войны был случай, когда рота гуркхов отказалась участвовать в одном из наиболее кровопролитных боев. Они раскусили попытку командования навешать им лапшу на уши по поводу численности и расположения противника. Тогда их командир, выпускник Сандхерста,² совершил то, что до сих пор в британской армии рассматривается как нововведение. Он предпочел сказать своим подчиненным правду. Он признался им, что урон в живой силе составит предположительно шестьдесят процентов. Но он лично поведет их в бой.

— Думаю, это их весьма ободрило.

— Да. Такой у них менталитет. Они приняли участие в сражении и потеряли те самые шестьдесят процентов убитыми, но выиграли одну из самых жестоких битв за всю войну.

— А тот офицер, выпускник Сандхерста?

— Убит. Погиб в самом начале боя. Но дело совсем не в этом.

¹ Туба — город в Сенегале, в двухстах километрах от Дакара.

² Сандхерст — престижная военная академия.

Утром седьмого дня их блужданий по джунглям солдат-гуркх, выдвинутый в качестве представителя от их отряда, высказал Мейсону их общее беспокойство. Он признался, что его товарищам здесь не нравится. А еще заявил, что они должны знать все о боевой задаче, так как иначе им трудно будет должным образом ее выполнить. Мейсон с ним согласился и попросил радиста Тома Диллона выйти в эфир и обратиться к французам за информацией, необходимой для выполнения отрядом поставленной задачи. Через два часа после обращения французы сами вышли на связь и предоставили Диллону координаты миссионерского аванпоста, находящегося километрах в двадцати от их расположения.

— Хитрые они, эти французы, — бросил Ситону Мейсон. — В полевых условиях о них лишь одно можно сказать наверняка они всегда прикидываются, будто знают меньше, чем есть на самом деле.

На следующий день перед рассветом отряд вышел к аванпосту — хижине на сваях, построенной на берегу одного из притоков реки Сассандры.

— Хижина над водой? — поднял брови Ситон.

— А что? Интересуетесь архитектурой джунглей?

В ответ тот только молча пожал плечами.

— Да, — ответил Мейсон. — Дом священника был выстроен над водой. До него мы добирались по понтонному мосту из связанных вместе бревен и пустых бочек из-под масла.

— Ну и как? Застали там священника?

— Мы прибыли туда ночью. Священник в этот момент, стоя на коленях и перебирая стертые бусины четок, молился при свете свечи в крошечной часовне под обитой жестью крышей. Находилась часовня прямо над жилым помещением. Попасть туда можно было по приставной лестнице. Часовня была благостной, как и подобает настоящему святилищу, и ужасно убогой. Оцинкованное ведро заменяло купель для крещения. Атрибуты богослужения — чаша и святые дары — хранились в деревянном сундучке с золоченой крышкой, поставленном на бельеовой ларь, который служил алтарем.

— Разве это святилище?

— Да. Хоть и под бременем тягот жизни. По-настоящему святая обитель. Но в ней чувствовалась какая-то опустошенность. Как и в ее хозяине.

Священник не выразил особого удивления при виде вооруженных мужчин, вторгшихся в его крохотную обитель в такой ранний час. Гуркхи сняли широкополые шляпы — очевидно, в знак уважения. Священник чуть заметно кивнул, медленно поднялся, сжимая в пальцах бусину четок, на которой прервал молитву, и почтительно поцеловал, распятие. Только после этого он надел четки и еще раз поцеловал крест. Это был очень старый человек с интеллигентной, породистой внешностью. Изможденное лицо с высокими скулами и синие глаза, горевшие в свете свечи яростным огнем. Его смиренное служение было одновременно и наградой, и искуплением за беззаветную преданность вере.

— Иезуит, — догадался Ситон.

— Не просто иезуит. Французский иезуит, — кивнул Мейсон, вспоминая те события.

Тогда он поправил ремень винтовки, чтобы дуло уехало за спину, и вытянул перед собой руки, растопырив пальцы. Затем он назвал священнику свое имя и звание и сказал:

«Мы не причиним вам вреда, святой отец».

Тот лишь молча кивнул. Похоже, его ничуть не испугало вторжение вооруженных до зубов непрошенных гостей в камуфляжной раскраске. Внешне он оставался абсолютно спокойным. Более того, встретившись с ним взглядом, Мейсон увидел в его глазах нечто вроде усмешки.

«Чаю выпьете? — обратился к ним по-английски священник. — Коз моих зарезали две недели назад, поэтому молока предложить не могу. Но подкрепить силы чаем никогда не вредно, а вам, джентльмены, без этого никак не обойтись».

— Было ли в той церкви что-нибудь необычное? — спросил Ситон и тотчас же почувствовал, что вторгся в грезы и воспоминания Мейсона, тем самым раздосадовав его.

— А что, все остальное кажется вам вполне обычным?

— И все же, — настаивал Ситон.

Он видел, что вопрос Мейсону не нравится. В конце концов, это было его право — рассказывать по-своему.

— Там было холодно. Не прохладно, а именно холодно. Снаружи мы задыхались от ночной жары и испарений, крыша в часовне была из жести, а оконные проемы в бревенчатых стенах вместо стекол затянуты мелкой проволочной сеткой. Внутри должна была стоять такая же духота, однако нам в часовне было зябко, как в склепе.

— А еще?

— А еще там не было насекомых. В джунглях они так и снуют вокруг. И мухи, и бабочки, и мошки. Жужжат, ползают, кусают. Особенно по ночам. Но в часовне не было ни одного. Только неподвижность и холод. А рядом со священником сам воздух казался каким-то застывшим. Кроме того, ночью хорошо слышно, как течет вода. Но теперь я начинаю вспоминать, что до нас снизу, от реки, не доносилось даже журчания, — сказал Мейсон.

Оба помолчали. Мейсон продолжил:

— Его звали отец Ласкаль. Много лет он прожил в Африке. Он сказал мне, что в пятидесятых годах бывал в Конго. И поинтересовался, не родственник ли мне коммерсант Филипп Мейсон.

— Отец?

— По крайней мере, его вопрос объяснил мне взгляд, каким он встретил меня, когда я с винтовкой в руках ворвался в его святилище, — кивнул в ответ Мейсон. — Ласкаль моментально уловил наше сходство.

— Твой отец чем-то прославился в Конго?

— Лучше сказать, отличился, — заметил Мейсон. — Но мы сейчас не в Конго, и со времени тамошних злоключений моего отца минули десятки лет. Он не имеет никакого отношения к моей истории, Пол.

— Продолжай, — попросил Ситон. — Извини, что перебил. Больше не буду.

Священник поведал им, что вождь тенгваев заключил сделку со злым духом. Он пожертвовал ему пять сыновей-первенцев своего племени в обмен на неуязвимость в сражениях против постоянных неприятелей — кесаби. Но по уговору, воины-тенгвай будут побеждать кесаби только при условии, что те будут ежедневно поклоняться кедди, которого по наущению злого духа вождь поместил в лучшую хижину главного селения.

Однако вскоре тенгвай сами уstraшились своей непобедимости в сражениях. Они горько оплакивали потерю пяти возлюбленных сынов племени. Теперь они считали бесчестьем побивать врага при вмешательстве дьявольской силы, отчего их собственное хваленое воинское мастерство пропадало втуне, и восхищались беспримерной храбростью противника. Кесаби ожесточенно сражались, пытаясь выиграть эту, по сути самоубийственную для них, войну. К тому же в глубине души они чувствовали, что злой дух их обманул и сделку нарушил. От этого тенгвай еще больше трепетали перед кедди, который восседал на троне посреди их жилищ и принимал почести и подношения. Его присутствие и данное ему тяжелое обязательство угнетало их, и в конце концов тенгвай возненавидели своего вождя. Они презирали его за недалекое заигрывание со злыми духами. Люди начали роптать, что, дескать, надо убить вождя, оставить свои дома и заключить мир с противником. Тенгвай были мучимы горем, сгорали от раскаяния и стыда. Приступы ужаса у них все усиливались и не давали спать ночами. Как объяснил англичанам иезуитский священник, для воина уверенность в собственной неуязвимости противоестественна. Мужчины племени оказались на грани безумия, осознав себя невольными заложниками собственного бессмертия.

— Я бы посмеялся над всеми этими бреднями, — признался Мейсон, — если бы собственными глазами не увидел, как проходила та межплеменная распря. Как бы там ни было, рассказ старого Ласкаля за чаепитием при свечах не показался мне таким уж забавным, а когда я украдкой покосился на своих ребят, то заметил, что им тоже не до смеха. Скажу больше: никто из гуркхов даже не улыбнулся.

— А кедди? Это идол?

— Не просто идол, — раздумчиво покачал головой Мейсон. — Священник сказал, это вроде как голем: чучело из живой плоти. Впрочем, он не входил в подробности, поскольку сам его не видел. Мне тогда почему-то вспомнилась детская сказка про смоляного человечка, вызволенного из смоляного плена. Как он вырос и стал безобразничать. В общем-то, описание кедди больше всего подходило под племенной тотем, хоть и одушевленный. И злобный. Священник-иезуит категорически отрицал филантропическую подоплеку дьявольских деяний, однако, даже если отбросить его теологический подход, ему все равно удалось убедить нас в том, что тенгвайский вождь ввязался в очень темное дельце.

Темное. Темное как смоль.

— Тотем — и одушевленный?

Мейсон кивнул и потянулся за очередной пачкой. На протяжении всего рассказа он непрерывно курил. В гостиной уитстейблского дома на взморье висела тонкая пелена горьковатого сигаретного дыма. Дождь скребся в оконные стекла, ветер яростно швырял в них песком. Ситон вспомнил, что наверху, погрузившись в беспокойное наркотическое забытие, сейчас спит девушка.

— Священник сказал, что кедди зарезал его коз, — снова заговорил Мейсон. — Выдрал у них внутренности, выпил кровь, а печень и сердца съел.

Ветер выл за окнами, дребезжал стеклами в деревянных крашенных рамах, и от его неистовых порывов Ситон невольно вздрагивал. Неожиданно ему вспомнился тот, с кем он расстался накануне днем преподаватель этики, оказавшийся во власти губительной энтропии в своем замшелом корпусе посреди густых, промокших насквозь зарослей.

— На рассвете, подкрепившись иезуитским чаем, мы разработали план, — продолжил свой рассказ Мейсон, — по принципу «Голова с плеч — и дух вон». Наш друг-иезуит любезно предоставил нам нарисованную от руки подробную карту селения, где, по его уверениям, мы должны были застать вождя тенгваев в собственном жилище. Он также обозначил маршрут, который позволил бы нам меньше чем за сутки незамеченными выйти к цели. Это была заброшенная охотничья тропа, которой уже десятки лет никто не пользовался, но до сих пор проходима. Мы должны были окружить селение, сориентироваться на местности и установить наблюдение, а если ситуация выйдет из-под контроля, открыть огонь. Затем, с наступлением сумерек, один из нас должен был проникнуть в деревню и установить местонахождение вождя. Все гуркхи как один — а их в нашем отряде было девять — вызвались идти. При этом ни один из моих сержантов явно не рвался принять участие в операции. В пользу гуркхов говорили и два веских соображения. По сравнению с европейцами они едят гораздо меньше мяса, а потому их запах труднее учуять. В условиях тропического климата это обстоятельство крайне важно. Спросите любого ветерана вьетнамской войны — американца или австралийца.

— А второе соображение?

Мейсон долго смотрел на него и наконец произнес:

— Нож кукри. Все слухи о гуркхах и ножах — начиная с фландрских окопов и кончая Портом-Стенли на Фолклендах — все это похоже на правду.

Его звали Хиндип Рун, он пошел в гуркхские стрелки вслед за отцом и дедом. Ростом он был не более пяти футов и даже в мокрой одежде едва дотянул бы до пятидесяти кило. Мейсон глядел вслед Руну, ставшему вдруг легким и бестелесным, как призрак. И вот гуркх растворился в зарослях, окружавших деревню. Воздух был густо насыщен испарениями, оседающими мелкими каплями на лицах солдат. Пахло серой. Ветки деревьев и лианы, которые словно обмакнули в клей, липли к одежде и вещмешкам. Ботинки оставляли на траве скользкий след, похожий на след улитки. Но такой туман им был только на руку: он делал людей похожими на привидения и окутывал джунгли удушающим безмолвием. По словам священника, тенгвайский вождь в знак отличия носил на шее ожерелье, обильно украшенное изумрудами, и по доброй воле никогда бы с ним не расстался. Мейсон велел Руну принести это ожерелье как зримое свидетельство выполненного задания. Он знал, что гуркх, следуя

жестокому обычаю своего народа, может взять и другие трофеи. Но солдат сам вызвался идти, и то, что он собирался делать с выступающими органами этого сукина сына, по убеждению Мейсона, было исключительно его личным делом.

Но к полуночи Рун так и не появился. Вглядываясь в прибор ночного видения сквозь сырую туманную мглу, Мейсон, как ни старался, не мог различить в деревне никакого движения. С того момента, как они скрытно окружили деревню, никто из них не слышал там ни звука и не заметил каких-либо признаков жизни. В джунглях тоже все было тихо. Но теперь, по здравому размышлению, Мейсон понял происходит что-то странное. Они не слышали пения птиц или топота убегающих животных. На деревьях не паясничали и не галдели обезьяны, ни разу не промелькнула белка или хотя бы летучая мышь. Кругом вились только кровососущие насекомые, да временами таял рыскавший неподалеку шакал. А за два часа до того отряд наткнулся на крупную змею, обвившуюся вокруг толстого сука в нескольких метрах от тропинки, которую указал священник.

Мейсон послал на разведку двоих, приказав им оценить обстановку. На карте иезуита были обозначены два прохода в высоком частоколе. Разведчики вернулись через час и доложили, что часовых не обнаружено. Деревню никто не охранял. Похоже, в ней вообще не было ни души.

Мейсон, как старший группы, понимал, что придется войти в деревню, чтобы разыскать пропавшего гуркха. Возможно, уверенность в собственной неуязвимости и объясняла беспечность тенгвайских воинов. Однако парни из отряда Мейсона были все же не кесаби. Они не пятились при одном только упоминании о злых духах и не боялись заклинаний. Они будут действовать грубо и стремительно, так что тенгвай даже не успеют понять, кто поимел их в задницу. Оставалось только надеяться на милость Божью, что их товарищ Хиндип Рун был еще жив. И если это так, то нужно как можно скорее его вызволять. А потом послать к такой-то матери и французов, и их долбаные колониальные забавы. Так думал Мейсон, подавая сигнал к наступлению.

В деревне они обнаружили всего двоих. И оба были мертвы. Обезглавленный вождь тенгваев лежал у себя в хижине. Хиндип Рун сидел скрестив ноги возле хижины. Повернув голову вождя лицом от себя, он положил ее на землю между коленей. В правой руке гуркх крепко сжимал ожерелье вождя. Оно сверкало зелеными и золотыми огнями в свете фонарей, прикрепленных к винтовкам. Левой рукой Хиндип Рун сжимал рукоятку ножа кукри, которым вскрыл себе сонную артерию. И как ни странно, выглядел он умиротворенно.

Зато тенгвайский вождь и в смерти не обрел покоя. Мейсон, присев на корточки, взгляделся в его застывшее лицо. По бокам темнели кровоточащие раны, волосы вокруг них слиплись от запекшейся крови: Рун отрезал вождю уши. Однако в первую очередь бросалась в глаза сырая нагота черепа. Гуркх снял с него и скальп. Губы вождя были раздвинуты в смертельном оскале. Но ужаснее всего были глаза — черные, полные смятения и растерянности. Точно лишь на пороге смерти вождь наконец понял, чем оборачивается торговля с силами зла. Мейсон поднялся, сплюнул на землю и вошел в хижину убитого.

Разумеется, это была не просто хижина, а сложенное из толстых бревен строение. Над просторным круглым помещением раскинулся высокий купол. Вымощенный плоскими камнями пол был устлан циновками. Жилище поражало богатым убранством. Обилие тика, слоновой кости, мрамора — и пролитой крови. Обезглавленное тщедушное тело вождя лежало в застывающей багровой луже у резного подножия трона из черного дерева. На троне восседал кедди, несуразная, уродливая фигура. В слабом свете фонаря он казался еще страшнее, чем можно было ожидать из описания священника.

Кожей ему служила сероватая шкура какого-то животного, возможно вепря или бизона, выскобленная и выделанная, а затем набитая для придания формы и зашитая через край крупными стежками. Сидящее чучело и впрямь отдаленно напоминало человека. Если поставить его на ноги, росту в нем было бы не менее восьми футов.

«Но он никогда не встанет на ноги», — подумал Мейсон, вспомнив про зарезанных коз отца Ласкаля.

Это было лишь бездушное подобие человека, омерзительная копия, съезжившаяся на троне. Вместо ног у кедди были раздвоенные копыта буйвола, вместо рук — конечности убитой обезьяны с судорожно сведенными пальцами и ногтями, почерневшими от разложения. Слов не подобрать, до чего омерзительное создание — впрочем, абсолютно неживое.

Направив луч фонаря на голову кедди, Мейсон принялся ее рассматривать. Голова оказалась огромной, бледной и лысой. В некоторых местах — там, где набивка свалилась, — шкура западала. И это придавало чучелу угрюмый вид. Вместо глаз были пришиты две круглые пластинки из слоновой кости с дырочками по краям. Вместо рта — черный, хищно открытый провал. Мейсон только покачал головой и отвернулся. И тут волосы у него на голове от ужаса встали дыбом: он ясно услышал, как кедди пошевелился.

— Меня точно к месту пригвоздило, а в кровь выбросилось столько адреналина, что казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди, — рассказывал Ситону Мейсон. — Я тут же развернулся, нажал на курок и разрядил весь магазин. Короткими очередями. Прицельно, в упор. Я прошил этого гребаного уродца насквозь так, что он развалился пополам. Следующее, что я помню: в хижину набилось с полдюжины взвинченных парней с винтовками наперевес. Они целились в темноте во все подряд и орали как полоумные. Прямо дурдом, мать твою.

— И что потом?

— Мы похоронили нашего погибшего товарища. Сожгли на хрен деревню. Потом чуть ли не двое суток шли не останавливаясь. В условленном месте нас уже ждал вертолет.

— Вы рассказывали кому-нибудь о том, что случилось в хижине?

— Дома, что ли? В отчете об операции? Нет, конечно, — горько усмехнулся Мейсон.

— А во время марш-броска назад?

— Да как-то надобности не было. Я же ведь сказал, что прошил этого кедди насквозь и он развалился на части. Тогда-то мы и увидели, что было у него внутри. Солома и прочая дребедень. Кусочки золота, обрывки старых веревок, лоскутья, монетки и какие-то камешки — на вид полудрагоценные. И пять маленьких человеческих черепов, частично переваренных.

— Ты хочешь сказать — в стадии разложения? — после короткого раздумья спросил Ситон.

— Нет, мистер Ситон. Я хотел сказать то, что сказал. Мы все свидетели. — Мейсон потянулся за сигаретой. — Я закрываю глаза и будто снова это вижу. Вот почему я теперь шире смотрю на вещи и понимаю: за всем, что происходит с бедными девочками, что-то кроется.

Некоторое время оба сидели молча. Ситону хотелось задать еще несколько вопросов и непременно получить на них ответы, но он заметил, какой усталый вид у Мейсона, и передумал. Однако вскоре молчание стало действовать ему на нервы. Его раздражал вой ветра. А еще не давали покоя фантомные звуки, доносившиеся из спальни сестры Мейсона. И в конце концов он решил нарушить молчание:

— Называл ли тебе священник имя того злого духа?

— Имя мне Легион, — ответил Мейсон бесцветным, равнодушным, усталым от долгого повествования голосом. — Он вроде считал, будто демон всегда один и тот же, как бы он там ни назывался. Но ты ведь это знаешь не хуже меня. Не понимаю, зачем тогда спрашивать...

— Как думаешь, что увидел ваш гуркх?

— Рун, — напомнил Мейсон. — Хиндип Рун. Крепкий парень. Солдат в третьем поколении. Его дед заслужил крест в войне с японцами. За участие в контрнаступлении под Мейктилой¹ в составе Четырнадцатой армии. Он очень гордился подвигами своего деда в Бирме, наш Хиндип Рун.

— Что тогда, по-твоему, увидел Хиндип Рун?

¹ Мейктила — город в Бирме, в районе которого во время Второй мировой войны были сосредоточены японские войска.

— По-моему, мистер Ситон, не увидел, а услышал. Мы нашли трофейные уши в его подсумке на поясном ремне. Он отрезал их в хижине, там же совершил и свое кровавое дело. Я хоть и был тогда в ступоре, но все же увидел, в какой каше валялось тело вождя. Но Рун не знал, что работает на зрителя. В этом-то, как мне кажется, и все дело. Думаю, кедди заговорил с ним. Думаю, кедди заговорил с Хиндипом Руном. И я думаю, что, возможно, он слышал смех кедди.

— Не понял?! — переспросил Ситон.

— Ликующий смех, — пояснил Мейсон. — Кедди восхищался ловкостью рук Хиндипа Руна.

8

Раздавшийся сверху крик сорвал их с места. Оба взлетели по лестнице и застыли на пороге комнаты Сары. Девушка уже проснулась и теперь сидела, тревожно озираясь. На ее раздумавшемся лице играла оживленная улыбка. Но затуманенный взгляд был полон злобы и коварства. Сиделка повернувшись к ней спиной, хлопотала над тележкой, заставленной медицинскими принадлежностями. Там были белые пластиковые цилиндрики с таблетками, стеклянные бутылочки, термометр в стерильном растворе, а также тонометр для измерения давления. Взглянув на лицо Сары, Ситон подумал, что сиделку вполне можно понять: любой постарался бы отвернуться.

На коленях Сара держала портативный радиоприемник. Ситон вспомнил, что раньше он стоял на прикроватной тумбочке, за коробкой с салфетками. Теперь коробка валялась на полу. Сара смахнула ее, когда потянулась за приемником. Ситон решил, что кричала сиделка. Вероятно, ее встревожила внезапность, с которой пациентка пришла в сознание, и ее неожиданная активность.

Сара моргнула и резко откинулась на подушки, а затем нажала одну из кнопок приемника. Спальню тут же заполонил такой громкий звук, что сиделка дернулась и тележка с грохотом опрокинулась.

— Ах, простите...

Ее голос на фоне напористого баритона Иэна Кертиса из «Джой Дивижн»,¹ исполняющего «Love Will Tear Us Apart», прозвучал не громче шепота.

Мейсон вошел в комнату, мягко, но настойчиво взял сиделку под руку и куда-то ее увел. Его сестра тем временем нажала на очередную кнопку. По комнате поплыла задушевная мелодия в исполнении Ника Дрейка,² и девушка стала раскачиваться в такт назад и вперед. Она часто и тяжело дышала, и на нее было страшно смотреть. А тут еще ветер вновь накинудся на стены и окна дома с пугающей беспощадностью. Перед мысленным взором Ситона промелькнули какие-то тени и упали на деревянную обшивку спальни. Тени разрастались, занимая все больше и больше места. Мелкие камешки, пущенные ветром в приступе злобного веселья, грозили изрешетить стекла. А Мейсон, уединившийся с сиделкой, все не возвращался. В спальне появился запах гниения. Этот тяжелый запах — запах смерти — шел изо рта задыхавшейся девушки. Ситон по-прежнему не решался переступить порог. Однако во что бы то ни стало надо было отобрать у нее радио. Она же, словно прочитав его мысли, снова нажала на кнопку, и Сэнди Денни запела «Кто же знает, куда время исчезает?»

Сара бросила на Ситона хитрый взгляд.

— Они-то знают, куда время исчезает, — сообщила она. — Им до смерти хочется рассказать.

И Пол Ситон сбежал.

Мейсон нашел его на парковке у паба Ситон сидел за рулем «сааба», уже пристегнутый,

¹ «Джой Дивижн» — британская рок-группа, образованная в 1976 году.

² Николас Родни Дрейк (1948–1974) — английский певец и композитор, известный своими печальными, сумрачными песнями под акустическую гитару.

но с незаведенным двигателем Мейсон открыл дверцу машины и тяжело опустился на пассажирское сиденье рядом с Ситоном. Оба насквозь промокли под холодным дождем, пока добирались сюда от дома Мейсона. В машине играло радио. Это был джаз, вялая, словно специально предназначенная для предраассветного часа мелодия, слегка приправленная бодрим ритмом бибопа. В руках неизвестного виртуоза тромбон звучал совсем как тенор-саксофон, с такими же переливами и так же мелодично.

«My Funny Valentine»,¹ — подумал Мейсон и взглянул на Ситона.

Он в жизни не встречал такого напуганного человека.

— Сигарету?

— Не курю.

— Я тоже, — сказал Мейсон, затягиваясь. — Пять лет как бросил. Прочитал книжку Аллена Карра,² но не помогло. Это не для меня. Зато с гипнозом дело выгорело. Клиника в Лондоне, у Риджентс-парка.

— Наверное, ты действительно хотел бросить.

— Еще бы не хотел. — Мейсон набрал в грудь побольше воздуха. — Это стоило мне руки и ноги. Но все же не зря.

— Поздравляю.

— Было бы с чем, — сделал резкий выдох Мейсон. — Спасибо, что подождал.

— Просто не решил пока, куда ехать.

Мейсон кивнул, изо всех сил стараясь взять себя в руки. В случае необходимости он мог бы вытащить Ситона из машины, оглушить его дубинкой, предусмотрительно сунутой в карман куртки, и приволоочь его обратно к себе, на «Гребень волны». Этот засранец никуда не уедет, пока Саре не станет лучше. Если, конечно, он действительно может хоть что-то сделать.

— Ладно, — снова кивнул Мейсон. Он сунул руку поглубже в карман и потрогал кожаную рукоятку дубинки. — Ладно.

— Как сестра?

— Ввели снотворное. Сиделка — просто героиня.

— Я немного растерялся, — признался Ситон. — Ненадолго. Еще минута — и я в полном порядке.

Мейсон разглядывал тлеющий кончик сигареты. Машину раскачивало от порывов ветра.

— И музыка.

— Одни самоубийцы, — объяснил Мейсон. — Иэн Кертис повесился. Ник Дрейк сидел на колесах. А певичка из «Фэйрпорт конвеншн» бросилась в пролет лестницы.

— А ты, оказывается, знаток...

— Этого не узнаю, — кивком указал на радиоприемник Мейсон.

— Фрэнк Росолино. Тромбонист. Когда-то его имя гремело по всему Западному побережью по меркам бибопа. А это значит, что он, будучи виртуозом, с трудом сводил концы с концами. В эпоху Джеймса Тейлора, «Иглз» и «Братьев Дуби»³ таков был удел многих джазовых музыкантов.

Мейсон хорошо знал, что иногда страх именно так действует на людей: они становятся излишне говорливыми, словоохотливыми. Некоторых потом просто не заткнуть.

— Ты разбираешься в джазе, Пол?

Ситон кивнул и добавил:

1 «My Funny Valentine» — известный джазовый стандарт из мюзикла Ричарда Роджера и Лоренца Харта «Babes in Arms».

2 Аллен Карр — автор бестселлера «Легкий способ бросить курить» и создатель сети клиник для курильщиков «Легкий способ».

3 Джеймс Тейлор (род. в 1948) — вокалист, гитарист, автор текстов, лидер одноименного квартета; «Иглз» («The Eagles») — американская кантри-рок-группа, образованная в 1971 году; «Братья Дуби» («Doobie Brothers») — американский музыкальный ансамбль, основанный в 1970 году и сочетающий в исполнении джаз, кантри, софт-рок и ритм-энд-блюз.

— Радио включилось в тот самый момент, когда я сел в машину.

— Фрэнк Росолино тоже покончил с собой?

— В один прекрасный вечер. Но сначала застрелил своих сыновей. Когда те спали.

Ситон хотел было включить «дворники», но бессильно опустил руку. Звук тромбона затих, и после паузы раздался печальный блюз. Мейсон сразу узнал Роя Бьюкенена.¹ Мейсон испугался, что звук, того и гляди, усилится. И уж этого он точно не перенесет.

— Пока я шел за тобой под дождем, я прикидывал вероятность такого рода совпадений в тематике песен по радио у сестры.

Ситон обернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

— Нелепо, — сказал он. — Это я насчет вероятности. Я, конечно, не счетовод. И ставок не делаю. Но мне все же кажется, что просчитать это невозможно.

Мейсон кивнул. Блюз Роя Бьюкенена теперь доносился будто из другого мира, будто его старенькая гитара вконец расстроилась.

Мейсон не напрасно обхаживал сиделку. К моменту их возвращения Сара уже снова впала в забытие и теперь, обессиленная, забылась тяжелым сном. Щеки ее отдавали нездоровой желтизной. Сиделка осторожно забрала радио и выдернула шнур из розетки. Она вручила приемник Мейсону. При этом на лице ее было написано выражение страха, понимания и решимости одновременно. Мейсон вспомнил, что сиделка имела кельтские корни. Она была родом из графства Мит и, возможно, кое-что знала о магии и уж точно о народных преданиях. Помогать ближнему было ее призванием, и поэтому совесть не позволила ей уйти. Мейсон, не имея времени на объяснения, только кивнул ей с благодарностью, а затем отправился на поиски Пола Ситона.

Он знал: Ситон далеко не уедет. Об этом Мейсон собственноручно позаботился, перерезав бензопровод «сааба», когда Ситон давеча в «Доспехах Пирсона» отлучился в туалет. Хотя в последние годы популярность Уитстейбла сильно возросла, там было слишком уж мало жителей, чтобы открыть в городке собственную службу такси. Нанять машину можно было не ближе Хернбей или Кентербери. К тому же еще тогда, у себя дома, Мейсон, вешая пальто гостя, порывлся у него в карманах и вытащил бумажник. Поэтому выбраться отсюда Ситону будет практически невозможно. Железнодорожная станция давным-давно закрылась до утра. В Уитстейбле это было мертвое время.

Перед тем как пуститься в погоню за Ситоном, Мейсон, к своему удивлению, обнаружил, что зачем-то идет по каменным ступеням в подвал своего старинного дома. Он с детства ненавидел сырой просоленный запах любимого отцовского убежища. Этот подвал почему-то всегда нервировал Ника.

Впрочем, сейчас, держа в руках внушительную отцовскую дубинку, он уже не вспоминал о тех днях. С полок вдоль стен равнодушно смотрели на него безжизненными глазами деревянные божки, привезенные отцом из Африки. Сверху доносился ропот моря, с тяжким укором обрушивающего волны на прибрежные камни. Он погладил рукой свинчатку и выругал себя за показную браваду. В конце концов, смотреть на него здесь вроде как некому. И этим никого не удивишь — и не запугаешь.

По правде говоря, в отцовском доме он всегда чувствовал себя как-то неуютно. И до пятнадцати лет, пока жил под этой крышей, спал при свете ночника, не обращая внимания на отцовские подтрунивания. Дело было не только в их доме, но и в его родном городе. Ник с малых лет чувствовал, какое это гиблое, страшное место. Он на дух не переносил его узких улочек. Его пугали вывески местных пабов, смутно напоминавшие виселицы. Он ненавидел ледяной ветер, бьющий в лицо в зимние ночи. Ему казалось, что в самой природе Уитстейбла — неприветливого, холодного, малонаселенного — есть что-то неправильное, нарушение обычного порядка вещей. Игра света и тени выглядела здесь слишком контрастно. Невозможно было избавиться от ощущения, что за тобой постоянно следят. Два жутких эпизода из детства Ник постарался загнать в глубь памяти. Один имел место в открытом летнем ресторанчике, другой — в старинном зале кафе-мороженого на приморском бульваре.

¹ Рой Бьюкенен (1939–1988) — американский блюз-, рок- и фьюжн-гитарист, певец.

Нику тогда было лет десять-одиннадцать.

Затем отец послал Ника учиться в пансион в Камбрии, и мальчик вздохнул с облегчением. Там ему больше не приходилось бояться темноты. В дортуаре кроме него были и другие ребята, и Ник по ночам с удовольствием прислушивался к их сонному дыханию. Да и однообразие распорядка дня успокаивало: подъем — отбой, бег с препятствиями, ориентирование с фонариком ранним морозным утром. Он не раз спрашивал себя, не была ли вся его военная карьера своеобразной компенсаторной реакцией на страхи, все детство мучившие его в этом доме. Может, да, а может, и нет.

В полку было полно солдат, точно так же страдающих ночными кошмарами. Теперь, в подвале родного дома, в окружении отцовских секретов и их молчаливых хранителей, Нику ужасно захотелось почувствовать себя живым, и он изо всех сил стукнул дубинкой по ладони. За его спиной в глубине подвала на полке что-то тихо зашевелилось. Мейсон сглотнул и нарочито неторопливой походкой направился к тускло освещенной лестнице вверх.

— Море, — говорил Ситон, когда они сидели в «саабе». — Им труднее творить зло вблизи моря. Кстати, они обожают музыку. И они еще те шутники — без этого им никак. Но на побережье... более или менее безопасно. Лучше, чем в других местах. Полной гарантии, конечно, нет. Ее и нигде нет. Но все-таки здесь безопаснее. По крайней мере, было раньше.

— Ты все же должен объяснить мне, что происходит, — потребовал Мейсон. — Ну что, объяснишь?

— У тебя такое лицо, капитан, будто ты силой хочешь выбить из меня показания.

Что ж, ирландец в своем праве.

— Если надо будет, то и выбью, — сказал Мейсон. — Но думаю, не понадобится. Ты ведь приехал сюда, чтобы все мне рассказать.

— Если я этого не сделаю, у нас будут связаны руки. Да и обстоятельства складываются не в нашу пользу.

Мейсон молча ждал.

Наконец Ситон спросил:

— Хоть что-нибудь из этого дерьма в духе Джозефа Конрада и Райдера Хаггарда¹ правда? Ну, твои рассказы про Конго?

— Не про Конго, — поправил Мейсон. — Это случилось не в Конго, а в Кот д'Ивуар.

— Наплел с три короба, чтобы в душу влезть. Круто, капитан. И эта история про кедди тоже ведь полная хрень!

У Мейсона под мокрой одеждой заметно напряглись мускулы.

— Ситон, лезть в чужую душу — не мой стиль, — отрезал он. — К моему глубочайшему сожалению, все сказанное — чистая правда.

Свирепый порыв ветра чуть не опрокинул их машину. А еще через мгновение тяжелая волна, преодолев крепостную стену волнолома, с грохотом артиллерийского снаряда обрушилась на мол и на брезентовую крышу «сааба». Они смотрели, как по ветровому стеклу, точно живые, стекают потоки черной воды в хлопьях пены. Радио давно умолкло. Рой Бьюкенен, повесившийся в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом в камере американского полицейского участка, очевидно, снова забылся беспокойным вечным сном.

— Все началось двенадцать лет назад, — произнес Ситон.

Он так крепко сжимал руль, что костяшки пальцев побелели.

— Для меня началось. Я, конечно, сам во всем виноват. Я причина всего того, что произошло. А действовал я из наилучших побуждений.

Мейсон раздавил окурок пальцами:

— Расскажи. Давай вернемся ко мне домой, и там ты мне все расскажешь.

¹ Джозеф Конрад (1857–1924) и Генри Райдер Хаггард (1856–1925) — английские писатели, классики мировой приключенческой литературы.

С Люсиндой Грей он впервые встретился в баре на втором этаже паба «Кембридж». Это было той теплой весной тысяча девятьсот восемьдесят третьего. Пол поднялся в бар и услышал, как Кристел Гейл в музыкальном автомате поет «Don't It Make My Brown Eyes Blue». Это он хорошо помнил. Там, конечно, мог петь и Ван Моррисон — «Brown Eyed Girl», или Джули Лондон — «Cry Me a River», или Нина Симон — «My Baby Just Cares for Me».¹ Бар на втором этаже «Кембриджа» славился среди пабов Лондона едва ли не лучшей коллекцией пластинок в музыкальном автомате. Но тогда пела именно Кристел Гейл. И глаза у Люсинды были вовсе не карими и не синими. Они были зелеными. Пол поймал их оценивающий взгляд с другого конца барной стойки, как только вошел. Позднее он обнаружил, что ее невероятно зеленые глаза были усеяны золотыми крапинками. И платье у нее тоже было золотым, из натурального шелка, в крупную складку. Волосы Люсинды медового цвета были подстрижены в стиле «боб».

Это был пылающий год пылающего десятилетия, и большинство публики в баре составляли студенты школы искусств Святого Мартина. Она была расположена на Чаринг-Кросс-роуд, всего в каких-нибудь ста ярдах от паба. Внутри паб был весь залит светом благодаря огромным окнам, выходящим на Кембридж-серкус. В лучах заходящего солнца приодетые для вечера студентки курса моды смотрелись очень живописно. В ботинках на пуговках, расклешенных юбках, приталенных жакетах и шляпках они выглядели даже чуть-чуть вызывающе.

В те дни — в тот год — студенты в «Кембридже» кучковались или тусовались в своем узком кругу. Учащиеся факультета графики выделялись нарочито монохромной гаммой: черными «левисами», белыми футболками от Хейнса и куртками в стиле милитари. Девушек можно было отличить только по мелированным челкам. Ученицы факультета живописи надевали юбки-клеш или специально продырявленные джинсы и искусно продранные свитерки поверх маек в обтяжку. Их молодые люди косили тогда под Джексона Поллака, щеголяя в джинсах, клетчатых рубашках и джинсовых пиджаках. Обувь отводилась ключевая роль. Графики обоего пола носили исключительно ботинки «Доктор Мартенс». Художницы обувались в черные грубые ботинки. Псевдо-Поллаки щеголяли в мокасинах «Джексон Басе Виджун», на которые долго и упорно копили. Они специально ездили за ними в магазин американской одежды «Симмонс» в Ковент-Гардене. Во «Флипе» на Лонг-Акре-стрит подлинную «американу» можно было приобрести совсем задаром. Однако импортные шмотки прибывали во «Флип» в плотно набитых контейнерах, и придание вещам товарного вида стоило немалого труда. Поэтому обувь туда не возили.

Пол Ситон пришел в бар на встречу со своим братом Патриком, который для этого случая принарядился в костюм-«зут»² и даже надел яркий шелковый галстук. Они собирались завалиться в какой-нибудь клуб, но так, чтобы не стоять при этом в очереди и не платить за вход. В Лондоне, и особенно в Сохо, в то время это было вполне возможно. Достаточно было только одеться поэкстравагантнее. Костюм прекрасно сидел на Патрике, широкие плечи позволяли ему носить этот фасон. Правда, некоторое сомнение вызывала соломенная шляпа с широкими полями, небрежно сдвинутая на затылок. Патрик вразвалочку, имитируя матросскую походку, двинулся к брату. В те дни они были так молоды и сами себя создавали. Некоторые преображались буквально каждый вечер.

— Кто та высокая блондинка в плиссированном платье?

— Спасибо, прекрасно.

— Та высокая, зеленоглазая.

Патрик невозмутимо потягивал пиво.

— Соломенная шляпа не катит.

¹ Ван Моррисон (род. в 1945) — английский рок-певец и саксофонист, родом из Северной Ирландии; Джули Лондон (1926–2000) — американская актриса; Нина Симон (1933–2003) — американская чернокожая джазовая певица, пианистка и композитор.

² Двубортный костюм с широкими плечами и мешковатыми брюками с узкими отворотами и на подтяжках, обычно дополнялся широкополой шляпой. Был в моде в 1940–1950-х годах.

— В ней я похож на Феликса Лейтера. На цэрэушника из фильмов про Бонда.
Пол все не мог отвлечься от Люсинды.
— У Синатры такая же шляпа на обложке «Пойдем полетаем со мной».
— В ней ты похож на янки, — заметил Ситон.
Патрик подумал и пожал плечами.
— Из фильма с Норманом Уиздомом.
— В ней есть что-то притягательное, — сказал Патрик. — Прямо-таки королева.
— Значит, познакомить нас ты не можешь.
— Если бы даже мог, то, понятное дело, не стал бы.
Похоже, что брат блефовал, но, поразмыслив, Ситон отверг эту мысль.
— Могу сказать только, что она с факультета моды, — сообщил Патрик. — И держится всегда особняком.
— Еще бы!

Тем вечером Ситону так и не удалось поговорить с Люсиндой Грей. Вместе с братом он сначала пошел в один клуб, а потом в другой, где играли «Малыша Креола» и «Ночных зверей» и воздух пропах дымом «Мальборо», гелем для волос, бриллиантином и едким потом. По мере того как Пол напивался, ему начинало все больше казаться, что все это похоже на массовку в кубинском фильме, снятом еще до свержения Батисты и до того, как поклонники Че Гевары и Кастро ввели моду на тропический камуфляж.

Примерно около полуночи он подцепил чернокожую администраторшу из стоматологической клиники в Вудфорд Грин, представляющую собой нечто среднее между Кармен Мирандой¹ и моделью из телерекламы батончика «Баунти». Он привел ее домой и напрочь забыл о студенточке-модистке с зелеными глазами, которую встретил на верхнем этаже бара «Кембридж». Он почти что забыл о ней. Но не совсем.

На следующей неделе он снова увидел ее в клубе под названием «Верфь», разместившемся на бывшем складе на пустыре у Темзы, неподалеку от Шадуэлла.² Это была эпоха пакгаузных вечеринок, о которых узнавали по сарафанному радио. Так, клуб «Дертбокс», расположенный посреди незанятых участков в Кингс-Кросс, печально прославился на всю округу своими мощными динамиками. Там еще были цинкованные ванны, набитые кубиками льда и банками с пивом «Саппоро». В «Верфи», впрочем, царила более спокойная, но хорошо продуманная атмосфера дрейфа по течению. Ее посетители соответствовали статусу заведения: их развлечения были так же хорошо продуманы.

На двери висело изображение парня в матросской блузе и парусиновой морской фуражке, напоминавшее карикатуру на Жана Жене.³ У него был шрам на переносице и затейливая татуировка на загорелых жилистых руках. В тот год весна выдалась на редкость теплой. Она обещала, что лето будет жарким, может, даже знойным.

В клубе горели масляные лампы. Свет звезд, отражаясь от речной воды, проникал сквозь окна и ложился на потолок тусклой рябью. Патрик пришел сюда с приятелями из школы искусств Святого Мартина. Там был Стюарт Локиер. И Грег Фойл, чьи картины впоследствии подорожали до сотен тысяч долларов и сейчас висят в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Все они сидели за столиком по другую сторону танцпола. Патрик что-то шепнул Грегу, и Грег бросил на него такой взгляд, что Пол сразу понял: братец здорово набрался.

Здесь он и увидел снова ту загадочную девушку. Люсинду Грей с факультета моды. Она потягивала густой зеленый напиток среди живописной толпы людей у барной стойки. В этот момент стихли последние аккорды «Amsterdam» в исполнении Жака Брея, и Пол сразу узнал следующую композицию — переложение одной английской песни Дэвида Боуи. Ее нелогичным продолжением стала песенка «Bad Day» — новый слащавый шедевр англичанки

1 Кармен Миранда (1909–1955) — американская актриса с амплуа горячей бразильской красотки, одетой в яркие «этнические» костюмы.

2 Шадуэлл — протяженный участок на северном берегу Темзы, где раньше находились лондонские доки.

3 Жан Жене (1910–1986) — французский писатель, поэт и актер.

Кармель Маккорт, переехавшей из родного Манчестера в Париж. В тот год она начинала входить в клубную моду.

Пол вдохнул местный аромат — смесь запахов дегтя и древесины, табачного дыма и речной сырости. Тут он увидел Патрика и направился к его столику. Грег выбрал одну из купленных в складчину бутылок и налил ему «Ламбруско».

— Ты взял след, — обратился к нему Патрик.

Он мигал, тщетно пытаясь рассеять пелену перед глазами. Пол принялся за вино.

— Вышел на охоту, — не унимался брат. — В погоню. Добыча ведь где-то рядом?

— Нечего меня осуждать. Это как-то лицемерно. Ты сам трахаешь все, что шевелится.

Патрик попытался переварить услышанное.

— Ну, я не стал бы заикливаться на этом, — выдал он наконец, — чтобы не пересластить десерт.

Пол рассмеялся и увидел, что Люсинда Грей на другом конце зала улыбается ему поверх поднесенной к губам рюмки. Она изогнула бровь и пальчиком поманила его к себе:

— Твой жирный дружок, помешанный на рокабилли,¹ кажется, надрался.

Она сделала глоток и посмотрела на Пола поверх рюмки. Напиток искрился так же, как и ее глаза. Ситон бросил взгляд в сторону своего столика, затем снова уставился на Люсинду Грей. Она сидела, скрестив руки на груди. Рукава ее облегающей кожаной куртки немного задрались. Расстегнутый воротник-стойка выгодно обнажал ее длинную шею. Коротко стриженные волосы сзади плавно переходили в бархатистую ложбинку на шее.

— Он не жирный. И вовсе не помешанный на рокабилли.

Патрик отличался мощным телосложением, но щеки у него все же были слишком пухлыми. В первую же неделю пребывания в школе искусств он совершил роковую ошибку: облачился в куртку с эмблемой какого-то университета и надписью во всю спину. На Камденском рынке куртка стоила тридцать пять соверенов, еще она стоила ему потерянной репутации. Впоследствии брат первым признал, что из всех купленных шмоток та «американа» была его ошибкой. И вот, несмотря на костюм-«зут» и яркий галстук, несмотря на умело наведенную с помощью туши для ресниц ниточку усов, с тех пор все его так и звали: Жирным Рокабилли. По крайней мере, за глаза.

— Твоя правда, — вздохнул Пол. — Сегодня Жирный Рокабилли, похоже, действительно перебрал.

Люсинда снимала муниципальную квартиру. Такое жилье просто так не получить. Она призналась Ситону, что для этого ей пришлось занимать очередь в Каунти-холл с вечера. Ее многоэтажка без лифта находилась на Олд-Парадайз-стрит, южнее моста Ламбет. Все это Люсинда рассказала Полу уже через час после знакомства. Через час после того, как он впервые с ней заговорил. Он шли к ее дому вдоль реки. В темноте миновали баржу, стоящую на приколе. Легкий ветерок с Темзы разносил по округе пороховой дым. На таких баржах обычно устраиваются шикарные вечеринки с фейерверком. Вдоль противоположного берега медленно прошло прогулочное судно, пронизывая огнями сгустившийся туман. Из динамиков лился высокий дрожащий голос Боя Джорджа, вопрошающий: «Do You Really Want to Hurt Me?»

Пол смотрел на нее. Не мог не смотреть. В черной кожаной куртке, кремовой шелковой блузке и черной узкой юбке ниже колен она казалась высокой и очень стройной. Убранные со лба волосы открывали лицо, которое загадочно блестело под яркими шарами фонарей на набережной. Она была очень бледной, поэтому пухлые губы под слоем красной помады казались еще ярче. Над темной водой разносился голос Боя Джорджа, а в тумане плясали огоньки прогулочного судна.

Ситон вдохнул запах окалины отживших свое ракетниц и сожженных «огненных колес». Он вдруг почувствовал такую радость бытия, что сердце гулко застучало в груди, а кожу словно пронзили тысячи мелких иголок. Еще никогда прежде он так остро не ощущал всю полноту жизни. Его переполняли эмоции, грозя вот-вот выплеснуться наружу. Его как

¹ Рокабилли — разновидность рок-н-ролла с элементами кантри и блюза. (Прим. ред.)

током пронзило какое-то странное чувство, которое он принял за сексуальное возбуждение, за нетерпение плоти. Но он понял, что это было нечто большее. Это было волнующее ожидание будущей жизни. Потом он часто возвращался к этому воспоминанию. Позднее, гораздо позднее этот момент и связанная с ним радость станут его постоянными непрошенными визитерами.

Люсинда жила в тесной квартирке на третьем этаже. В гостиной Полу сразу бросился в глаза манекен, небрежно задрапированный шелковой тканью. В проникавшем сквозь окно лунном свете шелк казался кроваво-красным. Но как только Люсинда включила торшер, ткань приобрела рыжеватый оттенок. На полу в беспорядке валялись детали выкроек, образцы тканей и наброски моделей одежды. Ситон сразу понял, что Люсинда неплохо рисует. На столике стояла электрическая швейная машина с педалью. А еще там была дорогая на вид система «хай-фай» и диванчик из искусственной кожи, который Пол как-то видел в витрине «Практичный стиль».

— Садись, — пригласила Люсинда. — Извини за беспорядок.

Она сняла куртку и повесила ее на манекен.

— Выпьешь что-нибудь?

Где-то наверху играла музыка — убаюкивающая кавер-версия «Red, Red Wine» в исполнении UB-40. Пол посмотрел на часы — шел второй час ночи. Он вынул из конверта пластинку и вставил ее в стереоустановку. Джули Лондон запела «Cry Me a River».

— Пиво у тебя есть?

— Напитков для мальчиков не держу, — сказала Люсинда.

Сняв куртку, она все еще стояла посреди комнаты, положив руки на бедра. Под тонкой блузкой просвечивали маленькие груди. Из динамиков доносился жеманный голос Джули Лондон.

— Есть шартрез и арманьяк, — сообщила Люсинда.

Шартрез. Это та зеленая штука, что она пила в «Верфи».

— Арманьяк. Грандиозно, — решил он.

— «Грандиозно», — фыркнула Люсинда.

— Так говорят у нас дома, — почувствовав себя дураком, ответил Пол.

— В славном Дублине нашем, — протянула она, — столько сыщешь милашек.

По правде говоря, в Дублине ему ни разу не попадалась девушка с глазами как у Люсинды Грей.

Через неделю он переселился к ней. Места в квартирке было, конечно, маловато, но им хватало. Если каким-нибудь теплым вечером они не шли в клуб или на вечеринку, то просто садились на деревянную скамейку у паба «Ветряная мельница» и потягивали пиво, прислонившись спиной к персиковому дереву, усыпанному розовыми цветами весь сказочный май.

В газетной лавке на Ламбет-уок они взяли напрокат видик, который в то время был еще в диковинку, и кассеты с фильмами «Хэммет» и «От всего сердца». Они от души смеялись над картинами «Мертвые не носят клетчатое» и «Торговые места». Они играли в теннис в Архиепископском парке, где были открыты два бесплатных корта, в окружении высоченных вязов и буков. В конце месяца они устроили у себя до смешного интимную вечеринку. Однокурсницы Люсинды нацепили на себя украшения со стразами и вырядились в платья для коктейля. На голове же они соорудили нечто невообразимое. Стереосистема сотрясалась от воплей «Малыша Креола».

— Это ненадолго, — пробурчал Патрик.

Он потягивал жуткую бурду под названием «Ночью штормит», которую Грег Фойл нацеживал из металлического шейкера, запотевшего от жары.

— Сомневаюсь, что ваш романчик переживет лето. Он обречен.

Но, сказав это, Патрик невольно улыбнулся, и Пол понял, что брат и сам не верит в то, что говорит.

Днем, пока Люсинда была на занятиях, Пол совмещал сразу несколько работ в отделах криминальной хроники и местных новостей в одном из лондонских изданий, именуемом «Хэки газетт». Он числился также внештатным корреспондентом «Ивнинг стандарт» и программы теленовостей «Вечерний Лондон». А еще он предложил свои услуги журналу «Фэйс», и ответственный редактор благосклонно принял его предложение.

Весь мир был пронизан надеждой и новыми ощущениями. Бывали дни, когда Пол почти что задыхался от яркой и насыщенной событиями лондонской жизни, пытаясь подхватить на лету вибрирующие импульсы города. Он воспринимал жизнь как увлекательный фильм. И это было вполне простительно, так как он находился в том возрасте, когда человек занят только самим собой. И в этом фильме, как казалось Полу, он постепенно перерастал роль статиста, претендуя уже на место в основном составе. Нет, он не замахивался на главную роль — его самомнение не было так велико. Но, как здраво рассуждал он, для нее вполне подходила Люсинда. Себе он отводил место пусть и эпизодического, зато очень заметного героя.

Из прошлого Пол сохранил только две вещи. Привязанность к брату и любовь к боксу. Юношей он довольно прилично боксировал, пройдя хорошую школу в клубе Святой Терезы на северной окраине Дублина, а потом отстаивая честь родного клуба на турнирах. Пол ценил в боксе безжалостность, а может, даже и боль. Жесткий режим тренировок буквально вошел ему в плоть и кровь. Поэтому, переехав в Лондон, он не забросил тренировки. В Архиепископском парке можно было поучаствовать в спаррингах, а для поддержания формы Пол стал посещать клуб «Фицрой лодж», расположенный под железнодорожным переходом в конце Геркулес-роуд. Он тратил два вечера в неделю и еще субботнее утро на прыжки со скакалкой, «грушу», спидбол и упражнения на брезентовых матах. Клубом заправлял тренер по имени Мик, худой как жердь и не выпускающий сигарету изо рта. Кабинетом Мики служила каморка из фанеры, устроенная на шатком балкончике над двумя тренировочными рингами. Периодически выныривая из горького облака «Бенсон-энд-Хэджис», он предлагал Ситону побоксировать с одним из своих перспективных новичков. Посещая это святилище силы, Пол поддерживал телесную мощь, исповедуя и возвеличивая тем самым мирскую суету и регулярно принося ей искупительные жертвы.

В пятницу он обычно покидал редакцию «Хэки газетт» на Кингсленд-роуд не позже четырех и спешил в западную оконечность города на встречу с братом. Вместе с друзьями они отмечали окончание рабочей недели, но Пол не задерживался, быстро заканчивая посиделки, — так вскружила ему голову Люсинда Грей. Выпив на скорую руку с приятелями, он отправлялся на поиски Люсинды — в «Погребок», «Кембридж» или «Перчинку». Отыскать ее было несложно: даже в битком набитом заведении Люсинду невозможно было не заметить.

Так вот, однажды в начале июня, в пятницу вечером, часов около пяти, Пол, расположившись с компанией друзей на плоской крыше школы искусств Святого Мартина, попивал себе «Ламбруско» из внушительной двухлитровой бутылки, купленной в итальянском магазине деликатесов на Олд-Комптон-стрит. Вокруг раскинулся Лондон, колышущийся в жарком мареве и запахах плавящегося гудрона, стряпни уличных торговцев, цветочной пыльцы и молодой листвы. Из заляпанного краской кассетника Фойла раздавалось надрывное пение Хэнка Уильямса. Пол сидел на низком каменном ограждении, как раз над распахнутыми окнами их студии. Горячий ветер приносил оттуда запах масляных красок и скипидара. Вечер был по-настоящему знойным, и солнце немилосердно слепило глаза. Они все были в «Рей-Бан», за исключением Фойла, который по привычке смотрел на яркий свет, прищурившись.

— Сегодня утром был на репетиции выпускного показа Люсинды, — сообщил Локиер.

В тот день он был одет исключительно от Лоуренса Корнера; в рубашку цвета хаки с

накладными карманами и широкие шорты, какие носили в свое время «Крысы пустыни».¹ Ситон, взглянув на его зализанные назад белокурые волосы, решил, что Локиер смахивает на Франчо Тоне из «Пяти гробниц на пути в Каир».²

— Очень достойный показ. Как говорят у них в модных кругах, не «хрен собачий». Нисколько не удивлюсь, если она получит бакалавра с отличием.

— А я удивлюсь, если она вообще сдаст экзамен, — вмешался Фойл, похожий на Керуака, если, конечно, американский писатель в те далекие пятидесятые тоже носил рубашку из набивной ткани и соответствующую стрижку.

— Степень с отличием как-то не вяжется с «вообще не сдаст». Что скажете, ребята? — вмешался Ситон.

— Я забыл про дипломную работу, — спохватился Локиер. — Грег прав. Ужасно жаль, ведь выпускная коллекция у нее просто блестящая.

— Не «хрен собачий», — согласно кивнул Патрик, прихлебывая «Ламбруско» из пластикового стаканчика.

Он смотрел в ту сторону, где в знойном мареве дрожала башня Главпочтамта, похожая на таком расстоянии на картонную декорацию к фильму.

— По диплому встречаются, по одежке провожают, — заметил Локиер.

— Очень обидно, — кивнул Фойл. — Жуть как: обидно.

— О чем, собственно, речь?

Приятели посмотрели на Ситона и переглянулись. Наконец брат объяснил:

— О дипломной работе. Люсинда ее не написала. Она просила об отсрочке и получила ее, но все же не успевает закончить. Если она не сдаст работу, это автоматически означает провал на экзамене. Поверить не могу, что она тебе об этом не говорила.

— Ну, не говорила...

Друзья старательно отводили глаза.

— А что за работа?

— О Пандоре Гибсон-Гор, — ответил Фойл.

Ситон уже где-то слышал это имя. Оно всколыхнуло в нем давнишние, смутные воспоминания, но и только. В такую жару, да еще после бутылки вина голова работала не слишком хорошо. Он то ли читал, то ли слышал о ней. Что-то шевельнулось у него в мозгу, какая-то забытая ассоциация, но что именно, он так и не вспомнил. Пол сдался:

— Кто это такая?

— Шут ее знает, — откликнулся Патрик.

— Она была фотографом, — объяснил Фойл. — Портреты и фотографии для журналов мод. Она одна из основоположниц этого направления. Но все самое значительное она сделала в ранней молодости. И умерла молодой.

— Нехорошо с ее стороны, — хмыкнул Патрик. — По отношению к дипломникам.

— Пандора — личность загадочная, — добавил Фойл. — Сложная тема для исследовательской работы. Люсинда говорила, это все равно что биться головой о стенку. И дело совсем не в ее лени. Люсинда окончательно зашла в тупик.

Ситон слез со стены на крышу и поглядел вверх, на небо, на туманные шлейфы, протянувшиеся в голубой пустоте на много миль. Затем он обернулся к приятелям и отметил необыкновенную контрастность их черных теней на фоне плоской поверхности крыши. Хэнк Уильямс в кассетнике Грега Фойла тихо страдал от любовной тоски, а внизу изнывал от вечерней жары Лондон. Сверху он был виден как на ладони — город, дающий заряд бодрости и вдохновения.

Пандора Гибсон-Гор... Это имя у Пола почему-то рождало ассоциации со старинным авто. С подножкой, с брезентовым верхом, с черным лакированным кузовом, на котором глянцеви́то поблескивали капли дождя. Он словно наяву увидел колонну таких машин,

¹ «Крысы пустыни» — седьмая бронетанковая дивизия союзных войск во время Второй мировой войны.

² Франчо Тоне (1905–1968) — американский актер; «Пять гробниц на пути в Каир» — шпионский приключенческий фильм Билли Уайлдера с его участием.

желтыми фарами освещавших себе дорогу по тенистой аллее. Темнота за ветровым стеклом пропахла табаком и дорогим одеколоном, брызговики подрагивали в такт движению колес по ухабистой дороге...

— Да, обидно будет, если Люсинда завалит диплом, — начал по новой Локиер.

— Просто издевательство, — согласился Фойл, глотнув вина.

— Люсинда диплом не завалит, — возразил Ситон, усилием воли возвращая себя в реальность.

Он знал, что говорит, ибо не собирался ни в коем случае этого допустить. Предоставленная ей отсрочка кончалась только через полмесяца, и Пол прикинул в уме, что если возьмет причитающуюся ему неделю отпуска, то как раз успеет к сроку. При этом он не стал брать в расчет ни принципиальность Люсинды, ни ее бескомпромиссность, ни возможное смущение, если обнаружится, что ее тайна — позорный интеллектуальный провал — стала и его достоянием, причем самым неприглядным образом. Гордость заставляла Люсинду скрывать от Пола правду, и он удивился, как ей до сих пор это удавалось. Впрочем, его изумление длилось недолго — так ему не терпелось ей помочь, причем, откровенно говоря, не только ради нее самой. Исследовательская работа и писательский труд как-никак были для него привычным делом. Конечно, он хотел выручить ее — но и произвести впечатление тоже.

Он ни словом не обмолвился ей о своем намерении до следующего дня, до субботы, решив поговорить после тенниса. В субботу после игры они обычно никуда не ходили пропустить стаканчик: корт был свободен во вторую половину дня, а «Ветряная мельница» в это время была закрыта. Поэтому они возвращались домой и пили чай в крохотной гостиной, распахнув окно настежь. Люсинда никогда не переодевалась сразу и сидела в том, в чем была на корте: в белом плиссированном платье и белой повязке на зачесанных назад волосах. На ком-то другом, по мнению Пола, белое платье для игры в теннис выглядело бы дешевым жеманством, но Люсинду он и не представлял в другом наряде. Ее волосы у корней все еще были влажными от жары и физической нагрузки. Они сидели и пили чай.

— Почему ты не сказала мне о своей дипломной работе?

С ее лица схлынул румянец, и она стала до того бледной, что Пол с удивлением заметил тонкую светло-зеленую линию подводки для глаз. Он понятия не имел, что она подкрашивается днем. Люсинда засмеялась:

— Не сказала, потому что не о чем говорить.

— Почему же?

Люсинда посмотрела на свои руки, лежавшие на коленях, потом стащила повязку и принялась мотать головой. Темно-русые мокрые кончики волос хлестали ее по лицу.

— Я выбрала не ту тему, — наконец произнесла она, Ситон понял, насколько она огорчена, уловив легкий акцент жителей севера Англии в ее голосе. Люсинда бесстрастно продолжила:

— Мне хотелось поразить всех блестящим сочинением о каком-нибудь незаслуженно забытом художнике. А обернулось все охотой за призраком.

— Я могу помочь тебе.

В квартире наверху тихо звучал знакомый мотив «Red, Red Wine».

— Помочь в чем? Втереть всем очки?

— Помочь получить диплом, достойный твоего таланта.

По ее лицу было заметно, как сильно она переживает. Никогда раньше Ситону не приходилось видеть, чтобы Люсинда так страдала. Она словно попала в западню: жары, этой комнаты, его настойчивости.

— Покажи-ка мне работы Пандоры, — попросил он, желая увести разговор в сторону и дать ей возможность прийти в себя.

Сняв с полки над телевизором тонкую книжку в твердом переплете, Люсинда отдала ее Полу и вышла из комнаты. Вертя книжку в руках, Пол слышал, как Люсинда возится в ванной с ингалятором: у нее была астма.

Книга оказалась монографией. Автор некий Эдвин Пул. Его имя было вытиснено на обложке шрифтом, типичным для издательской группы Блумсбери. На пяти страницах, после оглавления, Пул педантично описал фотоработы Пандоры Гибсон-Гор. Далее следовали двадцать вкладок с портретами. Застывшая монохромная вселенная, пахнувшая в атмосфере июньского зноя пылью и отчужденностью мертвых и ломких страниц.

На одном из снимков был запечатлен скорбного вида иллюзионист, опутанный цепями. Он стоял на мосту через Сену — реку и город можно было узнать по скелетообразной башне, видневшейся вдали.

На другом был клоун, сидевший на барабане посреди арены. Пуговицы-помпоны его костюма казались несоразмерно большими, а при более пристальном рассмотрении обнаруживалась еще одна драматическая подробность: опилки возле его гигантских башмаков были забрызганы чем-то похожим на кровь.

Была там и балерина. Она дожидалась выхода в кулисе ярко освещенной сцены и покуривала сигаретку, вставленную в черепаховый мундштук. Ее жилистые руки и ноги контрастировали с белой балетной пачкой, а убранные в тугий пучок черные волосы делали ее лицо со впалыми щеками совершенно мертвым.

А еще нью-йоркский полисмен. Двумя пальцами он держал тяжелую рукоять револьвера, демонстрируя крайнее отвращение, словно в руках у него была дохлая крыса. У его ног лежал накрытый пальто труп — вероятно, жертва преступления, о поле которой можно было судить по маленькой бледной руке, высывающейся из-под грубой ткани. Далее Ситон узнал прославленного французского боксера Жоржа Карпантье, застигнутого за поеданием кремовой слойки за столиком кафе. Волосы спортсмена были густо набриолинены, а под бровью пролегла длинная, кое-как зашитая рваная рана.

Были там и снимки артистки кабаре с толстым питоном, а также фокусника, обнажившего в улыбке гнилые зубы. Рядом с ним над карточным столом в воздухе застыл стеклянный шар. Какой-то человек, стоящий в тени, позировал фотографу на палубе морского лайнера. На фотографии не было ничего, что подсказало бы название судна. Но Ситон все равно узнал человека. Это был английский оккультист Алистер Кроули. Он кому-то улыбался — возможно, просто на камеру. И наконец, ателье. Группа застывших женщин взирала на стройный манекен, на котором швеи закалывали нечто вроде платья.

Фотографии Пандоры производили сильное впечатление. Но Ситон подумал, что зрителя привлекало не мастерство художницы, а нездоровое любопытство при виде смерти. Умирание всегда притягивает, а на ее снимках, бесспорно, был изображен иной мир. Вот что роднило ее персонажей — они все были уходящей натурой.

Но это был не тот мир, уход из которого мог вызвать сожаление и печаль. Он был слишком мрачным и даже безобразным. Может быть, в том и состояло искусство фотографа, ее истинный дар — выйти за рамки позолоченной слащавости, свойственной старинным снимкам Пандора Гибсон-Гор видела мир во всей его страшной наготе. Так и ее работы: они не были набором реминисценций на желтоватой бумаге.

Пол Ситон не хотел бы оказаться среди обитателей созданного ею мира. Более того, не хотел бы даже ненадолго стать там гостем. Закрыв книгу, Пол задумался, что, ради всего святого, могло заинтересовать Люсинду в творчестве этой женщины.

Он перечитал монографию. Эдвин Пул был на редкость немногословен. Ситону показалось, будто автор проводит мысль о том, что Гибсон-Гор достигла в своих трудах технического совершенства, не доступного большинству женщин-фотографов ее эпохи, и что она, не в пример многим, придерживалась бесстрастного отражения действительности. У Ситона создалось впечатление, будто аргументация автора направлена больше на рассеивание его собственных предрассудков, чем на освещение художественных достоинств работ Гибсон-Гор — если, конечно, ее можно было причислить к художникам. Пока же у Пола были большие сомнения на этот счет.

Джулия Маргарет Камерон опередила Пандору с ее темой более чем на полвека, добиваясь не меньшего эффекта. Если же вы ожидали превосходства бесстрастного

жизнеописания над эмоциями, то можно было бы, в конце концов, обратиться к военным фотоснимкам Ли Миллер, а уж Ли Миллер была женщиной до мозга костей! Пол снова взглянул на страничку оглавления, и тут в комнату вернулась Люсинда. Она уже сняла теннисный костюм и теперь принесла им по кружке чая. Монография Пула датировалась тысяча девятьсот тридцать седьмым годом.

— Он ее двоюродный брат, — присаживаясь рядом, сказала Люсинда. — Между ними десять лет разницы. Сам он не имел к искусству никакого отношения. В свои двадцать семь уже занимал высокое положение у Ллойда в Лондоне. Но ее самоубийство могло навредить его карьере. — Она сделала плоток чаю. — Поэтому он решил написать вот это и издал за собственный счет, всего несколько сотен экземпляров.

— Но это ведь дешевка.

— Наоборот, очень дорогая вещь. Отпечатана в одном из филиалов Блумсбери, в типографии, основанной Литтоном Стрэчи.

— Я имел в виду, дешевка как источник информации.

Люсинда кивнула. Они молча принялись пить чай. Чай был крепкий и бодрящий. У чая, как и у ее акцента, был привкус севера.

— Большинство лучших работ Пандоры выставлено в Британском музее.

— Значит, хорошие работы все же были?

— Конечно! Они просто великолепны! Для своего времени.

— Что же ты в них искала?

Пол понял, что своим вопросом он сводит на нет все усилия Люсинды. Вероятно, до нее это тоже дошло, так как ответила она не сразу.

— То, что выходит за рамки общеизвестных фактов. Пандора усердно училась фотографии, совершенствовала свои умения и знания в этом деле. Все это было необходимо для удовлетворения ее нереализованных эстетических потребностей. И конечно же, ей было совершенно наплевать на деньги. В то время всех женщин-фотографов не считали профессионалами. Поэтому престиж ее не волновал. Она просто творила. А потом вдруг взяла и все бросила.

— И ты хотела найти объяснение, почему она все бросила? Хотела раскрыть тайну? Потому и выбрала такую тему для дипломной работы?

— Нет, Пол. Мне кажется, где-то должны быть спрятаны ее неизвестные снимки. Я думаю, самые значимые из ее работ пока не найдены. Глупо, но я надеялась, что первой их обнаружу.

Ситон положил книгу Пула на пол и протянул Люсинде руку. Его порыв был встречен благосклонно. Люсинда ответила на рукопожатие.

— Я так понимаю, что ты не будешь против, если я помогу тебе?

— Помогу всех облапошить?

— Как пожелаешь.

— Да, — сказала Люсинда. — Похоже, я не буду против.

Позже Ситон сходил в газетную лавку на Ламбет-уок и взял посмотреть «Американского оборотня в Лондоне». Они трижды перематывали назад пленку, чтобы вернуться к сцене, когда двое незадачливых янки пытаются спрятаться в «Заколоте агнце», и с каждым разом все больше веселились.

— Спорим, ты запал на Дженни Эгаттер,¹ — заявила Люсинда.

— Да брось ты, — отмахнулся Ситон. — Нет на свете такого мужика, который бы на нее не запал.

Затем они пошли в Кеннингтон и встретили Стюарта Локиера с Патриком в пабе «Черный принц». По вечерам в выходные там можно было петь под фонограмму известные мелодии. Патрик исполнил «Blueberry Hill», перевирая слова, ибо толком их не знал, и закончил откровенным джазовым «скатом». Ситон наблюдал за выступлением брата, смеясь

¹ Дженни Эгаттер (род. в 1952) — британская актриса. Роль сиделки в фильме «Американский оборотень в Лондоне» (1981) считается одной из ее удач.

до слез. Патрику аплодировали стоя. После закрытия Пол с Люсиндой возвращались домой при полной луне. Они шли по нагретым за день тротуарам, поглядывая туда, где от реки отражался лунный свет. Пол думал, что им посчастливилось без потерь пережить первую ссору. Ведь по-настоящему они даже и не ссорились.

11

Уже в субботу Пол попросил Люсинду дать ему все материалы — в общем, все, что у нее было на Гибсон-Гор. Архив был скудным фотокопия некролога в «Таймс» и ксерокопии нескольких снимков на тему моды, хранящихся в Британском музее. Коллекцию дополнял старый-престарый экземпляр «Вог» с серией фотографий модной одежды. Очевидно, они были сделаны на тему турпоездки или пикника. Старомодные башмаки и шляпы-канотье, дополняющие твидовые и габардиновые костюмы, так и просились на цветную пленку. Но цветной фотографии в те дни не было. Еще один интересный материал, на этот раз в «Харпер базар», был посвящен истории купальных костюмов. Судя по освещению, снимки были сделаны на Ривьере. Красивые люди отдыхали в шезлонгах или стояли на трамплине для прыжков в воду над бассейном. По фотографиям можно было по достоинству оценить мастерство фотографа, ее тактильную технику передачи человеческой кожи и света, словно она была скульптором, вооруженным объективом.

Наконец там нашлась фотография и самой Пандоры Гибсон-Гор. Ее темные волосы, заплетенные в косы, были уложены вокруг головы и увенчаны сверкающей диадемой. На шее красовалось ожерелье из крупного жемчуга, а платье, открывавшее плечи, было расшито бисером, поблескивающим и переливающимся в свете канделябра. Это был групповой снимок, сделанный за столиком «Кафе ройял», эмблема которого украшала штору позади улыбающейся компании. Гибсон-Гор снялась в чисто мужской компании. Мужчин было пятеро, все во фраках. Двоих Ситон узнал. Во-первых, там присутствовал все тот же Кроули, все с той же улыбкой. Выражение пронизательных глаз диссонировало с его заурядной внешностью. Вполне узнаваем был и Освальд Мосли, гораздо моложавее и худощавее, чем во времена его скандальной известности, но, в общем, почти не изменившийся.

Ситон перевернул фотографию — на обратной стороне карандашом были подписаны имена изображенных на снимке. Люсинда, сидевшая за швейной машинкой, перекусила нитку и склонила голову набок. Пола этот жест обычно смешил он делал. Люсинду похожей на насторожившуюся кошку.

— Кто такой Уитли?

— Автор триллеров. Его книги запрещены.

— А Фишер? — спросил Пол.

— Что-то типа предпринимателя. Кажется, торговал оружием. После Первой мировой войны сколотил себе состояние на оружейных патентах. Про пятого типа ничего не знаю. Но Пандора вращалась в очень сомнительных кругах. Уж можешь мне поверить.

Ситон кивнул и переместился с дивана на стул у окна, чтобы рассмотреть фотографию при свете. Глаза окружавших Пандору мужчин выражали ленивую жестокость, совсем как у крупных кошачьих, когда они чутко дремлют в перерыве между охотой. Их расслабленные позы никого не могли ввести в заблуждение: в них чувствовалась скрытая угроза, настороженность хищника, готового в любую минуту броситься за жертвой. Впрочем, к Кроули это не относилось. Ситону показалось, что тот просто чем-то обеспокоен.

Там не было ни одной искренней улыбки. По крайней мере, хоть это роднило Пандору Гибсон-Гор с теми, кто сидел с ней за одним столом. Но, присмотревшись, Пол пришел к выводу, что вряд ли она была своей в их компании. Нет, не похоже... Вдобавок Пандору выделяли не только драгоценности и утонченность, но еще кое-что. Она казалась очень красивой. А еще она казалась очень испуганной.

Он взялся за дело в понедельник, сразу после того, как просмотрел почту на своем столе и позвонил в отдел прессы Скотланд-Ярда, чтобы узнать, не было ли каких-нибудь

преступлений в Хэрни за прошедшие выходные. Такие, разумеется, нашлись. Но ни одно из них не заслуживало того, чтобы попасть на страницы газеты. Издание выходило дважды в неделю, и в понедельник шел сбор материала. Впрочем, газета была уже практически сверстана. Не хватало только передовицы. Но на ее место годились и жуткий репортаж из зала суда по делу об убийстве из мести, и опрос общественного мнения по поводу недавнего спасения тонущего в канале малыша. В пол-одиннадцатого в редакцию позвонил владелец зоомагазина у станции метро «Хэрни Даунс» и рассказал о том, что накануне днем у них вырвалась из клетки обезьяна и устроила внутри настоящий погром, выпустив на волю большую часть имеющейся там живности.

— Зверского злоумышленника — на первую полосу, — заявил главный редактор без четверти одиннадцать, просунув голову в дверь отдела новостей.

На него нашла очередная прихоть, и он решил не оставлять этот материал на пятницу, а тихой сапой дать его в середине недели. Очевидно, он понимал, что читателям необходимо отдохнуть от драк на вечеринках, попыток поджога и самоубийств.

Ситон остался не у дел. Он поднялся по лестнице на четвертый этаж, в фотолабораторию, чтобы спокойно раскинуть мозгами, каким образом можно добыть информацию о Пандоре Гибсон-Гор. В лаборатории работали двое сотрудников. Младшего, Майка Уайтхолла, только что отправили по адресу погрома, учиненного «зверским злоумышленником», чтобы запечатлеть его во всей красе. Ситону пришло в голову, что обезьяны — звери по самой своей природе, но читатели вряд ли поймут разницу. Зато главный редактор мог лишний раз удовлетворить свою нелепую страсть к аллитерациям в заголовках. Как бы там ни было, Пол только обрадовался, что Майка нет на месте: тот обладал врожденным репортерским любопытством и достал бы его вопросами, с чего это вдруг Ситон интересуется какой-то Гибсон-Гор. Зато Эдди Харрингтона, которому до пенсии оставалось всего ничего, это совершенно не трогало. Более того, из них двоих именно Харрингтон мог что-то подсказать Ситону.

Ситон порадовался, что сигнальная лампочка над открытой дверью, ведущей в недра лаборатории, не горит. Это означало, что Эдди не занят проявкой. Пол прошел по узенькому коридору и застал старшего фотографа редакции в камерке-хранилище, набитой фотоаппаратами и бутылками с реактивами. Эдди сидел на табурете и протирал объективы. При виде Ситона он кивнул поверх очков, но дела не бросил. В лучах пробивающегося из коридора света вокруг желтого кусочка замши и пальцев Харрингтона вились мелкие пылинки.

Пол знал, что Эдди ему симпатизирует. Ситон всегда ходил на работу в костюме. Был непременно вежлив и предупредителен по отношению к старшим коллегам. Его так воспитали. Другие молодые репортеры, не избавившись до конца от юношеской задиристости, щеголяли в мохеровых джемперах и смотрели на всех сверху вниз. Они стряпали на допотопных редакционных машинках объявления о свадьбах и похоронах, но мнили себя представителями журналистики «новой волны» и непрерывно грозили забастовками, бормоча что-то о равенстве и справедливой оплате труда. Платили им мало. По крайней мере, не сравнить с рабочими типографии, расположенной в подвале здания. Но старые сотрудники вроде Харрингтона были в этом не виноваты. Поэтому Ситон на всякий случай держался с Эдди приветливо и почтительно.

— Говоришь, умерла, забытая всеми?

— В нищете, что, как мне кажется, примерно одно и то же. Очень странно, ведь у нее было полным-полно богатых родственников, которые могли бы ей помочь. Но когда она покончила с собой, у нее не было ни гроша. И при жизни ни разу ни к кому не обратилась за помощью. В общем, адреса у меня нет...

— А для чего тебе так понадобился ее адрес? — спросил Эдди после короткого раздумья.

— Честно говоря, есть у меня одна смелая задумка. Дело в том, что я пытаюсь узнать: а вдруг после нее остались какие-то бумаги. Ее последнее место жительства может дать мне

ключ, где эти бумаги искать. Если, конечно, они существуют.

По выражению лица Харрингтона Пол сразу же понял, что его «задумка», пожалуй, чересчур смелая. И еще он заметил, что впервые за всю историю фотоотдела в их издательстве Эдди держал в руках такой идеально отполированный объектив.

— Я дам тебе список, — сказал Эдди, — гильдий, профессиональных ассоциаций и прочих организаций, куда обычно вступают фотографы.

Он наконец-то отложил замшу и принялся хлопотать по карманам жилета в поисках ручки.

— А в фотоателье она обращалась?

— Не знаю.

— Многие фотографы обращаются. Печать — тоже искусство, важный момент в фотографическом деле. Фотоателье означает счет-фактуру, а счет-фактура подразумевает адрес. Должна же она была как-то рассчитываться за услуги. А если так, то у них наверняка остался ее адрес.

— Я позвоню своей девушке и спрошу. Может, она знает.

— Когда вернешься, тогда и заберешь список, — кивнул Эдди.

Люсинда дома готовилась к выпускному показу, как заведенная строча на швейной машинке. На газоне возле их квартиры неумолимое летнее солнце выжгло некошеную траву до ломкой желтизны. А Люсинда так никуда и не выходила, все возясь с выкройками, тканью и электрической швейной машинкой. Ситон представил ее в солнечном свете, проникающем сквозь сшитые на скорую руку муслиновые занавески, и его захлестнула волна любви к Люсинде. Она ответила на телефонный звонок с присущей ей едва уловимой северной чопорностью. Она сейчас жила только этим чертовым выпускным экзаменом. А он так ее любил Любил и готов был горы свернуть, чтобы ей помочь. Он говорил с Люсиндой очень тихо, так как в отделе новостей было полно других репортеров. Те как ни в чем не бывало стучали по клавишам пишущих машинок, курили и делали вид, будто пропускают мимо ушей все, что не заслуживает внимания.

— Никаких фотоателье, — сказала Люсинда.

— Вот дерьмо!

— Она всегда сама печатала свои снимки. Многие из них были частными заказами, и в соглашении оговаривалось, что она должна изготовить их лично, без участия третьих лиц.

— Откуда тебе это известно, Люсинда?

В Ламбете повисла тишина. В Хэрни стучали по клавишам и деловито скрипели стульями репортеры.

— Что?

— Откуда тебе это известно?

— Об этом столько говорили. Ведь кое-какие ее работы были весьма рискованными для своего времени. И среди моделей попадались достаточно известные люди. А что?

— Как можно так много знать об этой женщине? И одновременно знать так мало!

В Ламбете опять замолчали. В редакции тоже.

— Ладно, извини, — сказал Ситон.

Он положил трубку на рычаг и в поисках вдохновения уставился на доску информации, висевшую на стене у его стола. Она была сплошь утыкана вырезками и флаерсами. Ситон пробежал глазами по снимку, где Генри Купер¹ запечатлен в тот момент, когда он сидит в пабе «На дамбе» рядом с улыбающейся королевой в жемчугах и пододвигает к ней кучу монет от лица какого-то благотворительного общества. Тут же висела листовка кампании «Спасем Уэппинг»,² а рядом — фотография принцессы Ди в платье с рукавами-фонариками во время посещения больных Хомертонского госпиталя. Детский макияж, сбор пожертвований для пожарных, сенсационное сообщение о фараоновых муравьях, якобы осаждающих поместье

¹ Генри Купер — легендарный британский боксер в супертяжелом весе, в течение одиннадцати лет удерживавший титул чемпиона Великобритании.

² Уэппинг — приречный район Лондона неподалеку от доков.

Клэптона. Ничего стоящего.

Пол сходил к Эдди за списком и обзвонил разные организации. К своему удивлению, он обнаружил, что Пандора Гибсон-Гор состояла членом не одного, а сразу нескольких фотографических обществ и ассоциаций. Однако все они, когда он любезно просил дать ее последний адрес, отсылали его к некоему дому на Чейн-уок, то есть туда, где она проживала в то время, когда был сделан снимок в «Кафе ройял». Тогда Ситон отыскал телефон арт-клуба в Челси и на всякий случай позвонил туда.

— О боже! — услышал он голос пожилой женщины. — Мы не храним учетные записи такой давности. Но знаете, я ее помню, хоть и смутно. И точно могу сказать, что она жила в Челси. В роскошном доме на Чейн-уок.

Пол взглянул на часы. Двенадцать. На это дело у него ушло пока только два часа — всего ничего. Но в его душе почему-то возникло нехорошее чувство, вернее, предчувствие беды. В единственном некрологе говорилось, что у нее нет определенного местожительства, что свидетельствовало об ее крайней нужде. Лондон тридцатых годов сурово обходился с бездомными. Невозможно было найти себе пристанище без гроша за душой. Большинство населения жило в крайней нужде. Это была не достойная бедность, а полное обнищание — жуткое следствие Великой депрессии. В обществе отмечался дефицит милосердия, а благотворительность была редким исключением. Для достойной жизни граждан необходимо процветающее государство. Но еще более важно, что только в таком государстве все моменты жизни людей отражены в соответствующих документах. Впоследствии это дает возможность получать архивные справки и располагать необходимыми данными для проведения розыскных мероприятий. Но система регистрации окончательно сформировалась лишь в тысяча девятьсот сорок восьмом году, через одиннадцать лет после гибели женщины, чей след, несмотря на все старания Ситона, буквально исчезал на глазах.

Ситон встал и предложил всем сделать перерыв на чай. В редакционной кухоньке Пол наткнулся на Майка.

— Ну как там наш «зверский злоумышленник»?

— Совсем озверел. Освирепел.

Ситон только кивнул, продолжая мыть чашки. На фоне редакционной пишущей братии Майк выгодно отличался богатством лексикона, тем более что таблоидный текст, как правило, требует смелого обращения с языковыми нормами. К тому же Майк не лез за словом в карман, а посему был востребован вдвойне.

— Давай пообедаем через час в кафе «У Артура».

— Почему бы и нет, — согласился Ситон.

Если идти по направлению к станции Далстон, то кафе «У Артура» будет сразу за кондитерской на Кингс-ленд-роуд. После «Фаворита» у станции метро «Камден-таун» «У Артура» было, по мнению Ситона, лучшим кафе за пределами Дублина. Может быть, тамшнее, жаренное на гриле мясо вдохновит его на новые идеи.

Ее нашли в реке. Отлив оставил тело на прибрежной гальке у причала Шадуэлл, неподалеку от паба «Панорама Уитби». Вероятно, где-то поблизости находился и приют для обездоленных, о существовании которого никто из прежнего круга Пандоры даже не подозревал. Как могла она так низко пасть, что умерла, не имея даже крыши над головой? Неужели ни один из ее именитых друзей не попытался ей помочь? Или она лишилась рассудка? Клеймо безумия было единственным доводом, приходившим на ум Ситону, чтобы объяснить такое равнодушие к ней со стороны прежних знакомых. Он снова перечитал некролог, где с плохо скрытым отвращением утверждалось, что Пандора Гибсон-Гор сама нанесла себе смертельную рану. Даже для «Таймс» образца тысяча девятьсот тридцать седьмого подобное описание утопления выглядело по меньшей мере странным.

Ситон позвонил Бобу Холливеллу, дежурному сержанту при каталажке в Бетнал-Грин, которого он старательно окучивал. Впрочем, Холливелл никоим образом не производил впечатления человека, поддающегося «окучиванию». Как-то он признался Полу, что все свое

свободное время посвящает рыбной ловле на муху. Ситон же был склонен думать, что такие рыбаки, как Боб, скорее, глушат форель динамитом.

Боб Холливелл внимательно его выслушал, а затем изрек:

— Сорок шесть лет тому как. Мик, даже по вашим журналистским меркам, это сильно протухшая сенсация.

Холливелл звал его Миком, потому что Пол приехал из Дублина. При этом полицейский находил, что это очень смешно.

— Тогда этот кусок берега, возможно, был в ведении участка в Уайтчепел.

— Но после слияния вся документация должна быть и у вас тоже. Скорее всего, досье сдали в архив, а данные потом внесли в компьютер.

— Теоретически да, — хмыкнул Холливелл.

— Ну, давай же, Боб, — подстегнул его Ситон. — С меня стакан.

— И не один, если уж на то пошло, — сказал Холливелл и неохотно спросил: — Как там ее зовут? Если что-нибудь отыщу, перезвоню.

Через пятьдесят минут, когда Пол уже высматривал в окне Майка Уайтхолла, ждавшего его на улице, чтобы отправиться в кафе «У Артура», Боб Холливелл все же перезвонил:

— Мик, она вовсе не утонула. Она перерезала себе горло, прежде чем прыгнуть в реку, и уже в воде умерла от потери крови.

Из окна было видно, как Майк Уайтхолл поправляет узел галстука и приглаживает волосы, смотрясь в боковое зеркало припаркованной на стоянке «гранады» главного редактора. Он был высоким и стройным, этот красавчик Майк, облаченный в черный костюм и ботинки на резиновой подошве — все из «Робота» в Ковент-Гардене.

— Значит, самоубийство...

— Похоже, что так.

— Еще что-нибудь необычное?

— Истощение. Она морила себя голодом.

Майк за окном достал пейджер и стал вертеть его в руках.

— Она сильно нуждалась, — заметил Ситон.

— И вовсе нет. Ее вещи до сих пор у нас хранятся. Они здесь, прямо передо мной. У нее были бриллиантовые серьги, как у шикарной дамы. На руке она носила кольцо с изумрудами и рубинами и часы «Картье». Такие вещи в ту пору можно было запросто заложить. Впрочем, и сейчас тоже. Если тебе интересно мое профессиональное мнение, то она вряд ли выстаивала в очередях за бесплатным супом. Она голодала, потому что сама этого захотела.

— Как так получилось, что у вас до сих пор хранятся ее вещи?

— Судя по прилагающейся к ним записке, их должен был забрать ее кузен.

— Выходит, не забрал?

— Пока нет. Все еще ждем, — хохотнул Холливелл.

— И она сама перерезала себе горло?

— Так сказал хирург.

— С меня причитается, Боб, — поблагодарил его Ситон.

— «Чивас регал», — потребовал Холливелл. — И заметь, целую бутылку, — добавил он и повесил трубку.

12

В кафе «У Артура» Пол сел напротив Майка. Хозяин заведения расхаживал между столиками и рассказывал посетителям, чем их будут кормить. Тут же на столиках лежали меню, набранные темным курсивом на плотной желтой бумаге. Но как только вы становились завсегдатаями, Артур, всегда в белоснежных куртке и фартуке, сам заказывал вам обед. В кафе жара была просто невыносимой, но Майк героически поглощал гриль-микс, заказанный для него хозяином, тогда как Ситон проигнорировал огромное блюдо с мясной

лазаньей, предпочитая потягивать кока-колу.

Помещение кафе представляло собой вытянутый прямоугольник. Узкие сиденья располагались по обе стороны от центрального прохода, поэтому посетители либо упирались взглядом в дверь кухни, либо сидели лицом к входу, между двух низких окон. За окнами находилась Кингсленд-роуд, и Ситон вяло наблюдал за уличным движением, если это можно было назвать движением. Над мостовой висело плотное облако выхлопных газов от автобусов и грузовиков, намертво застрявших в знойном мареве.

Пол почувствовал, что его брюки из тонкой шерсти прилипли к пластиковому стулу. Он допил кока-колу. Артур, проходя мимо, забрал стакан Ситона и расторопно протер тряпочкой стол. Затем он продолжил обход, подмигнув своим, как он всегда называл их, джентльменам из прессы. Он благоволил им до такой степени, что в конце календарного месяца, когда журналистские доходы были на нуле, угощал в кредит. Им даже не пришлось просить его об этом. В прошлом месяце Артур сам сделал такое щедрое предложение. Пол, родом из Дублина, и Майк, из городка Формби в Мерсисайде, были просто потрясены его щедростью. Когда начинаешь узнавать Лондон поближе, то понимаешь, что это не что иное, как большая деревня. В этой части города они чувствовали себя как дома.

Ситон подумал, что Артур мог бы стать прекрасной моделью для Пандоры Гибсон-Гор. У него было румяное, словно вырезанное из красного дерева, лицо. Лицо типичного столичного жителя. Его легко можно было представить вымазанным сажей трубочистом конца прошлого века, катящим на велосипеде со щетками за плечами. Он также был вполне уместен как персонаж старой кинохроники — ходячая доска объявлений, на которой изумленные зеваки читают сообщение о гибели «Титаника» и предполагаемых многочисленных жертвах. Кроме того, черты его лица имели еще одно свойство: они были невыразительными, что необходимо для каждого настоящего мага. Словом, с таким же успехом Артур мог бы выступить в роли гипнотизера на сеансе левитации, а доброволец из публики — симпатичная особа в ботиночках на пуговках — недвижно висел бы в воздухе, выставив напоказ нижние юбки. Такой снимок был вполне в духе Пандоры. Что-то неустойчивое, невероятное, образы, рождающие вопросы без ответов. Снимки в прочитанной Ситоном книге наводили на мысль, что она специализировалась в области, прямо противоположной той, для чего предназначено искусство фотографии, а именно — для раскрытия образа.

— Ты что, так и не попробуешь лазанью?

Ситон послушно взял вилку, отправил в рот немного политых соусом макарон и принялся пережевывать, не в силах отвлечься от мыслей о Пандоре. Он, словно наяву, видел ее обнаженное бледное тело, украшенное драгоценностями. Ее некогда прекрасную, а теперь дряблую от долгого пребывания в грязной воде кожу. Боже, как же надо было себя ненавидеть, чтобы броситься в Темзу? Часы «Картье», должно быть, остановились в тот самый момент, когда тело упало в воду. Бесплезная улика, ведь убийцей была сама жертва. Следовательно, время смерти несущественно. В разговоре с Бобом Холливеллом Ситона так и подмывало подбить детектива за дополнительный бонус изъять из сейфа вещдоки, снятые с тела Пандоры. Прикоснуться к ним означало бы прикоснуться к ней самой. Но какой в этом смысл? Разве что почувствовать себя грязным извращенцем!

— Ты знаешь, это одно из тех клише, которое находит подтверждение всякий раз, как мы сюда заходим, — донесся до него голос Майка откуда-то издалека, с другого конца столика.

— Какое же?

Пол увидел что Майк успел смести с тарелки все, оставив только лужицу яичного желтка. В кухне надрывался транзистор, настроенный, как обычно, на волну «Столица». Передавали песню группы «АБС». Мартин Фрай¹ жеманно исполнял хит «The Look of Love».

— Стереотип ирландца, — пояснил Майк. — Кельтского чародея-златоуста. Хочу сказать, что, когда ты жонглируешь своими заклинаниями, тебя порой трудно понять. Но

¹ Мартин Фрай — лидер британской поп-группы «ЛВС», образованной в 1980 г.

лично я для тебя — благодарная аудитория. Заметь, всегда был готов слушать твои словоизлияния. Мне любую лапшу можно на уши навешать.

— Прошу прощения, — улыбнулся Ситон.

— Закажи-ка мне тоже кока-колы. И выкладывай, что у тебя на уме, — заявил Майк, посмотрев на часы.

Все дело в том, что он словно побывал там. Постоял на мокрой гальке у причала Шадуэлл, увидел накрытый брезентом труп у грязной пенистой кромки прилива, а еще вереницу барж, которые тащил коренастый буксир, пускавший клубы дыма в низкое ноябрьское небо. Вдохнул запахи реки, мокрых габардиновых полицейских плащей, прокисшей от сырости плоти, насыщенного серой и копотью воздуха. Там шел дождь. В то утро, когда нашли мертвое тело Пандоры, в Лондоне шел дождь.

С большим трудом Ситон перенесся обратно. Обратно в кафе «У Артура». Обратно в здешнюю духоту.

— Много нарыл за сегодня?

— Хорошенького понемножку, — скривился Майк. — После «зверского злоумышленника» можно спокойно почивать на лаврах. Или уйти на пике славы. В разгар игры всегда надо уметь вовремя остановиться. Я о той сумасшедшей мартышке. В общем, как профессионал, я вряд ли продвинулся дальше.

— Могло быть и хуже. Скажем, благотворительные пенни, брошенные в пабе.

— Смотри кто благотворитель, — заметил Майк. — В прошлый вторник вечером в «Ягоре надежды» это была дамочка, когда-то танцевавшая в «Прислужниках Пана».¹

Они помолчали. Ситон взял вилку, но затем снова положил ее на стол и отодвинул от себя нетронутое блюдо.

— Так что ты делаешь сегодня вечером?

— Самую скучную работу в мире, — ответил Майк. — Повезу фотокамеры на сервис. А это значит, мне придется тащиться к проклятому Лондонскому мосту. — И, посмотрев в окно, добавил: — В этих чертовых пробках. По этой чертовой жаре.

— А что, поближе ничего нет?

— Есть, конечно. Но Эдди пользуется только услугами одной фирмы: той, что обслуживает нашу контору еще с начала века.

— Традиция, — кивнул Ситон, вставая и нашаривая в карманах мелочь, чтобы расплатиться за обед.

— Не только, — ответил Майк. — Эта мастерская всегда считалась самой-самой, и мастера там тоже самые-самые. Поэтому самые-самые фотографы обращаются только туда. Это, конечно, замечательно, если ты снимаешь «Хассельбладом» или «Лейкой» и твои работы потом появляются в «Нэшнл джиографик», но абсолютно лишено смысла, если у тебя тридцатипятимиллиметровый объектив «Пентакс» и нацеливаешь ты его на лыбящегося Сида Джеймса, который открывает какое-нибудь семейное торжество в саду под деревьями. Или делаешь портрет напраказившей обезьяны.

Ситон снова сел. Он вынул из пиджака блокнот и пододвинул его Майку вместе с ручкой.

— Напиши мне, пожалуйста, адрес этого места, — попросил он.

— Его не так-то просто отыскать, — ответил Майк, взяв ручку. — Мастерская находится за обшарпанной зеленой дверью в кирпичной развалюхе, совершенно задавленной многоэтажными монстрами. Их в шестидесятые везде понатыкали как попало. Объективы шлифуют там исключительно швейцарские гномы, а паяют древние шотландцы. Средний возраст персонала в фирме «Фогель и Брин» — что-то около девяноста. Наш Эдди по сравнению с ними — просто мальчик в коротких штанишках. — Майк засмеялся. — И все-таки, зачем тебе туда, Пол? Неужели чинить «Кодак инстаматик»?

— Не мне. Моей девушке. Люсинде.

У Люсинды был хороший фотоаппарат, и Майк это знал.

¹ «Прислужники Пана» («Pan's People») — известная британская танцевальная труппа.

— Надеюсь, она сохранила гарантийный талон, — заметил Майк, записывая адрес. — Мастера там, может, и старорежимные, но берут за услуги совсем не дешево. Люсинде придется выложить целую стипендию только за то, что мастер снимет крышечку с объектива.

Ситон кивнул и убрал блокнот и ручку. Пандора Гибсон-Гор использовала фотокамеры «Лейка». Она вовсе не была нуждающейся и, вероятно, владела ими до конца жизни. Да, она прекратила профессиональную карьеру, не публиковала больше своих снимков. А что, если продолжала пользоваться фотоаппаратом для себя? Или просто держала их дома? Сдавала ли она их время от времени в мастерскую хотя бы в силу привычки? Может быть, сервисная компания располагала и располагает ее более поздним адресом?

— Спасибо, — сказал он Майку.

Было очень жарко. Пол, чувствуя, как между лопатками течет струйка пота, бросил взгляд на стол.

— Я заплачу. Запишите на мой счет.

Он позвонил в мастерскую, как только добрался до своего редакционного стола, и по совету Майка спросил мистера Брина-младшего.

«Мистеру Брину-младшему никак не меньше ста семидесяти лет, что не лишает его сердечности. Разумеется, в допустимых пределах. Имени у него, кажется, нет. Только фамилия. Впрочем, у них у всех так. Если ты будешь достаточно почтителен и постарайся выглядеть посolidнее, он, пожалуй, снизойдет до фотоаппарата Люсинды и примет заказ примерно на следующий год».

Пол был один в отделе новостей. Остальные репортеры обычно ходили обедать в паб за углом. После выпитой пинты пива они играли в пул, слушая в музыкальном автомате «Клэш» и не обращая внимания на сохнувшие на тарелках булочки и сэндвичи с ветчиной и сыром.

В мастерской возле Лондонского моста попросили к телефону мистера Брина-младшего. Пол услышал в трубке сначала кашель, а потом старческий голос с едва заметным абердинским акцентом:

— Чем могу помочь?

— Я собираю материал для статьи об одной из первых женщин-фотографов. О Пандоре Гибсон-Гор.

Повисла долгая пауза.

— Вот как...

— Я из журнала «Фэйс».

Но мистеру Брину-младшему название «Фэйс» ничего не говорило.

— Я хотел узнать, обслуживала ли компания «Фогель и Брин» мисс Гибсон-Гор.

Снова повисла долгая пауза. Затем Пол услышал.

— Почему вас это интересует?

— Ее работы отличаются необычной техникой исполнения.

— Это все ее глаз, мистер Ситон. Ее талант. Он не имеет ничего общего с выбором камеры или пленки, — хихикнул мистер Брин-младший.

— Вы утверждаете это с таким знанием дела, — только и мог сказать Ситон.

— Опытный образец тридцатипятимиллиметровой «Лейки» был собран в тысяча девятьсот тринадцатом году. Но мировая война помешала запустить новую модель в производство. Это случилось лишь в тысяча девятьсот двадцать четвертом. Через год ее уже продавали по всему миру. Мисс Гибсон-Гор приобрела два таких аппарата. И вы совершенно верно предположили, что она доверила именно нам их обслуживание. К слову сказать, один из них, кажется, до сих пор у нас.

Ситон почувствовал, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

— Если не ошибаюсь, она жила на Чейн-уок?

— Да, в Челси, — произнес мистер Брин, и сердце у Ситона ухнуло куда-то в пустоту, — но не на Чейн-уок. В последние годы жизни она оставляла нам другой адрес.

— Не могли бы вы подсказать, где она жила?

Он слышал, как по лестнице с грохотом поднимаются вернувшиеся из паба репортеры.

До него донесся запах пива и табака, намертво впитавшийся в их одежду, волосы и дыхание.

Мистер Брин-младший выдержал паузу.

— Вы желаете узнать, где некогда проживала Пандора Гибсон-Гор. А теперь скажите на милость, зачем вам это понадобилось?

— Видите ли, мистер Брин, я просто хочу создать как можно более целостную картину, а для этого мне необходима самая подробная информация, какую только удастся раздобыть.

— Ясно. Что ж, хотя мне не совсем понятно, какую пользу можно извлечь из такого рода сведений, я все же полагаю, что не будет особого вреда, если я их вам сообщу. Итак, я готов поделиться с вами необходимой информацией, но не по телефону. Приезжайте сюда лично. Спросите меня. Представьте ваше журналистское удостоверение. И я дам вам адрес.

13

На следующее утро Ситон совершил то, чего ни разу еще не делал позвонил в редакцию и сказался больным. Последние ночные часы он пролежал в постели рядом со спящей Люсиндой, наблюдая за тем, как за окном, заполняя комнату молочным светом, постепенно занимается рассвет. В полшестого он не выдержал и потихоньку выскользнул из постели, заварил себе чашку чая и стал пить, глядя из окна гостиной на Ламбет-Хай-стрит и набережную, видневшуюся справа, там, где заканчивалось стоящее напротив здание бывшей правительственной канцелярии и Ламбет-Хай-стрит пересекала Ламбет-Бридж-роуд. Ни одно редакционное задание никогда не вызывало в нем такого нетерпеливого волнения.

Но что, положив руку на сердце, он стремился найти? Безусловно, в квартире, предоставленной Пандоре другом или любовником, могли оставаться какие-то ее вещи. Там, например, могли оказаться ее письма — первоисточники, проливающие свет на ее творчество и причину такого резкого завершения карьеры. Могли также найтись и полдюжины еще не проявленных пленок и кадры, которых никто никогда не видел. Впрочем, Ситон не слишком на это надеялся: четыре десятилетия небрежного хранения не выдержала бы ни одна пленка.

Однако могли остаться снимки. Именно на это он и уповал. Пандора наверняка делала серии фотографий и потом сама же выбраковывала то, что не соответствовало ее канонам. Комментарии к таким неизвестным работам сделали бы диплом Люсинды поистине уникальным.

Но пока Ситон прихлебывал чай, глядя на предутренний пустынный перекресток, его не переставали мучить неприятные подозрения. Он мог с большой долей вероятности ничегошеньки не обнаружить по этому новому адресу. Здание могло пострадать от бомбежки или вовсе пойти под ковш бульдозера в шестидесятые, когда Лондон активно перестраивался. Впрочем, даже если сохранились стены, велика ли возможность того, что такие непрочные вещи до сих пор находятся в меблированных комнатах? Похоже, вместо открытия он нос к носу столкнется либо с подозрительным и недружелюбным хозяином, либо с ничего не подозревающим съемщиком, ненадолго занявшим обезличенное для него пространство. А возможно, и с целой компанией по найму, поскольку нынешний Челси — больше не тот богемный уголок, каким был до войны. Теперь это престижные почтовые индексы и баснословные цены на жилье. Если надежды Ситона не оправдаются, то ему придется целиком положиться на разрозненные факты и неубедительные выводы Эдвина Пула и на их основе сочинить эссе, которое неизбежно будет грешить взятыми с потолка бездоказательными гипотезами.

Такого рода размышления вызвали у Ситона новое опасение, которое тревожило его еще больше. Он понимал, что начатые им поиски — уже не просто желание выручить Люсинду, каким бы искренним оно ни казалось сначала, когда у него еще только зарождался этот замысел. Но стоило ему взглянуть на снимки Гибсон-Гор в книге Пула, как он сам попался на крючок. Или, может, на него подействовала мольба о помощи в испуганных глазах Пандоры на фото, сделанном в «Кафе ройял»? Полу страстно хотелось понять то мучительное мироощущение, которое вдохновляло все ее беспокойное творчество. Ему

необходимо было выяснить, что же заставило ее так внезапно бросить работу на пике славы. Ему была непонятна причина, по которой она впоследствии порвала все нити, связывающие ее с прежней жизнью. Ведь Пандора действительно спряталась ото всех. Ну не бедность же толкнула ее обречь себя на прозябание? И наконец, Ситона очень интересовали мотивы ее ужасного самоубийства. Он решил, что надо все же попросить разрешения у Боба Холливелла осмотреть вещи, снятые с тела Гибсон-Гор и до сих пор хранившиеся в морге Уайтчепела. Это было бы хоть и незначительным, но все же шагом к написанию диплома Люсинды. Ничего лучшего, чем собственное любопытство, Ситон придумать не мог. Дело это, конечно, требовало крупной взятки в виде литра «Чиваса», но откладывать его в долгий ящик было нельзя.

Пол услышал, как в спальне рядом вздохнула во сне Люсинда, и вдруг в окне, в узком просвете между зданиями, в дальнем конце справа, где угадывалась набережная, он заметил чей-то силуэт, хорошо видный на фоне голубого неба. Там, куда смотрел Пол, Ламбет-Бридж-роуд, в этот час еще свободная от транспорта, пересекала Ламбет-Хай-стрит. Слева, у фасада храма Святой Марии, был разбит ухоженный садик. Вдали, за зданиями, виднелась Темза.

Именно там Ситон и увидел фигуру высокого человека с цилиндром на голове. Неизвестный смотрел прямо на него, и Пол с изумлением обнаружил, что его строгий черный костюм — не что иное, как траурное облачение. Затем человек вдруг приподнял черный цилиндр, так что на тулье взметнулись концы креповых лент. От неожиданности у Ситона зубы лязгнули о край кружки. Водрузив шляпу на место, незнакомец повернулся и неторопливо зашагал на восток и вскоре скрылся из виду.

Вслед за фигурой в черном показалась четверка торжественно ступающих лошадей с черными плюмажами на голове. Лошади везли стеклянный катафалк с гробом. Процессия двигалась совершенно беззвучно. Те триста — четыреста ярдов, которые отделяли Ситона от странной картины, не позволяли слышать ни цоканья копыт, ни скрежета кованых ободов о мостовую. Этот странный кортеж промелькнул у него перед глазами за каких-то пару секунд. Пол заметил, что на часах было двадцать восемь минут седьмого — неурочное время для похорон, обставленных с такой пышностью. Да и вообще, для любых похорон.

Ситон решил, что это одно из тех загадочных явлений, типичных для Лондона. Он приписал его сложной внутренней жизни города, которого он толком не понимал. Однако Пол понимал, что для младшего репортера местной газеты в расследовании последней истории он взял слишком быстрый старт. Да, конечно, он собирался провести внеплановое расследование, причем, как предупредил Боб Холливелл, по следам сорокашестилетней давности. Однако он кое в чем преуспел.

Люсинда снова вздохнула, потревоженная, очевидно, солнечным светом. Теперь она переходила от глубокого сна к дремотной расслабленности. Утренний зной ласкал ее теплую кожу и пробуждал еще дремлющие чувства. И тут у Пола родилась идея сказать в редакции, что он заболел, а самому тем временем наведаться к Лондонскому мосту, где находилась фирма «Фогель и Брин». От радостного предвкушения у него даже похолодело в животе. Он почесал подбородок. Надо побриться и погладить рубашку. Ему хотелось произвести на мистера Брина-младшего хорошее впечатление. Интуиция подсказывала ему, что выполнение задачи зависело от его внешнего вида и хороших манер.

Люсинда застонала и что-то пробормотала во сне. Он не разобрал что. Она не проснулась, лишь проронила одно-единственное слово. Ему почему-то показалось, что голос ее звучал тревожно или испуганно. Пол подошел к двери спальни и заглянул в щелку. Люсинда спала в разреженном свете летнего утра, набирающего силу за самодельными муслиновыми занавесками.

Он любил ее. Он желал ее. Знал, что чувство к ней и есть то новое, что он открыл в себе. Он подумал:

«Как жаль, что люди вынуждены сдавать выпускные экзамены в таком нежном возрасте».

Он сам только три года назад прошел через их жернова. Впрочем, судя по всему,

Тринити-колледж и современная литература не давили на него так сильно, как школа искусств Святого Мартина на будущих дизайнеров моды. Ситон понимал, в каком напряжении находится Люсинда. Он испытывал к ней доселе неизведанную нежность и так за нее переживал, что сомнений быть не могло: это и есть настоящая любовь. Роскошное лето проходило мимо, а Люсинда — такая прелестная — сидела в четырех стенах и корпела над электрической швейной машинкой.

Впрочем, это должно было скоро закончиться. Стюарт Локиер не поскупился на восторженные эпитеты для ее коллекции, а уж он-то не привык разбрасываться комплиментами. Люсинда выбрала для коллекции желтые, кремовые и коричневатые тона, плиссированные воздушные платья и расклешенные юбки ниже колена в ансамбле с приталенными жакетами. Между прочим, Уистл уже заказал три модели для головного магазина своей фирмы в Мэрилибоуне. И поставщик из «Харви Николз» тоже проявил интерес к ее моделям. Словом, все было не так уж плохо.

Еще раз взглянув на Люсинду, Ситон тихо прикрыл дверь спальни, затем снова потер подбородок и пошел бриться в крохотную ванную. Ему хотелось сначала войти в образ, а уж затем звонить в редакцию и отправляться к Лондонскому мосту на аудиенцию к мистеру Брину-младшему.

В какой-то период своей жизни мистер Брин получил сильнейший ожог. Кожа у него на шее, над узлом галстука, розовела, лоснилась, собираясь в складки, и походила на расплавленный воск. В разрезе глаз, начисто лишенных ресниц, было что-то азиатское. Ситон догадался, что огонь когда-то уничтожил практически все черты лица шотландца. И ему, можно сказать, сделали новое лицо путем долгих и мучительных операций по пересадке кожи. Нос у Брина был до комичного коротким. Вернее, он был едва намечен, ноздри кое-как слеплены, а губ не было вовсе. Моргать он не мог. А непослушные густые волосы делали внешность мистера Брина еще более несуразной. Он походил на маленького уродца.

Их разделял деревянный прилавок. Брин поднял крышку и жестом пригласил Ситона войти. Пол подал ему руку, и Брин ее пожал, растянув прорезь на месте рта, что, очевидно, означало улыбку. Его рукопожатие было крепким. Даже если ожог и затронул кисти, то впоследствии к ним вернулись чувствительность и былая сила.

По-другому и быть не могло, ведь ремонт фотоаппаратов требовал от мистера Брина ювелирной точности.

— Чай? Кофе? — предложил мистер Брин, когда они вошли в его кабинет.

Окинув взглядом интерьер, Ситон убедился в том, что мистер Брин не утруждает себя рутинными занятиями вроде регулировки светосилы в затворах или настройки диафрагмы в объективах. Уж слишком большим был его кабинет, слишком хорошо оборудован. На стенах висело несколько неплохих шотландских пейзажей, а также фотографии с различных собраний, проходивших, как догадался Ситон, в Лондонской торговой палате или в кабинете лорда-мэра. Там рядом с Брином были засняты важные городские должностные лица. Были тут и экземпляры с автографами: работы Битона, Билла Брандта и даже Картье-Брессона. В застекленном ящичке хранилась дюжина призов, взятых с турниров по гольфу. И конечно, самое главное — это вид из высоких и широких окон, немного закрытый сбоку углом здания: панорама Темзы и Лондонский мост слева, величественная дуга из камня и крашеного металла в лучах утреннего солнца.

— Кофе был бы очень кстати...

— Но сначала — ваше удостоверение, — потребовал Брин.

Он сел во вращающееся кресло у роскошного письменного стола красного дерева. Ситон стоя вынул удостоверения Национального союза журналистов и Международной организации журналистов, а также ламинированный пропуск с фотографией — его наличия требовало полицейское пресс-управление. Брин уткнулся носом в документы и долго их изучал.

— Что ж, прекрасное сходство. Но ведь вы не англичанин?

— Из Дублина.

— Замечательный город, мистер Ситон. Присаживайтесь.

Пол опустился на один из стульев с высокими прямыми спинками по другую сторону письменного стола и убрал документы обратно в бумажник. Брин нажал кнопку интеркома и, склонившись над аппаратом, сказал:

— Мэри, если вас не затруднит, принесите, пожалуйста, кофейник. И две чашки. Благодарю вас.

Он снова улыбнулся своей рваной улыбкой:

— Вы не стесняетесь разглядывать меня, что делает вам честь, Ситон. Как, по вашему мнению, мне удалось стать таким «красавцем»?

— Скорее всего, во время воздушной атаки вы находились в открытой кабине или фюзеляже аэроплана. Он загорелся, а вы катапультировались. Вот объяснение тому, что вы до сих пор способны улыбаться и наслаждаться кофе. Вы или сами выпрыгнули, или вас штурман вытолкнул. Но вы получили неслабые ожоги.

— Прекрасно. А у вас есть профессиональное чутье.

— Не совсем. Просто я живу недалеко от Имперского военного музея. Я провел там пару суббот, чтобы время убить, — объяснил Ситон и тут же пожалел о словах «время убить».

Брин между тем ничуть не обиделся.

— Могу я узнать подробности?

Брин так низко склонился над своим идеально чистым столом словно хотел до мельчайших деталей изучить текстуру дерева под полировкой, что, разумеется, было не так.

— Южный Даунс. Тысяча девятьсот сорок третий. Я служил летчиком. Девять боевых вылетов, из них пять успешных. В свои двадцать шесть я возомнил о себе невесть что. Моего нахальства хватило бы на всю военную авиацию. Сколько вам лет, мистер Ситон?

— Двадцать пять.

— В таком случае вам, должно быть, известно, насколько самонадеянна молодость! — кивнул Брин.

Ситон молча покачал головой. Майк Уайтхолл, похоже, ошибался. Этот человек отнюдь не был ископаемым. Да и здание это не походило на полуразрушенный реликт времен Диккенса. Выходит, Майк чуть сгустил краски. И явно о чем-то умолчал.

— Я не видел сбившего меня парня. Я уже взял обратный курс и думал только о доме, горячей ванне и кружке пива. В крейсерском полете «Харрикейн» идет практически на автопилоте. На какое-то мгновение я отвлекся и не заметил противника. Зато он меня засек. Господи, еще как засек!

У них у всех были такие лица. Над ними трудились первые пластические хирурги. Они выжили — почти все, так как были молоды и невосприимчивы к послеоперационным инфекциям. И еще потому, что большинство из них были слишком незрелыми, чтобы представить, как они будут жить дальше с подобными увечьями. Некоторые потом даже вернулись на воинскую службу. Ситон поймал себя на том, что ему очень даже симпатичен этот мистер Брин, и пожалел о том, что солгал ему по телефону. Стыдно обманывать такого человека, как Брин!

Кофе на серебряном подносе подала женщина в форменной блузе и переднике. Она налила каждому по чашке, добавив в одну сливки по просьбе Ситона, и удалилась. Они пили кофе в полном молчании. Затем Брин достал из ящика стола белые нитяные перчатки, надел их и из того же ящика извлек небольшой потертый кожаный футляр.

Брин открыл футляр, и в его руке оказалась «Лейка». К камере была привязана картонная карточка с какой-то надписью, очевидно сделанной авторучкой с острым пером. Однако от времени чернила выцвели и из некогда синих или черных стали фиолетовыми.

Ситон склонил голову набок и прочитал: «Мисс Гибсон-Гор. Гарантийный ремонт и обслуживание. 28/05/34». Весна тысяча девятьсот тридцать четвертого. Почти полвека назад. Последний опубликованный снимок Пандоры был сделан за шесть или семь лет до

означенной даты. И приблизительно за три года до того, как ее тело было обнаружено на берегу Темзы.

Ситон принялся рассматривать фотоаппарат. Несмотря на логотип, сама конструкция фотоаппарата показалась ему слишком сложной и старомодной по сравнению с теми моделями, которые ему доводилось видеть в цветных рекламных приложениях к журналам и в витринах дорогих фотомагазинов. Гнездо объектива было выполнено из латуни, латунным был и видоискатель, поднимавшийся на шарнире и слегка смахивающий на винтовочный прицел. Черный корпус «Лейки» был местами выщерблен, под краской виднелась металлическая основа. Словом, этот фотоаппарат больше походил на грубо сработанный образец, чем на готовое изделие. В нем, скорее всего, не было и тех усовершенствований, которые появились гораздо позже.

— Мы не занимаемся здесь реставрацией, а только ремонтом и обслуживанием, — объяснил Брин, шотландский акцент которого стал теперь намного заметнее. — Вы видите перед собой «Лейку-один» образца тысяча девятьсот двадцать пятого года, мистер Ситон. С виду она чуть потрепана. Однако в полной исправности.

Безусловно, так оно и было. И все же «Лейка» имела вид раритета, свидетеля былой эпохи — реликвии, выставленной теперь на деревянном столе мистера Брина-младшего. Тот снял перчатки, бросил их на пресс-папье и подошел к окну, открывающему прекрасный вид на реку. Он стоял там неподвижно, в лучах солнечного света. Утро было ослепительным, и сухонькая фигура Брина с заложенными за спиной руками даже как-то потерялась на фоне внушительной викторианской рамы.

Ситон даже не пытался дотронуться до фотоаппарата. Полу ужасно хотелось взять старую «Лейку» в руки, рассмотреть со всех сторон, ощутить вес этого холодного куска металла и стекла, понюхать, чтобы почувствовать дух его усопшей владелицы. Однако он прекрасно понимал, что мистер Брин воспримет подобный поступок как осквернение святыни. Пол догадался, что проступивший акцент Брина — это некий ключ к разгадке. Была какая-то причина, заставившая его собеседника перенестись в прошлое. Ситон быстро прикинул в уме: если в тысяча девятьсот сорок третьем Брину было двадцать шесть лет, то в год самоубийства Пандоры ему исполнилось двадцать. И в ту пору он, скорее всего, учился в Эдинбургском университете. Английские университеты непременно вытравили бы его акцент. Таким образом, когда «Лейку» принесли в «Фогель и Брин», ему было около семнадцати. Но попытаться все же стоило. Какие-то воспоминания всколыхнули в душе Брина давно забытые чувства, заставив его повернуться к Ситону спиной в тщетной попытке скрыть переживания, отразившиеся на руинах его лица.

— Вы ведь ее знали, мистер Брин?

Плечи Брина будто опустились, и сам он как-то съежился.

— Вначале вы вели себя куда скромнее, мистер Ситон, — с трудом ответил Брин, не отрывая глаз от окна. — Вы не лишены профессионального чутья. И определенной проницательности. Но сюда вы явились вовсе не ради статьи о моде для журнала, о котором я даже никогда не слышал.

«Touche», — подумал Ситон, а вслух сказал:

— Нет, не так.

Брин надолго замолчал. В тишине раздался жалобный вопль пароходного гудка, донесшегося с реки.

— Мой дед был одним из соучредителей этой фирмы, а его сын — мой отец — впоследствии унаследовал дело. Отец привозил меня сюда мальчишкой, на школьных каникулах, чтобы я смог кое в чем поднатореть. Утром я, как правило, осматривал достопримечательности вроде Тауэра или Музея мадам Тюссо, а после обеда шел в мастерскую. Возился с детальками, словом — перенимал опыт, причем без особого труда, как обычно бывает в детстве. Это произошло на рождественских каникулах, в декабре. Помню, тогда стояла необычно холодная для Лондона зима. И шел снег, хотя быстро таял. Мне только исполнилось десять.

Выходит, тысяча девятьсот двадцать шестой или седьмой год. Пандора тогда была на пике славы и купалась в ее лучах.

— И в один прекрасный день появилась она. После полудня, в вечернем наряде. На ней была модная шляпа и меховой палантин, а шею украшали жемчуга такой величины, что можно было бы тянуть на буксире целую баржу. Она оставила «бугатти» — такое авто с открытым верхом — с заведенным мотором у входа. Подумать только, «бугатти»! Тридцать восьмой модели, если мне не изменяет память. Вечерело, и фары она не выключила. В те времена, мистер Ситон, еще не существовало дорожных инспекторов. По крайней мере, для особ вроде мисс Гибсон-Гор. Она вошла, распространяя запах духов, розового джина и сигарет. Я тогда находился в приемной. В то время она была гораздо просторнее и лучше обставлена, чем сейчас, так как считалось необходимым иметь шикарный вестибюль. У нас он был обшит деревом и украшен цветами в горшках. Теперь, конечно, все это в прошлом. Люди просто помешались на рациональном использовании жилого пространства. В свое время все здесь ободрали поборники эффективной организации труда. Такая вот мания возникла в шестидесятых. Да я и сам к этому руку приложил.

Ситон смотрел на фотоаппарат на столе и представлял утробный рев двигателя итальянской машины, оставленной у входа в мастерскую. Видел ее фары, похожие на свирепые желтые глаза, пронзающие ярким светом ночь над сонным городом.

— Да, вестибюль у нас в те дни был будьте-нате, с огромной хрустальной люстрой. И в свете этой люстры мисс Гибсон-Гор показалась мне чудесным видением. Она стояла и стряхивала снежные хлопья с серого норкового палантина, а сама будто вся переливалась и сверкала. Мне она тогда показалась каким-то невероятным созданием. Роста она была немаленького и очень стройная, настоящая икона стиля своей эпохи, и, как не раз говаривал мой отец, намного красивее тех прославленных моделей, которых сама же и фотографировала. Помню, она поймала мой взгляд и улыбнулась. Я сидел за конторкой и упражнялся в чистописании, стараясь добиться каллиграфического почерка. Я просто обводил записи в учетном журнале, который в те дни постоянно лежал на стойке заказов. У нее на губах была помада. Не красная, а цвета вина — темно-бордовая, отчего рот казался особенно ярким. Она улыбнулась мне, и я увидел, какие у нее красивые зубы.

— А зачем она приходила?

— По всей видимости, уронила фотоаппарат в море. Выходила на причале из катера или моторной лодки и случайно выпустила из рук. У берега было неглубоко, и «Лейку» удалось достать. Но аппарат все же какое-то время находился в соленой воде. Его следовало полностью разобрать и протереть каждую часть по отдельности.

— Она сама сидела за рулем?

— Вы хотели спросить, приехала ли она одна мистер Ситон? — Мистер Брин снова напрягся. — И ответ будет: нет, не одна. Шофера с ней не было, но приехала она не одна. С ней был спутник. Этаким хлыщ в вечернем костюме, в шелковом шарфе, гетрах на пуговицах и с тростью. Он был под стать Пандоре, тоже высокий. Помню, одет он был в каракулеву шубу. Он ни на что конкретно не смотрел и вел себя как-то суетливо. Судя по их наряду, они собирались на вечеринку или прием.

— Но это не все, мистер Брин?

И тут мистер Брин-младший наконец обернулся. Ситон увидел перед собой тогдашнего любознательного и смышленного мальчугана.

— Она и впрямь была очень красивой. С бледной кожей, темными глазами и шелковистыми каштановыми волосами, отливавшими золотом в свете люстры. Я хоть и был ребенком, но сразу понял, что Пандора — исключительная женщина. Но вы правы. Есть еще кое-что — то, что навсегда запечатлелось в моей памяти. Когда они собрались уходить, тот тип мне подмигнул. Вид у него при этом был донельзя плотоядный: такие развратные взгляды вовсе не предназначены для маленьких мальчиков. И еще он показал мне язык, похожий на извивающийся обрубок угря. Потом он проследовал за ней к выходу. При этом он не шел, а как бы скользил по паркету. Наверное, он умел как-то воздействовать на людей или

знал особый фокус. Его ноги словно не касались пола. Голову даю на отсечение, что они и правда не касались, — рассмеялся Брин. — И вот, мистер Ситон, меня до сих пор начинает трясти при виде гетров.

— В наше время мы как-то обходимся без них.

— И слава богу!

— Кто же это был?

Брин опять долго молчал, а потом продолжил:

— Я спросил у отца, кто это такой. Он ответил мне, что некоторые считают этого человека величайшим грешником на земле. Больше я ему вопросов не задавал. Ограничился одним.

Ситон не нашелся что сказать.

— Как видите, не все люди так любопытны, как вы.

— Почему же вы тогда были таким нелюбознательным? И почему не проявляете любопытства сейчас?

— Потому что любопытство сгубило кошку. А у кошки девять жизней. Мне же хвастать нечем — еще восьми про запас у меня нет.

Ситон кивнул, вспомнив, что говорил мистер Брин-младший о самонадеянной молодости.

— Ну ладно, раз уж вы пришли сюда именно за этим, я дам вам ее адрес

14

Ситон отправился туда немедленно. Выйдя из «Фогель и Брин», он раскрыл потрепанный путеводитель «От А до Я» и, щурясь от яркого света, отыскивал нужное место, а потом направился к станции метро «Лондон-бридж». По пути Пол посмотрел на часы — пятнадцать минут двенадцатого. Выходит, он проговорил со стариком больше часа, не заметив, как пролетело время. Но теперь Ситон торопился отыскать след прошлого: той загадочной и неуловимой жизни. Он не мог ждать ни минуты.

В полдень Ситон уже шел по Харвуд-роуд Слева осталось здание Таун-холла, в безжалостном свете раскаленного солнца похожее на бессмысленное нагромождение орнаментированных деталей. Потом он свернул на тенистую Мур-Парк-роуд. Пол ни разу не был в этой части Лондона. Оказалось, что по обеим сторонам Мур-Парк-роуд тянутся трехэтажные викторианские дома.

Улица удивила Ситона неожиданной прохладой и тишиной. Уличного движения не было, лишь вдоль тротуара стояло несколько припаркованных машин. В конце квартала он увидел какой-то магазинчик, а рядом — паб, название которого скрывали кашпо с цветами. Даже издали было видно, какой урон нанесло растениям засушливое лето. Но это был, похоже, единственный ущерб, причиненный этому тихому месту. В свое время квартал, удачно избежал бомбежек, а впоследствии перепланировок и прочих городских катаклизмов. Пол начал вглядываться в номера на дверях.

Минут через десять, пройдя еще один квартал, Ситон зашел в первый попавшийся магазин. Костяшки пальцев саднило: он сбил их, стуча в крепкую дубовую дверь нужного ему дома. Дверной молоток на ней был неправильно подвешен, отчего плохо поддавался и не давал нужного эффекта, из чего Ситон сделал вывод, что хозяин не часто принимает гостей. На его требовательный стук кулаком тоже никто не отозвался, а звонка он не нашел. Шторы были задернуты. Пол попытался хоть что-нибудь разглядеть сквозь узкую щель почтового ящика и обнаружил, что внутри темно. Отчетливый запах сырости говорил о том, что дом необитаем.

Точно такой же запах стоял в многоэтажных трущобах, где они с Майком Уайтхоллом не раз бывали в поисках материала для очерков о плачевном положении заброшенных домов в Хэрни. Так пахнет запустение. Но здесь такого просто не могло быть! Конечно, Мур-Парк-роуд было далеко до Чейн-уок в прибрежном районе Челси. И припаркованные здесь машины

выглядели далеко не новыми, и стены кое-где были покрыты граффити. Однако большинство домов содержалось в надлежащем порядке. В их облике проглядывала та ненавязчивая элегантность, которая свойственна состоятельным людям, привыкшим быть богатыми.

— Как дела? — спросил Ситон у владельца газетной лавки, нашаривая в карманах мелочь и изнывая от жажды, которую он собирался поскорее утолить бутылкой диетической кока-колы.

— Ты, парень, похоже, из Дублина?

Ситон поднял глаза на человека за прилавком, ожидая увидеть выходца из Азии — в Лондоне это в порядке вещей. На стене красовались коллекция вымпелов футбольного клуба «Челси» и громадный цветной постер их центрального нападающего Керри Диксона, пасующего головой. Лавка напоминала мини-храм во славу «синих».¹ Исключение составлял небольшой неприметный щит на задней стенке, прямо над плечом хозяина. Ситону сразу же бросилась в глаза трехрогая эмблема гэльской команды Дублина. Зарегистрировать право размещения такого скромного на вид щита дорогого стоило! Причем Ситон знал это не понаслышке. Сам владелец был голубоглазым, с длинным подбородком и по-девичьи пухлой нижней губой. Непослушные темные кудри свисали на лоб до бровей. Его талия успешно одерживала верх в единоборстве с заправленной за ремень рубашкой, постепенно вытесняя ее из брюк. Словом, он выглядел так, точно все дядюшки Пола Ситона слились воедино. Пол даже невольно улыбнулся.

— Ты из Дублина, парень? — переспросил продавец.

Что ж, попытка не пытка.

— Да, отпираться не буду. А ты?

— Да ну, — отмахнулся киоскер. — С Дублином все остальные города даже рядом не стояли. Ни один из них.

— Даже Лондон?

— Ну, Лондон — классное место, чего уж там. Лучше не бывает. Одного только в Лондоне нет.

— Это не родной дом, — сказал Ситон.

— Пока я живу и дышу, — признался киоскер, — он никогда не станет мне домом.

Он вздохнул. Оба помолчали.

— И «Гиннес» не тот, — добавил Ситон.

— Что верно, то верно, — утвердительно кивнул продавец. — «Гиннес» тоже не тот.

Продавец протянул Ситону руку поверх прилавка с разложенными на нем газетами и журналами. Таким образом, приветственный ритуал был завершен. Дублин оценен по достоинству.

— Так чего бы тебе хотелось? — спросил киоскер.

«Разговаривая с ним, словно на себя со стороны смотрю. Теперь-то я понимаю, как воспринимает меня Люсинда», — подумал Ситон.

— Ты, случайно, не знаешь, кто живет в восемнадцатом доме?

— Эге, да ты, часом, не шпик? — вытаращился на него поклонник Дублина.

— Обычное дело, — сказал Ситон, достав удостоверение Национального союза журналистов и кивнув в сторону стеллажа у стены, снизу доверху набитого газетами, сложенными так, чтобы в глаза бросались названия передовиц и слоганы выпуска. — Надо чем-то их заполнять. Чтобы ты их потом мог продать.

— Тогда тебе нужен тот вшивый старикан. Он один там живет. Высокий такой, с бородкой. Мы каждый день доставляем ему «Телеграф». Иногда он еще заказывает «Рейсинг пост» и «Панч».

— Доставляете? Но он ведь живет в минуте ходьбы!

— Ну, он вроде как затворник.

— А в какое время он вернется?

— Да где ему еще быть, как не дома!

¹ Форма университетских спортивных команд в Великобритании традиционно синих оттенков.

Ситон покосился на свои сбитые кулаки. Он и не подозревал, что можно быть до такой степени затворником.

— Лучше спроси, в какое время он делает обход, — ухмыльнулся киоскер. — Надо отдать ему должное: старик все же выходит пропустить стаканчик. Я бы сказал даже, он крепко закладывает за воротник. Я ни разу не видал, чтобы он выходил раньше пяти вечера. В это время он иногда выползает на свет божий за пинтой молока. Но раньше шести ловить его нет смысла. И вообще, чем позже ты его встретишь, тем в лучшем расположении духа застанешь.

Ситон посмотрел на часы — еще только полпервого.

— Спасибо, — сказал он. — Ты меня здорово выручил.

— Полужирное, — добавил дублинец.

— Что?

— Молоко.

— Классно! — кивнул Ситон.

Уже в дверях он вспомнил, что забыл спросить самое главное.

— Ты, часом, не знаешь, как зовут того типа?

— Гибсон-Гор, — ответил продавец, но последнюю часть он произнес как «хер».

Полу не оставалось ничего другого, как ехать домой в Ламбет. Он не мог себе позволить пять с половиной часов глазеть на витрины на Кингс-роуд. Ему вообще следовало поскорее убраться из этого района, пока его не застукали за тем, что он, абсолютно здоровый, шляется по улицам, вместо того чтобы лежать дома, мучаясь желудком. Что ж, сейчас он сядет на электричку и доедет до набережной, там перейдет Хангерфордский мост и отправится вдоль Саут-Бэнка. Пройдет под мостом Ватерлоо, под Вестминстерским мостом, поднимется по ступенькам у моста Ламбет, перейдет через улицу — и вот он уже дома. Ему предстоит чудесная прогулка вдоль реки, которая позволит привести ему в порядок свои чувства и эмоции. А вечером он той же дорогой вернется на Мур-Парк-роуд.

По вторникам Люсинды дома не бывает, тем более так рано. В это время она должна быть в колледже и лихорадочно заканчивать подготовку к выпускному показу. С учетом временных и финансовых ограничений это, конечно, был объем работы, непосильный для одного человека. Но это был удел всех выпускников. В школе искусств Святого Мартина были заданы очень высокие стандарты, и это позволяло ей держать марку. Ну хорошо, если он займется ее дипломной работой, у Люсинды будет одной проблемой меньше.

И тут он внезапно похолодел. Он понял, что как раз достиг того места — примерно сорок футов от подножия ступеней, ведущих наверх, к мосту, где в первых лучах солнца он увидел до нелепого неуместную похоронную процессию. Набережная здесь слегка расширялась, так что нашлось место для газонов с сочной травой. Прекрасное место для отдыха притомившихся туристов. Здесь можно было посидеть, любуясь прекрасным видом, и даже, если повезет, поесть мороженого.

Ситон пробрался между зелеными прямоугольниками к мостовой, где несколько часов назад прогрохотали колеса траурного катафалка. Солнце нещадно палило. В некоторых местах, где выбоины были наспех залатаны, асфальт даже начинал плавиться. Как бы там ни было, странное утреннее видение не оставило никаких зримых следов своего пребывания. Пол устремил взор на Ламбет-Хай-стрит, на их многоэтажку, выискивая знакомое окно, и долго не сводил с него глаз. Окно было темным.

Он захватил в квартире сумку с экипировкой и по Ламбет-Бридж-роуд дошел до «Фицрой Лоджа». Зал был пуст, и Ситон в одиночку отработал восемь пятиминутных раундов. Ему необходимо было выплеснуть энергию. С развешанных на стенах постеров за ним внимательно наблюдали легенды бокса. Среди них Хэглер и Херне, Леонард и Дюран. Над его головой периодически громыхали поезда, прибывающие на вокзал Ватерлоо, а Ситон только поглядывал на таймер, отсчитывающий раунды, — и молотил, молотил.

Когда он закончил тренировку, было лишь полчетвертого. Ситон забросил домой вещи и по Ламбет-Хай-стрит дошел до паба «Ветряная мельница». По пути он размышлял о том,

что более неподходящего названия для этой улицы было просто невозможно придумать. По ней практически никто не ездил. С одной ее стороны тянулась пустошь с выжженной травой, переходящая в некое подобие парка с редкими чахлыми деревьями и россыпью старых могильных камней, заросших чертополохом и кустарником. В поисках магазинов вам пришлось бы сначала прогуляться по Олд-Парадайз-стрит или по Уитгифт-стрит, а потом по переходу над железнодорожными путями выйти на Ламбет-уок. Непонятно, когда и каким образом Ламбет-Хай-стрит удостоилась подобного названия. Стены в пабе были украшены ее старыми фотографиями. Худосочные ребятишки бедняков Викторианской эпохи пилились в объектив из-под замызганных полотняных навесов. И тогда, похоже, чрезмерной активности здесь не наблюдалось. Грязь в сточных канавах и между булыжниками мостовой — вот и вся разница между тем черно-белым миром и нынешним, цветным.

Ситон жил в этом районе уже два месяца и успел стать частым гостем «Ветряной мельницы», предпочитая его всем другим пабам. Днем там постоянно толклись пожарные из соседней пожарной части. Они заходили сюда после дежурства пропустить пинту пива по дороге домой. В обеденное время и ближе к вечеру в «Мельницу» заглядывали клерки из административного здания, расположенного напротив их с Люсиндой многоэтажки. Вечером же в пабе собирались местные жители. Они героически отражали нашествие чужаков, нарушавших их пивной ритуал.

Ситон заказал булочку с сыром и ветчиной, а также пинту горького пива. Получив заказ, он решил расположиться на скамье возле паба. Напротив раскинулась лужайка, а рядом примостился крошечный палисадник с единственным вишневым деревом. Пол с наслаждением откусил кусок булочки. Масло было свежим, а ветчина — сочной и нежной.

Да, местечко тут просто чудесное. Настоящий заповедный уголок, хотя и находился в двух шагах от шумных и суетливых улиц. Весенними вечерами, когда день становился все длиннее, они часами сидели здесь с Люсиндой, обычно после тенниса, до тех пор, пока она с головой не ушла в подготовку выпускного показа.

Из окна паба еле слышно доносилась знакомая музыка. Очевидно, хозяин оказывал ей явное предпочтение: она чаще других звучала из подвесных динамиков за барной стойкой. Это была компиляция соулов. Собрание песен в ней было до невозможности меланхоличным.

Композиция «Братьев Айли» «Harvest for The World»¹ плавно перетекла в мелодичное «Me and Mrs Jones» Билли Пола. Ситон потягивал горькое пиво, ел мягкую булочку, смотрел на вишню в палисаднике, на ее поредевшие грязно-розовые соцветия и слушал, как Билли Пол поет гимн — а может, и реквием — своей неразделенной любви и связанной с этим романтической истории. Затем его сменил Марвин Гэй² с «Abraham, Martin and John». Когда-то Смоки Робинсон³ в Америке сделал из этой композиции настоящий хит, но все же никто не смог спеть об измене так же жалостливо, как Марвин Гэй.

Ситон не знал, записал ли хозяин кассету сам или же приобрел ее в магазине. Пол хотел даже найти эту запись и купить, но потом решил: лучше уж слушать ее в пабе, чтобы она ассоциировалась именно с этим местом. Все равно дома она звучала бы по-другому. И сейчас эта мелодия плыла в воздухе, заглушая болтовню запоздалых едоков и бряцание мелочи о прилавках, щемящая и томительная, неповторимая в своей надрывающей душу тоске.

Допив пиво, Ситон еще раз взглянул на вишню в палисаднике, утопающую в сонном мареве, а потом — на циферблат наручных часов. Четверть пятого. Пора идти. Он сделал последний глоток, отряхнул крошки с колен и вытер губы.

Позже он будет постоянно возвращаться к тем мгновениям — порой с ностальгией, порой с печалью и сожалением. Переполюнявшие его чувства останутся с ним навсегда, заставляя рыдать при одном только воспоминании, так как в этот день навсегда закончилась его нормальная, как он сам считал, жизнь. В глубине души Пол знал, что обманывает себя: к

1 «Братья Айли» — американское трио, основанное в 1950-х годах и исполняющее смесь ритм-энд-блюза и фанка. «Harvest for the World» — композиция с одноименного альбома 1976 года.

2 Марвин Гэй (1938–1984) — чернокожий исполнитель фанка и блюза.

3 Смоки Робинсон (род. в 1940) — легендарный американский соул-исполнитель.

тому времени пути назад уже не было и он не мог, как вчера, просто сидеть на скамье у паба и наслаждаться музыкой. Он утратил способность расслабляться, но волнение, связанное с походом на Мур-Парк-роуд, было так велико, что он поначалу ничего не заметил. Впрочем, как и все люди, Пол Ситон подчас находил убежище и утешение во лжи. В конечном итоге он был обычным смертным.

15

На этот раз дверь дома в Челси отворилась почти сразу в ответ на стук дверного молотка.

Себастьян Гибсон-Гор оказался высоким, худощавым мужчиной средних лет. Для вечера он был одет странновато: в цветастый шелковый китайский халат. Из распахнутой двери на Ситона обрушилась лавина всевозможных ароматов. Запах одеколона забивал тяжелое дыхание хозяина дома смесь бренди и лакричных французских сигарет. Одеколон был, похоже, фирмы «Ветивер», но хозяин им явно злоупотребил. Себастьян Гибсон-Гор отрывисто дышал, отчего облако запахов вокруг него становилось еще плотнее. Заглянув через плечо хозяина в прихожую, Пол увидел лестницу, с виду довольно крутую. Вот и причина одышки. С другой стороны, Себастьян ведь спускался по ней, а не поднимался. Его потемневшие от табака, торчащие вперед зубы и зачесанные назад редкие волосы при свете дня должны были произвести на посетителя устрашающее впечатление. Тем не менее на Ситона это не подействовало. Возможно, дело было в открытой и обезоруживающей улыбке хозяина, а возможно, определенную роль сыграли его рост и телосложение, придавшие приветственному жесту Гора спокойную элегантность.

— Нежданный гость, — сказал он. — Вот те на! Что ж, пойте, пойте, может, вам и удастся всучить мне двойные рамы или полный комплект энциклопедий. Но должен сразу вас предупредить: я полный банкрот.

Ситон промолчал, решив дождаться конца излияний.

— И заметьте, банкрот нераскаившийся, — добавил Гор.

Ситон и на это промолчал. У него была заготовлена целая речь, но вряд ли она сейчас годилась, если учесть обстоятельства и личность хозяина. Пол потянулся было к карману рубашки, где лежал бумажник с удостоверением, но передумал и опустил руку. Интуиция подсказывала ему: если он хочет войти в доверие к этому человеку и узнать всю его подноготную, то официальный путь здесь не годится.

Гибсон-Гор ухмыльнулся и представился. Они обменялись рукопожатием прямо на пороге.

— Может быть, вы войдете? — предложил Гор. — Сделайте одолжение, войдите и расскажите мне, чем обязан столь загадочному визиту.

Гостиная находилась на втором этаже, но, прежде чем они поднялись наверх, Ситон постарался как можно подробнее рассмотреть обстановку темной прихожей. Когда после яркого дневного света его глаза немного привыкли к полумраку, Пол понял, что дальше по коридору находится кухня: стеклярусная занавеска в дверном проеме была отдернута, демонстрируя выщербленную поверхность старой изразцовой печи. Справа, за тяжелой коричневой портьерой, скрывалась еще одна дверь, очевидно ведущая в подвал. Об этом говорил вьевшийся в бархат запах сырости. Здесь пахло также мышиным пометом и стояла та угнетающая атмосфера запустения, которую Ситон еще утром почувствовал через щель почтового ящика.

Однако гостиную никак нельзя было назвать запущенной. Она оказалась просторной и очень светлой благодаря двум великолепным окнам. Многочисленные безделушки, пестрые коврики на полу и разноцветные плюшевые думочки оживляли помещение. Мебель в гостиной выглядела антикварной и весьма солидной. Места в комнате было предостаточно — даже пианино «Стейнвей» не слишком загромождало ее. Его поднятая крышка и потертые клавиши свидетельствовали, что инструмент не простаивал без дела. А еще Гибсон-Гор был

явно равнодушен к старинному оружию. В витрине красовались дуэльные пистолеты и холодное оружие. В коллекции Гора была даже абордажная сабля, но из всех видов клинков он отдавал предпочтение рапирам. Спиртное хозяин хранил в большом хрустальном глобусе. Верхнее полушарие было предупредительно откинута, как бы приглашая угоститься. К горлышку каждого графина была привязана серебряная тесьма с табличкой, на которой было выгравировано название его содержимого. Что до антиквариата, то тут Ситон был полным профаном. Но даже несведущему человеку было ясно, что в этой гостиной полно ценностей. То ли хозяин лукавил насчет своего банкротства, то ли судебные приставы проявили в этом случае преступную небрежность.

— Чаю? Или чего покрепче?

— Чаю было бы здорово.

Пол прикинул хозяину, должно быть, около шестидесяти. Если так, то он моложе практически любой вещи из тех, что его окружали. Когда Гор разливал чай, рукав его халата задрался, продемонстрировав прямоугольник наручных часов «Ролекс» с помутневшим от времени стеклом. Золотой браслет состоял из слишком большого для такой худой руки количества звеньев.

«Что еще он унаследовал? — мысленно спросил себя Ситон. — Коллекцию фотографий? Личный дневник, проливающий свет на жизнь его загадочной родственницы, которую он, несомненно, хорошо знал в детстве и отрочестве?»

Ситон неторопливо пил чай. В окна лился теплый солнечный свет. В воздухе, резко пахнущем одеколоном, плясали пылинки. Пол обдумывал, с чего начать.

— Вы слишком доверчивы, мистер Гибсон-Гор. Здесь все-таки Лондон.

— Нет, мой юный друг. Я отнюдь не доверчив. Вид у вас, конечно, представительный и очень милый акцент в придачу к честным ирландским глазам. Но вы бы в жизни не переступили порог этого дома, если бы о вас не рассказал мистер Брин-младший. Он любезно предупредил меня звонком.

— Он позвонил вам сегодня утром, когда я ушел от него?

— Он позвонил мне вчера. После того как вы назначили с ним встречу. Без моего разрешения он не дал бы вам этого адреса. Ни одна фирма не способна обеспечить себе многолетнее процветание, не проявляя лояльности по отношению к своим клиентам, как это делает «Фогель и Брин».

«Или осторожности», — мысленно поправил его Ситон, думая о том, что бы сказал Себастьян Гибсон-Гор, если бы узнал о воспоминаниях Брина о его первой встрече с Пандорой. Или о ее кавалере, сопровождавшем Пандору тем зимним вечером.

— Здесь нет той коллекции снимков, которую вы надеетесь обнаружить, мистер Ситон. В те нечастые периоды моей жизни, когда у меня появлялось достаточно сил для деловой активности, я позволял себе баловаться антиквариатом. Я мало смыслю в бизнесе, чуть больше в коллекционировании и вполне изрядно разбираюсь в искусстве. Авторское право перешло бы ко мне как единственному наследнику. Если уж оттиски Хорста¹ продают в виде постеров во всех отделах «Афины», то понятно, что такие снимки пользовались бы спросом. Думаю, оригиналы можно было бы даже выставить на аукцион. Но их попросту нет. — Гор отхлебнул чаю. — Даже если они когда-то и существовали, то давным-давно пропали.

— Вы знали ее?

Гибсон-Гор рассмеялся, выставив напоказ темные пятна на длинных зубах.

— Боже ты мой! Почему бы нам не перейти прямо к сути дела?

Он был одинок. Был ли он при этом гомосексуалистом, неважно, поскольку отгадка таилась именно в его одиночестве. Он жил затворником и теперь наслаждался общением, хотя и на свой эксцентричный манер. На Пола вдруг накатила волна уныния и разочарования. Он понял, что Гибсон-Гор не был знаком с Пандорой. Если бы он ее знал, то не стал бы уходить от прямого ответа, а его рассказ был бы более пространным. Хотя бы для того, чтобы

¹ Хорст П. Хорст (1906–1999) — один из создателей эротической фотографии и один из самых дорогих фотографов XX века.

удержать собеседника, в компании которого он мог вдоволь предаваться воспоминаниям невинной юности.

— Она приходилась мне дальней родственницей, — наконец произнес Гор.

Он поднес чашку к графину с жидкостью, по цвету напоминающей виски, вынул пробку и щедро плеснул из графина в чай, взболтал и отхлебнул.

— Мы с ней ни разу не встречались. И я даже не подозревал о существовании этого дома, пока не унаследовал его в шестьдесят третьем году. Но если бы в нем были спрятаны сокровища, за двадцать лет обитания здесь я обязательно их нашел бы. Однако тут нет ничего, кроме сырости. А в последнее время еще и грызуны завелись. Положим, с древесными жучками я пока справляюсь. Но все равно, какая это ужасная доука — дела домашние!

Ситон ничего не ответил. Он не считал дом в Лондоне обузой и, положив руку на сердце, не мог искренне сопереживать несчастному наследнику.

— Этих способностей у нее не было.

— Каких?

Гибсон-Гор подавился хрипловатым смешком курильщика, затем принялся нащаривать в карманах халата сигареты. Вынув пачку, он пояснил:

— Так и знал, что вы заинтересуетесь. К домашнему хозяйству.

— Откуда вы знаете?

Зажав в зубах сигарету, Гор протянул пачку гостю, но Ситон с улыбкой отказался. Тогда Гор взял с чайного столика массивную серебряную зажигалку в виде лебедя, прикурил и выпустил голубоватую струйку дыма.

— Сам я с ней не встречался. Зато с ней был знаком мой покойный сосед. И он много чего рассказывал о ее сомнительном времяпрепровождении. О постоянном шуме в доме — разумеется, всегда по ночам. Она была еще та неумная душа, наша Пандора.

— Она жила в этом доме одна?

Гибсон-Гор вынул изо рта сигарету и ногтем большого пальца поковырял в зубах.

— Не понимаю, какое вам до этого дело.

— Ровным счетом никакого, сэр. Но если так, то и мой непрошенный визит можно рассматривать как беспардонное и совершенно бессмысленное вторжение.

Расхаживая взад-вперед, Гор кидал на Ситона взгляды под стать персонажам пьес, которые Джон Осборн ставил на Кингс-роуд, всего в миле отсюда. Пьес, давным-давно вышедших из моды.

— Если же взглянуть на дело иначе, то мое присутствие у вас может стать первым шагом ко второму рождению художника, творчество которого по праву должно остаться в истории. Пандора была первопроходцем. Она мастерски владела техникой и не боялась быть оригинальной. Даже мистер Брин соглашался с тем, что у нее исключительный талант фотографа. А ведь он судья со стажем и весьма скуп на похвалы.

Гибсон-Гор сел. Хмурое недовольство на его лице сменилось задумчивостью, но комментировать слова Ситона он не спешил.

— Вещи такого рода живут своей собственной жизнью. Как знать, может, через год-другой, если у вас найдутся силы и желание, вы будете курировать ретроспективную выставку работ вашей покойной кухни.

Гибсон-Гор возвел глаза к потолку с таким надменным и раздраженным видом, что Ситон испугался, не зашел ли он слишком далеко. Но неожиданно хозяин сказал:

— Да, здесь остались кое-какие ее вещи. Характерной чертой семейств вроде нашего является то, что мы никогда и ничего не выбрасываем. Но уверяю вас: фотографий у меня нет. Она их уничтожила, как мне говорили. Причем с большим удовольствием. По крайней мере, так утверждал мой ныне покойный сосед, который своими глазами видел, как однажды декабрьским вечером она что-то жгла в саду на жаровне. И в округе, к неудовольствию соседей, стоял такой едкий дым, что даже начавшийся дождь не смог его разогнать. Итак, снимков нет. Но зато осталось кое-что из одежды и некоторые личные вещи. Если хотите,

можете на них взглянуть. Надеюсь, это позволит вам получить о Пандоре более полное представление.

Тут Ситон подумал о запахе, вьвшемся в тяжелую бархатную портьеру, которая скрывала лестницу в подвал. О липкой сырости, которую даже жара была не в силах изгнать из прихожей. Ситона затошнило при одной мысли о том, что ему придется рыться в заплесневелых пальто и гниющих нарядах самоубийцы. Ее фотоаппарат — это другое дело. Он выглядел совершенно стерильно в белых перчатках мистера Брина. Реликвией, к которой так и хотелось прикоснуться. А перспектива притронуться к разлагающимся вещественным доказательствам существования Пандоры, запертым в подвале, сейчас показалась Полу гораздо менее соблазнительной.

Мысленно он перенесся на берег реки, куда прилив выбросил тело Пандоры. Стоя среди зевак, Ситон вдыхал запах сырости, исходящий от осклизлых деревянных опор причала. Кожаные подошвы ботинок скользили по покрытой илом гальке. Грязные лужицы были затянуты нефтяной пленкой. Где-то на Темзе взывала сирена. Полицейский врач щелкнул замочком саквояжа, распространяя вокруг себя специфический запах склянок, бинтов с корпией и блестящих инструментов. Затем достал часы из жилетного кармана. Составив словесное описание трупа, продиктовал его человеку в штатском. Тот, кивнув в ответ, бросил беглый взгляд на тело и снял мягкую фетровую шляпу в знак почтения к умершей. На шее покойницы зияла широкая рана, обескровленная от долгого пребывания в воде.

На середине реки возникло неожиданное волнение, словно там бушевал невидимый ураган. Но это был всего-навсего пожарный катер. Он качал помпами воду и выбрасывал ее через брандспойты. Выли помпы, с грохотом разбивались о поверхность струи воды. Настоящее светопреставление. А на самом деле просто учения — отработка действий при пожаре, который спалит город в грядущей войне. Но Пандора Гибсон-Гор предпочла пропустить спектакль. Она не удосужилась даже поприсутствовать на его мрачной репетиции.

— Ну что, страшно, мистер Ситон?

— А? — сморгнул Пол.

Ситон глотнул остывшего чая. Хозяин, оказывается, уже успел закурить новую сигарету. Он стоял в центре комнаты, окутанный сизым облаком табачного дыма.

— Вовсе нет, — услышал Ситон звук собственного голоса.

— Все там, на чердаке. Этажом выше. Приставьте лестницу. Сам я не полезу. В последние годы я как-то отяжелел. Поэтому вам придется подниматься туда, так сказать, соло. Прошу вас, если вы, конечно, не передумали.

Ее вещи были сложены в дорожном сундуке. На чердаке, как ни странно, было сыро: солнце проникало сюда через единственное слуховое окно, очевидно закрытое наглухо. Снаружи стекло было все в потеках дождя и следах жизнедеятельности голубей. Но даже такого скудного освещения оказалось достаточно, чтобы облегчить Ситону поиски и поднять настроение. Вдобавок, вопреки его опасениям, хлама наверху было не много. Крыша дома была плоской, так что просторное помещение под ней имело правильную форму. Пол думал, что наткнется здесь на завалы старинной мебели, на груды ржавеющего оружия и, может, даже на коллекцию клавишных инструментов. Однако все немногочисленные предметы действительно несли на себе печать ее личности. Вдоль стен стояло несколько картин. Соединенные друг с другом лаковые панно представляли собой фриз на восточные мотивы — аист в горной речушке. Он нашел также старые пластинки на семьдесят восемь оборотов в выцветших бумажных конвертах и облупившуюся позолоченную раму.

Сундук Пандоры находился в самом темном, дальнем углу. Обтянутую кожей поверхность украшали затейливые бронзовые заклепки, а над замочной скважиной перламутром были выложены ее инициалы. Глядя на замок и теребя ключ, врученный ему Гибсон-Гором, Ситон вспомнил, что Пандора обожала жемчуг. Она носила на шее ожерелье такой толщины, что с его помощью можно было бы вывести из дока океанский лайнер.

Замок поддался без труда, и Ситон откинул крышку, вдохнув запах Пандоры. То, что от него осталось. Возможно, это был запах ее бестелесного духа, но безусловно ее собственный. В этом Ситон не сомневался. Аромат старых духов и табака. Запах прошлого. Он почему-то напомнил Ситону о лайковых перчатках и корице, свечном воске и дорогом мыле. А еще было нечто неуловимое, пряное, не поддающееся описанию. Перед мысленным взором Ситона возникла фотография из «Кафе ройял». Пол вдруг подумал, что это неуловимое нечто вполне могло быть испариной страха. Страх, испытанного полвека назад.

Эта мысль повергла его в смятение.

Неожиданно в темном углу за составленными картинами что-то зашуршало. Пол вспомнил, что в сумрачной прихожей ему ударила в нос вонь мышиного помета. Застыв над сундуком, он прислушался, не повторится ли шорох. Но все было тихо. Он настолько оцепенел, что забыл дышать. Потом Пол шумно перевел дух, опустился на колени и принялся на ощупь исследовать содержимое сундука. Вынув три рассыпающиеся стопки старых шелковых платьев, шарфов, нижних юбок, чулок и ночных кофточек, он разложил все это перед собой прямо на дощатом полу.

Ему было не по себе. Он чувствовал, что совершает если не святотатство, то что-то вроде духовного насилия. Он решил, что это все отголоски католического воспитания, полученного в детстве. И все же он посягнул на интимный мир Пандоры, запертый тут, в сундуке, и защищенный от посторонних глаз ее самоубийством. Одна из стопок одежды вдруг развалилась и устлала пол блестящим покрывалом из расшитого бисером ветхого атласа.

Обитатель угла за картинами продолжал тихонько грызть рамы и холст.

На дне сундука лежали более тяжелые и массивные вещи. Среди них потускневший серебряный портсигар и театральный бинокль в сафьяновом футляре. Там же Пол обнаружил смятую женскую шляпу и две пары туфель с полуистертым, но еще различимым тисненым французским названием внутри. Ситон не узнал марку. Ведь столько старых фирм разорилось вместе с падением Франции! И все же туфли были сшиты безукоризненно. Имелась там и оловянная фляжка для бренди, тоже изрядно потускневшая. Сбоку на ней была выгравирована голова собаки, по всей видимости спаниеля. В бархатном чехле Ситон нашел авторучку фирмы «Кросс». На золоченом зажиме стояли инициалы Пандоры. Рядом лежал черепаховый мундштук, заляпанный смолой. И наконец, на дне Пол наткнулся на россыпь монет — французских франков и сантимов. Исключение составляли английский шиллинг и двенадцатигранный трехпенсовик.

Аккуратно укладывая в сундук вещи в прежнем порядке, Пол задался вопросом: чем он, собственно, здесь занимается? Самоубийцы вроде бы не слишком озабочены вопросами наследства? Человек, одержимый маниакальным желанием лишить себя жизни, по определению, не должен придавать особого значения собственному существованию. Станет ли самоубийца ломать голову над тем, кому завещать свои ценности? Жестокая правда говорила, что нет. Следовательно, на вопрос о том, что он здесь делает, можно честно ответить: тратит понапрасну время, вторгается в чужую, давно ушедшую личную жизнь, роаясь на ее пепелище. Пора было немедленно заканчивать.

Ситон покачал головой и глубоко вдохнул пыльный воздух. Он потянулся за крышкой сундука, чтобы наконец-то закрыть ее, и уже практически опустил на место, но неожиданно застыл на полпути и вновь резко отбросил крышку. Затем он опять склонился над кучами белья и принялся ощупывать внутренние поверхности стенок. Вот так он и обнаружил под тканой обивкой, чуть ниже замочной скважины, небольшое уплотнение.

«Вот это уже кое-что», — подумал Ситон.

Его пальцы нащупали что-то плоское, твердое, размером примерно семь на пять дюймов и на добрый дюйм выступавшее из-под обивки. Ситон присел на корточки и собрался с мыслями. Затем он осторожно, стараясь не шуметь, снова вынул все из сундука. Он поднял изрядно полегчавший сундук и развернул его так, чтобы свет падал именно внутрь. Обивка была выцветшей, износившейся, так что по краям даже просвечивала

насквозь. Тем не менее она все же оставалась целой. Значит, что бы там ни хранилось за ней, оно пролежало в сундуке очень и очень долго.

Пол вытер внезапно вспотевший лоб. Минуту назад он был уже готов сдаться, и лишь узкая щель между крышкой и сундуком отделяла его от решения закрыть Пандору с ее тайнами на замок. Теперь уже навсегда. Но он вовсе не собирался отступать. Ни за что. Захлопнуть крышку сундука означало лишь красивый жест и не более. А еще дань здравому смыслу и приличию. Но жесты жестами, и все же сдаться он не может, пока остается хоть капля надежды. Интуиция подсказывала ему, что надежда есть. Его вдруг охватило странное чувство. Словно его понес стремительный поток. Если бы Пола спросили, то он ответил бы, что это предчувствие открытия. Но сейчас, в духоте пыльного чердака, он переживал самый настоящий триумф.

Вдруг до него донеслись звуки музыки. Это двумя этажами ниже Себастьян Гибсон-Гор заиграл на пианино. Зубастый сосед Ситона по чердаку тотчас же отреагировал на шум: в углу за картинами послышалась какая-то возня. Полу даже показалось, что по живописным холстам пробежала рябь. Затем все стихло. Очевидно, грызун убежал. Ситон узнал музыкальную тему «Скажи мне, кто теперь ее целует». Ощупывая находку, спрятанную за обивкой сундука, Пол удивился деликатности хозяина, выбравшего такой цивилизованный метод борьбы с грызунами.

От полной абсурдности этой мысли Ситон чуть было не расхохотался в голос. Разве может человек, покушающийся на чужое имущество, думать о таких глупостях! Пол даже принялся мурлыкать себе под нос бодрящую мелодию, но тут же сбился. Ему мешали меланхолические звуки фортепиано Гибсон-Гора.

Прореха в ветхой обивке увеличивалась, словно судорожно разинутый рот астматика. И скоро в руках Ситона оказался плоский пакет, тщательно обернутый клеенкой и перевязанный шпагатом. Пол приподнял сзади полу пиджака, начал вытаскивать рубашку из брюк и вдруг почувствовал, как по спине пробежала липкая струйка пота. Он осознал всю чудовищность своего преступления. Он заправил рубашку в брюки поверх пакета, прижав его ремнем. Затем Ситон закрыл сундук, запер его на ключ и развернул замком к стене, а петлями к себе, словно эта детская уловка могла скрыть хищение. Но с другой стороны, на каком основании можно обвинить его в краже вещи, о существовании которой никто даже и не подозревал?

Пол вернул сундук в прежнее положение, вытер руки о штаны и отдышался. Затем застегнул пиджак. Нет, в такую жару это будет выглядеть глупо. Пришлось снова расстегнуть. Прежняя мелодия плавно сменилась другой: «I Get a Kick Out of You». Свет на чердаке незаметно померк. Гибсон-Гор, оказывается, неплохой пианист.

«Это, должно быть, талант. Дар Божий», — подумал Ситон.

Не в характере хозяина было упражняться с утра до вечера. Пол взглянул на часы: он пробыл на чердаке не более пятнадцати минут. Ситон осторожно спустился по лестнице, тихонько прикрыв над головой люк.

В четверть седьмого Гибсон-Гор попрощался с Полом. Попрощался сердечно и чуть ли не с извиняющимся видом оттого, что визит гостя оказался не совсем удачным. Гор, впрочем, позволил себе намекнуть, что Ситон по наивности слишком многого ждал.

— История — менее выгодное поприще, чем журналистика. Так-то, мой мальчик. Источники информации в ней лежат далеко за пределами телефонной книги. Судя по всему, моя покойная кузина тоже была вне пределов досягаемости. Уклончивость определяла и характер, и все поступки Пандоры, — пожал плечами Гор.

Они обменялись рукопожатием. Так они закончили эпизод, который, как полагал Ситон, был для Себастьяна Гибсон-Гора забавной, но незапоминающейся интерлюдией.

Теперь нужно было разыскать телефонную будку. Пол должен был быть дома уже

полчаса назад. Пока он доберется домой, опоздание составит больше часа. Конечно, Люсинда не станет от волнения рвать на себе волосы. Возможно, она и сама задержится в школе искусств. Но предупредить ее звонком все-таки следовало.

Будка стояла на перекрестке, наискосок от газетной лавки — храма футбольного клуба «Челси», — в которую Ситон навещался не далее как утром. Набрав номер и прижав к уху трубку, Пол искал в кармане мелочь и рассеянно рассматривал пеструю от газет витрину. Наконец он нащупал десятипенсовик и тут увидел силуэт хозяина лавки, застывший за витринным стеклом.

— Алло?

— Это я.

— Ах, это ты...

Нет, тот вовсе не застыл на месте, безвольно опустив руки. Он точно слегка, чуть заметно покачивался из стороны в сторону.

— Ты расследуешь детективную историю с убийством и раньше полуночи дома не будешь?

— Господи Иисусе! Ты спятила!

Люсинда засмеялась. Смех ее после надсадного кудахтанья Гибсон-Гора показался Полу музыкой.

— Она высокая блондинка — твоя детективная история?

— С ней, по крайней мере, мне не приходится каждый раз разрываться в баре между шартрезом и арманьяком, — делано рассмеялся Ситон.

В ста ярдах от него смутно виднелась фигура ирландца, слегка покачивающегося за витриной лавки. Ситону не давал покоя украденный пакет он давил на поясницу и здорово мешал. К тому же он не мог разглядеть выражение лица ирландца там, в лавке через дорогу. И все же Пол видел, что тот продолжает раскачиваться и глазеть на него с открытым ртом. В телефонной будке было жарко и тесно, но Ситона била дрожь. В трубке предупреждающе забибикало. Он опустил в щель еще монетку.

— Скорее всего, — сказала Люсинда, — она пьет сидр. Из банки.

— На улице, — добавил Ситон.

— В канаве. В котором часу ты придешь?

— Самое позднее в девять.

— Твой ужин пойдет псу под хвост.

— У нас нет пса.

— Схожу и подберу бродячего.

Ирландец поднял руку и, похоже, стал тыкать пальцем прямо в направлении телефонной будки. Ситон моргнул, чтобы стряхнуть пот с ресниц. Черт-те что! Ерунда. Просто силуэт за окном газетной лавки.

— Пол! И все же где ты на самом деле?

— Занимаюсь всякой фигней. Вместе с Майком. Скуотища! Брожу по домам. Возможно, наша фотосессия затянется.

— Бедненький, — посочувствовала Люсинда.

Он не мог объяснить себе, зачем солгал. Его самого удивила собственная ложь и свой непреднамеренно убежденный тон. При обычных обстоятельствах врать он не умел. По крайней мере, не мог обмануть того, кто был ему безразличен.

— Тогда до девяти?

— Ага, пока!

Он толкнул тугую дверь будки и повернулся спиной к странному видению за витриной лавки. Затем он решил, что доедет на метро до станции «Эмбанкмент», пешком прогуляется до парка на Набережной королевы Виктории, сядет на скамейку и спокойно исследует содержимое пакета. Ему хотелось сделать это при дневном свете и на открытом воздухе, но сначала необходимо было убраться подальше от дома Гибсон-Гора, избежать встречи с ним или любым другим возможным свидетелем кражи. В парке же он будет практически дома —

в непосредственной близости от своего нынешнего места обитания, хотя и отделенный от него рекой. Люсинда иногда гуляла по набережной, но никогда не переходила на другой берег. Следовательно, там он может спокойно изучить свою находку.

Здесь было его излюбленное место. Он уселся на одну из скамеек, лицом к парапету, в тени большого дерева, разделяющего дорожку и газон. Ветви некоторых деревьев настолько согнулись под тяжестью листвы, что свисали ниже парапета и во время прилива окунали в воду свои ветки. Ситон смотрел на вздувшуюся реку и слушал, как за каменным ограждением плещутся в воде листья. Пакет лежал рядом, на ободранной деревянной поверхности скамьи. Завязанный узлами шпагат казался довольно прочным, но Пол знал, что время не могло не сделать свое дело. Пол поднял сверток и взвесил его на ладони, вдохнув кисловатый запах желтой клеенки и того, что она скрывала. Потянув за шпагат, Ситон развязал пакет, развернул клеенку и извлек на свет божий то, что больше полувека было скрыто от чужих глаз.

Мимо, тихо переговариваясь на итальянском, прошествовала чета туристов. Слева, невидимый за деревьями парка, отзвонил четверть часа Биг-Бен. На сумеречной лужайке где-то позади Ситона клерки после рабочего дня затеяли игру в футбол, установив вместо ворот конусы дорожной разметки. До Пола время от времени доносились их ободряющие крики и яростная перепалка. Со стороны Миллбэнка слышался неотчетливый гул транспорта. По Темзе неспешно прополз теплоходик, оставив за собой пенный след.

В руках Ситон держал тетрадь для записей примерно восемь на пять дюймов, в синем картонном переплете с мраморными разводами. Страницы были тонкие, линованные, аккуратно исписанные черным карандашом. Задняя сторона обложки кое-где была усеяна пятнами плесени, но, пролистав тетрадь, Пол увидел, что страницы уцелели: там не было ни рваных краев, ни прочих повреждений. На форзаце чья-то рука набросала карту некоего участка на юго-западном побережье острова Уайт. Ситон узнал «Иглы» — скалы, протянувшиеся к западу от Фрешуотер-бей. Береговая линия от бухты до Вентнора была показана с поразительной точностью и мастерством. Впрочем, чертеж захватывал территорию острова не дальше Брайтстоунского леса, Кэлбурна и Чиллертон, где и обрывался. На северной границе Брайтстоунского леса была сделана обведенная кружком отметка, а под ней неизвестный картограф вывел всего два слова: «Дом Фишера».

Ситон, конечно, знал заранее, что в пакете не найдет снимков. Его размеры не соответствовали стандартным фотографиям того времени. К тому же толщина и вес свертка подсказали Полу верный ответ еще до того, как он развернул клеенчатую обертку. Тем не менее некоторое разочарование сменилось неподдельным восторгом. Пол наскоро пролистал тетрадь. Все двести страниц в ней были пронумерованы. Пандора аккуратно проставила цифры в правом верхнем углу.

За его спиной футболисты, закончив игру, одевались и собирали сумки. Симпатичные итальянцы уже давно скрылись из виду. В высоких ветвях над рекой шелестел ветерок. Ситон открыл первую страницу дневника Пандоры и при тусклом свете уходящего дня принялся читать.

6 октября, 1927

Переправа была кошмарной. Солент встретил нас сильным волнением, и суденышко, на котором мы плыли, бросало из стороны в сторону. Летом туристов, очевидно, доставляют туда паромы. Но паромы перестают курсировать в начале сентября. На остров можно добраться и на почтовом пароходике, который берет пассажиров. Но Фишер, помешанный на конспирации, настоял на строжайшей секретности. Дэнниса это, разумеется, привело в полный восторг. В войну он служил в артиллерии, но прежде провел год на флоте. О тех временах он не без иронии отзывался как о «матросских буднях». Особую ностальгию вызывает у него Портсмут. Он называет его Помпеей. Вечером накануне отплытия из города Дэннис после ужина потащил нас в портовый кабачок.

Мы пошли туда прямо из ресторана. На улицах было полно матросов. Синяя

форма смотрелась на них весьма колоритно. Но они были буквально накачаны алкоголем, так что воздух был пропитан агрессией. В баре, куда привел нас Дэннис, один пьяный моряк прошелся по поводу евреев. Его налитые кровью глаза смотрели прямо на Фишера. Матрос, все больше распаляясь, нависал над нашим столиком. Это был здоровенный детина, широкоплечий, с мощной грудью. Закатанные рукава обнажали мускулистые предплечья, совсем как у цирковых силачей. Разница состояла только в том, что у нашего моряка руки были сплошь в наколках. Он, похоже, постарался вытатуировать названия всех судов, на которых ему довелось служить.

Дэннис все же сделал попытку встать, видимо собираясь дать отпор хулигану. Фишер же только усмехнулся, что-то тихо сказал Дэннису, и тот сел на место. Моряк, видя, что драки не будет, сплюнул себе под ноги и ретировался. Фишер тем временем вынул из жилетного кармана коробочку с зубочистками. Боже, я и представить себе не могла, что он настолько дурно воспитан. Надо же, ковыряться при всех в зубах! Фишер вытряхнул из коробочки зубочистку и повертел ее в руках. Она была одноразовая деревянная. Но Фишер не поднес ее ко рту, а, ухмыльнувшись, стал искать глазами моряка, который теперь о чем-то препирался со своими товарищами. Фишер зажал зубочистку между пальцами, словно крохотное копье. Ухмылка его вдруг сделалась кровожадной. Он метнул зубочистку — и в сорока футах от нас забился в конвульсиях подстреленный моряк. Его душераздирающие вопли заглушили пьяный гвалт в баре, и все вокруг неожиданно притихло.

Дэннис быстро увел нас оттуда. Он поймал такси, доставившее нас обратно в гостиницу. Там они стали уговаривать меня пропустить с ними еще рюмочку на ночь, но в гостинице не нашлось места, где приличная женщина могла бы позволить себе выпить в мужской компании. Поэтому я отправилась к себе в номер, оставив их играть в бильярд. Я долго не могла уснуть. Шутки Фишера по поводу давешнего обидчика и справедливого возмездия оставили у меня неприятный осадок.

Он не только не еврей. Он сам евреев на дух не переносит. Фишер из породы новых немцев, склонных сваливать свое поражение в войне на некий тайный заговор. Мне странно было видеть, что Дэннис проявляет такую терпимость к его взглядам. Ведь кто, как не он, своими глазами видел братоубийственную бойню на Западном фронте. Но Фишер не лишен некоторого обаяния, своеобразного магнетизма, благодаря которому ему многое прощается, в том числе и грубость. Так, он отрывает кончики сигар зубами. Пока мы ждали такси, он, не стесняясь, отхаркивался и плевал на мостовую. Он бранится, пусть и по-немецки. Отпускает замысловатые ругательства в любом обществе. Он слишком тучный, и никакое дорогое мыло или одеколон не в состоянии заглушить исходящий от него сальный запах потной тела. Но он обладает предприимчивостью и харизмой, притягивающей, хотя и излучающей какой-то темный свет. Общаясь с Фишером, словно начинаешь вертеться на одной с ним орбите. Думаю, это качество нельзя поймать в объектив фотоаппарата. Оно незаметно простому глазу, сродни гипнозу и похоже на салонный фокус, только гораздо сильнее. В силе Фишеру действительно не откажешь. Впрочем, не верится, будто он намеренно употребил свой дар на мелочное сведение счетов с несчастным матросом. На Дэнниса, который снова напился в ресторане, его харизма, видимо, не распространяется. Однако богатство Фишера и его вес в обществе впечатляют. Клаус Фишер — очень важная и влиятельная персона. К тому же в нем есть некая загадочность — качество, против которого Дэннис не может устоять.

Не думаю, чтобы Дэннис всерьез верил в теорию заговора относительно первопричины и исхода войны. Дэннис Уитли — циник, что и позволяет ему благосклонно выслушивать подобного рода речи. А спорить он не может, так как лишен принципов и вообще каких-либо убеждений. Религии он чужд, а политика не может дать ему надежду. Может, именно в поисках надежды он и сблизился с Фишером. А может, Клаус Фишер снабжает Дэнниса Уитли неким подобием веры. Не ее ли он жаждет — вместе с могуществом, к которому стремится?

Рано утром перед отплытием мы втроем позавтракали в ресторане гостиницы. Тазовые лампы разгоняли полумрак и запах табака, не выветрившийся с прошлого вечера. Он прочно въелся в обивку стульев, в занавеси, пропитал воздух в зале, сгустившись над нашими головами вокруг канделябров из темного хрусталя. Когда Фишер удалился, чтобы расплатиться по счету, Дэннис принялся превозносить его за то, как он ловко давеча свалил с ног пьяного матроса одним только карающим жестом.

«Он изувечил его одним ударом, — не без удовольствия заметил Дэннис, разрезая на кусочки колбасу и грудинку у себя на тарелке. — А ведь он сделал это, используя только силу мысли. Бот она, власть».

Так он сказал. Я же, сидя рядом с ним в убогом гостиничном ресторане и слушая скрежет столовых приборов о тарелку, расценивала поступок Фишера не как проявление власти, а скорее как вопиющее злоупотребление ею.

Мы вышли из портсмутской гавани и взяли курс на восток. Стояло холодное сырое утро, двигатель с пыхтением толкал наше суденышко против течения. По правую руку неясно вырисовывались силуэты военных кораблей. Дэннис, в белой парусиновой фуражке с козырьком, поприветствовал их театральным жестом. Мягкое освещение придавало кораблям сходство с полуразрушенными замками, серевшими вдаль. Вокруг судна вода была покрыта маслянистой нефтяной пленкой. В ней плавали целые острова желтой пены — результат утечки топлива из резервуаров пришвартованных судов.

«Да здравствует империя!» — верноподданнически подумала я.

Чайки, хлопая крыльями и то и дело ныряя в воду, с криками носились над нами. За бортом проплыл пустой спасательный круг. Дэннис предположил, что его выбросили шутки ради. За исключением этого подпрыгивающего на волнах кольца из крашеной пробки, глазу больше не за что было зацепиться. Фишер, с самого завтрака общавшийся с нами одними междометиями, стоял, вцепившись обеими руками в леерное ограждение. Он проводил круг задумчивым взглядом, что-то буркнул и сплюнул в воду.

Мы уже были всего в двух милях от Солента, когда внезапно разразилась буря. Нулевая рубка, куда мы все трое забились в поисках убежища, оказалась до невозможности тесной. Дэннис постучал по показывающему атмосферное давление барометру, висевшему рядом с компасом. Затем он спокойно спросил меня, приходилось ли мне прежде выходить в море.

«Только на борту лайнера», — ответила я.

«Лайнеры не в счет», — сухо усмехнулся он.

Взглянув в окошко на вздыбленные волны, я подумала, что его игра в старого морского волка всем уж смертельно надоела. Тем не менее я оценила его выдержку. Проложенный им курс предполагал выход в открытое море. Наше плавание вовсе не было увеселительной прогулкой на борту прекрасно оснащенной яхты.

Дэннис отослал нас обоих с палубы в единственную тесную каютку. Но ни я, ни Фишер особенно не протестовали против этого. Суденышко сильно кренилось, и ветер свирепо ревел среди шпангоутов. От качки лицо Фишера приобрело зеленый оттенок. Правда, испуганным он не выглядел. Не похоже было, что его тошнит. Он так и остался сидеть в застегнутом на все пуговицы пальто, надвинув на лоб шляпу. Он даже не снял перчатки и кашне. Вид у него при этом был на редкость мрачный и угрюмый. Крохотные иллюминаторы в холодной каюте тут же запотели от нашего дыхания, и мы некоторое время молча сидели на жестких деревянных койках, чувствуя себя крайне неловко. Затем, поскольку заняться ему было абсолютно нечем, Фишер впервые разговорился со мной.

Он стал расспрашивать меня о Кроули. Видела ли я что-нибудь из того, что он умеет делать. Я призналась, что именно поэтому я и здесь, на борту утлой посудины, во власти жестокого шторма. Именно благодаря тому, что я видела в исполнении Кроули тем вечером в Бресции, а также рассказам Дэнниса о его друге Клаусе Фишере, который даже превзошел своего учителя в мастерстве, я и пустилась в плавание. Я призналась, что впервые стала свидетелем настоящей левитации. Доброволец из зала парил в шести футах над землей абсолютно без

всякой поддержки. Как-то в Нью-Йорке я видела Гудини и знаю, насколько правдоподобна порой бывает иллюзия. Но то вовсе не было иллюзией. Кроули, по собственной прихоти, поднимал и опускал человека, а мы в это время на террасе виллы в Бресции под шум прибоя ужинали, болтали и пили шампанское.

Фишер кивнул. Тут волна ударила о борт суденышка с такой силой, что оно задрожало. Мы слышали, как у нас над головой на палубу обрушиваются потоки воды. Фишер как ни в чем не бывало заметил, что испытывает больше уважения к фокусам Гудини, чем к черной магии Кроули.

«Кроули навлекает на себя проклятие, он уже проклят, — сказал он. — Гудини может хоть весь мир обвести вокруг пальца, но Кроули балансирует на краю бездны».

Вспомнив того матроса в баре, который свалился замертво от укола зубочисткой, я заподозрила Фишера в лицемерии, но промолчала. Думаю, я уже тогда боялась его. Нет, не за конкретные действия или поступки. Мой страх был скорее инстинктивным. Так кролик, вылезший из норки, дрожит, заслышав вой голодной волка.

Фишер спросил меня, не утратила ли я решимости относительно того, что мы собирались сделать. Он также поинтересовался, готова ли я принять участие в предстоящей церемонии. И я ответила, что да. Правда, потом я призналась, что жертвоприношение — это та часть ритуала, которая повергает меня в ужас.

«Это нелегко для любого из нас», — заверил меня Фишер.

Его голос был таким мягким и проникновенным, таким успокаивающим, особенно на фоне ревущих волн. И тут он заговорил о роковых случайностях.

«Взять хотя бы этот год. Семьсот погибших во время землетрясения в Югославии в феврале. Толчки земли случайным образом уносят людские жизни. В марте, — продолжал он, — в разгар недавней эпидемии гриппа, в Лондоне каждую неделю умирало до тысячи человек. Тоже случайные потери».

«Но они не остались неоплаканными», — возразила я.

Глаза Фишера возбужденно блеснули в полумраке каюты.

«Тысячи погибших во время великого разлива Миссисипи этой весной. Землетрясение в китайской провинции Цинхай унесло четверть миллиона жизней».

Фишер продолжал вполголоса петь мне о бессмысленности человеческих смертей. И он меня почти убедил.

«Можно ли углядеть хоть какой-то смысл в жалком существовании в трущобах под бременем нужды и полном лишений? — вслух размышлял он. — Такая жизнь неминуемо грозит полиомиелитом или туберкулезом. Она проходит в нескончаемых тяготах, и так год за годом».

Он в красках описал мне вонючие уборные, постоянную сырость и убожество сонных обитателей съемных квартир и домишек в городах Англии; жизнь под сенью фабричных труб печальных, безразличных ко всему людям, тянущих свою лямку только ради того, чтобы выжить, без надежды на лучшее будущее.

«Подобную жизнь и оценивать-то неудобно, — заключил Фишер. — В ней нечем дорожить, не к чему привязываться. Такую жизнь, если судить беспристрастно, вряд ли стоит проживать».

Я кивнула, хотя, несмотря на все сентенции Фишера, в глубине души чувствовала, что жертвоприношения оправдать невозможно. Получила я и подтверждение своей догадке насчет его способностей гипнотизера.

Мы причалили в тихом местечке к западу от Комптонской бухты, где нас уже ждал человек. Он донес наш скромный багаж до авто Фишера, роскошного «мерседес-бенца». Пока мы шли с пристани до машины, я успела заметить, что воздух здесь совсем другой: гораздо свежее. Такой чистый воздух бывает только на маленьких островах. Я почувствовала бы разницу даже с завязанными глазами. Ветер тем временем стих, небо заволокли низкие облака, из которых шел надоедливый дождь.

В просторном салоне машины было тепло, от сидений исходил маслянистый запах кожи и навощенного тика. Какая отрада для души после тяжелого плавания!

Знакомый Фишера снабдил нас пледами и горячим кофе из термосов. Он вел себя достаточно почтительно, но вся его мощная фигура свидетельствовала о скрытой силе, совсем как у Карпантье¹ или даже у Демпси.² Понаблюдав за ним, я усомнилась, что способность водить машину — его единственный дар. По-английски он изъяснялся с сильным акцентом.

Запустив двигатель, шофер натянул перчатки с крагами и включил фары. «Мерседес» был оснащен мощным магнето. Двойной луч прокладывал ярко-желтый туннель в тумане. Дэннис предложил мне сигарету. Я взяла, и он дал мне прикурить. Водитель переключил передачу, и огромное авто с ревом рванулось вперед. Итак, меня ждало знакомство с домом Фишера. Я курила, глотала из термоса горячий крепкий кофе и смотрела, как за дождевыми потеками на стекле волнообразно сменяют друг друга насыщенные влагой зеленые поля. Я понимала, что пути назад теперь не было.

Пока мы ехали, мои мысли крутились вокруг того, что Клаус Фишер может знать, а что — нет. В каюте он сделал мне аванс, почти незаметный: не более чем легкое касание пальцами моего бедра, что можно было принять за неловкую попытку успокоить меня, пока наше судно подпрыгивало на крутых волнах. Этот жест проще всего было вовсе не заметить, чтобы, не оскорбить прямым отказом. И все же это был аванс. Не думаю, что Фишер решился бы на подобное, невольно выставляя себя на посмешище, зная он меня так хорошо, как он самонадеянно считал. Он слышал обо мне лишь то, что рассказал ему его друг Уитли. В этом у меня сомнений не было. Фишер не может читать мысли. У него, в отличие от Дэнниса, нет к этому способностей. Здесь ему далеко до Алистера Кроули, для которого, как показала встреча в Бресции, душа человека — открытая книга.

В тот вечер Кроули разложил для меня карты Таро. В течение первого круга он не проронил ни слова. Потом снова собрал карты в колоду, и на его лице появилась хитрая улыбка, словно он что-то узнал. Он упомянул Сафо, заметив между прочим, что при жизни она прославилась страстью к путешествиям не меньше, чем своими великолепными стихами. Кроули заявил, что ему являлся призрак Сафо в мантилье и испанских шелках. Потом он поинтересовался, читала ли я Лоуренса, а затем спросил, доводилось ли мне присутствовать на празднестве во славу мертвых у подножия вулкана.

«Вы когда-нибудь пили мескаль? Его подают в бутылке с гусеницей внутри, — спросил он, игриво высунув язык между попорченных морфином зубов. — Мескаль положено выпивать до дна — до гусеницы».

Я ответила, что неплохо знаю Мексику — бесспорно, именно на нее он намекнул мне, — и призналась, что много поездила по свету. Я также высказала скепсис по поводу путешествий Сафо за пределы освоенного, по тем представлениям, мира.

Кроули улыбнулся и вторично разложил карты. Мы с ним сидели на террасе за карточным столиком, поодаль от остальных приглашенных на ужин гостей. Эту виллу предоставил Кроули в пользование один из его почитателей или, можно сказать, последователей. Наряд Кроули отличался вычурностью. Мне объяснили, что он так одевается специально для проведения особых оккультных ритуалов и прогулок по приморскому бульвару в Брайтоне. Спесь и позерство он весьма успешно превратил в обычай, поскольку оба эти качества прекрасно уживались в нем и дополняли друг друга. В тот вечер на нем была бархатная куртка с галстуком, делавшим его похожим на отверженного Оскара Уайльда. Кроули был немолод и вполне мог быть знаком с Уайльдом. В ту встречу я дала бы ему лет пятьдесят. От злоупотребления героином кожа его приобрела тот болезненно-бледный оттенок, который выдает в человеке его пагубное пристрастие. Кроули выглядел моложе своих лет и казался гораздо здоровее, чем был на самом деле.

Он проник в тайну моих сексуальных предпочтений и нарочно заговорил про Мексику. Я сразу поняла, что он знает и про Консуэло. Кроули носил необычно длинные волосы. От меня не укрылся жест, которым он откидывал назад

1 Жорж Карпантье (1894–1975) — знаменитый французский боксер, чемпион мира в полутяжелом весе.

2 Джек Демпси (1895–1983) — американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

нависавшую на один глаз прядь. Жест, принадлежавший Консуэло! Странно, но я не испугалась. Он разгадал мою суть, проник в мои тайны. Но я знала, что дальше его это не пойдет. В этом и состоял наш негласный уговор. Кроули вдохновляли области более глубокие и темные, нежели обычные сплетни.

Если из моих слов можно понять, будто я симпатизирую Кроули, то это действительно так. У Кроули есть обаяние и непостоянство, которых начисто лишен скучный немец Фишер. Там, где у Кроули спонтанность, у Фишера длинные выкладки и точный расчет. Кроули наслаждается магией. Он бесстрашно жонглирует предоставляемыми ею возможностями. Фишер же использует ее как опытный инженер.

Прежде чем расстаться, я спросила тогда у Кроули, правда ли, что в тысяча девятьсот пятом году он убил на Сингалилском перевале тех людей, которые предприняли восхождение на Канченджангу.

«Их убила лавина», — ответил он, тасуя и перетасовывая колоду карт Таро.

«Вас сердят слухи о том, будто это ваших рук дело?» — спросила я.

Кроули ответил, что ни в коей мере. Его гораздо больше раздражала неточность информации. Будто бы лавина обрушилась на экспедицию на высоте двадцати одной тысячи футов, тогда как на самом деле он с товарищами преодолел отметку двадцать пять тысяч футов.

«Мы были почти у вершины, когда внезапно вмешался злой рок», — заявил Кроули.

Он сидел на балюстраде террасы, вода в озере за его спиной казалась совершенно черной. На палубе яхты или в глубине сада тенор исполнял какую-то арию. А может, это пели на противоположном берегу и звук разносился вокруг на несколько миль. И бесплотный голос, и едва угадываемая мелодия поразили меня своей чистотой и очарованием. Вокруг головы Кроули вились светлячки, образуя нечто вроде ореола. Или нимба, как над головой святых на фресках эпохи Возрождения.

Кроули, видимо, увлекла тема альпинизма. Он хотел узнать мое мнение о Мэллори и Ирвине: удалось ли им достичь вершины Эвереста три года тому назад, когда они исчезли в облаке всего в нескольких сотнях футов от цели.

«У них был с собой фотоаппарат, — объяснил Кроули. — Это может позволить получить доказательство их победы».

Кроули попросил меня высказать профессиональное мнение. Чуть подумав, я ответила:

«Они брали с собой мини-„Кодак“. Я же обычно использую „Лейки“ и поэтому лучше разбираюсь в их технических тонкостях. Но их камера хоть и небольшая, зато очень надежная и создана специально для таких условий. В разреженном воздухе на вершине Эвереста пленка портиться не должна. На такой высоте всегда холодно и снег никогда не тает. Значит, намокание пленке не грозит. Если сам фотоаппарат не пострадал, если его не раздавило лавиной и пленка не засветилась, то тогда стоит только отыскать кассету, проявить пленку — и загадка будет решена».

После этого я поинтересовалась его мнением насчет того, дошли ли Мэллори и Ирвин до вершины.

«Я точно знаю, что дошли, — ответил Кроули. — Джордж Мэллори сам мне рассказывал, как они вместе уселись на „Крышу мира“, пожали друг другу руки и разделили между собой остатки шоколада, затем укрепили там флажок и отщелкали полпленки, перед тем как начать спуск, во время которого оба сорвались и погибли. Мертвым лгать незачем».

Так он сказал, а потом поднялся, показывая тем самым, что аудиенция закончена. Уходя, он повернулся ко мне спиной, и я увидела на ней целую гроздь летучих мышек, привычно уцепившихся лапками за бархат.

Кроули мог читать мои мысли. Возможно, он мог предсказать и мою судьбу. Впрочем, даже если и так, то ни один мускул не дрогнул на его лице. Фишер, несмотря на всю свою харизму, таким даром не обладает. Дэннис же слеп ко всему вокруг, кроме предмета своих распутных вожделений. Представляю, как он

удивится, когда узнает о моих истинных сексуальных предпочтениях. Сегодня, когда мы ехали в машине и он вынул из кармана зажигалку «Данхилл», чтобы дать мне прикурить, я заметила торжествующий блеск в его глазах. Для него я уже завоеванный трофей. Добыча, право на которую осталось только закрепить постельными формальностями. С ним, боюсь, все пройдет действительно очень формально. Он ничего вокруг не видит. По крайней мере, у него пелена на глазах. И это еще мягко сказано.

Мне бы очень хотелось описать дом Фишера, стоящий в величественном уединении в лесу на острове, но я уже порядком утомилась. Завтра, накануне церемонии, у меня будет достаточно времени для записей. Мне запретили брать с собой фотоаппарат, поэтому волей-неволей приходится доверять свои мысли бумаге, что довольно-таки утомительно. Впрочем, как мне кажется, то, о чем предстоит рассказать, в двух словах не опишешь.

17

Ситон закрыл дневник, так как в парке стало слишком темно. Солнце садилось, окрашивая в розовый цвет дым из пароводных труб возле Баттерси. Тени, отбрасываемые деревьями, сгустились и стали длиннее, листва потемнела, скрыв от посторонних глаз засуетившихся в преддверии сумерек птиц. Пол подумал о Себастьяне Гибсон-Горе, исследующем алкогольные недра раскрытого полушария в сизом облаке французского табака. Пол подумал об ирландце, о его темной фигуре за стеклом, качающейся словно маятник. Пол подумал о странном видении, его посетившем: тело Пандоры на отмели близ Шадуэлла. И он не смог связать эту смерть со всеми ее омерзительными подробностями с быющей через край жизнью той женщины, что описала себя в дневнике. Закрыв тетрадь, он постарался как можно более аккуратно завернуть ее в клеенку. Затем сунул пакет в карман куртки, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Полу необходимо было подумать. Он понимал, что не может признаться Люсинде в краже. Но не мог придумать ни одного правдоподобного объяснения тому, каким образом к нему попала эта тетрадь. Он чувствовал, что дневник способен помочь ему понять образ мыслей Пандоры и мотивацию ее таинственного дара. Но обосновать все это он не мог. Так как тогда пришлось бы обнародовать источник и, следовательно, признаться в воровстве. Был вечер четверга. У него остается еще неделя до срока, когда он должен будет представить обстоятельное эссе из восьми тысяч убедительных и красивых слов на тему Пандоры Гибсон-Гор. То, что сейчас лежало у него в кармане — с учетом того, что было известно о Пандоре, — уже представляло собой настоящую сенсацию. Одна только лесбийская ориентация этой женщины-фотографа могла стать основанием для пересмотра ее канона с точки зрения предметного содержания и скрытых символов. А еще ее увлечение магией, которая, похоже, захватила Пандору.

Ему не терпелось продолжить чтение. На часах было без четверти девять. Если он сейчас пойдет домой и поужинает с Люсиндой, то у него останется в запасе еще час до закрытия «Ветряной мельницы». Там он сможет устроиться за угловым столиком и под тихие жалостные соул-баллады дочитать дневник. Ситон почувствовал необычное радостное возбуждение и вдруг понял, что его первоначальный замысел стал приобретать характер наваждения.

Наваждение? Ну конечно нет. Просто в парке уже совсем стемнело и вот-вот должны запереть ворота. Пол увидел за черной решеткой ограды луч фонарика полисмена, делающего обход по мостовой Миллбэнка. Нет, это всего лишь профессиональное любопытство журналиста заинтересовавшегося загадочной женщиной, жившей в ужасное, развращенное время. Однако при чем здесь Люсинда? Ему пришлось признать, что уже ни при чем. И вот, стоя под сенью деревьев в сгущающихся сумерках, Ситон вдруг понял, что в данном случае для него самое важное, с одной стороны, не заниматься самообманом, а с

другой — не подвести Люсинду.

Загадка Пандоры Гибсон-Гор поглотила его целиком. Это уже было больше чем просто желание помочь своей девушке. Но ведь именно с Люсинды, с искреннего порыва выручить ее все и началось. Так или иначе, но ему придется написать это эссе. И он сделает свое сочинение достаточно убедительным. На худой конец, можно переработать информацию Боба Холливелла, из которой следовало, что Пандора добровольно, а вовсе не из-за крайней нужды отреклась от мирской суеты. Можно было также получить свидетельство от фирмы «Фогель и Брин» о ее трепетном отношении к своей аппаратуре. Пандора была в числе первых пользователей «Леек» массового производства. Для «изюминки» годился и тот забытый факт, что один из фотоаппаратов Пандоры до сих пор в превосходном рабочем состоянии, словно ожидает прикосновения руки почившей в бозе хозяйки. Пол мог расспросить мистера Бриана-младшего о технических недостатках ранних моделей «Лейки» и об изготовленной специально для них пленке. Мистер Брин не откажется говорить с ним на эту тему. Пол постарается написать дипломную работу как можно лучше. Он не имеет права подвести Люсинду.

Пол стоял посреди парка Виктории у Тауэра в крошечной тьме. Колокол над зданием палаты общин гулко отбил девять ударов. И Пол Ситон дал себе торжественное обещание. Он не имеет права подвести Люсинду.

7 октября, 1927

Приехал Кроули! Он прибыл сегодня днем в компании египтянки. Я ужасно обрадовалась встрече с ним, особенно после всех этих нелепых гостей, которых человек Фишера с самого утра доставлял в хозяйском «мерседесе». Кроули сразу же меня узнал. Он поднял брови и поджал губы, словно говоря: «Я не выдам вашу тайну». За год, пролетевший с нашей встречи в Бресции, он ужасно постарел: волос практически не осталось, а цвет лица стал мертвенно-бледным. Однако глаза его все так же горели озорным огнем, и одет он был по-прежнему весьма экстравагантно: на нем был шелковый цилиндр, гетры и визитка. В руках Кроули держал трость из красного дерева с серебряным набалдашником, на которую он тяжело опирался, поднимаясь по парадной лестнице. А ведь когда-то он покорял Гималаи и чувствовал себя как дома на «Крыше мира»! Конечно, он сам себя доконал, но в любом случае зрелище это весьма печальное.

Впрочем, я забегаю вперед. Сначала следует описать дом Фишера. Фишер живет в окружении пошлой роскоши. Стены здесь увешаны мрачными гобеленами. Вместо электрических ламп — заправляемые смолой примитивные светильники. Полы выложены плитняком и покрыты не коврами, а шкурами медведей и каких-то крупных кошачьих — скорее всего, охотничьими трофеями. Все помещения нижнего этажа обогреваются огромными каминами, которые топят бревнами. В результате весь дом пропах копотью и смолой. Прямо-таки средневековый замок. Правда, здесь нет даже намека на вульгарность, никаких признаков новых денег. Трудно, однако, отделаться от ощущения, что все это киношные декорации, кажущиеся еще более искусственными оттого, что так хорошо сделаны.

Я хочу сказать, внешний вид и интерьер дома чем-то напоминают декорации к высокобюджетному фильму, на которые была выделена шикарная смета. Дом Фишера не имеет истории. Его просто взяли и поставили здесь, вложив в это кучу денег. Но, несмотря на кажущуюся искусственность, все в доме совершенно реально. На стене его библиотеки под щитом висят два скрещенных палаша. Я провела по одному из лезвий и до крови порезала палец.

Дом Фишера — это жилище человека, который сам себя сделал. Наверное, именно поэтому оно и кажется слишком новым и чуть фальшивым. Он даже не полностью обставлен, ибо создание его еще не завершено. Дом будет закончен только после предстоящей церемонии и жертвоприношения, когда Клаус Фишер поднимется до тех высот, куда он так стремится.

Наш псевдо-Демпси, оказывается, американец итальянского происхождения, родом из Чикаго. Пока он нес ко мне в комнату мою дорожную сумку, мы

разговорились. Мне приходилось бывать в Чикаго, и, наверное, мое знание местных достопримечательностей расположило ко мне моего провожатого. Он в прошлом боксер. Утверждает, что бился на ринге и с Демпси, и с самим Танни.¹ А еще с Гарри Грэбом, который, по его мнению, сильнее тех двоих, вместе взятых. Он называет себя Джузеппе, для друзей — просто Джо. Джузеппе работал в Чикаго на человека по фамилии Капоне. Он спросил меня, слышала ли я что-нибудь о нем. Я ответила, что нет, и поинтересовалась, не дружит ли мистер Капоне с Клаусом Фишером. Джузеппе мой вопрос почему-то позабавил. В завершение нашей короткой беседы мы пожали друг другу руки, точнее сказать, его ладонь поглотила мою, словно пасть аллигатора — крошечную пичужку. В Джо чувствуется какая-то странная печаль, налет некой тайны, а еще раскаяние. Я даже пожалела, что при мне нет фотоаппарата: мой новый знакомец был бы прелюбопытнейшим типажом для портрета.

Между владениями Фишера и окружающим лесом нет четкой границы. Чем дальше уходишь от дома, тем гуще и раскидистее деревья. И вот уже вокруг настоящие дебри. Местами заросли настолько густые, что пробраться сквозь них просто невозможно. Думаю, этот лес сохранился еще со времен династии Плантагенетов, страстных охотников. Здесь легко представить себе вырывающееся из чащобы стадо диких вепрей, которые огромными клыками рвут подстилку из прелой листвы и обдирают кору с деревьев. Да, этот лес — самое подходящее место для старинных обрядов вдали от посторонних глаз. Сомневаюсь, чтобы. Клаус Фишер хоть раз попытался изучить все его уголки. Думаю, такие места ему не слишком приятны. Здесь он наверняка должен чувствовать себя потерянным.

Лес вокруг дома Фишера — чисто английское место. Впрочем, венценосные охотники — всего лишь игра моего воображения. Я слишком плохо знаю историю острова Уайт. Я могу назвать лишь одну монаршую особу, действительно сильно привязанную к данному месту, — это королева Виктория. После безвременной кончины своего супруга она долгие годы предавалась скорби в Осборн-хаусе. Однако Викторию никак нельзя назвать англичанкой. Во всяком случае, по крови. Она была немкой, как и наш хозяин. Наверное, не ошибусь, если предположу, что, как и Фишера, ее влекла сюда особая атмосфера уединенности. Здесь можно легко скрыться от мирской суеты.

Из леса открывается захватывающий вид на дом, на его высокие фронтоны, на мрачную одинокую башню, возвышающуюся над крышей. Дэннис сообщил мне, что в башне находится гостевая комната. Но на это я ответила, что не хотела бы там ночевать. Я не из пугливых, но спать в этой башне! Нет уж, увольте. Окна башни весьма странной конфигурации. Они очень узкие и так глубоко утоплены, что в этом есть нечто зловещее. Стекла не отражают падающий на них свет, а, наоборот, сгущают тени. Дэннис, ухмыльнувшись в ответ, заявил, что комната на самом верху предназначена для куда более высоких гостей, чем я.

И вот сегодня к нам прибыл тот самый высокий гость. Он, несмотря на плохую погоду, прилетел на гидроплане и приводнился в Фрешуотер-бей. Здесь нельзя не отдать должного его летному мастерству. Пилот оказался немцем, как и наш хозяин. Излишнюю полноту гость маскирует энергичными движениями и хорошо скроенной одеждой. На нем была шинель со множеством нашивок различных военных кампаний и медалей, завоеванных в воздушных боях над Францией. Из-под шинели виднелись шикарные сапоги для верховой езды. Я решила, что эта показушность может вызвать у Дэнниса резкое неприятие. Но Дэннис, как оказалось, не только знал этого парня, но даже симпатизировал ему, поскольку после рукопожатия заключил его в объятия. Немцу очень понравилась чаща за домом, и вчера вечером за коктейлем я слышала, как он спрашивал хозяина, есть ли там дичь.

«Дичь не удостоила своим присутствием местные леса», — со смехом ответил Фишер и добавил, что хороший хищник без добычи не останется.

Лес пересекает ручей. И дальше этого ручья мне так и не удалось пройти, когда я решила исследовать окрестности, после того как устроилась в своей

¹ Джин Танни (1897–1978) — американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

комнате. Тучей довольно глубокий и быстрый, что, наверное, объясняется сильным дождем, льющим без перерыва с самого нашего прибытия. Впрочем, может, это вовсе не ручей, а речушка, зажатая между узкими берегами. Как бы там ни было, воды здесь темные и глубокие. Пересечь ручей — задача для меня непосильная. И я вдруг подумала, что отсюда не убежишь. Подобные мысли зародились в моей голове неспроста. И я не назвала бы их слишком приятными.

7 октября, 1927, позже

Гораздо позже! Утром состоится дуэль. Настоящая дуэль, с ранениями или даже с убийством, затеянная, как водится, для защиты чести и достоинства. Какой анахронизм! Через несколько часов оба противника пройдут между запрудившими подъездную аллею «лагондами», «бентли» и «роллс-ройсами» — новейшими и наиболее наглядными символами нашей технической эры, — найдут глухое место и, обнажив мечи, кинутся друг на друга.

Но и сейчас, когда я пишу эти строки, чувствую, что грешу против собственной логики. Начнем с того, что мы съехали сюда заниматься магией. Все мы — современные люди, убежденные поборники цивилизации, привыкшие к ее благам, порой довольно весомым. С другой стороны, что может быть более архаичным, зажатым узкими рамками традиций и ритуалов, чем то темное искусство, которое и привело нас сюда.

Так или иначе, драться на дуэли — это просто смешно, и ее последствия вряд ли принесут участникам ту сатисфакцию, которой они оба жаждут. Скорее один из них или сразу оба получат нелепое и, возможно, опасное для жизни увечье. Один из них, похоже, записной дуэлянт. Это, разумеется, тот толстый немец, который прибыл вчера. Летчик, обвешанный знаками отличия за ратные подвиги.

Вечер начался довольно многообещающе. Это был, естественно, так называемый кровавый банкет — первое ритуальное пиршество из тех, что нам предстоит выдержать перед жертвоприношением. Среди гостей есть один американец, кинопродюсер. Он привез с собой очередную кинематографическую сенсацию под названием «Певец джаза». Благодаря новому способу дубляжа фильм уже озвучен. Все актеры говорят своими собственными голосами. А поскольку «Певец джаза» — это музыкальная драма, то актеры еще и поют. У Фишера оборудован зал для просмотра. Мероприятие было запланировано, чтобы развлечь нас днем перед банкетом. А поскольку погода была плохая, известие о новинке было встречено с восторгом и благодарностью.

Главную роль в фильме «Певец джаза» исполняет Эл Джолсон.¹ А Эл Джолсон — американский еврей. Те из нас, кто до просмотра картины этого не знал, очень скоро были просвещены на этот счет немецким гостем Фишера. Тот громко заявил, что, мол, он не собирается в течение двух часов смотреть на выступление литовского еврея в надежде получить сомнительное удовольствие. Он принялся отпускать колкости и язвительные замечания, а еще двое — вероятно, под действием винных паров — поддержали его ехидными выкриками и издевательскими аплодисментами. Через пару минут американец, который привез фильм, остановил показ и включил свет. Когда он повернулся к авиатору, лицо его было перекошено от ярости.

Очевидно, его больше волновала необходимость сохранить лицо, чем репутация Эла Джолсона или художественные достоинства фильма. Голливудский продюсер был смуглым, жилистым, с жестким взглядом и явно отличался крутым нравом. Перед показом он, чтобы не испортить пленку, надел хлопчатобумажные перчатки. И вот он снял перчатку и со всего маху залепил немцу пощечину. Тот лишь на мгновение растерялся, затем улыбнулся обидчику и сухо ему поклонился. Судя по всему, так требовали правила дуэли. Вызов, брошенный в пьяном угаре, был принят.

Однако Дэннис сказал мне, что все на редкость серьезно. Немец раньше уже

¹ Эл Джолсон (Ася Гессельсон, 1886–1950) — легендарный американский артист, шоумен, выступавший в гриме «под негра». Снялся в первой звуковой кинокартине «Певец джаза» (1927).

дрался на дуэли и в юности даже состоял в обществе дуэлянтов Гейдельбергского университета. Американец итальянского происхождения был чемпионом своего колледжа по фехтованию и владел шпагой и рапирой настолько хорошо, что мог вполне представлять свою страну на Олимпийских играх. Все гости мужского пола явно находятся в предвкушении захватывающего зрелища — крови и стали. Женщины проявляют показное безразличие, но, по-моему, крайне возбуждены.

Меня же волнует собственная проблема, тоже связанная с кровью и сталью. Порез на большом пальце воспалился, и палец распух. Из ранки сочится жидкость со сладковатым, гнилостным запахом. Я продезинфицировала и перевязала ранку, но меня уже слегка лихорадит. Я боюсь, как бы не получить заражение крови.

Кроме того, я, честно говоря, испытываю беспокойство более общего и гораздо более глубокого свойства.

Я здесь болтала о возникшем конфликте, о предстоящей дуэли, о нагноившемся пальце, желая отсрочить разговор о главном. Однако я обязана написать об этом, ибо ни о чем другом сейчас думать не могу. Дело это настолько неотложное и важное, что важнее и не бывает.

О проводимых здесь обрядах и жертвоприношении я узнала несколько месяцев назад, и у меня было достаточно времени, чтобы подготовиться к участию в них. Но сегодня состоялся «кровавый» банкет. И это было омерзительно. Он проходил в огромной столовой, куда можно попасть, пройдя через библиотеку. Стены в ней отделаны лакированными деревянными панелями с затейливым орнаментом. После того как еда была подана, прислугу отослали, и мы уже сами брали холодные закуски. Приглашенных было, разумеется, тринадцать. Мы ужинали при свечах за длинным столом, протянувшимся через весь зал. Громкое музыкальное сопровождение обеспечивал граммофон Фишера. Новехонький, последней модели аппарат так и блестел в свете канделябров. Вылетающие из его трубы пронзительные, бодрящие мелодии, казалось, распространяли запах нагретого металла и бакелита. Граммофон — еще одно подтверждение нелепого сочетания в этом доме надуманного средневекового декора и самых дорогих современных атрибутов.

Сначала музыка была вполне благопристойной. Сладкоголосый Карузо выжимал слезу душещипательными ариями, ему вторил не менее сладкоголосый ирландский тенор Джон Маккормак. Но по мере того как гости постепенно пьянели, музыкальные темы становились все мрачнее и двусмысленнее. Оперу сменил рэгтайм. В его простых неспешных каденциях — в том, как они исподволь прокрадываются в сознание, — мне всегда слышалось что-то зловещее. А затем, разумеется, заиграл джаз. Я узнала несколько произведений в исполнении оркестра Пола Уайтмана, где солистом выступал корнетист Бикс Бейдербекке. Потом хозяин поставил пластинку с записью «Red Onion Jazz Babies». В прошлом году я побывала на их концерте в Чикаго и теперь снова получила возможность услышать двух виртуозов, Сидни Бэчета и Луи Армстронга, соревнующихся в исполнении всеми любимой «Heebie jeebies». Украдкой я взглянула на немца Геринга, ожидая с его стороны новых протестов, на сей раз по поводу негритянских исполнителей. Но ничего подобного. Видимо, в этот вечер его мыслями владел отнюдь не джаз. Между тем музыка становилась все более безудержной и необузданной.

— Что это такое? — спросила я у Фишера, когда из граммофона послышались фортепианные стенания, почему-то напоминающие о борделе.

Впрочем, мне это вполне могло почудиться из-за лихорадки, вызванной воспалившейся ранкой на пальце.

— Фэтс Уоллер, — снисходительно улыбнувшись, пояснил он.

Я впервые слышала это имя. Вечер продолжался, и гости под воздействием вина и шампанского, опиума и кокаина вели себя все разнузданнее. Правда, поведение их было вполне предсказуемым, но иногда они выкидывали такое, что невольно повергало в шок. К концу ужина египтянка, которую привез с собой Кроули, сняла с себя одежду. В ее пупок был вставлен драгоценный камень, а соски проткнуты массивными золотыми кольцами. Женщина принялась лениво извиваться всем телом, изображая нечто вроде танца живота, а затем улеглась

навзничь на стол и стала дымить сигарой через вагину. Кое-кто из мужчин заплотировал исполнительнице трюка, про который я уже слышала, но ни разу не видела. Когда сигара была уже наполовину выкурена, Фишер выдернул ее из тела египтянки и оживил несколькими мощными затяжками, а затем всунул тлеющим концом обратно. Женщина застонала от боли, смешанной с удовольствием, и по залу распространился запах обугленной плоти, паленых волос и сексуального наслаждения. Оргазм вызвал у зрителей новую бурю восторга. Затем египтянка сползла со стола и пошла одеваться. Я всмотрелась в ее лицо, но густо насурьмленные глаза лишали его всяческого выражения.

Вскоре после этого на всеобщее обозрение выставили будущую жертву. Ее не ввели на высоком катафалке, не представили иным торжественным образом, а просто внесли на руках. Что и говорить, она вовсе не годилась для того, чтобы стать залогом всемогущества, которою так жаждал Фишер. Это был совсем маленький мальчик, завернутый в мужское пальто и трясущийся, словно зверек, пойманный браконьером. Джузеппе опустил его на пол, и дрожащий ребенок остался в одних трусиках и маечке, некогда белой, но ставшей серой от долгого ношения и стирок. На вид ему лет шесть-семь, и он сильно истощен. Мальчик казался смущенным и испуганным, он с недоверием взирал на разряженную толпу перед ним. Но от этого сна — если он принял всех нас за сон — ему не суждено пробудиться. Он стоял, вцепившись ручонкой в трусики, и все подтягивал их вверх. Резинка на них, должно быть, лопнула, или он сам порвал ее неловким движением и теперь прикрывал себя из детского целомудрия.

Созванные на банкет гости захлопали при виде мальчика. Я же сразу прониклась к нему участием, а ко всему нашему сборищу почувствовала глубокое отвращение. Сказанные мне на судне слова Фишера теперь воспринимались как издевка. Затем верзила Джузеппе подхватил ребенка и вместе с ним скрылся за дверью. И тогда я поняла причину, почему лицо помощника Фишера всегда так печально. Что бы ни заставлял его делать за плату прежний наниматель, мистер Капоне из Чикаго, до Фишера ему было далеко.

Я посмотрела на Дэнниса. Лицо у него было красным и потным, а глаза до сих пор блестели от воспоминаний о боли, испытанной египтянкой. Ну да, он же садист. Я совсем забыла. Я обвела взглядом остальных присутствующих. Все они были либо пьяны, либо одурманены, кроме абсолютно трезвых дуэлянтов, угрюмо сидевших на противоположных концах стола. Вероятно, оба они питали надежду на то, что отказ от удовольствий наутро обеспечит им твердость руки в обращении с вороненой сталью. Я оглядела все это сборище облаченных в смокинги и вечерние платья людей и почувствовала, как жемчуг плавится, соприкасаясь с моим пересохшим горлом. Я была чужой среди них.

Такой я и останусь. Никогда у меня не будет с ними ничего общего. Какими бы банальностями ни кормил меня Фишер на борту корабля, в убийстве ребенка я участвовать не стану. Глупо, но меня почему-то особенно возмутила его ложь о рахите и увечьях. Этот мальчик совершенно здоров. Да, он худ, бледен и напуган, но невредим. Впрочем, здоровый он или калека, какая разница — я не хочу быть участницей убийства мальчика. И не буду.

Обдумывая все это, я заметила, как Кроули поднял голову и посмотрел на меня. Он сидел в углу в мягком кресле, положив на под локотник руку с бокалом вина. На его макушке красовалась восточная тубетейка, скрывавшая наметившуюся плешь. Он картинно опрокинул бокал, методично притопывая ногой в гетрах на пуговицах, словно демонстрируя свое безграничное терпение. Неожиданно притопывание прекратилось, и Кроули мне улыбнулся. Конечно, он обо всем догадался.

8 октября, 1927

Вместе с Дэннисом мы пошли к месту предстоящей дуэли. Лихорадка моя усилилась, и он не преминул заметить, что я очень бледна. Но пути нам встретился Джузеппе. Сняв пиджак, он под проливным дождем разравнивал гравий на

подъездной аллее, ловко орудуя граблями и демонстрируя мускулистые предплечья. Услышав мой голос, Джузеппе натянуто, но почтительно мне улыбнулся. Взгляд его по-прежнему оставался печальным. Припаркованные на аллее авто были накрыты брезентовыми чехлами, отчего напоминали гигантские механические остовы в погребальных саванах, неподвижные и безгласные. Лишь одна машина оставалась неприкрытой. Дождь барабанил по ее черному корпусу, стекал по крыше и крыльям, скользя по полированной поверхности.

Посмотреть на дуэль пришли не все участники вчерашнего ужина. Отсутствовавшие, вероятно, все еще спали мертвым сном в своих постелях и не смогли подняться к назначенному часу, то есть к десяти утра. Кое-кто явился в пальто, накинутом прямо на пижаму. Здесь были: порнограф из Роттердама; два промышленника из Антверпена и Лилля, предпочитавшие играть в карты друг против друга, пришел также судостроительный магнат из Данцига. А еще владелец казино из Марселя, который, возможно, сделал ставки на исход поединка. Вся эта пыхтящая процессия опухших красноглазых людей, бредущих по лесу в облаке винного и табачного перегара, выглядела довольно жалко. Женщин, кроме меня, не было.

Судя по тому как были одеты оба дуэлянта, Фишер заранее подготовился к возможным инцидентам среди участников шабаша. Торсы противников были затянуты в плотную кожу, а рабочую руку каждого из них помимо перчатки защищал стеганный рукав. Впрочем, ноги их оставались открытыми. Участники дуэли разминались, делая точные и уверенные выпады. В качестве оружия были выбраны рапиры, старинные, но явно смертоносные, не затупившиеся со временем. Дуэлянты то и дело взмахивали ими, и клинки с резким свистом рассекали сырой воздух.

Фишер позвал обоих и велел надеть очки, а затем шлемы, похожие на мотоциклетные. Противники вели себя подчеркнуто спокойно. Они избегали смотреть друг на друга, но каждый не преминул переброситься шуткой с Фишером, пока тот давал им последние наставления и проверял, остро ли отточены лезвия и достаточно ли туго затянуты пряжки на кожаных латах. Я слышала, как в ответ на их замечания он дважды засмеялся своим отрывистым лающим смехом.

Местом дуэли служила поросшая травой полянка в близлежащей рощице, примерно в трехстах ярдах от дома. Я там заметила Кроули, который с показным равнодушием бродил среди деревьев. Он был облачен в волочившийся по земле вышитый балахон. Примерно такой же, наверное, носил волшебник Мерлин. Я вдруг с отчетливой безысходностью поняла, что теперь, пожалуй, уже боюсь его. Да, он пугает меня куда больше, чем Клаус Фишер. Тогда в Бресции я по глупости купилась на его обольстительные уловки. Но сейчас, глядя, как он плавно скользит по жухлой листве, пробираясь сквозь заросли папоротника, я с упавшим сердцем поняла, что ведь это он много лет назад погубил своих товарищей на той горе. Вероятно, и они были принесены в жертву ради какой-то цели. Там, на Сингалилском хребте. Кроули и Фишер — одного поля ягоды. В их руках власть. Никакая цена для них не слишком велика.

Человек Фишера приблизился к дуэлянтам с фляжкой и отвинтил крышечку. Ко меня донесся запах подогретого рома. От его густого пряного аромата тут же скрутило желудок и меня едва не вытошнило прямо на землю. Всему виной прицепившаяся лихорадка.

Джузеппе налил участникам ром в серебряные кубки. Те взяли их свободной рукой и, подняв, выпили. Учитывая предстоящий поединок, проделали они это с завидной твердостью. Впрочем, летчику уже приходилось убивать на войне. Он даже был награжден за это. Но и кинопродюсер, в свою очередь, производил впечатление человека, готового без колебаний вышибить дух из любого.

Думаю, во всем виновата война. Девять лет прошло с окончания войны, но ее тень до сих пор нависает над миром, в котором мы живем. Жизнь так долгу подвергалась девальвации, что вконец обесценилась. Вера порушена. Теперь для людей главное — сенсации и всяческие новшества. Если мы сравним наше время с человеческим организмом, то получим труп, эрзац-существование которого

проявляется в судорогах, вызванных спорадическими разрядами гальваноэлектричества. Как там писал Элиот? «Никогда не думал, что смерть унесла уже стольких...»¹

Собственно дуэль завершилась очень быстро. Она и не могла продолжаться больше двух-трех минут. Противники наносили друг другу удары с такой невероятной скоростью и так яростно, чего никак нельзя было ожидать после неспешной разминки. Лязг стальных клинков вносил резкий диссонанс в утреннее затишье. Оба противника были весьма искусными фехтовальщиками, но американец оказался проворнее и в конце концов ранил немца в шею. Брызнула алая артериальная кровь, окропив траву. Немец покачнулся, выронил рапиру, снял перчатку и протянул руку противнику. Его рана обильно кровоточила, но он не обращал на это никакого внимания и лишь тяжело дышал после напряженной поединка. Очевидно, сатисфакция была получена. В тишине леса было отчетливо слышно, как крупные капли мерно падают на траву в такт еще бьющемуся сердцу. Лицо раненого стремительно бледнело по мере того, как его покидали жизненные силы. Он снова покачнулся. В этот момент я еще подумала, что Фишеру не удался его шабаш.

Геринг так и остался лежать с поднятой рукой. Тогда подошедший американец вложил в нее свою и при этом что-то сказал — что именно, я не расслышала — вполне участливым тоном. Про оскорбление уже забыли, и теперь перед нами разворачивалась пантомима мужского братства. Немец улыбнулся.

Затем рядом с ним оказался Кроули. Пока Джузеппе со скорбным видом подбирал брошенные рапиры, Кроули стал производить над раной какие-то неуловимые манипуляции, зажав в руке черный платок. Кровотечение прекратилось также внезапно, как и началось. Капли застыли прямо в воздухе, съезжились и исчезли. Даже с травы. На скулах немца появились пятна румянца, похожие на пунцовые запятыя, а его дыхание, еще недавно прерывистое, стало ровным и глубоким.

«Ja, — прохрипел он все еще слабым голосом. — Ja. Gut».

Кроули же в ответ сказал следующее: «Вы потеряли примерно кварту крови. Вам следует пить молоко и портер. Есть красное мясо. Мясо должно быть непрожаренным. Теперь отдохните, и завтра в это же время вы уже будете в полном здравии».

И вот, опершись на плечо Фишера, раненый немец повел нашу мрачную процессию обратно к дому, завтракать.

Я плелась в хвосте, позади Джузеппе, нагруженного амуницией и окровавленным оружием. У меня кровь стучала в висках, во рту было горько от избытка желчи. Мне смертельно хотелось курить, но я знала, что от этого мне станет только хуже. По пути я озиралась, размышляя о том, где же они прячут мальчика, будущую жертву. Мысли путались из-за мучившей меня лихорадки, в голове было темно.

Вдруг прямо передо мной возник Кроули. Я видела только его горящие глаза и темный силуэт. Мой взгляд запутался в завитках и стежках его вышитого балахона. Я почувствовала, как он взял меня за большой палец, стащил с него неумело наложенную повязку, мокрую от гноя, затем сунул палец себе в рот и принялся сосать. И высосал из меня инфекцию. Я вдруг почувствовала, что он вытянул из меня весь яд. Не знаю, как по-другому описать происшедшее. Меня прошиб пот, и я выздоровела.

18

В «Ветряной мельнице» на Ламбет-Хай-стрит колокольчик сообщил о том, что заказы уже больше не принимаются. В миниатюрных динамиках на полке за барной стойкой Марвин

¹ Томас Стернз Элиот (1888–1965) — англо-американский поэт, драматург и литературный критик. Цитата из поэмы «Бесплодная земля» (1922) приведена в переводе С. Степанова.

Гэй оплакивал своего друга Абрахама. В кружке Ситона еще оставалось «Директорское горькое», но ему сейчас было не до пива. Пол снова завернул дневник Пандоры в клеенку и сунул в карман пиджака, допил свою пинту и коротким путем отправился домой.

Люсинда сидела на диване, подобрав под себя ноги, и что-то чертила в блокноте. Играла стереосистема. Пол узнал альбом «Ковбойз интернэшнл», ее любимая группа. Она часто ставила эту запись. Сейчас громкость была убавлена до минимума. Люсинда слушала музыку больше для успокоения, чем ради удовольствия. «Ковбои» составляли ей компанию. У ее локтя примостилась рюмка шартреза. На пятно уличного освещения, проникавшего сквозь неплотно задернутую штору за ее спиной, ложился, протянувшись через подлокотник, зеленый луч.

— Ну, как там в пабе?

— Пусто.

— Получается, только вы вдвоем. Ты и твоя блондинка, любительница сидра?

— И хозяин заведения.

— Мило.

— И правда. Очень даже.

— Вечерок в «Ветряной мельнице» во вторник. Да, похоже, ты знаешь, как очаровать девушку.

— Так и есть.

Она вытянула руку с блокнотом и принялась рассматривать рисунок. Чтобы лучше оценить качество работы, Люсинда склонила голову набок и прищурилась. Ситон вновь поразился, какие у нее красивые глаза.

— Можно, я задам тебе серьезный вопрос?

— Задавай, — ответил он.

— Пол, ты и правда думаешь, будто сможешь собрать мало-мальски пригодный материал для моей дипломной работы?

— Я этим как раз и занимаюсь, Люсинда.

— Не пудри мне мозги своими ирландскими шуточками, — улыбнулась ему Люсинда поверх блокнота.

— На следующей неделе я с ней разделаюсь, — сказал Ситон. — Все будет тип-топ. Вот увидишь.

— Звонил твой брат, — сообщила Люсинда. — Он с приятелями собирается в воскресенье на Хайгейтские пруды купаться. Если, конечно, погода не испортится.

— Погода не испортится, — заверил ее Пол, потерев штору, которая даже не шелохнулась, несмотря на распахнутое настежь окно. — Эта жара похоже, никогда не спадет.

— А ты так и ходишь в пиджаке. Даже в паб.

— Надо же мне где-то держать кошелек.

Ситон снял пиджак и повесил его на крючок в крохотной прихожей, чувствуя, как оттягивает левый карман спрятанный там дневник Пандоры.

— Пол, подойди сюда!

— Ты хочешь выпытать у меня, как блондинка хлещет сидр? — спросил он, усаживаясь рядом.

Отложив блокнот, Люсинда провела ладонью по его волосам, затем по щеке. Поцеловала. На ее липких губах оставался сладковатый привкус шартреза.

— Я просто хотела поблагодарить тебя за все, что ты для меня делаешь. Взял на неделю отпуск за свой счет, и вообще... Ты такой заботливый... Такой добрый.

Он поцеловал ее в шею. Вдохнул и ощутил аромат ее духов и кожи. Ее белокурый локон деликатно коснулся его щеки. И его пронзило ощущение мягкости ее волос, рук, легкости и тепла ее тела Пол открыл глаза. Он даже не помнил, когда их закрыл. Позади Люсинды на подлокотнике в луче света уличного фонаря дрожала изумрудная тень ее бокала. И вдруг внизу по сонной мостовой звонко цокнуло подкованное копыто. Всего один раз.

«Конный полисмен», — вяло подумал Пол.

Все его мысли в этот момент были заняты сидящей рядом Люсиндой Грей, тонкие трусики которой слегка врезались в ее позолоченную летней жарой шелковистую кожу.

— Я люблю тебя, — сказал он ей. Он и правда любил ее.

Весь следующий день Ситон провел в напряжении. Он ждал, что вот-вот разразится катастрофа: раздастся звонок от возмущенного обитателя дома на Мур-Парк-роуд. Но тот так и не позвонил. За день отгула Полу пришлось расплачиваться двойным количеством повседневной работы. Так что скучать не приходилось. К тому же была среда, а по средам в муниципалитете Хэрни проводилось расширенное совещание, посещение которого вменялось в репортерские обязанности Ситона. Совещание начиналось в семь вечера и нередко заканчивалось уже за полночь. Обычно там присутствовали двое репортеров, сменяя друг друга. «Первая смена» полагалась Ситону, так как он жил дальше. Прения проходили весьма бурно, на повышенных тонах. Впрочем, все это был скорее политический фейерверк. Пролейбористскому муниципальному совету до «левых» было далеко, однако большинство ультрарадикальных решений принималось все же на уровне комитета. Вот где следовало искать заголовки для передовиц. Среди многочисленных рутинных пунктов повестки дня зануднейших комитетских совещаний, а не на этих расширенных заседаниях. Только двое из штатных репортеров, Терри Мессенджер и Тим Купер, овладели подлинным даром выискивать и разрабатывать подобные темы. Они обладали не просто талантом, а цепкостью и упорством. Ситон, честно говоря, прекрасно понимал, что сам он не проявляет должного усердия, поскольку слишком ленив для этого. Он предпочитал криминал. Преступления не требовали таких усилий. Даже если иные дела и не были так однозначны, из них всегда можно было состряпать хоть какую-то статейку. Тогда как совещания местных политиков были сплошной говорильней. Но идти надо было. Могла случиться хоть какая-нибудь сенсация: оскорбление, демонстративный уход, бойкот или манифестация. На галерке для публики нередко возникали потасовки. Все это являлось хлебом насущным для их газеты, и такое ни в коем случае нельзя было пропустить.

Перед тем как отправиться из редакции в Таун-холл, Ситон позвонил Бобу Холливеллу.

— А, малыш Мики! Ну как там родина лепреконов?¹ И где моя бутылка скотча?

— Боб, я закажу на твое имя целый ящик «Чиваса» при условии, что ты выполнишь мою просьбу.

Холливелл чуть помолчал, а затем, понизив голос, произнес.

— Ты хочешь взглянуть на вещи Пандоры Гибсон-Гор.

— Как ты узнал?

— Я ведь сыщик, Мик, а не тупая задница, как ты, похоже, считаешь. Именно поэтому я смог догадаться, что ты не отказался бы ознакомиться и с заключением о вскрытии.

— А что, у меня есть шанс?

— Ты разжег мое любопытство. Я раскопал заключение и прочитал. Вчера. Рутинное дело. Скукотища, одним словом.

— Тебе необычным ничего не показалось?

Ситон плотнее прижал трубку к уху, ожидая, пока полицейский решит, что можно сказать.

— На ее теле обнаружили необычную примету. На правой руке от большого пальца остался только обрубок. Одну фалангу ампутировали. Причем очень топорно.

К дневнику Полу удалось вернуться лишь в четверг вечером. После обеда Люсинда ушла на репетицию выпускного показа. Патрик и Грег с друзьями решили, что это хороший повод, чтобы выпить. Впрочем, для этого повод у них всегда найдется. Для начала они собирались посетить показ, а затем вместе с Люсиндой и парой подружек с ее курса завалиться в новый бар, недавно открывшийся в Сохо. Дэвид Холлидэй расписывал там фриз, за что получил пачку приглашений, гарантировавших бесплатную выпивку.

— Я, конечно, с удовольствием пойду с Патриком, — сказала Полу Люсинда. — Но лучше бы с тобой.

¹ Здесь: Ирландия.

Патрик пользовался ее благосклонностью. Она даже практически перестала называть его Жирным Рокабилли.

— Мне надо заняться своей писаниной, — ответил Ситон.

— Мученик!

— За меня ее никто не напишет.

— Передавай ей от меня привет.

В четверг после работы он заскочил домой, а потом отправился в «Фицрой Лодж», где целый час тренировался в вечерней духоте. Хэглер и Дюран кидали на него со стен свирепые взгляды. Затем Ситон пошел в «Ветряную мельницу» дочитывать дневник.

8 октября 1927

Хочу рассказать, как я познакомилась с Дэннисом. Вскоре после смерти отца я присутствовала на каком-то балу. Надо сказать, что среди прочих бесполезных вещей, доставшихся мне от отца, был винный погреб. Кто-то из гостей, пригубив вина, поморщился, и тут я заметила, что, мол, у меня в Мейфэре пылятся без дела несколько сотен бутылок вина намного лучшего урожая, которые давно пора использовать по назначению. Моим собеседником был тогда Эдвин Пул, наш дальний родственник, подвизавшийся то ли в банковском, то ли в страховом деле. Он сказал, что знает одного человека, виноторговца, хорошо зарекомендовавшего себя у Ллойда. И этот виноторговец может мне помочь выгодно распорядиться винным погребом, причем без всякого риска.

Пул тут же проводил меня к столику на другом конце зала, где Дэннис вел высокопарные беседы о дьявольской музыке в целом и о певице Бесси Смит в частности. Он был слегка навеселе и очень оживлен. Не сказать, чтобы красив, но довольно привлекателен благодаря подкупающей непосредственности. Черта, присущая многим молодым мужчинам его круга, у него были военные нашивки, в глазу — монокль, который был ему явно не по возрасту и оттого казался дешевым маскарадом. Я решила, что Дэннис просто хочет выглядеть солиднее. Но в монокле Дэнниса и в его хвастливых военных нашивках мне почудилась, как в то время было принято говорить, некая незащищенность. Друзей он привлекал не своей слабостью, а именно этой самой незащищенностью. Молодой человек, ищущий свой путь в мире. А еще он был весьма осведомлен в том, что касалось дьявольской музыки под названием «джаз».

Когда мы встретились у меня дома, то я с удивлением обнаружила, что Дэннис знал моего отца при жизни. Тот якобы покупал у него вино. Еще более поразительным оказалось то, что они общались запанибрата. При мне он из вежливости называл отца не иначе как мистер Гибсон-Гор, но пару раз в разговоре обронил имя Себастьян.

Мы как раз были в отцовском погребе, когда я заметила на руке Дэнниса браслет. Такое нетипичное для мужчины украшение невольно пробудило мое любопытство. Бронзовые рунические знаки, нанизанные на серебряную цепочку. Дэннис, вероятно, заметил, что я заинтересовалась его браслетом, но даже вида не подал. Мне оставалось только гадать, не является ли это тайным знаком отличия сомелье. Может быть, Дэннис был магистром виноделия или что-то вроде того? Впрочем, для такого галльского по духу занятия больше подошел бы, например, медальон на ленте. Мне также пришло в голову, что, может, он член масонской ложи или иного тайного общества. Все они носят перстни-печатки с непонятными эмблемами, амулеты, скрытые от посторонних глаз татуировки, безделушки и нелегальные торговые марки. В то время тайные общества вошли в моду. Тайные общества и психиатрия стали двумя такими разными повальными увлечениями.

Наконец, когда мне надоело слушать о винных аукционах, я не выдержала и прямо спросила его о браслете. В ответ он только отстраненно улыбнулся и произнес: «Это контракт, мисс Гибсон-Гор». Удивившись, я поинтересовалась, может ли он снять его, чтобы я могла получше его рассмотреть.

«Вы не поняли, — ответил Дэннис. — Постоянное ношение этого браслета — часть контракта. Сняв его с руки, я заплачу такую цену, которая будет дороже

жизни».

И я поверила ему. Вот так. Взяла и поверила. В тишине и сумраке винного погреба я поняла, что Дэннис не лжет. И я стала его расспрашивать, желая узнать больше о рунических символах. А еще, что за сделка была совершена и с кем. Со временем он во многое меня посвятил. Я познакомилась с другими адептами, посетила их церемонии и увидела удивительные вещи. Потом Дэннис представил меня Клаусу Фишеру. Тогда-то я и услышала, какие цели ставит перед собой Фишер, чего он в конце концов мечтает достичь. И конечно, я познакомилась с Алистером Кроули.

«И пропала», — так и хочется написать. Ибо пребывание в одной из гостевых комнат этою отвратительного дома-капища наводит на меня ужас. Мне кажется, что меня поймали и втянули в грязное дело. До вечернего «шерстяного» банкета осталось несколько часов. Очередная пошлость и суета. Честно говоря, не думаю, что вся эта бездумная трата сил и безудержная тяга к развлечениям выльется в откровенную оргию. Однако, если судить по вчерашнему спектаклю, предстоит еще одно мерзкое зрелище. Жестокий американец и раненый эксгибиционист Геринг явятся туда как триумфаторы. Кроули, похоже, уже заскучал, что не сулит ничего хорошего. Мы можем стать свидетелями более рискованных чудес, чем те маленькие фокусы, которыми он угощал нас в течение дня. Это как-никак шоу Фишера. И Кроули явно уязвлен тем, что не он правит бал. Не думаю, что попытается сорвать церемонию: это было бы слишком опасно. Но иногда кажется, будто Кроули едва сдерживается, чтобы не выкинуть какую-нибудь каверзу. Не понимаю, зачем Фишер вообще его пригласил. Если только это не символический жест утверждения собственного превосходства.

Если церемонии пройдут как запланировано, то в результате Фишер поможет родиться зверю, который в благодарность наделит его обширными познаниями и мировым господством. Но знакомо ли демонам чувство благодарности? Будет ли вызванная из преисподней мерзкая тварь считать себя обязанной какому-то смертному? Подобная сделка кажется мне в высшей степени сомнительной. Но ее успешное заключение, думается мне, сейчас под большим вопросом, и не только из-за показной навязчивости Кроули. Рождение зверя не может произойти без заключительного обряда — жертвоприношения. А жертвоприношения не будет.

Потому что я решила спасти ребенка.

Ну вот, я все и сказала. Оказалось совсем не трудно. По правде говоря, я решила попытаться спасти мальчика в ту самую минуту, как только увидела его. С тех пор я постоянно прокручивала в голове размытые варианты осуществления своего замысла.

Поначалу я надеялась перетянуть на свою сторону нашего боксера с печальным взглядом, Джузеппе. Но за обедом я порасспрашивала американца-дуэлянта о мистере Капоне из Чикаго. Услышав пару рассказов о его «подвигах», я усомнилась, сохранилась ли в сердце моего нового приятеля Джо хоть крупница человеческих чувств. Словом, я осталась совсем одна.

Фишер дал мне поручение. Он пожелал, чтобы я воспользовалась его фотоаппаратом и сделала портретные снимки всех участников шабаша. Разумеется, включая и его самого. Все портреты должны быть парадными, то есть моделей следует усаживать на трон, предназначенный для хозяина во время завтрашнего «рогового» банкета. Эта вечерняя трапеза и должна завершиться жертвоприношением.

Мне предстоит сделать снимки до обеда, а затем отдать Фишеру пленку. Аппарат у него марки «Роллей». Превосходная техника для съемки. Всего получится тринадцать фотографий. Запечатлеть себя я поручу кому-нибудь из гостей. Я собираюсь потихоньку улизнуть после обеда, чтобы разведать, где они прячут мальчика. Во что бы то ни стало надо найти его сегодня. Боюсь, завтра будет слишком поздно. К тому же я опасаясь, что чем дольше продлятся мои поиски, тем меньше решимости у меня останется. Если есть Бог, то Он должен мне помочь.

8 октября 1927, позже

Случились две вещи. Одна чрезвычайно важная, другая — просто курьезная. Я обнаружила, где они прячут мальчика. Впрочем, опишу все по порядку. Это поможет успокоить нервы. Теперь я поняла, что только изложение в письменном виде творящегося здесь безумия позволяет мне самой не сойти с ума.

Во-первых, портретная съемка прошла довольно гладко. Кроули достаточно тщеславен. И на его лице были написаны два смешанных чувства: удовольствие быть запечатленным на фотографии и некая подозрительность, выразившаяся в жесткой складке у рта. Думаю, он симпатизирует мне. В той степени, в какой Кроули вообще способен испытывать симпатию к кому бы то ни было. Акт исцеления, продемонстрированный им сегодня утром после дуэли, был обусловлен одновременно и участием, и желанием порисоваться. Но мне он не доверяет.

Лицо Дэнниса, которое у меня почему-то ассоциировалось с прокисшим молоком, на фото вышло бледным, невыразительным и слегка плотоядным.

Фишер казался безмятежным. Жаба, взгромоздившаяся на свой деревянный трон и греющаяся в лучах всеобщего внимания.

Египтянку, как мне кажется, загипнотизировали. Она движется будто в трансе, а глаза невыразительные и пустые. Думаю, без наркотиков не обошлось. Вероятно, ей колют в вену какой-нибудь сильнодействующий препарат. Она с трудом забралась на трон и вся ссутулилась, приготовившись к съемке. Я почему-то вспомнила рассказ Дэнниса о ходячих мертвецах на Гаити. Это впечатление еще больше усилилось, когда я поймала египтянку в видеоискатель. Я до того разволновалась, что еле удержала камеру.

Немецкий пилот надел под пальто корсет. Я в этом ничуть не сомневаюсь. На снимке он вышел гораздо стройнее и пропорциональнее, чем показался мне вчера. Конечно, потеря крови прибавила ему бледности, зато неожиданно проявились выправка и своеобразное достоинство, которое, как мне казалось ранее, он окончательно утратил. Да, компания здесь собралась весьма странная. Остальные были так же нелепы и даже не стоят того, чтобы описывать их по отдельности.

Вынув из фотоаппарата пленку, я заменила ее чистой, хранившейся там же, в чехле. Я даже не могу объяснить, зачем это сделала. Просто не хотелось отдавать отснятую пленку. У меня не было времени на то, чтобы установить правильное освещение, придать модели нужную позу. Все это мероприятие проходило, можно сказать, по конвейерному принципу. Однако мне кажется, что снимки получатся весьма любопытными. «Роллей» — первоклассный аппарат, и пленка была высшего качества. Пленку я спрятала, и, надеюсь, мне удастся забрать ее позже. Она лежит между балками под расшатавшейся половицей в комнате наверху, предназначенной Фишером для наиболее экзальтированных гостей. Повторяю, я сама не могу объяснить свой поступок. В любом случае, вряд ли мне придется за это отвечать. К тому времени, когда откроется обман, я успею совершить проступок более серьезный, чем хищение снимков.

После обеда, когда почти все удалились к себе, чтобы вздремнуть, я украдкой последовала за Джузеппе, вышедшим из кухни с полным ведром в руках. На обеде нам подавали фазана в устричном соусе, и стелющийся в холодном воздухе запах этого яства подсказал мне, что в ведре — наши объедки. Дождь лил не переставая, выстукивая громкую дробь по высохшим листьям, еще висящим на ветвях, и по тем, которые уже опали, но пока не успели сгнить и смешаться с лесной подстилкой. Поэтому Джузеппе не слышал моих шагов у себя за спиной. Лишь однажды он остановился, словно почувствовав вдруг чье-то присутствие. Его мощные плечи сгорбились под плащом-дождевиком, а у меня от страха волосы на руках встали дыбом, совсем как шерсть на загривке у испуганной кошки. Джузеппе немного постоял и пошел, не оборачиваясь, дальше.

Он пробирался сквозь густые заросли, я — за ним. Очень скоро послышался звук, похожий на шум бегущей воды. Я поняла, что мы идем к ручью, разделяющему лес пополам. Тропинка, по которой я гуляла раньше, шла чуть западнее. Лес казался почти непроходимым, но я старалась не терять из виду

мощную фигуру Джузеппе, так как хлещущие по лицу ветки и густая поросль под ногами сбивали меня с пути.

Цель нашего путешествия находилась на самом берегу ручья. Это была сколоченная из досок будка с плоской крышей, без окон. Она была такой низкой, что даже ребенок не мог в ней выпрямиться во весь рост. Внутри, должно быть, было абсолютно темно. Щели между досками для прочности и тепла были промазаны креозотом, а посередине были просверлены дырочки — очевидно, для вентиляции.

Я затаилась в ста футах за толстым стволом платана, но все прекрасно видела. Будка была сделана недавно: на жухлой листве желтела россыпь мокрых опилок. Эти доски распиливали на днях. Даже на таком расстоянии от шума осенней воды меня пробирала дрожь. Как там, в такой темноте и такой тесноте, ребенок справляет естественные надобности? Одет ли он? Господь милосердный! Руки у меня затряслись, и я даже содрала мох с коры укрывавшего меня дерева. Я с трудом сдерживалась: меня возмущало бессердечие этих людей и собственная душевная лень, потворствующая их злодеяниям. Рахит. Дети трущоб.

Что еще Фишер говорил мне на судне? Лучше умереть, чем так жить? Я вся тряслась от гнева и ярости в этом мокром, равнодушном лесу. Вдруг до меня донесся голос, перекрывающий рев бушующей стремнины.

— Питер! Питер! Я принес тебе поесть, — кричал Джузеппе.

Значит, у мальчика было имя.

Помощник Фишера поставил ведро на землю и присел на корточки. Тут я заметила небольшой латунный замок, на который запиралась навесная дверца. Они приняли меры, чтобы, будущая жертва не сбежала.

Сбежала я. Завтра попытаюсь спасти мальчика, а пока у меня нет моральных сил с ним встретиться. К тому же я опасаясь разоблачения, что будет катастрофой для нас обоих.

Ситон оторвался от дневника, понимая, что приближается к развязке. В блокноте оставалось страниц тридцать, но из них Пандора успела исписать всего две. Пол подошел к барной стойке, заказал себе еще выпить и сел на место. Затем, посмотрев на мраморные разводы обложки, устало потер глаза. Конец у этой истории наверняка оказался несчастливym. Об этом нетрудно было угадать по отрезанному пальцу Пандоры. Чудо, совершенное Кроули, обернулось обратной стороной, назло или из мести. Но через десять лет после истории, изложенной на этих страницах, Пандора умерла. Покончила с собой.

Ситон уже знал, что было дальше. Потягивая пиво и машинально раскрывая в очередной раз тетрадку, он невольно думал о том, сохранились ли хоть какие-нибудь доказательства той трагедии.

9 октября 1927, 8.15 утра

Я недооценила бедного грустного Джузеппе. Я говорила, что после службы у мистера Капоне, гангстера и бутлегера из Чикаго, в Джузеппе не осталось ничего человеческого. Еще бы, ведь если верить слухам, то провинившихся перед Капоне ожидали бейсбольные биты, бетономешалки и острые бритвы. Но я даже не потрудилась подумать, какие муки терзали душу Джузеппе.

Мы нашли его сегодня утром. Джузеппе сел прямо на мокрую землю, привалившись к стене кухни, упер дуло револьвера в подбородок и спустил курок. У него напрочь снесло макушку, так что был виден мозг, превратившийся в сплошное розовое месиво. Гигант, сходявшийся один на один с Демпси, Танни и Гарри Грэмом, в конце концов был побежден собственной совестью. Джузеппе был католиком, и религиозность оставалось ею единственным противником, которого он не мог ни обойти, ни победить с помощью грубой силы.

Мне известны все эти ужасающие подробности, ибо именно мы с Дэннисом первыми наткнулись на труп. Вчерашний «шерстяной» банкет протекал довольно спокойно. Похоже, все берегли себя для сегодняшней кульминации. Египтянка, игрушка Алистера Кроули, не сопротивлялась, когда ее укусила за шею змея,

которую тот достал из корзины. Впрочем, Фишер тут же произнес какое-то заклинание, действующее как противоядие. Похоже, все было подстроено ради символического примирения двух чародеев. Тем не менее след от укуса змеи на шее девушки наверняка превратится в безобразный шрам. Змее предоставили возможность свободно ползать по залу. Когда я уходила к себе, она все еще оставалась там и лежала, обвив толстыми кольцами ножку стола.

Утром я случайно столкнулась с Дэннисом возле дома. Вернее, он натолкнулся на меня. Я курила сигарету среди зачехленных авто на подъездной аллее, а он, должно быть, увидел меня из окна. В том, что Дэннис застал меня там в такую рань, нет ничего необычного или подозрительного. Он, как и я, привык вставать ни свет ни заря, даже если предавался безумствам накануне вечером. По словам Дэнниса, это старая морская привычка.

Мы вместе обогнули дом в надежде получить на кухне кофе до завтрака. Там мы и наткнулись на тело помощника Фишера. На нем были брюки в тонкую полоску, синий жилет от костюма, а на плече портупея с кобурой от револьвера под подмышкой. Ремни из коричневой кожи успели основательно намокнуть. Следовательно, тело лежало здесь долго. Дэннис сказал, что для самоубийства тот выбрал пулю «дум-дум», которую так любят гангстеры. Равнодушие Дэнниса меня ничуть не удивило. Ведь ему, как и всем, кто побывал на войне, приходилось не раз смотреть смерти в лицо. Они привыкли к потерям и очерствели от постоянной жестокости. Наверное, я тоже переживала бы кончину Джузеппе гораздо сильнее, если бы не последовала за ним накануне днем к будке, которую он собственноручно смастерил для мальчика. Не мне, конечно, судить других, и все же я считаю, что такое ужасное преступление оправдать невозможно. Именно так. Но он хотя бы удержался от совершения куда более тяжкого злодеяния.

Дэннис сказал, что сам сообщит Фишеру о гибели помощника. Дескать, им надо будет найти способ тайно убрать его труп. Затем Дэннис добавил нечто очень и очень странное. Мол, какой стыд, что Джузеппе не выбрал для самоубийства следующие двадцать четыре часа. Я поинтересовалась почему, на что он ответил: «Для рождения зверя. Ему очень пригодился бы самоубийца».

На этом я заканчиваю свои записи. Я пишу у себя в комнате, в то время как остальные смотрят скверный спектакль — сцену самоубийства Джузеппе. Судя по царящей вокруг тишине, этот финальный акт собрал всех обитателей дома. Но я все же боюсь, а потому соблюдаю осторожность. Я даже не решаюсь сходить наверх, в гостевую комнату, и забрать из тайника спрятанную пленку. Что-то в той комнате мне не нравится. Я по доброй воле вряд ли войду туда еще раз. В любом случае, теперь уже на это нет времени. Сегодня я ни разу не видела Кроули, что меня тоже беспокоит.

Я должна идти к мальчику. Впервые в жизни мне предстоит совершить не просто безрассудный, а поистине отважный поступок. Я стянула кочергу, стоявшую рядом с одним из роскошных каминов. С ее помощью я постараюсь сбить замок на двери дощатою узилища. Деньги у меня есть. Географию острова я в общих чертах представляю. Молю Господа, чтобы ребенок оказался здоров. Мой палец тем временем снова начал нарываться. Возможно, это лишь игра моего воображения. Фантомная боль.

Боже, помоги мне!

Боже, спаси и сохрани нас обоих!

Пандора Гибсон-Гор.

Ситон перелистнул оставшиеся страницы, но не нашел больше ни единого слова. Он прочел весь дневник до конца. Пола поразила смелость Пандоры. С учетом глубины ее заблуждений, она проявила воистину исключительное бесстрашие. Находилась ли она под гипнозом? Ситон предположил, что нельзя исключить и самовнушение.

Он допил «Директорское» и сходил к бару за очередной порцией. Когда он вернулся на место, «Братья Айли» запели «Кто эта леди?». Это была, пожалуй, самая веселая композиция подборки. Можно сказать, даже легкомысленная по сравнению с остальными мелодиями. Но прозвучавший вопрос между тем попал прямо в точку.

Кем была эта леди?

Она ездила в Нью-Йорк, чтобы увидеть Гудини. Она затеяла путешествие в Италию ради аудиенции у Алистера Кроули. Она была повернута на магии. Такова парадоксальная черта той эпохи, подвергшейся, как ни одна другая, натиску новых технологий. Четыре года мировой войны способствовали научно-техническому прогрессу. И в двадцатые годы отсталым современникам короля Эдуарда жизнь в новом, неизведанном мире показалась непосильной задачей. Что-то внутри их противилось новому. Возникшее всеобщее увлечение магией подтверждено документально. И все же невозможно понять, что угораздило умную, проницательную, много повидавшую на своем веку Пандору попасться на удочку таких темных личностей, как Кроули и Фишер, и войти в их окружение: сборище неудачников и придурков.

«Боже мой! Зачатие, — вдруг вспомнил Ситон. — Призвать зверя — вот оно что! Человеческая жертва».

Упоминания о ребенке вызвали у него некоторое замешательство. Возможно, Питер для Пандоры был своеобразной навязчивой идеей материнства, порожденной чувством вины из-за ее лесбийских наклонностей. Впрочем, признаваясь в своих сексуальных предпочтениях, она явно не испытывала никаких угрызений совести. Сдержанность ее комментариев была вполне понятна, но в них не было и тени вины. В то время Пандора была еще слишком молода, и ее образ жизни исключал все мысли о материнстве. Ничего подобного не усмотрел Пол и в ее работах. Нет, фрейдистская теория здесь явно была притянута за уши. Скорее всего, имела место некая театральная постановка по заказу Фишера. В таком случае мальчик был приглашенным актером, а все события — просто спектаклем. Не зря же там был гость из Голливуда. Уже только один этот факт мог раскрыть глаза любому, кто не был настолько сбит с толку, как Пандора.

Цитата из Элиота отсылала к Данте. Строки из четверостишия «Бесплодной земли» ассоциировались с «Inferno». Вывод напрашивался сам собой: Пандора хотела укрыться от мира напоминавшего ей ад, и искала утешения в магии. Об этом же говорили и ее фотоработы: их героями были одинокие заблудшие души, обреченные на вечное проклятие. В портретных снимках, сделанных Пандорой, Пол сумел разглядеть не только уродство и покорность судьбе, но и безграничное отчаяние самой художницы.

«Никогда не думал, что смерть унесла уже столько...»

Но может ли Пол в своем эссе отыскать связь между личностью Пандоры Гибсон-Гор и знаменитой нигилистской поэмой Элиота? Ситон понял, что не может. Ведь тогда в качестве источника придется представить украденный дневник.

Пол расхаживал взад и вперед перед опустевшим пабом. На глаза ему попался одиноко лежавший камень, и он пнул его ногой в сторону решетки ливневого стока. Он хорошо прицелился, но камень упал абсолютно беззвучно: настолько понизился уровень воды в лондонских коллекторах из-за жары и засухи. Полу оставалось только самому представить всплеск утонувшего булыжника.

Станный звук вывел его из задумчивости, заставив обернуться туда, где Ламбет-Хай-стрит упиралась в Блэк-Принс-роуд. Ситону послышалось тихое ржание, а затем — звонкий удар копытом. Пол еще лениво подумал о том, с чего бы это конной полиции ночью патрулировать такой тихий закоулок. В этот час ей следовало бы гарцевать по Трафальгарской площади, к вящему удовольствию туристов, высыпавших на улицу после закрытия пабов.

Наверное, вполне убедительно прозвучало бы объяснение, что дневник достался ему совершенно случайно. Решение проблемы уже начало формироваться в одурманенном пивом мозгу Ситона и все же до конца так и не сложилось. Он и пропустил-то всего две кружки

пива. Но перед этим изрядно попотел в спортзале. А еще, если на то пошло, он ведь сегодня не ужинал. Что было уже совсем глупо.

Железные ободы колес прогрохотали по щебенке. Ситон непроизвольно посмотрел назад, в сторону Блэк-Принс-роуд, судорожно сжав в руке завернутую в клеенку тетрадь. Ладони у него вспотели от страха, а в голове пронеслось: «Господи! Да что же это такое?»

Но все вокруг было как всегда. Джордж, владелец «Ветряной мельницы», что-то насвистывал у Пола за спиной, запирая паб на ночь. Шум с реки. Это всего-навсего шум с реки. Близость Темзы порой настолько искажала доносившиеся оттуда звуки, что органы чувств не всегда могли адекватно реагировать. Ситон вздохнул и перевел дух.

Значит, она действительно сделала те снимки для Фишера. Чем бы ни были заняты в тот момент ее мысли, она не смогла скрыть профессионального подхода. Пандора даже подчеркнула преимущества принадлежавшего Фишеру фотоаппарата фирмы «Роллей» по сравнению с ее любимой «Лейкой».

Итак, портреты, или заказ, как она сама выразилась, были выполнены вполне профессионально. Она даже посетовала в дневнике на то, что ей отвели слишком мало времени на постановку. По ее словам, в результате получилась «штамповка на конвейере». Но съемка действительно состоялась. А пленку Пандора подменила и спрятала. И хотя ей многое не нравилось, она признала, что фотопленка была отличной. Пандора была женщиной до мозга костей. Она инстинктивно стремилась делать свое дело и максимально использовать свой талант во время фотосессии, которую сама предпочла назвать моментальной фотосъемкой. Для Пандоры эти фотоснимки были единственной реальной вещью в доме Фишера. Все остальное обернулось разбитыми иллюзиями.

Ситон невольно устремил взгляд назад. Он ждал, пока катафалк, запряженный лошадьми в бархатных пополах и с черными плюмажами на голове, не свернет за угол.

Пока не скроется из виду скорбная процессия плакальщиц с бледными лицами, сопровождавшими смерть к давно забытому месту назначения.

Пол потряс головой, пытаясь унять сердцебиение. Откуда это взялось? Ведь на том конце улицы не было ничего, кроме ночной темноты. В пабе у него за спиной Джордж уже закончил свои дела. Единственным реальным звуком был отдаленный шум городского транспорта. Пол повернул налево, на Ламбет-Хай-стрит, и внимательно оглядел громаду своей многоэтажки, прислушиваясь, не раздастся ли «Red, Red, Wine» из квартиры их шумного соседа. Но тот, похоже, этим вечером решил сменить гнев на милость. Ситон подавил желание вновь посмотреть направо. Какая глупость! Его напугала игра собственного воображения, взбудоражило чтение дневника, который он держал в руке. Но почему именно это? Почему?

Он направился к дому, стараясь привести в порядок мысли.

И вдруг его осенило.

Решение головоломки словно пришло само собой.

Он должен отправиться в дом Фишера. Шансов на то, что такое большое имение до сих пор находилось в собственности одного владельца, было маловато. Дом, скорее всего, перестроили под гостиницу, разделив огромные комнаты. И теперь в нем останавливаются туристы, любители пеших походов и ищущие уединения любители природы. В таком случае не составит труда заказать номер на пару дней. Он может отправиться туда завтра днем, вернуться уже в воскресенье и даже успеть искупаться с ребятами на Хэмпстедских прудах, а потом всей компанией выпить пива. Если, конечно, найдутся свободные комнаты. Но сейчас только начало сезона. Школьники еще учатся. К тому же остров Уайт в июне — совсем не то же самое, что Девон и Корнуолл в августе. Там наверняка полно незанятых номеров. Надо хорошенько поискать спрятанную пленку, и, кто знает, может, ему повезет. Если же он ее найдет — какая удача для Люсинды! В любом случае, именно там он якобы мог обнаружить дневник Пандоры. Лучшего места, чем тайник под половицами, просто не придумать. В самом деле, все будет выглядеть вполне логично: где же еще храниться тетрадке, как не в том самом месте, где была сделана последняя запись?

Ситон вскинул голову и решительно направился к дому, больше не беспокоясь об иллюзии роскошной похоронной процессии, скрывающейся у него за спиной. И все же он остановился.

Впереди, всего в двухстах футах от него, показалась женская фигурка, свернувшая с Ламбет-Бридж-роуд. В свете фонарей она казалась призрачной, словно плывшей навстречу Полу по воздуху. Стрижка-боб обрамляла лицо женщины, изгибавшей в улыбке покрытые бордовой помадой губы.

«Где еще можно увидеть такое зрелище?» — подумал Ситон. Это была Люсинда, возвращавшаяся домой. Пол быстро сунул дневник в карман пиджака благодаря судьбу за привычку перед выходом на улицу надевать что-нибудь, куда можно положить бумажник.

На следующее утро Ситон пришел в редакцию пораньше, чтобы без свидетелей забронировать себе номер на уик-энд в самом сердце Брайтстоунского леса. Он был в офисе уже в девять, зная, что раньше десяти никто не появится. Майк Уайтхолл приходил на работу примерно в половине десятого, при этом сослуживцы расценивали подобное поведение как причуду северянина. Свободный рабочий график, выторгованный для журналистской братии, был своего рода компенсацией за то, что печатникам платили гораздо больше.

Только через полчаса Пол наконец дозвонился до туристического управления острова Уайт, где какая-то бестолковая секретарша долго уверяла его, что никаких номеров в Брайтстоунском лесу не сдается и она это точно знает.

После беглого ознакомления с картой автодорог Великобритании Ситон выяснил, что теперь этот лес находится в распоряжении Национального фонда Великобритании. Более подробную информацию могло бы предоставить издание Картографического управления, но такого в редакции не нашлось. Журналисты редко к нему обращались, и уж явно не по поводу острова Уайт. Пол позвонил в Управление Национального фонда, но там ему тоже ничем не могли помочь. По их сведениям, сейчас в Брайтстоунском лесу никто не жил. Правда, по нему совершали регулярный обход лесники. Они, конечно, могли построить там себе какое-нибудь укрытие от непогоды, скорее всего, просто хижину. С лесниками можно было связаться через Управление лесничества, но только с понедельника по среду и лишь с одиннадцати до трех.

Без десяти десять, окончательно упав духом, Пол отправился в редакционную кухню, чтобы заварить себе чай. Там он застал Майка Уайтхолла, занимавшегося тем же самым — для себя и для Эдди Харрингтона.

— Давай, — сказал Майк, — поухаживаю за тобой.

Ситон протянул ему кружку.

— Как тебе мистер Брин-младший?

— Колоритный персонаж.

В ответ Майк только засмеялся.

— Мог бы и предупредить.

— Вот и предупреждаю сейчас. Пол, бросил бы ты это. Что бы там ни было. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Вот уж чего никак нельзя было ожидать от Майка, который сам любил везде совать свой нос.

— Ты даже не хочешь узнать, что за дело такое?

Майк размешал в кружке сахар, поднес ее к губам и осторожно отхлебнул.

— Любопытство сгубило кошку, — ответил он.

Это Ситон уже слышал. И вообще Майк сегодня утром был явно не в себе. Даже темные круги появились под глазами.

— Ребята собираются в воскресенье в Хэмпстед, — сказал Пол. — Поплавать в мужском пруду. Мы все поедем. Патрик ввел тебя в курс?

— Нет, — ответил Майк. — То есть да. То есть я хочу сказать, что отказался. В воде я не

Марк Шпиц.¹ И даже не Эстер Уильямс.²

— Будет весело.

— Но разве там не одни гомики? И разве там не слишком глубоко? — засомневался Майк.

— Гомиков там полно. Но если честно, там скорее встретишь Джуди Гарленд,³ чем Эстер Уильямс. И вообще, чудное место для купания в хорошую погоду. В толпе твоей добродетели никто угрожать не будет. Не переживай.

— Придется захватить надувные крылышки, — согласился Майк, потягивая чай.

Вернувшись в отдел новостей, Ситон, повинаясь репортерскому чутью, позвонил в Гражданское управление графства Гемпшир и попросил соединить с отделом социального обеспечения. На этот раз он не стал ходить вокруг да около и сразу поинтересовался домом Фишера.

— Минуточку, — ответил служащий.

Ситон не знал, есть ли у него эта минуточка. Он посмотрел на часы: пять минут одиннадцатого. Однако за дверью на лестнице все было тихо. Даже шпион не смог бы бесшумно подняться по ее холодному гулкому пролету. Даже призрак.

Пол услышал, как кто-то взял со стола трубку и неловко завожился с ней. А еще Пол услышал, как кто-то чиркнул спичкой и шумно затынулся.

— Кто говорит?

— Это из «Вечернего Лондона». Мы готовим статью о помощи пожилым в близлежащих графствах. И немощным.

— А здесь тебе не близлежащее графство, приятель, — ответил голос. — И в доме Фишера раньше была психбольница.

У Ситона екнуло сердце. На лестнице по-прежнему царила спасительная тишина.

— Была?

— Если бы она до сих пор работала, я ведь должен был бы назвать ее местом для умственно неполноценных? — громко рассмеялся собеседник. — Я изрядно поднаторел в эвфемизмах. Но до того как ее закрыли, это была обыкновенная психбольница. Вот как их называли тогда, в те старые недобрые пятидесятые.

— А само здание сохранилось?

На том конце провода повисла пауза.

— А что? Разве «Вечерний Лондон» пишет еще и статью об архитектуре острова Уайт? Или об охране памятников? Ты, приятель, собственно, кто?

— Так сохранилось или нет?

— Насколько мне известно, да. Оно заброшено. Стоит заколоченное и никому не нужное. Это сумасшедший дом, полный крыс. А теперь не пошел бы ты, как там тебя, к такой-то матери. Ты уже достал меня своими вопросами, а у меня есть дела и поважнее.

Ситон зарезервировал номер в гостинице в Вентноре. Не самое лучшее место, но Полу выбирать не приходилось. По лестнице уже топали Терри Мессенджер, или Тим Купер, или кто-то там. Поэтому Пол поспешно положил трубку, услышав, что фамилии и рабочего телефона вполне достаточно, чтобы зарезервировать номер.

Время после обеда было в полном его распоряжении. Отсидев на заседании муниципалитета от начала до конца, он освободил себе полдня по выбору.

Накануне вечером он сообщил Люсинде о поездке. Она как раз начала раздеваться, вернувшись навеселе из бара в Сохо. Она только кивнула в ответ, тут же поверив истории о том, как он узнал, что сфотографированный в «Кафе ройял» Клаус Фишер когда-то владел особняком на острове Уайт и славился своим гостеприимством. Пол объяснил Люсинде, что на стенах его дома могли висеть фотографии этих сборищ, и сам удивился тому, как складно

1 Марк Шпиц (род. в 1950) — американский пловец, выигравший семь золотых медалей на Олимпиаде-72.

2 Эстер Уильямс (род. в 1921) — американская киноактриса, прежде занимавшаяся синхронным плаванием.

3 Джуди Гарленд (1922–1969) — легендарная американская киноактриса. В тексте, судя по всему, содержится намек на то, что она умерла в ванной от передозировки барбитуратов.

и убедительно научился врать. Словом, там можно было найти материал для конкретизации образа Пандоры. Будь Люсинда трезвой, она наверняка поинтересовалась бы, у кого он собирается получить разрешение на доступ в дом Фишера. Будь она трезвой, то обязательно спросила бы, почему он так уверен, что там остались следы пребывания Пандоры, и это-то теперь, через сорок с лишним лет после ее самоубийства. Но Люсинда не была трезвой. Она просто кивнула и улыбнулась, устремив на него затуманенный алкоголем взгляд. И ничего не спросила.

Пол знал, что Люсинде некогда будет скучать по нему. На подготовку к показу у нее оставался только один уикэнд. И ей предстояло работать не покладая рук. Она должна была почувствовать облегчение, узнав, что он не будет путаться у нее под ногами. Правда, когда он сообщил ей о своем намерении, она явно не почувствовала никакого облегчения. Зато утром, когда Пол уходил с дорожной сумкой на работу, облегчение уже ясно читалось на ее лице. Лучшее доказательство того, что ненаписанное эссе не давало ей покоя.

Ситон быстро и легко писал. Расследование и написание статей были его хлебом насущным. Сейчас он, журналист-профессионал, выполнял не более чем любительское задание. Но до сдачи эссе оставалась всего одна неделя.

Парусиновая сумка была засунута под рабочий стол, а в ней среди смены белья находился и дневник Пандоры. Пол вполне мог не брать дневник с собой. Но его нельзя было оставлять в их крохотной квартирке, где он наверняка попался бы на глаза Люсинде. Нельзя было спрятать его и в редакции газеты, хотя именно таким был первоначальный план Ситона. Но в пятницу к вечеру в офисе было слишком много любопытных глаз и шаловливых рук. Поэтому благоразумнее было взять его с собой. Пару остававшихся до обеда часов Пол потратил на бессмысленные рутинные звонки, периодически отлучаясь на кухню за чаем. Ровно в час дня он сделал отметку об уходе в специальном журнале и помахал всем на прощание.

Его путешествие не шло ни в какое сравнение с переправой, описанной в дневнике Пандоры. Сев на поезд на вокзале Виктории, Пол добрался до Портсмута и оттуда на пароме переправился в Фишбурн. Пандора не узнала бы нынешний Портсмут. Бомбежки и тяготы войны, которой она избежала, сделав свой выбор между жизнью и смертью, превратили его в грудку развалин. Затем город быстро и дешево построили заново из стекла и бетона, не слишком заботясь о сохранении его исторического облика, а описанные Пандорой неуклюжие суда имперского флота давным-давно пустили на металлолом. Панорама, открывавшаяся Ситону с прогулочной палубы, куда он вышел подышать морским воздухом, была совсем как на полотнах Дюфи¹ со смазанными пятнами парусов и размытыми полосами кильватерных струй. Только форты Солента своей суровой монументальностью нарушали игривую, в духе Энид Блайтон,² атмосферу плаванья.

Пол прошел пешком целую милю от фишбурнской пристани до Вуттон-Крик и уже там, в магазине спорттоваров, взял напрокат горный велосипед. Прямо в примерочной он снял костюм и переоделся в шорты, спортивную майку и кроссовки, которые привез с собой в холщовой сумке. Редакционную одежду он запихнул в сумку, а ту, в свою очередь, убрал в дешевый рюкзак, чтобы ничего не мешало крутить педали. Пол купил подробную карту острова и, проехав по жаре милю для обкатки велосипеда, остановился на обочине в тени изгороди продумать маршрут. Было уже начало шестого. Но жара так и не спадала. После туманного Лондона небо над островом казалось бескрайним. Ситон вдыхал аромат диких цветов, росших у изгороди за его спиной.

Пока он отдыхал у дороги, мимо проехали всего две машины. Сначала протрясся «Ситроен-2СУ», нагруженный ведрами, лопатами, мячами и свернутыми купальными полотенцами. Из открытого окна у места водителя доносился пронзительный голос. Джони Митчелл,³ исполняющей что-то душераздирающее из альбома «Blue». Затем, щеголяя

1 Рауль Дюфи (1877–1953) — французский художник.

2 Энид Мэри Блайтон (1897–1968) — английская писательница, писавшая детективы для детей.

3 Джони Митчелл (род. в 1943) — канадская рок-певица и автор песен.

деревянной отделкой, появился великолепный «моррис тревеллер», тянущий за собой целый дом на колесах.

«Да, островная жизнь совсем не такая, как в Хэрни», — думал Пол, садясь на велосипед.

Ему вдруг пришло в голову, что с того дня, как он впервые услышал имя Пандоры Гибсон-Гор, прошла ровно неделя. Он сидел тогда с друзьями на крыше школы искусств Святого Мартина и на изнуряющей жаре пил дешевое «Ламбуско». Стюарт Локиер вырядился а-ля Франчо Тоне из фильма «Пять гробниц на пути в Каир». Это он сострил «По диплому встречают, по одежке провожают». Саундтреком к разговору на крыше стали надрывные песни Хэнка Уильямса, доносившиеся из замызганного кассетника Фойла. За какие-то семь дней Пол стал просто одержим Пандорой, с ее короткой жизнью, будоражащим воображение творчеством и кроющимися за всем этим тайнами. Это было более чем странно. Ситон чувствовал, что толком не знает и не понимает ее. И все же сердце, рассудок и даже память упорно твердили ему, что он всегда знал нечто об этой женщине.

Пол вычислил, что если ехать прямо через остров на юго-запад, то до Брайтстоунского леса будет около девяти миль. Тем не менее он решил обогнуть Ньюпорт, чтобы не пробираться по оживленным улицам самого крупного города на острове Уайт. Дорога была узкой и ухабистой. В результате Пол проглядел развилку с указателем и вынужден был возвращаться. Усердно крутя педали в течение часа, он наконец заметил, что почти достиг цели. Папоротники и молодые деревья говорили о том, что он оказался на опушке леса. Пол остановился и напился из пластиковой бутылки, порадовавшись тому, что продавец в магазинчике не забыл ее наполнить.

Из-за крюка вокруг Ньюпорта он подъехал к лесу с севера через точку, обозначенную на карте как Ньюбарн-Даун. Впереди простирался дремучий лес. Деревья росли плотной стеной, взбираясь где-то у горизонта на крутой холм. Дом Фишера, похоже, находился у подножия южного склона холма. Рядом с ним должен был протекать ручей или речушка, но в дневнике Пандоры Ситон не нашел никакого упоминания об ущелье, из чего сделал вывод, что и дом, и ручей находились на одной высоте, примерно на уровне моря. Вероятно, до покрытого лесом гребня можно было добраться и на машине, но с противоположной стороны: там, где Пандора и Фишер сошли с суденышка Уитли.

Теперь Ситон более или менее представлял, в какую сторону двигаться. Проблема состояла в том, что на велосипеде подняться на холм было невозможно. Продавец в магазине с гордостью продемонстрировал ему наличие пятнадцати передач и толщину протекторов, обеспечивавших дополнительную устойчивость. Но деревья росли так плотно, что Ситон больше катил велосипед, чем ехал на нем.

Пол посмотрел на часы. Семь вечера. Он еще мог вернуться назад, отыскать другую дорогу, обогнуть лес и начать подъем со стороны моря. Но он уже наездился взад и вперед. Можно было, плюнув на все, доехать до гостиницы в Вентноре, забросить в номер рюкзак и завалиться в какой-нибудь симпатичный бар на побережье. Владелец отеля настоятельно рекомендовал ему пивную под названием «Подзорная труба», с видом на бухту и с впечатляющим ассортиментом привозного марочного эля и легкого пива. Если вернуться сюда утром, то у него впереди будет еще целый световой день. Может, ему удастся найти у дверей кухни ту самую стреляную гильзу. Может, ему удастся найти место дуэли Геринга с приткым американцем и те деревья, за которыми бродил как тень Кроули. И очень может быть, что ему даже посчастливится обнаружить пленку Пандоры с непроявленными снимками участников шабаша, собравшихся в доме Фишера для занятий черной магией.

Эти фотографии — если они, конечно, до сих пор там — ждали его сорок шесть лет. Так подождут еще пару часов. Велика ли вероятность того, что дом Фишера именно этой ночью — из тысяч и тысяч ночей, когда он стоял заброшенный — сгорит дотла? Что может изменить небольшая задержка?

Да абсолютно ничего. И до завтра ровным счетом ничего не случится. Ситон был в этом так же уверен, как и в том, что больше ждать он уже просто не в силах. Здравый смысл здесь

был абсолютно ни при чем, и логические построения не работали. Ситон сгорал от нетерпения увидеть дом Фишера собственными глазами, ощупать, осмотреть, измерить шагами каждый закоулок, проникнуть в его тайны, погрузиться в его ауру, разбудить спящих там призраков и осуществить свой блестящий исследовательский проект.

И все же ему пришлось задержаться. Надо было оставить велосипед, пристегнув его на цепочку. Подъем становился все круче, а лес с каждым шагом все гуще. Совсем не тот осенний лес с облетевшими листьями, как во время злополучного визита Пандоры. Сейчас кроны были непроглядно густыми, и полутьма под ними вместе с изрезанным древесными корнями вязким суглинком делали перемещение на двух колесах просто невозможным.

Цепочку и замок Ситон достал из седельной сумки. Оставляя велосипед у дерева, он вовсе не был уверен в том, что потом сможет его отыскать. Лес был такой густой, что солнечные лучи не могли пробиться сквозь полог листвы. Ситон взглянул на циферблат. Люминесцентные стрелки чуть светились в полумраке. Двадцать минут восьмого. Будет светло еще часа два. Где-то там над островом пока сияло солнце, неторопливо опускаясь за горизонт. Полу нужен был дневной свет. Он совершенно упустил из виду, что ему может понадобиться фонарик, чтобы обследовать дом Фишера. Пандора в своем дневнике отнюдь не преувеличила непроходимость здешнего леса. Пол подумал также, что для этого времени года здесь слишком тихо. Правда, Пандора ни разу не упомянула о пении птиц. Но ведь тогда все ее мысли были заняты страшными и отвратительными вещами.

Пол достиг вершины. Подъем несколько его не утомил. Он был в хорошей физической форме. Велосипедная прогулка только разогрела его мышцы и подготовила сердце к дополнительной нагрузке, которой он так жаждал. На спуске Ситон, подгоняемый нетерпением и желанием поскорее достичь цели, пошел быстрее. Он услышал невнятное бормотание бегущей воды. И вдруг вышел прямо к описанному Пандорой ручью.

20

Впрочем, ручей как ручей. Бесконечные дожди тогда, в октябре, должно быть, сделали его полноводным и стремительным, но в это засушливое лето он превратился просто в журчащий поток шириной не более восьми футов. Какое-то течение, конечно, имело место быть. И когда Пол лег на берег и зачерпнул ладонями воду, она оказалась обжигающе холодной и на вкус чуть солоноватой.

При желании ручей можно было одолеть одним прыжком. Весь фокус состоял в том, чтобы отыскать место для разбега среди стоявших плотной стеной стволов. Однако пройдя влево, вниз по течению, около полусотни ярдов, Ситон наткнулся на делянку, где недавно распиливали и жгли валежник. Впервые за время блуждания по острову он нашел свидетельства деятельности лесников. И Пол был им весьма благодарен. Места для разбега здесь вполне хватало. Он перемахнул через ручей и вскоре продолжил путь, пробираясь в надвигающихся сумерках сквозь заросли папоротника.

Чем дальше, тем более пологой становилась местность и тем молчаливее. Что-то в этой неестественной тишине настораживало Пола. Это место заставляло быть начеку. Более того, человек, попавший сюда, начинал чувствовать себя нарушителем границы частной собственности. Но в отличие от Пандоры у Ситона не возникло ностальгии по охотничьим забавам династии Плантагенетов. Лес за ручьем вызвал у него такое чувство, точно он сознательно вторгается в опасную зону.

В Англии ему не довелось поехать по сельской местности. Но в школьные годы он исколесил Ирландию вдоль и поперек. Он побывал в по-настоящему заповедных уголках, в отдаленных местах, где еще не забыты были кельтские предания. Причем те края не были лишены особенной атмосферы. Природа там осталась нетронутой, и кое-где даже попадались дольмены. Это были места, полные необъяснимых загадок. Самим фактом своего существования они словно заставляли искать ответы, для проведения каких забытых обрядов люди выбрали их, воздвигнув эти камни. Но там, в Ирландии, Полу Ситону ни разу не было

так страшно, как в этом густом и молчаливом лесу.

Пол остановился и выпил до дна всю воду из бутылки.

«Ну ладно, — думал он, глядя на неподвижные стволы с замершими кронами. — Это все Фишер».

Тлетворное влияние Фишера по-прежнему распространялось по землям, которыми тот некогда владел, подобно призрачному ядовитому туману. И по-видимому, чувство тревоги досталось от него в наследство. Ситон, вторгнувшись в этот лес, ни разу не встретил ни туристов, ни отдыхающих, с которыми можно было бы весело обменяться приветствиями. Впрочем, никуда он не вторгался. Он прекрасно понимал, что не идет, а крадется через лес, чувствуя себя жертвой.

Затем он увидел свет. Сумрачная пелена неожиданно спала. Тогда Ситон понял, что достиг поляны, где некогда состоялась дуэль. Сейчас он шел по той самой земле, по которой ступал Кроули, перед тем как продемонстрировать свое целительское искусство на раненом немце. Ситон шагнул на ковер изумрудной травы и сквозь густые ветви деревьев вдруг увидел ее. Он увидел Пандору, в шляпе колпаком и длинном приталенном пальто с собольим воротником, бледную и элегантную. Она стояла поодаль и смотрела блестящими от лихорадки глазами. Ее ноги в башмачках на пуговках утопали в мокрой траве.

По крайней мере, именно так Ситон мысленно себе ее представил. На самом деле, выйдя на поляну, всего в футах трехстах он увидел на фоне небесной синевы мрачные очертания башни и фронтона дома Фишера. Дом выглядел весьма внушительно. Серая шиферная крыша нависала над такими же серыми, поросшими мхом каменными стенами.

У Ситона перехватило дыхание. Он не ожидал увидеть такую громаду. Подойдя поближе, он понял, что это настоящий особняк, господствующий над местностью. Особняк, атмосфера которого плотной тенью накрывала все за его пределами. Пандоре даже в голову не пришло написать о размерах здания. Для нее вся его примечательность состояла только в полном отсутствии вкуса. Ведь она привыкла к большим домам. Ситону же внушительные размеры особняка говорили о тщеславии и амбициях его владельца. Клаус Фишер стремился выделиться любой ценой. Поэтому и воздвиг себе в этой глуши памятник на века.

На подъездной аллее теперь не парковались шикарные автомобили, не было больше печального гиганта, ровнявшего гравий. От нее практически ничего не осталось. Все заросло травой и бурьяном. Разлитый когда-то бензин оставил кое-где темные пятна, словно следы неведомой черной болезни.

Ситон приблизился к дому и, задрав голову, стал рассматривать фасад, который словно напал на него, заполняя все поле зрения. Удивительно, но выбитых стекол было не так много. И никто почему-то не захотел украсить граффити замшелые стены. Дом был высоким. Пять этажей от парадного входа, к которому вела каменная лестница, до комнаты в мансарде, окна которой делали такой причудливой кровлю. А наверху была башня. Ситон едва не свернул шею, разглядывая ее вытянутые контуры и окна-бойницы. Пандора была права. Окна в башне больше напоминали смотровые щели, странно непропорциональные по форме и размеру. Все стекла там были на месте, и Ситон видел, как отражается в них неверный оранжевый свет лучей заходящего солнца.

Дверь казалась массивной. Действительно «феодальной», по меткому выражению Пандоры. Дверь была сделана из дуба, обита железом и прошита бронзовыми гвоздями. Ситон не мог понять, как ей удалось до сих пор уцелеть. Почему, например, на нее не покусился какой-нибудь предприимчивый местный строитель? Или почему не изрубил на дрова предприимчивый турист? Но затем Ситон оглядел застывшие окрестности, прислушался к их угнетающему безмолвию. Да, дом и правда находился на отшибе. Да вид у него не слишком приветливый. К двери кто-то давным-давно прикрепил картонную табличку с выцветшей надписью «Опасно для жизни». Ситон поднялся по ступеням особняка в глубине души надеясь, что все спрятанные здесь секреты остались, как и сам дом снаружи, в целостности и сохранности.

Массивные замысловатые дверные петли были покрыты руническими символами.

Ситон понимал, что древнее предостережение, скрывающееся за этими знаками, было намного серьезнее самодельной надписи на картонной табличке. Пол провел пальцем по гравировке на металле. Да, в таком упадке дом Фишера стал более аутентичным. Он больше не выглядел нагромождением несовместимых вещей, как некогда пренебрежительно отозвалась о нем Пандора. Теперь, через пятьдесят с лишним лет после ее посещения, он стоял обветшавший и, как никогда, подлинный. Впрочем, это было чисто внешнее впечатление. Наверняка внутри Пола ждало еще много открытий. Он стер с руки бурые пятна, оставшиеся от прикосновения к ржавым петлям, и всем телом налег на дверь.

Она открылась.

За ней был огромный вестибюль, выложенный кроваво-красной плиткой. Ситон догадался, что на самом деле плитка терракотовая и так ее окрасили лучи заходящего солнца. Внутри царил полумрак. Тусклый свет едва пробивался сквозь грязные стекла. Вестибюль был словно окутан сумеречным туманом. С высокого потолка на пыльных цепях безжизненно свисали круглые светильники. Ситон вспомнил, что писала Пандора об освещении в доме, о настенных канделябрах, которые заправлялись смолой. Нынешние круглые светильники, вероятно, появились уже в бытность здесь психбольницы.

А еще там была парадная лестница. Вернее, когда-то она была парадной. Ее размеры действительно поражали воображение. Однако если когда-то затейливая резьба и должна была впечатлять гостей Клауса Фишера, то теперь ее не было и в помине. Помпезную балюстраду заменили практичные металлические перила. Причем тридцать лет забвения не прошли для них даром. Перила, покрашенные когда-то грязно-зеленым цветом облупились и покрылись ржавчиной. Они приходили в упадок даже быстрее, чем все остальное. Поднимаясь по лестнице, Ситон осторожно положил руку на перила. Краска, наверняка дешевая и нестойкая, превратилась в клейкую пакость. От прикосновения его руки на перилах остался скользкий след.

Но зачем, собственно, ему подниматься по лестнице? Какого черта! Конечно, он прекрасно знал, зачем поднимается по этой лестнице. Ему было известно, где Пандора спрятала не проявленные снимки. Фигурально выражаясь, она сама ему об этом сказала. Он пришел сюда за ними. Вот почему он здесь.

На каждом этаже было множество дверей — и все запертые. В углах коридоров притаилась тьма, потихоньку расползавшаяся по всему дому. Дверей действительно было многовато. И если бы Ситон позволил разыграться своему воображению, то вполне мог бы представить за каждой из них буйнопомешанного в смирительной рубашке. Но Пол не стал давать волю фантазии. Его рациональный ум занимали другие, не менее занятные мысли. Так, Стюарт неделю назад на крыше школы искусств больше напоминал не Франчо Тоне в «Пяти гробницах на пути в Каир», а Дэвида Боуи из «Счастливого Рождества мистер Лоуренс».¹ Вся мужская половина школы искусств любила Боуи. Не то слово — просто обожала! А Майк Уайтхолл в своих надувных крылышках! Конечно, очень смешно, но плохому пловцу они вряд ли помогут, особенно в Хэмпстедских прудах. Уж слишком они глубокие. Потому-то в мужском пруду купаются одни мужчины, независимо от сексуальной ориентации. А из Майка пловец никакой. Это точно.

На площадке четвертого этажа он услышал музыку. Она зазвучала так неожиданно и громко, что у него от ужаса сжались гениталии. Где-то в доме играли на фортепиано. Деревянный корпус инструмента дребезжал от удара клавиш по расстроенным струнам. Боже правый, он мог даже точно сказать, из какой комнаты доносились аккорды! Но когда Ситон прошел на другой край площадки и открыл нужную дверь, то обнаружил за ней только голые оштукатуренные стены, покрытый пылью пол, полумрак и едва уловимый застарелый запах табачного дыма и мужского пота. И конечно, тишину. Но не простую. Подобно живой угрозе, тишина в доме Фишера нависала и давила на плечи.

«Меня дразнят, — решил Ситон. — Здесь полно призраков».

¹ «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс» (1983) — военная кинодрама режиссера Нагиса Осима. В одной из главных ролей снялся Дэвид Боуи (род. в 1947) — британский рок-музыкант, певец, композитор и актер.

Но он в них не верил. Он не верил в то, что нельзя было доказать. И такое отсутствие веры не так-то просто было поколебать. Музыка звучала в его воспаленном воображении. Да и сама атмосфера этого мрачного дома была весьма странной. Но тут никого не было — ни живого, ни мертвого. Да и откуда им взяться?

Судя по состоянию обшарпанных ступеней, с лестницы уже давно содрали ковер. Ситон заметил вмятины от железных прутьев и дырки от гвоздей. Тем не менее дерево было достаточно прочным. Правда, кое-где доски поскрипывали, но в целом дом избежал разрушительного воздействия сырости. Ее Ситон боялся куда больше, чем привидений. Сырость могла испортить пленку в тайнике или даже полностью ее уничтожить.

Когда Ситон подошел к двери, ведущей, по его расчетам, в гостевую комнату башни, уже стемнело. Свет практически не проникал в дом. Полу вовсе не улыбалось спускаться ночью по этой жуткой лестнице. Ему вовсе не улыбалось провести здесь ночь. Массивная деревянная дверь в башню, судя по всему, была оригинальной. Под железной ручкой находилась большая замочная скважина, что предполагало наличие солидного замка. Ситон нажал на ручку, и она послушно повернулась, но сама дверь не сдвинулась ни на йоту. Он выругался про себя и огляделся по сторонам. Сюда он добрался по внутренней лестнице, которая сужалась с высотой. Теперь Пол стоял на площадке с единственным крошечным окошком в стене. Из него открывался вид на простиравшийся вокруг дома темный лес. На подоконнике лежал ключ. От неожиданности Пол даже зажмурился. Когда он открыл глаза, ключ все так же лежал на месте.

Ситон провернул ключ в скважине, толкнул дверь, державшуюся на навесных петлях, и она со скрипом открылась. Комната за ней оказалась больше, чем он ожидал, так как внутри башня была просторней, чем выглядела снаружи. Матовый свет угасающего дня осторожно пробивался сквозь стекла трех разномастных окон — глубоких амбразур в каменных стенах. Окна тоже были намного больше, чем казалось снизу. А еще они были расположены непривычно высоко: около восьми футов от пола. Так что даже мужчине невозможно было до них дотянуться.

К своему удивлению, Ситон обнаружил в комнате единственный сохранившийся предмет обстановки. Около стены стояло большое прямоугольное зеркало в деревянной раме на четырех ножках в виде лап. Даже в полутьме Пол разглядел, что кое-где ртутное покрытие с обратной стороны облезло и сквозь стекло просвечивала стена за зеркалом.

Вдруг откуда-то снова раздалась звуки музыки. На сей раз музыка звучала совершенно отчетливо: фортепианный страйд и надтреснутый голос чернокожего певца на фоне дребезжания иглы старинного граммофона. У Пола бешено забилося сердце. По телу поползли мурашки, а волосы встали дыбом. Он вдруг понял, насколько испуган. Ему было не просто страшно, а очень страшно. И он ясно услышал, как давно усопший музыкант на старой пластинке, заведенной где-то внизу, вдруг сдержанно хмыкнул.

Ситон оглядел пол, покрытый ровным слоем пыли. Широкие доски так плотно прилегали друг к другу, что между ними и монетку было не просунуть. Аккорды блюза шли откуда-то снизу. В комнате вдруг стало совсем темно. Ситон опустился на четвереньки и попытался руками нащупать какие-нибудь трещины в полу. Неожиданно в зеркале что-то шевельнулось. Краем глаза Пол заметил там чей-то силуэт. Он выпрямился и обернулся, чтобы понять, что же там такое. И ничего не увидел. Пол снова медленно поднял глаза на зеркало.

Они стояли прямо за ним. Трое мужчин в цилиндрах, длинных черных пальто и шелковых кашне на шее. У одного был монокль в глазу. Все они улыбались ему, и Пол ясно видел, что это мертвецы. У того, который стоял посередине, был золотой зуб, в темноте казавшийся черным. Ситон зажмурился в надежде избавиться от наваждения. Теперь комната наполнилась запахами. Пахло камфарой, бриллиантином и сигарным дымом. Пол открыл глаза и увидел, что они придвинулись к нему на шаг. Призрак с золотым зубом стоял теперь так близко, что, кажется, мог протянуть руку и коснуться плеча Пола. Очевидно, им было страшно весело. На их лицах застыли мертвые улыбки, в мертвых глазах прыгали озорные

огоньки.

Ситон бросился наутек. Он кубарем скатился по узким ступенькам и уже достиг площадки второго этажа, как вдруг где-то наверху раздался крик. Крик был таким душераздирающим, что Пол невольно остановился и прислушался.

Кругом стояла полная тишина.

— Пол!

У Ситона по ноге текла кровь. Упав с лестницы, он поранил колено и теперь чувствовал, как теплая струйка стекает по голени в носок, просачиваясь в ботинок.

— Пол!

Он судорожно сглотнул. Звала женщина. И он знал, чей это голос.

— Пол, наберись мужества! Ты должен мне помочь!

В ее голосе чувствовалась легкая хрипотца курильщицы. В ее время все курили крепкий табак. Словно прочитав его мысли, она откашлялась:

— Прошу, подожди меня!

До Пола донесся дробный стук высоких каблуков по деревянным ступеням. Это из темноты к нему шла Пандора. В тишине пустого дома Клауса Фишера шаги Пандоры звучали ужасно громко. Ситон слышал, как трещат и стонут доски под ее ногами. Он подумал, что кто бы там ни спускался вниз по лестнице, этот некто о двух ногах имел немалый вес. И Пол вдруг с ужасом понял: это был стук вовсе не каблуков. Это был стук копыт.

Оно вскрикнуло снова. Теперь уже от гнева и досады, увидев, что Пол снова бросился бежать. На этот раз Ситон не стал медлить понапрасну. Он выбежал прочь из дома, преследуемый тем, кого ненароком разбудил и восстановил против себя. Он чувствовал за спиной нечто огромное, слышал, как оно, ломая ветки, обдавая его зловонным дыханием и плотоядно урча, продирается сквозь молодую поросль. Существо неумолимо приближалось и уже сорвало рюкзак у него со спины. Неожиданно впереди показался ручей, и вот уже Ситон был по пояс в воде. Он изо всех сил рванул к другому берегу, но непростительно замешкался и решил, что теперь уж точно пропал.

Но оно не последовало за ним. Оно завопило в животной ярости, вспугнув целую стаю птиц, свивших гнезда в кронах деревьев. Ситон же, весь в крови, распростершись на другом берегу, услышал затихающие вдали тяжелые шаги. Его преследователь двинулся назад к дому.

— Матерь Божья, — прошептал Ситон, стиснув голову руками.

У Пола нестерпимо болел бок. Должно быть, он сломал ребро. Пол чувствовал, что его руки и лицо сплошь в порезах, а раненое колено распухло.

— Милостивая Матерь Божья, — повторил он и зарыдал, уткнув лицо в ладони.

В нем боролись страх и жалость к себе, и он еще долго не мог успокоиться.

Когда Пол очнулся, то увидел, что уже день, а сам он лежит на траве, свернувшись в позе эмбриона. Очевидно, тут он и проспал всю ночь. Ситон сел. Стебли и цветы на его лесном ложе примялись под весом его тела. Кровь из многочисленных порезов уже подсохла и запеклась на теле сплошной коркой. Поврежденное колено посинело и безобразно раздулось. Из-за сломанного ребра было трудно дышать, а язык распух от жажды. Пульсирующая боль отдавалась во всем теле. Пол взглянул на часы. Окошечко с датой показывало, что уже воскресенье. Он с трудом произвел нехитрые подсчеты. Оказывается, он спал около тридцати часов. Ситон даже особо не удивился. Да, его изрядно потрепало, но именно рассудок нуждался в отдыхе. Он подумал, что какое-то время находился в шоке. Тело, конечно, болело, но мозг словно обнажили и освежали.

Пол старался не думать о произошедшем. Он даже представить себе боялся, каким было бы его состояние, проснись он не ярким солнечным утром, а глубокой ночью, в кромешной тьме. Его мир словно сдвинулся. Его мир стал другим зыбким и неоднозначным. А еще бесконечно опасным, таким, каким Ситон даже представить себе не мог. Он понимал, что к прежнему восприятию возврата нет и отныне этот ужас будет преследовать его всегда

как смертельная болезнь, в правильности диагностирования которой сомневаться не приходится. Оказывается, он ничегошеньки не знал об этой жизни. Ситона вдруг пронзила сильнейшая тоска по блаженному неведению, с которым он только что распрощался.

Но он не должен на этом заикливаться. Надо гнать прочь подобные мысли. Он еще раз посмотрел на отпечаток своего тела на траве, нарвал полную пригоршню обломанных стебельков, поднес их к лицу и вдохнул сладковатый запах. Надо было учиться жить в режиме «здесь и сейчас». Надо мыслить практическими категориями. Это необходимо для сохранения здравого рассудка А практических вопросов, которые необходимо было решать, хватало с избытком.

Все его вещи остались в сорванном со спины рюкзаке. Журналистское удостоверение, кредитные карточки и наличность хранились в бумажнике. Там же лежал и обратный билет на паром. На дно сумки он положил пару мокасин «Басе Виджун», а сверху — один из двух приличных костюмов своего скромного гардероба. Все это было безвозвратно утеряно. Дневник Пандоры, разумеется, тоже. Теперь Пол не сумеет объявить, как планировал ранее, что якобы отыскал его в доме Фишера. Тетрадка, как и отснятая пленка Пандоры, безвозвратно утеряна. Хуже всего была невозможность доказать наличие дневника, а следовательно, и существование пленки.

С собой у него ничего не осталось. Ситон даже на всякий случай похлопал по карманам шортов. Пусто. Зато в нагрудном кармане майки случайно обнаружился ключик от велосипедного замка. Пол совсем забыл, что сунул его туда, когда пристегнул горный велосипед к дереву по другую сторону холма В магазине спорттоваров в качестве залога осталась кредитная карточка. Она и поможет ему добраться до Лондона. Оставалось только найти велосипед.

Но сначала нужно было смыть с себя кровь. Ситон захромал в сторону ручья. Там он разделся, вошел в чистую прохладную воду, присел и окунулся с головой. Когда он вынырнул, смыв следы крови с тела, и ослепительное солнце, и разогретая земля, и пьянящий аромат лесных цветов — все словно искушало его забыть о ночном происшествии, считать его временным помрачением рассудка. Насколько легче было бы поверить в то, что все случившееся — просто кошмарный сон. Пол и рад был бы поддаться соблазну, если бы не перья перепуганных птиц, густо усеявшие землю под деревьями.

21

Когда Ситон наконец добрался до своей квартиры на Олд-Парадайз-стрит, был уже вечер, начало девятого. И у двери стоял полицейский.

«Люсинда, наверное, еще в школе искусств», — вяло подумал Ситон.

Полисмен снял каску, устремив в пустоту неловкий скорбный взгляд.

— Вы, наверное, по поводу Майка? — спросил Ситон, вдруг вспомнив о надувных крыльях.

Офицер повертел в руках каску и облизал губы.

— Я пришел сообщить о вашем брате Патрике, сэр, — произнес он. — Боюсь, произошел несчастный случай...

В понедельник ему позвонил обозреватель из «Вечернего Лондона». Дескать, некто от их имени позвонил с рабочего телефона «Хэки газетт» в Отдел социального обеспечения графства Гемпшир. Там были крайне недовольны. Пол не стал отрицать, что это был он. «Вечерний Лондон» отказался с ним сотрудничать, и на журналистскую репутацию Ситона легло первое пятно. Второе последовало через пару часов, когда с ним связался по телефону ответственный редактор «Фэйс».

— Что за бред! Статья о какой-то там девке-фотографе, про которую сто лет как забыли!

Ситон не знал, что и сказать. Даже в обычный день он не нашел бы достойного оправдания и не был готов защищаться. А тот день никак нельзя было назвать обычным.

— Вы в последний раз злоупотребили нашим именем, Пол!

Во вторник ему доставили из редакции письмо, в котором уведомляли, что разрывают с ним контракт. Причина — нарушение профессиональной этики. Его обвиняли в несанкционированном интервьюировании пожилого жителя Челси для личных целей, тогда как предполагалось, что в это время он лежит дома в постели с гриппом. Этот случай поставил под сомнение его честность. Под сомнением оказалась и его лояльность, а также сфера его журналистских предпочтений. Разумеется, никто не может запретить ему обратиться в профсоюз и оспорить решение. К его услугам есть также арбитражный суд. Однако, складывая письмо, Ситон уже знал, что поскольку в дело замешана «Хэкви газетт», то все эти варианты заведомо проигрышные и потерянные позиции отвоевать не удастся.

Во вторник вечером они с Люсиндой сидели дома. Она вдруг ни с того ни с сего разрыдалась. Ситон не знал, в чем причина: скорбь по его брату или паника из-за ненаписанного диплома. И тут он тоже заплакал. С самого воскресного вечера, когда его отвезли в Госпел-Оук на опознание тела Патрика, Пол не мог прийти в себя. Он сдерживал слезы, когда сообщал печальную весть матери по телефону. И теперь, оплакивая брата, Пол оплакивал и свою собственную погибшую жизнь. Он попытался обнять Люсинду, но она отпрянула и он понял, что никогда не сможет вымолить у нее прощение за ее растоптанное доверие. Возможно, сама она этого еще до конца не понимала. Но только не он. Он все прекрасно понимал. Все было кончено.

— Пол, ты во сне говоришь о Пандоре.

— Люсинда, она давно умерла.

— Но ты говоришь с ней во сне!

Он не знал, что и ответить.

— Ты просто должен был рассказать мне о ее дневнике.

— Люсинда, она давно умерла.

— Пол уж лучше бы ты изменил мне с живой! — воскликнула Люсинда.

Она закрыла рукой лицо, словно попыталась скрыть, что утратила самообладание. Пол вдруг увидел, какие у нее красные пальцы и обломанные ногти. Результат непрерывного шитья весь последний месяц. Его сердце так и рвалось к ней. Но ноги не слушались, и он не двинулся с места.

Он попытался написать для нее дипломную работу. Но текст получался беспомощный и бессмысленный. После четырехчасового сидения за машинкой Ситон прочел напечатанные страницы и увидел, что родил всего лишь сотню дюжин одних и тех же слов о похищении ребенка Линдберга.¹ Оказывается, обвиненный в этом преступлении и отправленный на электрический стул немец-плотник был невиновен. Сына Линдберга выкрал английский романист Дэннис Уитли. Да-да, теперь он вспомнил, что Геринг будто бы наградил Линдберга медалью. Нацисты чествовали великого авиатора в Берлине, как раз перед началом войны.

Ситон скомкал страницы и пульнул ими в сторону мусорной корзины, затем посмотрел на часы. Впрочем, бесполезно. Честно говоря, он был не в состоянии сконцентрироваться, у него не было мотивации.

Он перестал бриться и зарос щетиной, после того как увидел отражение Пандоры в зеркале в ванной. Мертвая, она стояла вполоборота и смотрела на него. Похоже, она пролежала какое-то время в воде и теперь выглядела уже не так хорошо, как на лужайке у дома Фишера. В летнюю жару борода росла быстро, и дней через пять Ситон, на неискушенный взгляд, вполне мог сойти за капитана дальнего плавания.

Он ждал похорон брата. Дома в Ирландии, было принято быстро предавать покойного земле и лишь затем оплакивать его. Но британская полиция не спешила с выдачей тела и

¹ Чарльз Линдберг (1902–1974) — американский летчик, в 1927 г. совершивший первый трансатлантический перелет. В 1932 г. был похищен и убит полуторагодовалый сын Линдберга, несмотря на полную выплату назначенного выкупа. В 1934 г. по почерку на требовании о выкупе обнаружили предполагаемого убийцу — Бруно Гауптманна. Обвиняемый свою вину не признал, но в 1936 г. был казнен на электрическом стуле. В начале Второй мировой войны (до вступления в нее США) Линдберг поддерживал нацистскую Германию.

Ситону ничего не оставалось, как ждать, когда он сможет отвезти тело в Дублин, к измучившейся от переживаний матери. Ему представили заключение о вскрытии вместе с протоколом допроса свидетелей — приятелей Патрика. Оказалось, Патрик в тот день выпил. Ну и что с того? Патрик постоянно выпивал. Под вечер они все дружно зашли в паб на Парламентском холме, чтобы опрокинуть пару кружек, а затем вернулись на пруды еще раз окунуться. Такие показания полиция получила от Майка. На прудах дежурили спасатели, и они свое дело знали. Но пруд, в котором купалась их компания, был очень глубоким. Берега густо заросли деревьями, их ветви свисали до самой воды. У Патрика свело судорогой ногу, и он пошел ко дну. Повреждений на его теле обнаружено не было. Ничего такого, что могло бы повлечь за собой смерть. Его запутавшееся в водорослях тело нашли в двух футах от поверхности. Причина смерти — вода в легких. Что говорил Майку Патрик? Что Хэмпстедские пруды не для слабаков. Но ведь сам он был косая сажень в плечах, силен, как медведь, и плавал лучше многих.

Позвонил Боб Холливелл. Ситон понятия не имел, откуда тот узнал его номер. В любом случае, не из телефонного справочника. Возможно, от Майка Уайтхолла, или от Тима Купера, или от Терри Мессенджера. Или от кого-то еще. После необходимых слов соболезнования Боб поинтересовался, осталось ли у Пола желание взглянуть на хранящиеся у них ценности Пандоры.

— Вряд ли, Боб. Я завязал со всем этим.

Холливелл помолчал, а затем произнес.

— Пол, думаю, все же стоит тебе сказать. — Никогда раньше Боб Холливелл не называл его Полом. — Похоже, она была убита. Скорее всего, ее зарезали, а потом бросили тело в реку. Судмедэксперт, производивший вскрытие, в тот вечер был пьян. И заключение coronera тоже очень подозрительное. Слишком уж оно поспешное, словно заготовлено заранее.

— У тебя есть на примете подозреваемые, Боб?

— В протоколе допроса свидетелей, составленном coronerом, фигурирует один тип. Он утверждал, что у погибшей была депрессия.

— Эдвин Пул.

— Вот именно. Ее кузен. В большинстве случаев убийство совершается кем-нибудь из родственников. И это относится ко всем слоям общества. И все же не думаю, что он был исполнителем. Рана всего одна. Очень глубокая, смертельная. И по моему скромному мнению, нанесена вполне профессионально. А потом тело бросили в воду.

Значит, Пул. Пул, написавший о Пандоре елейную монографию. Ведь это он познакомил ее с Уитли на том давнишнем блестящем балу.

В трубке снова раздался голос Боба:

— Эдвин Пул ни разу не привлекался за совершение преступления. Со всей ответственностью подтверждаю, что на него никогда не заводили уголовного дела и официально он не входил в круг подозреваемых, причастных к гибели его кузины. Тем не менее за ним закрепилась, выражаясь языком той эпохи, сомнительная репутация. Именно так о нем отзывались в определенных кругах. В каких, не суть важно. Однако по моему непредвзятому мнению, если искать главного подозреваемого, то он номер один.

— Боб, Пул ведь был сатанистом?

— Да, Пол. Он был сатанистом.

Ситон заплакал. Не из-за Пула и не из-за Пандоры. Он пытался плакать беззвучно, но Боб Холливелл, вероятно, все равно услышал.

— Береги себя, приятель. И забудем про виски. Выпей его сам. Выпей за меня.

Теперь Пол знал, что все его видения и сны последних недель, все призрачные явления и звуки были отражением реальных событий, происходивших неподалеку, на соседних улицах. Он действительно видел похороны Пандоры, организованные и оплаченные ее убийцей Эдвином Пулом. Ее тело торжественно похоронили на неосвященной земле после циничного отпевания лжесвященником.

Наконец ему выдали тело Патрика, и Пол повез его в Ирландию, где и состоялись

похороны. Дожливый день стал для него облегчением. Пол бы не пережил, если бы брата предавали земле при свете солнца. Но сейчас низкие облака плакали вместе с его семьей. И все же поддержка родни была слабым утешением для Ситона. Он оказался на краю пропасти, в которую страшился заглянуть. Он очень любил брата.

«Я так тебя люблю, Патрик». Ему не хватало сил говорить об усопшем брате в прошедшем времени.

Ситон вернулся в Лондон и попробовал жить прежней жизнью или тем, что от нее осталось. Это были в основном телефонные звонки. Ему позвонил актер Франчо Тоне, притворившись, что он Стюарт Локиер. А еще Джек Керуак, очень убедительно маскировавшийся под Грегори Фойла. Хорошие ребята, просто классные. Но, по правде говоря, это ведь были не его друзья, а Патрика. А так как они не могли понять до конца глубину его переживаний, он с легкостью их отшил. Позвонил Майк Уайтхолл. А так как Майк был другом и коллегой, от него было не так просто отделаться. И Майк продолжал звонить. В конце концов он припарковал во дворе издательский «талбот самба». Пока Майк барабанил в дверь, Пол сидел на корточках прямо под ней, закрыв лицо рукой, чтобы не выдать себя. Он вспоминал шуточки, которые Майк отпускал по поводу этой колымаги, и давился от смеха. Когда Ситон понял, что гость ретировался, то открыл дверь и обнаружил на коврике оставленную Майком книгу. Однажды на вечеринке с коктейлями тот выудил ее с полки и взял почитать. Возвращение книги послужило Майку хорошим предлогом для визита. Он был из тех людей, кому всегда нужен предлог. Книга представляла собой иллюстрированную историю бокса. Ситон снова уселся на пол, привалившись к косяку, и принялся рассеянно перелистывать страницы. Наткнувшись на главу, где речь шла о жизни и карьере Гарри Грэба, он стал читать более внимательно.

Пришло письмо от Люсинды. Пол, как ни старался, не смог понять по штемпелю, откуда оно было отправлено.

Дорогой Пол!

Самое главное, хочу сказать, что глубоко скорблю по Патрику. Он был такой милый, такой талантливый, и я понимаю, что твое сердце разбито из-за этой ужасной потери. Сейчас тебе кажется, будто все вокруг говорят одни банальности, но пройдет время, и ты сможешь утешиться мыслью, что Патрик был счастлив в этой жизни. Он умел радоваться и просто — умел жить. Многие люди растрачивают себя по мелочам. Патрик не терял времени понапрасну.

Прошу, не терзай себя из-за моего диплома. Это вовсе не конец света. Мою коллекцию уже закупили несколько дорогих магазинов. Я пишу об этом только потому, что, мне кажется, тебе не стоит изводить себя из-за того, что у меня все могло получиться по-другому. Ты предложил мне помощь из лучших побуждений. Но мне не следовало втягивать тебя в это дело. Обман есть обман. Я готова была смошенничать и поплатилась за это. Я еще легко отделалась. Откровенно говоря, при сложившихся обстоятельствах я и не могла рассчитывать честно получить более высокую степень.

Пол, я не могу вернуться в квартиру, пока ты там. Умоляю, пожалуйста, подыщи себе какое-нибудь другое жилье! Боже, как же погано я себя чувствую, когда прошу об этом! Но притворяться, будто между нами не все кончено, не имеет смысла. Так будет лучше и для тебя. Когда сможешь вернуть ключи, передай их Джорджу из «Ветряной мельницы». Поговори с друзьями, Пол! Они же любят тебя и нужны тебе. Береги себя.

До свидания, и благослови тебя Бог,

Люсинда.

Через четыре дня после получения письма Пол выпил в «Ветряной мельнице» две пинты «Директорского», а затем пригрозил сломать хозяину челюсть, если тот не даст ему новый адрес и телефон Люсинды. В баре после дежурства сидело около полудюжины пожарных с соседней станции. Они взяли числом и выкинули Ситона на улицу. Пол поднялся

и, прихрамывая, побрел к лужайке, чувствуя, что колено как болело, так и болит. Он сел в скверике на единственную скамейку рядом с запыленным вишневым деревом. И тут он наконец осознал увиденное в доме Фишера.

Она потерпела поражение. Ей не удалось вырвать Питера из их лап. И мальчик, и жертвоприношение — все это было на самом деле. Его собственные злоключения на острове Уайт тоже были на самом деле. Его заманил туда, а потом преследовал и чуть не разорвал в клочья зверь, порожденный успешно проведенным ритуалом после «рогового» банкета. Они были настолько уверены в себе, что отпустили Пандору. Она прожила еще десять жалких лет, забытая всеми, терзаемая раскаянием, а затем умерла страшной смертью. Такова была история Пандоры Гибсон-Гор. Вернее сказать, таков был итог ее жизни.

Они сделали это.

Ребенок умер, и появился зверь. Призван из преисподней. Рожден.

Ситон увидел, как на мостовой у входа в паб остановилась карета «скорой помощи». Ее мигалки отбрасывали тусклый металлический свет. Джордж покинул свое святилище — барную стойку — и о чем-то переговаривался с бригадой санитаров, жестикулируя и указывая в ту сторону, где сидел Ситон. Полу пришла мысль, что ему еще ни разу не доводилось видеть Джорджа при свете дня. Санитары смотрели на Ситона и кивали. Пол не мог понять выражение их глаз, скрытых козырьками форменных фуражек. Наверное, они приехали сюда за вишней. В любом случае, цвет с нее уже облетел Ситону ужасно хотелось, чтобы они выключили эту долбаную сирену. Ему хотелось услышать «Me and Mrs Jones». Ему хотелось услышать «Abraham, Martin and John». Ему хотелось услышать «Harvest for the World». Но ему не хотелось слышать вой этой долбаной сирены. Он закрыл лицо руками и зарыдал. В последнее время он вообще много плакал.

«Они сделали это, чтобы воплотить в жизнь свой замысел», — подумал Ситон.

Они совершили убийство и кощунство, а он на себе почувствовал горячее дыхание зверя и едва спасся от его ярости. Он согнулся пополам. Горе и ужас раскололи его на куски, он рухнул на мостовую, и они навалились на него с ремнями и веревками. И он увидел неодобрение на лицах Хэглера и Хернса, вззирающих на него с постеров в гимнастическом зале, когда перестал сопротивляться и сдался на милость победителей.

22

На самом деле Пола Ситона никто не держал под замком. Он находился в лечебнице на положении добровольного пациента. Позднее он сам не раз этому удивлялся. То была эпоха внедрения новой, более жесткой концепции здравоохранения. Оглядываясь назад, в прошлое, Ситон понимал, что с приходом зимы его должны были обязательно выставить на улицу и тогда он непременно стал бы бродягой в опорках из мусорного бачка. А еще он совершенно не понимал, почему они тогда не накачали его успокоительными и не выбросили на улицу, скажем, в Килбурне. В Килбурне хватало сумасшедших дублинцев. Так что одним меньше, одним больше — погоды не делало.

Лечебница, построенная в неоготическом стиле и основанная во времена королевы Виктории, занимала просторное здание и обширную территорию, расположенную между лесистыми холмами Далвича и стадионом Кристалл Палас. Из окон верхнего этажа, выходящих на северо-запад, в хорошую погоду открывалась панорама Лондона. Впрочем, памятники архитектуры с такого расстояния разглядеть было невозможно, разве только тогда, когда солнце отражалось от поверхности реки и границы города приобретали четкие очертания.

Здесь, в лечебнице, Ситону многое не нравилось. Но его падение было таким внезапным и таким ужасным, что он не находил в себе сил не только на ненависть к этому заведению, но и даже на отвращение к нему. Тем не менее некоторые места внушали ему непреодолимый страх. Его страшила теснота кабин лифтов с железными дверьми, которые непременно следовало плотно закрыть, прежде чем запертая камера, астматически вздыхая,

будет ходить вверх-вниз по скрученному кабелю. Страшился он и лестничных пролетов — сумрачных каменных колодцев с пурпурными ступенями «под мрамор» и бронзовыми перилами. Нет, ему совсем не нравились лестничные пролеты. Поэтому он не поднимался на верхние этажи, где находились комната отдыха с телевизором и библиотека. Все окна там были крепко-накрепко заперты. В результате Пол практически лишил себя возможности любоваться видом Лондона.

Отдельные аспекты больничного быта наносили ему душевные раны, неожиданные и потому не встречающие должного противодействия. Еда была вполне терпимой, но все же не домашней. Сладковатый металлический запах пара в хозблоке и каждодневные рагу до смешного контрастировали со стряпней Люсинды, которая с вдохновенной небрежностью, проявлявшейся во всех ее творениях, колдовала над плитой на крохотной кухоньке тесной квартирки в Ламбете в то незабываемое лето их совместной жизни, когда Ситон самодовольно считал, что эти мгновения растянутся на годы. А может, и навсегда.

В лечебнице часто передавали музыку через старую ретрансляционную систему. Динамики, похоже, были повсюду, поэтому не слушать никак не удавалось. Более того, никто не интересовался предпочтениями пациентов. Тот, кто делал подборку, питал особое пристрастие к песне Марвина Гэя «Abraham, Martin and John». Ситон и сам ее когда-то очень любил. Правда, до недавних событий. Теперь, в этих стенах, он каждый раз ждал строфы о том, как хорошо умереть молодым, вспоминал брата, утонувшего в Хэмпстедском пруду в двадцать один год, и неизменно поражался бесхитростной правдивости этих слов.

На территории лечебницы был даже свой лабиринт, правда основательно запущенный. Ряды густых кустов были подстрижены весьма небрежно, и, только попав туда, можно было догадаться, что это такое. Ситон решил, что, должно быть, один из бывших владельцев увлекался готикой. И его имение стало похоже на фантастические творения прерафаэлитов. Вот так и появился парк, а затем — лабиринт в его восточной части.

Как-то раз — уже пробыв в лечебнице недели две — Ситон в сопровождении симпатичной медсестрички из Дандалка попал в лабиринт, где вскоре они потеряли друг друга. Начинало темнеть, и Ситон, чувствуя, как в душе начинает зарождаться страх, изо всех сил старался найти выход. Но, поняв, что окончательно заблудился, он сломался. Санитары нашли его по истошным воплям. От ужаса он обделался. Его пришлось привязать к кровати и ввести успокоительное, настолько сильным оказался приступ паники, когда он очутился один посреди лабиринта. Ситону кололи торацин, но рассудок к нему вернулся лишь через два дня, а ясное осознание происшедшего — еще через неделю. Тогда Пол горько зарыдал от стыда за то, что сделал из себя всеобщее посмешище, и за то, как низко он пал.

Именно в лечебнице он впервые увидел привидения. Строго говоря, три ухмыляющиеся фигуры в зеркале, явившиеся Ситону в доме Фишера, он тоже отнес к разряду привидений. Но то были злые духи, покушавшиеся на его жизнь, — в этом Пол был уверен. Привидения, которые он встречал в лечебнице, появлялись в самых неожиданных местах и, одетые сообразно своей эпохе, застывали, взирая на него мертвыми глазами. Со временем он стал достаточно бдительным и не позволял застичь себя врасплох, научившись предвосхищать их приход. Больше всего он ненавидел моменты, когда, проснувшись среди ночи, чувствовал, что привидения сгрудились в дальнем углу палаты и наблюдали за ним, спящим. Лунный свет ложился полосами на их заплесневелые одежды и бессмысленные лица. Они безучастно глазели на Пола. Но их присутствие, хоть и безмолвное, все же докучало ему. Среди них не было ни одного, кого бы Пандора упомянула в своем дневнике. Возможно, она была с ними знакома, но сочла не заслуживающими внимания. Возможно, она их никогда не знала. Она попала под чары Фишера и волей-неволей — ненадолго — стала его приспешницей, посвятив ему короткий, но трагический отрезок своей загадочной жизни.

Ситон уклонялся от общения с лечащими психиатрами. Вместо этого он предпочитал изучать стены в помещениях, где с ним проводили так называемые собеседования. Ему было стыдно за себя. За то, что неделя за неделей транжирит и без того скудные средства,

выделяемые на общественное здравоохранение. Но встречи эти происходили не так уж часто. И он причинял государству ущерб не по своей воле. Его расспрашивали о снах. Он, конечно, мог бы поведать им о Люсинде в плиссированном шелковом летнем платье, траурном цилиндре, поля которого приминали ее рыжеватые волосы, с моноклем в глазу и широкой ухмылкой на мертвых губах. Он мог рассказать о женщине с маленьким мальчиком, спасающейся бегством в знакомом лесу. Ребенок в рваном исподнем дрожал от холода, а жемчужное ожерелье женщины цеплялось за колючки и толстые сучья. А еще ему являлся безобразный зверь со зловонным дыханием. Зверь рыскал где-то на задворках сознания Ситона, вызывая у него непроизвольное мочеиспускание. Нет, Пол не думал, что смог бы описать врачам свои сны. Если бы он на это решился, то, скорее всего, кончил бы свои дни в смиренной рубашке, какие носили воображаемые обитатели психушки — бывшего дома Фишера — за бесчисленными дверями в комнаты-палаты.

Его навестила мать. Он увидел, что после смерти Патрика она стала ходить с палочкой. Мать погладила его по руке, попеняв на то, что он так похудел. Ситон смахнул слезу и заверил ее, что обязательно поправится.

— На это нужно время, — сказал он. — Время — лучший доктор.

— И молитва, — добавила мать и поднялась. — Твой друг Майкл держит меня в курсе. Приятный юноша, этот Майкл. Из Ливерпуля.

Пол знал, что из всей Британии мать почему-то отдает предпочтение именно Ливерпулю. Он кивнул:

— Мама, вот увидишь, скоро я буду молодцом. Наберись терпения.

После ее ухода он снова плакал. Ну и что такого? Это в порядке вещей. И душевное нездоровье здесь совершенно ни при чем.

Ситон пробыл в лечебнице восемь месяцев, когда туда приехал доктор Малькольм Коуви. Свой визит тот начал с внимательнейшего осмотра молодых побегов в саду. Если не считать запущенного лабиринта, газоны на территории лечебницы напоминали, по мнению Ситона, ковры ручной работы. Похоже, прирожденные садоводы особо подвержены различным психическим расстройствам. А может быть, сумасшедшим просто хочется упорядочить хоть что-то в царящем вокруг хаосе.

— Я слышал, вас преследуют привидения? — обратился к Ситону доктор Коуви.

Пол впервые нарушил свои правила и посмотрел на доктора. Конечно, он уже видел этого врача. Его плащ и мягкую шляпу невозможно было не заметить. А еще сизое облако дыма от гаванской сигары в нарушение всех больничных правил. Но Ситон посмотрел Малькольму Коуви прямо в глаза и подумал «Этот другой. У него есть дар».

— Вы вообразили себя жертвой. Вы прямо-таки испускаете миазмы жалости к себе, которые сгустились вокруг вас, словно аура...

Ситон ничего не сказал.

— ...или нимб страданий вокруг святого мученика, если такой образ более подходит для ирландца.

Пол рассмеялся. Не мог удержаться. Ему заметно полегчало. Ощущение было такое, будто с него сняли путы.

— Откуда вы приехали?

— Прочитал о вашем случае.

— И что, там было прямо указано мое имя? В том отчете?

— Нет, конечно. На то и существует врачебная этика. Но отчет здесь ни при чем. Просто письмо от одного из психиатров, которых вы так упорно избегаете. Я предложил проконсультировать вас. Вашей матери тоже написали, и она любезно согласилась. И вот я здесь.

— Зачем?

Коуви поудобнее устроил в кресле свое грузное тело. Повертел так и сяк сигару и наконец пустил в потолок облачко дыма.

— У меня есть кое-какой опыт в области паранормальных явлений. Скажем так: я

допускаю наличие потустороннего, возможность его влияния и последствий. По крайней мере, не отвергаю.

Ситон кивнул.

— Что скажете, Пол?

— Что вы хороший оратор, да еще какой. Для платных слушателей.

— Мне известно кое-что об истории дома Фишера, — заявил Коуви.

Ситон никому здесь не говорил, что побывал там.

— У вас, кажется, имеется информатор в лондонской полиции?

— Был. Боб Холливелл.

— Вот-вот. Сержант Холливелл считал своим долгом проследить ваш путь на остров Уайт по кредитной карте. Он связался по телефону с владельцем магазинчика в Вуттон-Крик, где вы брали напрокат велосипед.

Коуви произнес «велосипед» так, словно это было какое-то новое слово техники. Интересно, как тогда он должен воспринимать кредитные карты и телефоны? Судя по обхождению, Коуви наверняка чувствовал себя в своей тарелке среди кофеев, оперетты и экипажей. А еще Пола интересовал вопрос, обращался ли Боб в ходе предпринятого им расследования к Люсинде.

— Холливелл оказался весьма дотошным сыщиком. Он смог прийти к заключению, что именно интерес к Пандоре Гибсон-Гор и привел вас в дом Фишера. Мы полагаем, что проведенный там уик-энд и спровоцировал последующий срыв. Как только Холливелл установил цель вашего путешествия, он сразу сообщил об этом в лечебницу. Почему вы смеетесь?

— Когда-то дом Фишера был психушкой, — ответил Ситон, утирая слезы. — Я как-то забыл об этом. Мне просто пришло в голову: какая ирония судьбы.

— Вы ошибаетесь, — произнес Коуви. — Психиатрической больницы там никогда не было. Поскольку Фишер покинул это место, весной сорок седьмого года здание было выкуплено советом графства Гемпшир. Действительно, вначале предполагалось создать там приют для душевнобольных, но этого не случилось. Правда, подрядчики успели приступить к работам по реконструкции помещений под лечебницу, но вскоре они столкнулись с рядом непредвиденных сложностей, отчего весь проект забуксовал и в конце концов потихоньку сошел на нет.

— Каких сложностей? Проседание грунта? Вредные испарения?

— Не уверен, что вам стоит об этом знать, — ответил Коуви, изучая кончик своей сигары.

— Вы хотите сказать, что эти сведения могут вывести мой рассудок из равновесия? — снова рассмеялся Ситон. — Поздно вато спохватились, доктор, черт вас дерит!

— Архитектор из местных, которому доверили работы по реконструкции, был найден мертвым у подножия утеса, выходящего к Фрешуотер-бей. Тогда решили, что он оступился во время прогулки. Однако вслед за ним погиб инспектор: нанес себе смертельную рану из пистолета «люгер». По словам его жены, этот военный трофей он сам привез с фронта. Она имела в виду Великую войну,¹ а не только что закончившуюся. Возможно, это был просто несчастный случай. Возможно, он чистил заряженное оружие или баловался им от нечего делать.

— Не повезло бедняге, — заметил Ситон. — Особенно если учесть, что этот пистолет был у него уже тридцать лет.

— Вот именно, — кивнул Коуви, затягиваясь сигарой. — Затем, через неделю после трагической смерти, под скалой на объекте пропали двое строительных рабочих. Их обнаружили только спустя двое суток. Правда, их особенно и не искали, ибо решили, что эти двое ушли самовольно, как поступали в ту пору многие странствующие наемные работники. Они могли отправиться на поиски другой работы. Или лучше оплачиваемой, или с более удобным графиком, или поближе к дому. Их тела нашли в подвале, где у Фишера был целый

¹ Имеется в виду Первая мировая война.

лабиринт. Они висели рядышком на одежных крюках на стене бильярдной.

Ситона прошиб холодный пот. Мысль о подвале Фишера, с невыносимыми ужасами, невольно вернула его в Брайтстоунский лес. Он, как наяву, увидел сквозь редкие стволы оранжевые солнечные блики на стеклах асимметричных окон башни.

— Я ни за что туда не вернусь, — сказал он.

Если Коуви и приписал это замечание на свой адрес, то даже виду не подал. Будто не расслышав слов Ситона, он невозмутимо продолжал:

— На этом проект психиатрической лечебницы был закрыт, и, по документам, дом Фишера остался в собственности совета графства. Однако, думаю, вряд ли найдется человек, знающий, как подобную собственность использовать или извлечь из нее выгоду. По крайней мере, со времен Фишера таких не нашлось.

— Почему вы заинтересовались моим случаем? — спросил Ситон.

— Я интересуюсь паранормальными явлениями, — ответил Коуви.

— Вы это уже говорили.

— Судя по всему, Клаус Фишер тоже ими интересовался, хотя и преследовал при этом цели, отличные от моих. Как мне стало известно, он в своем имении в Брайтстоунском лесу под видом званых вечеров проводил специальные обряды. Все это продолжалось до тридцать третьего года, когда он внезапно исчез в неизвестном направлении. Сейчас, полвека спустя, можно сказать, что Фишер бежал из собственных владений, но семь лет, проведенные им в том доме, как мне кажется, отмечены бурной деятельностью, разумеется весьма своеобразной.

— Психиатры не верят в магию, — не сдавался Ситон.

— Значит, вы должны меня убедить.

— Это не входит в мои обязанности.

— И все же. Я хотел бы знать, что с вами случилось в те выходные.

— У меня нет желания с вами делиться.

— Но ведь вы можете и передумать, — пожал плечами Коуви. — Тот не меняет убеждений, кто не мыслит. Знаете, кто это сказал?

— Нет.

— Угадайте.

— Витгенштейн,¹ — сказал Ситон.

— Фредди Лейкер,² — улыбнулся Коуви.

Ситон, не выдержав, снова рассмеялся.

Он встречался с Коуви раз в неделю, и так в течение месяца. За четыре часовых сеанса Пол выложил ему все. Или, по крайней мере, ему так казалось. В конце месяца он согласился на сеанс гипноза. Коуви объяснил, что гипноз может помочь Ситону восстановить в памяти забытые подробности. Кое-что из увиденного и услышанного на острове, возможно, настолько поразило или напугало Пола, что он загнал это в глубь подсознания. Типичный случай среди тех, кто получил психологическую травму.

Особенно интересовал Малькольма Коуви тот отрезок времени, когда Ситон уснул у ручья прямо на земле.

Ситон согласился на гипноз, хотя и понимал, что тем самым волей-неволей нарушает собственный зарок никогда не возвращаться во владения Фишера.

Он согласился еще и потому, что беседы с Коуви все же помогли ему. Он стал лучше спать, его реже мучили кошмары. Панические атаки, случавшиеся в больничном душе и в лифте, полностью прекратились. Ситон чувствовал, что одна только манера Коуви слушать уже приносила ему облегчение. Психиатр молча попыхивал сигарой и следил за рассказом. При этом он ни разу не высказал хоть малейшего недоверия к нему. Более того, ни в тоне его

¹ Людвиг Витгенштейн (1889–1951) — австро-английский философ, один из основателей аналитической философии и один из самых ярких мыслителей XX века.

² Фредди Лейкер — создатель авиакомпании «Лейкер эруэйз», совершавшей рейсы между Англией и Америкой по сниженным ценам.

голоса ни в выражении лица никогда не проскальзывало даже тени сомнения в достоверности излагаемых событий или в душевном здоровье пациента. Ситон предположил, что доктор действительно ему верит. Если же нет, то тогда он прекрасный актер.

— Иллюстративность можно объяснить двумя способами, — сообщил Ситону Коуви во время последней беседы, уже после сеанса гипноза.

— Иллюстративность?

— Всю ту муру, которую вы вроде бы видели и слышали. Старинный антураж.

— Вижу и слышу. Это куда не делось.

— Ну ладно, видите и слышите. Музыку с пластинок в семьдесят восемь оборотов. Запахи камфары и лавандовой воды, гетры, плащи-визитки и прочие атрибуты эпохи.

— Я бы очень хотел списать все это на атрибуты эпохи!

— Возможно, все дело в вашей внушаемости. Вы действительно легко внушаемы. Виной тому, без сомнения, дневник Пандоры. Ее захватывающее повествование перегрузило ваш мозг и воображение, что в конечном итоге привело к появлению беспокойства. В результате вы режиссируете собственные ночные кошмары, обставляя их декорациями в соответствии с духом времени.

— Для чего, собственно?

— Не знаю, — уклонился от ответа Коуви.

— Не знаете? Придумайте что-нибудь получше, доктор! Это ваша работа — все знать.

— Есть и более печальное объяснение, — сказал Коуви.

— Просветите меня.

— Оно вас не просветит, Пол. Другое объяснение выглядит куда мрачнее.

Ситону сдавило грудь. Ему стало не по себе. Он заметил, что последние слова Коуви произнес более мягким, сочувственным тоном. Пол сидел в кресле, обхватив себя руками за плечи, словно человек, пытающийся защититься от дурных вестей. Но, несмотря на страх перед ними, он решил, что даже дурные вести внесут желанное разнообразие в серые больничные будни. Пол пробыл в лечебнице достаточно времени, чтобы убедиться, что именно серые будни и гарантируют ему стабильное состояние. Однако понимал он и то, что это не поможет ему окончательно излечиться. То, что собирался сейчас сказать доктор Коуви, должно было объяснить, почему он здесь. Все остальное было лишь преамбулой. Абсолютно все. Зигмунд Фрейд и Фредди Лейкер, Витгенштейн и Иисус Христос.

— Просветите меня, — повторил Ситон.

— Другое объяснение состоит в том, что зверь действительно существует. Им удалось произвести его на свет. Родить, следуя терминологии участников шабаша. Разумеется, здесь были задействованы мощные магические силы, причем риск был огромным. Но Кроули и Фишер были могущественными магами. Как полагаю, и Уитли, несмотря на то, что в дневнике Пандоры он предстает как герой буффонады. Все, что демон знает о нас — о человечестве, если угодно, — он узнал от Фишера и его окружения. Все мы наиболее восприимчивы в ранней юности. А он в те далекие годы, во времена банкетов в доме Фишера, был совсем юным, нетерпеливым и жаждущим новых ощущений.

— Не знаю, — ответил Ситон. — Я ничего не смыслю в демонологии, доктор Коуви. Я не понимаю, почему некто из преисподней должен непременно испытывать тягу к Фэтсу Уоллеру. И, честно говоря, мне наплевать почему. Но я начинаю сомневаться, что вы тот, за кого себя выдаете.

Он уже начал жалеть, что согласился на гипноз. Коуви откинулся на спинку кресла и, будто невзначай, спросил:

— Вы считаете, что смерть вашего брата была случайностью?

— Да, считаю. Это было простым совпадением. Думать иначе, конечно, весьма заманчиво. Но Патрик погиб из-за того, что заплыл в опасное место. Он забыл об осторожности. День был длинный, жаркий, а он к тому же еще и выпил.

— Почему зверь вас не поймал?

— Потому что не мог перейти через бегущую воду. Сначала он меня настиг. А потом

отпустил. Это единственное объяснение.

— А ведь вы говорили, что ничего не смыслите в демонологии.

— Именно поэтому они и породили зверя на острове, — продолжил Ситон. — Я долго над этим думал, доктор Коуви. Приливы. Морские течения. Они стремились удержать этого монстра внутри загона. И больше полувека им это удавалось.

— С чего бы демону ограничивать себя пределами суши?

— Думаю, это было частью вызвавшего его колдовства, — пояснил Ситон. — Для того чтобы явиться сюда, он вынужден был согласиться на определенные условия. Они были просто необходимы. Если бы демон получил безраздельную власть, то был бы бесполезен для типов вроде Фишера. Ограничения же заставляли его выполнять условия сделки. Это фаустовский договор, только наоборот.

Коуви улыбнулся. Доктор умел улыбаться вот так: с абсолютно непроницаемым выражением лица и Ситон понял, что никогда не сможет с ним сблизиться. Возможно, из-за ужасных событий, приведших этого человека в его жизнь. Отныне Коуви всегда будет ассоциироваться у него со страхом и скорбью. Но скорее всего, неприятие Пола было вызвано скрытностью психиатра. Ситон ясно видел: чего бы ни добивался Малькольм Коуви, он совершенно не заботился о производимом им впечатлении.

«Ну и пошел он!» — решил Пол.

По правде говоря, он чувствовал себя усталым и измученным. Гипноз его полностью вымотал.

— Что вы об этом думаете?

— О вашей теории бегущей воды?

— Обо всем.

Коуви помолчал, продолжая все так же улыбаться. Наконец он произнес.

— Думаю, вы не более безумны, чем я сам.

Ситон пробыл в лечебнице чуть больше восьми месяцев. За все это время Люсинда Грей ни разу не навестила его. Пола это очень огорчало и обижало. Но в конце он даже почувствовал некоторое облегчение. Он понимал, что если хочет выйти из лечебницы более или менее здоровым, то должен оставить прошлое за спиной. Впрочем, некоторые решения по поводу его новой, более спокойной жизни были уже приняты за него.

Его вызвали в суд графства по делу о неуплаченном счете в сто двадцать фунтов по кредитной карте. В результате Пол попал в черный список и отныне мог брать кредит только под залог имущества. Его вышвырнули из редакции, обрекая на безработицу, поскольку его репутация в профессии, в которой он единственно мог подвизаться, была подмочена раз и навсегда. Он лишился жилья. Возможно, наименее обидным, но сильно ранящим самолюбие была физическая слабость. Его мускулы ослабли из-за вынужденной неподвижности. Увидев в зеркале свою жалкую тень, Пол ощутил себя почти бестелесным. Ему хватило одного взгляда. Расставшись с прошлым, Пол Ситон избавился от пристрастия к зеркалам.

Итак, все уже давно было решено за него. Впрочем, это не избавляло его от необходимости принимать и собственные решения. Полу предстояло отказаться от старых привычек, друзей, пристрастий, амбиций. Словом, от своей прежней личности. Он понял, что освоиться в новом сузившемся мирке будет гораздо проще, если он примирится с мыслью о том, что никогда больше не увидит Люсинду Грей. Ее, как и брата, следовало поместить в кладовую памяти и запереть на замок. Там Пол мог лелеять их без риска причинить себе боль. Там они могли жить дальше. Только там они не могли вызвать новую волну безумия, способную захлестнуть его с головой. Достаточно еще одного отказа Люсинды или нового визита ухмыляющегося призрака брата — и ему обеспечена полная изоляция в комнате с обитыми войлоком стенами и крепкими кожаными ремнями.

В день выхода из лечебницы Пол расписался в регистрационном журнале за получение личных вещей. Привратник отвел его в камеру хранения, куда перевезли из квартиры все его пожитки после позорной эвакуации с Олд-Парадаиз-стрит. Все это время вещи ждали его здесь. Для Пола это был невыносимо тяжелый момент. Он расписался за получение

чемодана, набитого жизнерадостными шмотками, печатной машинки, теннисной ракетки и коллекции пластинок, которые он уже никогда больше не сможет слушать. Среди прочего был и конверт с входными билетами без корешков. Пол сохранил их на память после одного чудного вечера, когда они с Люсиндой были в Сохо на концерте певицы Кармель. В конверте он нашел также моментальный снимок Люсинды за столиком плавающего паба на Темзе. Ситон поднес фото к губам, вспоминая, как солнце жгло спину, пока он наводил на Люсинду объектив, и будто заново ощущая запах ее кожи и невозвратную нежность любимых губ у своего лица. На самом деле подобных случаев было не так уж мало. Но теперь им не суждено было повториться. Пол прикрыл глаза и покачался на каблуках под пристальным взглядом привратника. Из вещей он выбрал только одежду, которую собирался надеть после выписки, и пару обуви, а затем вежливо попросил служащего отнести все остальное — то, с чем ему необходимо было как можно скорее распрощаться, — на помойку.

Последующие десять лет Пол Ситон только и делал, что убегал. Сначала он подался в Америку, в Нью-Йорк, поверив в миф об ирландской диаспоре, широко раскрывающей свои объятия каждому обладателю дублинского акцента. Все оказалось правдой: объятия действительно были широкими. Однако лишь в том случае, если вы соглашались поддерживать сложившийся миф.

Ситон довольно скоро понял, что его примут за своего лишь в том случае, если он возьмется играть вполне предсказуемую роль в драме из жизни ирландской эмиграции. Но у него не вышло. Ровным счетом ничего. По правде говоря, у него просто-напросто не осталось душевных сил. Опыт прошлого лишил Ситона качеств, необходимых для получения удовольствия от *стаис*.¹ У него так болела душа, что он был не в силах скрыть свои муки. Ситон был замкнут, пуглив и не в себе. А еще он был мстителен.

Как-то вечером в одном бруклинском баре к нему, слово за слово, прицепился беглый «прово». Этот боевик-наемник из Восточного Белфаста питал ненависть к «лондонским» ирландцам, размякшим, судя по акценту, от спокойной жизни. По крайней мере, это был удобный повод привязаться к Ситону. Вполне возможно, парень просто тосковал по дому, жене и детям. И, приняв на грудь, решил, что облегчит свои страдания, если для профилактики устроит взбучку вон тому еврею, то есть Ситону. В результате буян получил парочку хороших нокаутов. Причем последний, как показалось удирающему с места происхождения Ситону, привел к сотрясению мозга после удара о булыжную мостовую. Позже, сидя на станции Грейхаунд с дешевым чемоданом под мышкой и дуя на сбитые костяшки пальцев, Пол думал «Так вышло не потому, что я сильнее. Просто из нас двоих я оказался злее и трезвее. К тому же мне было на все наплевать, а ему нет».

Потом был Бостон. Там Ситон устроился на лодочную станцию и после долгих уговоров даже согласился войти в команду из восьми гребцов и дважды в неделю тестировать лодки. Он также работал посменно в одном ирландском баре. Все лучше, чем просто ходить туда выпивать. В Бостоне он стал чуть более общительным. И благодаря этому как-то раз вечером в баре, где Пол подрабатывал, один знакомый оказался настолько дружелюбным, что предупредил о «прово», нокаутированном в Бруклине. Тот уже пошел на поправку и наводит справки о перемещениях своего обидчика.

Ситон переехал в Канаду. Теперь он понял, как здорово иметь ирландский паспорт, если, конечно, любишь путешествовать. Пол обнаружил, что он вовсе не прочь провести зиму в Британской Колумбии. К тому моменту он осознал, что по сравнению со стужей в его душе даже заснеженная Новая Шотландия кажется теплой и приветливой.

В Канаде Пол почувствовал, что нити, связывавшие его с террористом из Белфаста, значительно ослабли. Там он научился кататься на лыжах. Он преподавал английский и историю в начальной школе. Два раза в неделю по вечерам читал лекции по журналистской практике в колледже. А затем у него начался роман с милой, привлекательной женщиной родом из Дании, преподававшей керамику. Но все закончилось катастрофой. Ситон понял,

¹ *Стаис* (ирл.) — ирландская традиция времяпрепровождения, сочетающая музыку, алкоголь и дружеское общение.

что пора уносить ноги.

Однажды они вместе отправились в принадлежавшую ее отцу хижину, которая находилась в глухом лесу на окраине Национального парка в Банфе. Когда они достигли леса, начался снегопад. Хвойные деревья обступали лыжню плотным бесконечным коридором. Идти по лыжне сквозь снежную мглу оказалось нелегко. Очень скоро они очутились в непролазной чаще. Кругом царило белое безмолвие, словно путники забрели в неизведанный, дикий уголок природы — туда, где еще не ступала нога человека. Деревья, неподвижные под снежной шапкой, стояли вдоль тропы сплошной стеной, и лыжники как будто пробирались по дну ущелья. Они все шли и шли без остановки, пока примерно через час перед ними не открылась прогалина — брешь в лесной твердыне. Ситон свернул туда, надеясь, что это и есть дорога к хижине.

— Нет, — сказала женщина. Голос ее сорвался. Ситон решил, что она просто не может отдышаться после такого трудного перехода. — Не сюда, — повторила женщина.

Он уловил в ее тоне неуверенность. Она явно была чем-то напугана.

Пол остановился и присмотрелся к тропе, идущей сквозь хвойный лес. Снег на ней был усеян обломками веток, а на стволах белели участки содранной коры, висевшей клочьями и полосами. Приглядевшись, Пол увидел на стволах царапины и выступившие капли смолы. Он подошел и в изумлении потрогал поврежденное дерево.

— Нет, — сказала женщина.

Ситон обернулся на ее голос, опять явственно различив в нем страх. Женщина прерывисто дышала и словно прилипла к лыжне. На ее лице выступили яркие пятна. Лыжные очки она подняла на лоб, и Пол увидел, как округлились ее глаза, светлые на фоне равнодушной белизны снега и неба. От ее тревожного окрика по затылку у него пробежал неприятный холодок.

Он снова всмотрелся в странную просеку. Кто-то могучий и неистовый проложил здесь себе путь, походя корежа деревья, калеча природу, в своей слепой ярости обращая все в хаос. Может быть, тут пронеслось стадо перепуганных лосей и они рогами поломали все вокруг? Но следов копыт было не видно. Ситон вообще не заметил на снегу никаких отпечатков, но он ведь и не был следопытом, да к тому же снег валил не переставая. Теперь, когда все закончилось, в лесу стояла мертвая тишина. Но сочащийся древесный сок и капли смолы на сосновых стволах отчетливо пахли жестокостью. Нет, понял Ситон, лоси тут ни при чем. Это была какая-то гораздо более дикая и грозная сила.

— Медведь, — сказал он.

— Не медведь, — возразила женщина. — Сейчас ведь зима.

— Тогда кто?

— Иди сюда, Пол! Не сходи с лыжни и поторопись. Нам еще целую милю идти до домика, где тепло и светло.

Светло. Ситон кивнул. Теперь и он почувствовал сильный запах звериной мочи и пота, окропивших снег, проследил в коридоре деревьев зловонный путь неизвестного существа, чья слепая ярость сеяла кругом разрушение.

Ночью они болтали, пили глинтвейн и занимались любовью. Единственным освещением в хижине были тлеющие головешки в очаге и костры за окном, мерцающие сквозь деревья: это в миле отсюда грелись на озере рыбаки, вышедшие на подледный лов. Может быть, причиной тому были лес и навеянные им воспоминания или тропа в чаще, проложенная огромным зверем. Но только под утро, среди безбрежного покоя и дремоты, держа в объятиях любовницу-датчанку, Пол ласково прошептал чужое имя. Имя другой женщины.

Где же был его дом? Этот мучительный вопрос вконец извел Пола. Пока не умерла мать, Ситон считал, что его дом в Дублине, в городе, где он родился и набил первые шишки, получил образование и почти неискоренимый акцент. А сейчас? Безусловно, в Лондоне. Теперь Лондон был его домом.

Итак, из Канады он переехал в Дублин, где у него практически не осталось близких и

знакомых по эту сторону могилы. Пол оказался в изоляции. Конечно, ему было одиноко, но Пол Ситон стал воспринимать одиночество как зуд в недоступном для почесывания месте. Он смирился с ним. Изолированность стала для него таким же нормальным, привычным состоянием, как потребность дышать. Ситон так долго был один, что уже почти не замечал одиночества. Итак, он готов был осесть в Дублине.

И вот незаметно, без фанфар, наступили девяностые. Пол занимался исследовательской работой при Тринити-колледже, снимал квартиру с видом на канал. Словом, вел вполне сносное существование. Город тем временем достиг процветания, изменившего его облик и подарившего жителям достоинство и цель в жизни, что было невозможно в детские годы Ситона. Пол и дальше жил бы себе в Дублине, но в один прекрасный день вдруг осознал, что окончательно избавился от призраков прошлого. Они перестали его беспокоить. Как-то в субботу он остановился на Графтон-стрит и понял, что вокруг только праздношатающиеся и туристы. И никаких тревожащих душу звуков. Лишь пение уличных музыкантов да звон бросаемых им монет. Пол обернулся, выискивая в толпе силуэты мертвецов. Но их не было. Проходя мимо универмага «Браун Томас», Ситон затаил дыхание и украдкой посмотрел на свое отражение в темной витрине. Он увидел только себя, а за спиной — панораму города. Никаких пялившихся на него и скалящих зубы фантомов не было и в помине. Очевидно, они наконец оставили его в покое.

И тогда он решил вернуться в Лондон, туда, где однажды был по-настоящему счастлив, пусть и совсем недолго, и где его израненная ирландская душа по-настоящему чувствовала себя как дома.

23

Пол Ситон закончил свое повествование, и в комнате наступила тишина. Ночь прошла спокойно. Девушка в спальне над их головой впала в глубокое наркотическое забытие. За это время она ни разу не шелохнулась. Мейсон, слушая рассказ гостя, беспрерывно курил и лишь иногда хмурился, ничем более не выражая своих эмоций. Они сидели в комнате с дорогой стереосистемой и миленькими пейзажами на стенах, написанными учениками школы колористики Сент-Ив. Ночью полотна казались просто темными прямоугольниками. Теперь, когда утренний свет начал просачиваться сквозь деревянные ставни, на картинах уже можно было разглядеть отдельные детали. Шторм, еще недавно швырявший песок и камни в окна дома и грозивший разнести рамы в щепы, наконец утих. И к счастью, когда они вышли из машины и вернулись в дом, им больше не докучали посторонние мелодии. Все это время Ситон ждал, что из динамиков вот-вот польются зловещие, издевательские звуки непрошеной музыки. Но все было тихо.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

Мейсон посмотрел на часы, затем — на потолок, словно хотел разглядеть сквозь доски спящую сестру. Потом опустил голову и устался на Ситона:

— В Танкертоне в гараже у меня стоит лендровер. Мне понадобится минут двадцать, чтобы собрать кое-какое снаряжение, и еще примерно тридцать пять, чтобы все погрузить и замаскировать. На пароме мы немного рискуем, ибо оружие — вещь тяжелая, а машину иногда загоняют на весы. Впрочем, надеюсь, дело выгорит, если только нам крупно не повезет. Но, думаю, хватит с нас непухи. Чутье мне подсказывает, надо поступить с этим так же, как я поступил тогда в Африке. Правда, сдается мне, я еще не получил всей информации. Чего-то мне так и не рассказали. Как говорится, врага надо знать в лицо. И это чистая правда, черт побери, если хочешь остаться в живых. Если хочешь выиграть забег.

— Я тебе все рассказал, — произнес Ситон.

— А Малькольм Коуви? Само его имя похоже на треклятую анаграмму!

— О, это вполне реальная фигура.

— И это он послал тебя ко мне?

— Да.

— Тогда не мог бы ты объяснить почему?

— Нам нужно поговорить со священником, — ответил Ситон. — Коуви считает, что, прежде чем мы начнем действовать, было бы не худо потолковать с твоим иезуитом.

— Ты никогда не думал, что этот Коуви не до конца с тобой откровенен? — спросил Мейсон.

— Именно так я и думаю.

— Кто он?

— Не знаю. Видит бог, понятия не имею. Но прошлой ночью я проговорил с ним целый час в баре рядом с собором Святого Георгия. И он настоятельно советовал поговорить с твоим священником, если мы действительно хотим спасти жизнь тем девушкам.

— Почему он считает, что ты должен туда вернуться? Положа руку на сердце, как думаешь?

— Он мне всегда это говорил. Он не раз уверял меня, что однажды мне придется туда вернуться.

— Зачем?

Воздух в гостиной так пропах сигаретным дымом, что даже, казалось, пожелтел. Тусклый свет, проникавший сквозь ставни, обещал один из тех неярких осенних дней, которые угасают, не успев начаться. Даже волны, бьющиеся под окнами о прибрежную гальку, казались утомленными. Ситон вздохнул. Воспоминания его утомили.

— Малькольм Коуви убеждал меня вернуться туда, ибо мертвые не хоронят сами себя.

— Это что, психиатрическая головоломка? — насмешливо фыркнул Мейсон.

— Не думаю. Судя по всему, он просто констатировал прискорбный факт.

Мейсон на мгновение притих. Ситон знал, что такие люди, как он, редко позволяют себе расслабиться. Наконец Мейсон шевельнулся и моргнул. Он снова поднял глаза к потолку, к одной из спален своего фамильного дома, где, как он надеялся, спала, не видя снов, его сестра.

— Этот священник сейчас, должно быть, уже дряхлый старик. Он и в Африке-то был совсем старым. А в Африке я служил семь лет назад. К тому же его сначала надо разыскать, а это работа не из легких. Господи!

— Он живет во Французских Альпах, — сказал Ситон. — Уединился в бывшем монастыре близ города Шамони. Так говорил Коуви. Это он сказал, где его можно найти.

— В тиши уединения укрылся, примирившись с миром, чтобы спокойно умереть, — прокомментировал Мейсон. — Кто он, этот Коуви?

— Я уже сказал. Не знаю. И никогда толком не знал.

Мейсон кивнул и предложил:

— Давай-ка поспим. Соснем пару часиков, а потом сделаем пробежку. Надо проветрить мозги перед поездкой.

— Пробежку?

— Ты ведь когда-то тренировался?

— Так ты не хочешь выехать немедленно?

— Я вообще не хочу ехать. Что-то подсказывает мне, лучше было бы остаться с Сарой. Вот только здесь ей от меня, похоже, никакого толку. И вообще, важные дела в спешке не делаются. И, честно говоря, если я сейчас не посплю, а потом не израсходую часть напряжения, то непременно кому-нибудь вмажу. А ты — самая хорошая мишень.

— У меня с собой нет ничего для бега.

— Я тебе дам. Жутко не хочется бежать в одиночку. А спортивная форма, приятель, — самая малая из твоих проблем, — подытожил Мейсон.

В Эшфорде они сели на поезд до Франции, а там пересели в скоростной поезд, забитый лыжниками. По пути Мейсон рассказал Ситону о состоянии остальных выживших девушек с курса этики. После похорон он связался с семьями двух пострадавших англичанок. Обе находились в больницах, на седативных препаратах и под контролем на случай попыток

самоубийства. С американской студенткой, которая была их старше, все оказалось сложнее. В самолете по пути домой она на высоте шести миль над Атлантикой попыталась открыть аварийный люк. За этим занятием ее застали стюарды. В результате ее поместили в Бельвю, где держат в смиренной рубашке. Перепуганные родители посменно дежурят у дверей ее палаты.

Поезд шел быстро, но Альпы есть Альпы. В Шамони продрогшие путешественники сорок пять минут искали такси, пока один из водителей не согласился доставить их в горную деревушку по адресу, указанному Малькольмом Коуви.

— Но кто знает, примет ли он нас?

— Коуви сказал, что он нас ждет.

В такси было холодно, но снаружи — еще холоднее. Чем выше они поднимались в горы и чем разреженнее становился воздух, тем больше запотевали стекла машины. Ситон вытер со своей стороны изморозь лыжной перчаткой. Мейсон одолжил ему пару для путешествия. За окном среди деревьев мелькали снежные сугробы, поблескивавшие в свете фар. Ситон снова откинулся на сиденье. Ноги и спина побаливали после утренней пробежки, долгой и довольно изнурительной. Мейсон оказался выносливым не только с виду. Но непредвиденная тренировка, вопреки ожиданиям, придала Полу бодрости. Машина тем временем начала подъем по крутому склону, и Ситона прижало к спинке сиденья. Изморозь понемногу затягивала очищенный им кружок на стекле, и вскоре от него осталось лишь туманное пятно. Они теперь пересекали пояс лесов с плотной стеной хвойных деревьев. За ветровым стеклом в желтых лучах фар медленно падали, кружась, густые хлопья снега. В салоне вдруг затрещало радио. Цыганский музыкант Джанго Рейнхардт¹ из парижского квинтета «Хот клуб» виртуозно перебирал проворными пальцами гитарные струны.

— Дерьмо! — выругался шофер, тыча пальцем в светящиеся кнопки панели.

Пассажиры на заднем сиденье молча переглянулись.

У монастырских ворот Мейсон подергал шнурок звонка. Дежурный служка впустил их и оставил дожидаться в мощеном внутреннем дворе. Тем временем снегопад усилился, и мокрые хлопья плотным слоем оседали на плечах и непокрытых головах посетителей. Темные арки и высокие стены навевали Ситону мысль о равнодушии камня, выстуженного за долгие зимы, похожие на нынешнюю. Древний монастырь произвел на него гнетущее впечатление. Здание нависало темной громадой. И только кое-где мерцали желтоватые огоньки. Это горели свечи в кельях и на галереях. Пола знобило, но лишь от холода и сырости. Никакой опасности он не чувствовал. Все было спокойно. Здесь у Пола не возникало чувства смутной тревоги, как в собственной квартире или в корпусе гуманитарного факультета университета в Суррее и даже на берегу океана, в доме Ричарда Мейсона. Монастырь был настоящим убежищем. Как же далеко надо было забраться, чтобы почувствовать себя в полной безопасности! Он снова поежился, увидев, что Мейсон с интересом его разглядывает.

Их провели в просторную комнату, стены которой были заставлены стеллажами с томами в кожаных и пергаментных переплетах. В камине за железной решеткой потрескивали сосновые поленья. В воздухе приятно пахло смолой, и у Ситона неожиданно от голода свело желудок. В поезде из Эшфорда они позавтракали, но с тех пор у них маковой росинки во рту не было. В комнату вошел служка в коричневой рясе, подпоясанный, по обычаю францисканцев, простой веревкой. В руках он держал поднос. Указав жестом на стулья по обеим сторонам деревянного стола, монах поставил перед ними миски, наполненные тушеным мясом в густой подливке, и тарелку с горкой нарезанного толстыми ломтями хлеба, и предложил:

— Угощайтесь. Прошу вас, господа, не стесняйтесь. — В его английском явно чувствовались гортанные звуки жителя гор. — Вы скоро встретитесь с монсеньором Ласкалем. Перед этим надо как следует наполнить желудок.

¹ Жан-Батист Рейнхардт (Великий Джанго, 1910–1953) — джазмен-гитарист, один из основателей уникального стиля джаз-мануш (цыганский джаз).

Довольный своей шуткой, он налил из кувшина воду в оловянные кубки и удалился.

— Рискую показаться неблагодарным, — заметил Мейсон, — но, если уж говорить о монахах, мне почему-то всегда больше импонировали трапписты.¹

Ситон отхлебнул из кубка воды — такой холодной, что заныли зубы. Мейсон отломил кусочек хлеба, отправил его в рот и принялся жевать. Пол подумал, что ему следовало бы поддержать разговор, пошутить, попытаться разрядить обстановку. Но в голову как-то не шло ничего веселого. К тому же Мейсон, похоже, старательно избегал его взгляда. Ситона вдруг осенило: его спутник нервничал перед встречей со священником. И Пол оставил все попытки поддержать разговор. Они продолжили трапезу в полной тишине, нарушаемой иногда потрескиванием дров в камине. Когда же их миски опустели и они отложили ложки, дверная ручка повернулась и в комнату вошел Ласкаль.

Оба встали, и священник поприветствовал каждого коротким кивком. Отец Ласкаль был в сутане до пят, с непокрытой головой. Очень высокий, худой, с коротко стриженными седыми волосами. Ситон заметил, что его башмаки сильно поношены, но начищены до блеска. Пола вдруг захлестнула волна жалости к старому священнику. Его поразили контраст телесной немощи и силы духа этого человека.

Ситон задался вопросом, могут ли они втроем рассчитывать на победу. Их связала судьба, а возможно, даже предначертание. Было нечто готическое, очень странное, но в то же время смутно знакомое в их встрече на фоне полыхающего огня в камине и стен, заставленных учеными книгами, в уединенной католической обители. Ситону все это чем-то напомнило романы Райдера Хаггарда, Конан Дойля и Брэма Стокера. Трое сильных, хорошо воспитанных мужчин, вооружившись отвагой, знаниями и непоколебимой нравственной силой, собираются вместе, чтобы пойти в наступление на силы зла. Сюжет, хорошо знакомый Полу еще с детства, когда он читал подобные книги с фонариком под одеялом. За исключением одного: он уже побывал в доме Фишера. А потому действительность была до ужаса мрачной и безнадежной. Она не имела ничего общего с наивными детскими фантазиями. Невозможно сохранять непоколебимость в том неувловимом хаосе, что царит в заброшенном особняке посреди Брайтстоунского леса. Там ты беспомощен. Там ты обречен.

Он еще раз посмотрел на священника. Тонкая пергаментная кожа обтягивала лицо. В свете пламени было видно, как пульсирует жилка у него на виске.

«Он живет только верой», — подумал Ситон. У священника уже не осталось ни сил, ни здоровья. Он одной ногой стоял в могиле.

Изможденный старик недоверчиво посмотрел на Мейсона, на его ладное, ловкое тело, словно перед ним был ангел накануне грехопадения. Мейсон и вправду был очень сильным, но это была грубая сила. Перед отъездом Ситон поинтересовался у Мейсона, каким образом он собирается держать сестру на успокоительных, пока их не будет.

«Морфий, — ответил Мейсон. — Я достаю его в Хернбей. Приручил там одного врача». — «Как же ты приручаешь врачей?» — не смог скрыть своего изумления Ситон. — «Услугой за услугу. У него были проблемы. Банда отморожков вымогала у него рецепты на метадон. Он сообщил в полицию, но стало еще хуже. Они избили его двенадцатилетнего сына, и тогда в отчаянии он обратился ко мне». — «И сколько коленных чашечек ты прострелил?» — рассмеялся Ситон. — «Всего одну», — ответил Мейсон. И Пол не знал, шутит он или говорит серьезно.

Он чувствовал, как в душу, словно вода из горного ручья, прокрадывается холодок. Пол представил себе извилистую заснеженную дорогу, ведущую вниз, к симпатичным домикам, где всего в миле от них лыжники спокойно попивают себе глинтвейн. Кругом простиралось царство кряжей и вьюг. Горные вершины, где лавины черпают свои губительные силы. Ситону стало очень одиноко. Знакомое состояние. По правде говоря, последние двенадцать лет он каждое утро просыпался с этим чувством в душе. Даже по его скромным меркам, он

¹ Трапписты — монашеский орден, образованный во французском аббатстве Ла Траппе в XII веке. Они приняли строгий устав цистерцианцев, но уже к XVI веку приобрели печальную известность своей распущенностью.

жил очень замкнуто. Но дело было не только в его одиноком существовании. Он прекрасно понимал, что причиной его изоляции от общества был страх. Вот тот рубеж, где заканчивались его фантазии в духе Райдера Хаггарда. Ситон не был ни смелым, ни стойким. И он еще раз это понял, оказавшись рядом с двумя отважными людьми. Он был трусом, загнанным в угол и одиноким.

Мейсон наконец нарушил молчание, повисшее в комнате.

— Мы с вами уже однажды встречались, святой отец, — обратился он к Ласкалю.

— Дважды, — улыбнувшись, поправил его священник.

— Дважды? — удивился Мейсон.

— В первый раз ты был еще слишком юн, чтобы помнить. Поэтому я не в обиде. Я же запомнил ту встречу благодаря радости и утешению, которые она мне доставила. Я крестил тебя, Николас.

Ласкаль широко улыбнулся и жестом пригласил гостей садиться. Они снова заняли стулья у стола, а сам он опустился в кресло лицом к ним.

— Я вижу, вы готовы меня выслушать, — продолжил священник. — Но мне кажется, нам следует начать с самого начала. Для меня, если уж на то пошло, отправной точкой стала встреча с Уитли. Это случилось на фронте осенью тысяча девятьсот семнадцатого года в местечке, вошедшем в историю под названием Пассендале.

Его вера подверглась суровейшему испытанию еще до войны. Ласкаль был простым послушником, когда в пятистах милях от Ньюфаундленда, в ледяных водах Атлантики ночью затонуло огромное пассажирское судно. Он читал газетные сообщения с недоверием, отказываясь понять, как милосердный Господь допустил гибель стольких юных невинных душ и при таких ужасных обстоятельствах.

— Это произошло в апреле тысяча девятьсот двенадцатого, — напомнил Ласкаль Ситону и Мейсону. — Мне было семнадцать, когда произошла трагедия с «Титаником». И моя вера едва не погибла вместе с затонувшим кораблем.

Но в те дни он был молод. А молодости свойствен энтузиазм. И энтузиазм переродил его веру в нечто более возвышенное, чем мир наживы и удовольствий, чем даже имперские амбиции враждующих стран. Именно поэтому война в Европе не могла помешать его размышлениям, направленным на поиск сокрытой в Евангелии истины. Не могла омрачить его радость от знакомства с поэзией собрата по вере, иезуита из Уэльса Мэнли Хопкинса.¹ Весной тысяча девятьсот шестнадцатого года в Риме сам Папа рукоположил его.

Вскоре выяснилось, что времени на постижение вечной истины и на теологические споры с учеными собратьями у него уже нет. Не осталось времени и на занятия поэзией. В начале лета Ласкаля назначили капелланом в пехотный батальон французской армии. А осенью он уже читал заупокойные молитвы над братскими могилами. В ходе битвы при Вердене французы за день теряли сотни бойцов и хоронили убитых во рвах, присыпанных гашеной известью.

— Кто-нибудь из вас имеет хоть какое-то представление, что там происходило?

— Полагаю, святой отец, Полу ближе Пасхальное восстание,² — ответил за обоих Мейсон. — Для него шестнадцатый год скорее связан с именами Патрика Пирса,³ Майкла Коллинза⁴ и с захватом почты на О'Коннелл-стрит.⁵

— Между прочим, тогда она называлась Сэквилл-стрит, — вмешался Ситон. —

¹ Джерард Мэнли Хопкинс (1844–1889) — английский поэт, член ордена иезуитов.

² Пасхальное восстание (1916) — восстание ирландских республиканцев за независимость от Великобритании, произошедшее на Пасхальной неделе.

³ Патрик Пирс (1879–1916) — ирландский просветитель, поэт и патриот, активист Гэльской лиги, предводитель Пасхального восстания. Взят в плен и расстрелян по приговору английского военного трибунала.

⁴ Майкл Коллинз (1820–1922) — ирландский революционер и поэт, участник Пасхального восстания. Впоследствии член палаты общин в ирландском парламенте и министр финансов независимого ирландского правительства.

⁵ На О'Коннелл-стрит находилось Главное почтовое управление, со ступеней которого Патрик Пирс зачитал толпе «Прокламацию о Республике».

Впрочем, вы правы. Я ничего не знаю о Вердене.

— Это название целой системы укреплений, считавшихся неприступными, — сказал Мейсон. — Их построили французы, чтобы отражать атаки немцев. Но фортификации эти были чересчур громоздкими и требовали слишком много людей. Уже в тысяча девятьсот четырнадцатом все более-менее толковые немецкие военачальники знали, что Верден можно легко обойти мобильными пехотными подразделениями. Однако начальник генерального штаба Германии фон Фалькенхайн прекрасно понимал, что французы будут стоять до конца. Верденские сооружения были для них чем-то вроде национальной гордости. Массированное наступление должно было оттянуть на себя основную часть сил французской армии, что сделало бы ее легкой добычей. По мере того как отодвигалась линия фронта, Верден оказался словно на острие клина. Его можно было расстреливать тяжелой артиллерией с трех сторон. Французы до сих пор называют битву при Вердене последним решающим сражением. Хотя на самом деле это была самая обыкновенная бойня, печально прославившаяся лишь числом погибших.

— Осада началась в феврале, — сказал Ласкаль. — А к октябрю Верден бесславно пал. К тому времени около миллиона человек были убиты или ранены.

Он замолчал, вспоминая те события. И воспоминания эти были так тягостны, что лицо его омрачилось.

— Осенью я только и делал, что наставлял выживших, утешал раненых и отпевал бесконечное число убитых, уже не вкладывая в это души. Я утратил веру. Человеческими жизнями управляли жестокость, случай, порой даже нелепая случайность. Выжить можно было только за счет инстинктов или хитрости. Не было никакой загробной жизни. Не было надежды. А потому не было и Бога.

Ласкаль снова замолчал.

— Зачем же вас направили в Пассендале? — не выдержал Мейсон.

— Вы, должно быть, думаете, потому что из-за Фалькенхайна я свикся с кровавой бойней? Или потому что ваш генерал Хейг¹ задумал продолжить ее? На самом деле у британцев хватало своих капелланов всевозможных конфессий. У них не было особой надобности во французском священнике, утратившем веру.

— Тогда зачем вы поехали? — спросил Ситон. — Почему вас туда послали?

— Из-за Уитли, — ответил Ласкаль.

24

Эту историю он узнал еще до своего назначения, ибо слухи на фронте распространяются быстро и даже языковые барьеры не чинят серьезных препятствий для возникновения военных легенд и мифов. Так и до Ласкаля среди прочего дошли рассказы об английском артиллерийском офицере, солдаты которого настолько утратили боевой дух, что отказывались служить под его началом. Ситуация возникла самая нелепая, ибо взбунтовавшиеся артиллеристы были закаленными в походах ветеранами и опытными канонирами, доказавшими свое мастерство на поле брани. И дело было вовсе не в трусости, контузии или деморализации. Солдаты своими глазами видели нечто такое, что заставило некоторых из них даже под страхом военного трибунала отказаться воевать в этом подразделении. И эти люди твердо стояли на своем. Они твердо стояли на своем даже в интерпретации того, что видели своими глазами.

В офицера, о котором шла речь, попал вражеский снаряд. Сила ударной волны была такова, что от бедняги и мокрого места не должно было остаться. Однако когда после взрыва на еще дымящуюся землю дождем посыпались камни и осколки, солдаты увидели, как их командир вылезает из свежей воронки — оборванный, в тлеющем мундире, но целый и невредимый. Невероятно, но на нем не было ни царапины.

¹ Дуглас Хейг (1861–1928) — английский фельдмаршал; командующий первым британским экспедиционным корпусом во Франции. Под его командованием были одержаны решающие победы над германскими войсками.

«Я пошел ему навстречу, — так было записано со слов бомбардира, обвиняемого в неподчинении. — Уже смеркалось, но видимость была хорошей. Хотя лучше бы она была похуже. Я тогда сразу заметил, что он как-то странно держится. Он не шатался из стороны в сторону, как раненые или контуженные, которые обычно словно ищут, куда бы помягче приземлиться. Наоборот, он был какой-то окоченевший, точно марионетка. Я подошел ближе, и в этот момент над нами вспыхнула ракета. Случилось так, что я заглянул ему прямо в глаза. Это невозможно передать. Глаза были мертвые. Они бликовали, совсем как стеклянные глаза у куклы чревоушателя. Но сами глаза были совершенно лишены жизни. Я застыл на месте, все еще стискивая в руках бинты из своего вещмешка, которыми собирался его перевязывать на случай, если он вдруг уцелеет. Ракета погасла, и он понемногу задвигался. Более плавно и уверенно — человеческое, что ли. Я же стоял как истукан и глядел на него. А он спокойно стряхнул грязь и пепел с лохмотьев, в которые превратился его мундир, и так резко вскинул голову, что я аж подпрыгнул. И потом он мне улыбнулся. Так, наверное, улыбается человек, лишенный души. Лучше объяснить не могу. Могу поклясться на Библии, что я капли в рот не брал. Еще со времен воскресной школы я запомнил одно слово. И слово это „мерзость“. Тем вечером на поле боя я увидел мерзость — ни больше ни меньше».

— Наш полковник дал мне почитать показания этого бомбардира, и я заинтересовался, — подытожил Ласкаль. — Множество странных противоречий. Перед нами был доблестный капрал, старый служака, который кидается под пули, пытаясь спасти своего командира. Он бывалый солдат, к тому же смелый. Однако что-то заставляет его не подчиняться старшему по званию.

— И пугает, — добавил Ситон. Мейсон молча глотнул воды.

— Прошу прощения, — с улыбкой спохватился Ласкаль. — Позвольте предложить вам что-нибудь покрепче.

Британцы призвали Ласкаля, поскольку им был необходим человек, сведущий в магии. Этот авторитетный специалист должен был развеять слухи о том, что артиллерийский офицер якобы продал душу дьяволу, чтобы выжить в бою. Верховное командование поощряло, можно даже сказать, само распространяло истории, подобные легенде об ангелах Монса,¹ дабы убедить бойцов, что Всевышний на их стороне. Но здесь дело было совсем другое. Командиры призваны были поддерживать солдат личным примером, быть для них образцом. Мало было просто пожертвовать одним из них, чтобы усмирить какое-то непокорное подразделение. В тысяча девятьсот семнадцатом превратности войны уже не позволяли подавить мятеж обычным расстрелом. Моральный дух оружейных расчетов был крайне низким, а предстоящий штурм Пассендале обещал быть жестоким, не говоря уже о дальнейшей потере боеспособности и разложении армии.

Иезуит Ласкаль приобрел большой опыт в данном вопросе в ходе своих исследований. Он изучал ведьмовство во французских деревнях. На Мадагаскаре он был свидетелем экзорцизма. Он изучал зримые свидетельства одержимости дьяволом в Суэце и во Французской Экваториальной Африке. Об оккультизме он знал достаточно, чтобы увидеть, насколько пагубно влияет на людей его распространение. Но вопрос о его действительности оставался для Ласкаля открытым. В чудеса Господа он уже не верил. Поэтому с трудом верил в чудеса дьявола.

Его встреча с английским офицером состоялась в одном из блиндажей в миле от линии фронта. Стоял ноябрь тысяча девятьсот семнадцатого года. Вечерело, и, как всегда из-за непрерывных бомбежек, после полудня в воздухе висела темная пелена. Ласкаль отправился туда один, без провожатых. Его ноги в ботинках на кожаной подошве то и дело скользили на шатких дощатых мостках, проложенных через лабиринт окопов и траншей. Ласкаль искал дорогу по нарисованной от руки карте. Шел дождь, карта в его руке намокла и обвисла, размытые чернила стекали на пальцы. В какой-то момент он уже решил, что заблудился. Его серая французская полевая форма и фуражка с синим околышем привлекали пристальное

¹ Во время битвы при Монсе (Бельгия) на фронте бытовала легенда о появлении ангелов, спасавших от гибели французских и британских солдат.

внимание часовых. Смотрели на него и идущие колоннами солдаты, и обозные сытого британского арьергарда. Конечно, все так и было задумано. Чем больше свидетелей его появления там, тем лучше. И по выражениям лиц людей Ласкаль понял, что они знают, зачем он здесь.

Уитли сидел в одиночестве и тасовал колоду карт Таро. Блиндаж освещала единственная парафиновая лампа, специально подвешенная так, чтобы лицо офицера оставалось в тени. Ласкаль заметил, что Уитли был в шинели с поднятым воротником и шарфом на шее. На руках у него были толстые кожаные перчатки. Конечно, в блиндаже было холодно. Стоял ноябрь, и в этих вырытых в земле склепах было всегда промозгло.

— Виски, святой отец?

Ласкаль согласился. Виски он не пил. Он хотел взглянуть на руки офицера. Но его ждало разочарование. Тот достал с полки бутылку и стаканы, налил в них спиртное — и все это не снимая перчаток.

— Итак, ради всего святого, ума не приложу, чем могу быть полезен католическому священнику.

— Я бы хотел спросить у вас, если позволите, о вашей службе на флоте. До войны. Где плавали? Что делали? Кого встречали? И чему научились?

Уитли, немного помолчав, ответил:

— Я научился пересекать океан и не блевать, перегнувшись через борт. Полагаю, святой отец, это и было моим самым большим достижением. И еще, разумеется, я научился довольно-таки прилично вязать морские узлы.

Ласкаль кивнул. Он посмотрел на свой стакан, стоящий на столе, за которым они оба сидели. К этому времени в блиндаже стало еще темнее: фитиль висящей за спиной Уитли лампы почти прогорел, и огонек еле теплился. Священник видел лишь, как дрожит жидкость в его стакане от отдаленных и мощных взрывов.

— Отец Ласкаль, вы ведь не верите в магию, — сказал Уитли. — И в Бога вы тоже не верите. Так же как, впрочем, и я. Эта встреча — не более чем фарс. Думаю, чтобы сохранить лицо, вы должны выдать мне индульгенцию. А потом отправляйтесь домой и боритесь с собственным безверием.

Ласкаль вынул из кармана спичечный коробок, вытряхнул из него спичку и зажег, резко чиркнув ею. В те дни он курил трубку и всегда носил с собой английские непромокаемые спички, предназначенные для раскуривания капризного кисетного табака и вспыхивающие ярче обычного. Уитли вскинул руку, закрываясь от света, и Ласкаль успел заметить две странные вещи. Он краем глаза увидел пару бронзовых рунических символов, свисающих с браслета на приоткрывшемся запястье офицера. А еще он разглядел кожу на его лбу между козырьком фуражки и пальцами в перчатке, заслонявшими веки от огонька спички.

— Кожа была белой, цвета мягкого сыра, — рассказывал Ласкаль Мейсону и Ситону, потягивающим из кубков уже не воду, а вино. — И она двигалась. Натягивалась и пульсировала, словно под ее поверхностью кишели крошечные червячки. Весь этот процесс производил впечатление какой-то скрытой суеты. Отвратительное зрелище. А еще мне было известно значение символов на браслете. И я сразу понял, что показания бомбардира — истинная правда.

— Уитли сказал что-нибудь?

— Он сказал: «У вас манеры деревенщины, отец. Меня изуродовало химическим снарядам, и я не желаю, чтобы на меня пялились, пока я еще до конца не выздоровел». И рассмеялся. Конечно, рассмеялся.

— Но ведь вы его разоблачили, — заметил Мейсон.

— Это он меня разоблачил, сын мой! Я пробирался по английским траншеям к месту нашей встречи, чувствуя себя хозяином положения. К тому времени мой тайный скептицизм, тщательно скрываемое полное отсутствие веры уже больше года надежно меня защищали. Я утратил восприимчивость к тому опасному оптимизму, который дает людям вера. Я понял бессмысленность и войны, и жизни. Я уже давно потерял надежду. Я обеспечил себе все

необходимое для выживания. Но в тот день я увидел то, о чем только что вам рассказал, и был поставлен в тупик. И разоблачен.

— Что вы написали в своем отчете? — поинтересовался Ситон.

— Только то, что, положив руку на сердце, не могу положительно отзываться об этом человеке.

— И что было потом?

— Наверное, его наградили медалью или другими знаками отличия и впоследствии куда-нибудь перевели. Вы должны хорошо представлять тогдашнее положение дел на фронте. Утопающие в грязи полевые госпитали в брезентовых палатках, врачи — вчерашние студенты из Эдинбурга и Кембриджа, проходившие стажировку в тепличных условиях. Юноши, охваченные ужасом. Немцы вводили новейшие опытные образцы артиллерии. Впрочем, так поступали и их противники. А история того офицера казалась правдоподобнее любых фактов. Его нужно было отправить на обследование. Но я не могу ручаться, что Уитли действительно осматривали. Могу только сказать, что больше я его никогда не видел и в некотором смысле был ему даже благодарен.

— Он возродил в вас веру, — догадался Мейсон.

— Да, Николас. Он доказал мне существование дьявола. А что, друзья мои, делал бы на земле дьявол без Бога?

Мейсон извинился, сказав, что ему хочется покурить и, вероятно, будет лучше выйти во двор. Ласкаль заверил его, что в этой комнате такой незначительный грех, как курение, вполне допустим, но Мейсон настаивал на своем. Он лгал. У него даже не было при себе сигарет, и он не имел ни малейшего желания возвращаться к своей пагубной привычке. Весь свой запас Мейсон выкурил еще в Уитстейбле и не стал пополнять его в поезде, хотя в буфете был богатый выбор недорогих сигарет. По правде говоря, утром его неприятно поразило, насколько он запыхался после пробежки с Ситоном. Десятилетие страха и жалости к себе не нанесли никакого видимого вреда мускулам и легким ирландца. Возможно, страдали его материальное благосостояние и личная жизнь, но физическая форма была просто прекрасной. Потребовалось семь трудных миль для того, чтобы вышибить из Ситона дух соперничества, но и сам Мейсон в конце еле дышал и был страшно недоволен собой. Он любил побеждать. Это был вопрос чести. Поэтому Мейсон всегда старался находиться в наилучшей форме. Это уже был вопрос выживания.

Он прошел через холодный вестибюль, пахнувший полированным деревом и ладаном. Ласкаль угостил их вином, но сам к нему даже не притронулся. Мейсон прекрасно помнил, в каких спартанских условиях жил святой отец, когда впервые его увидел в хижине на берегу африканской реки. Здесь, по всей видимости, священник еще меньше потворствовал своим слабостям. В силу привычки? Или ради покаяния? Богатая библиотека, которую им продемонстрировали, несомненно, предназначалась для общего пользования. Монастырские стены своим суровым видом словно воспевали жизнь, направленную на обновление и самоотречение. Мейсон не видел кельи отца Ласкаля, но знал, что в ее обстановке отсутствуют следы его пасторского прошлого и атрибуты нынешнего положения, как не было в ней ничего, указывающего на его преклонный возраст и телесную немощь. Священник наверняка предпочел для себя каменный мешок с железной койкой. Возможно, единственной роскошью там был ночной горшок под кроватью. Ласкаль был здесь не для того, чтобы провести остаток дней, вспоминая былые заслуги. Он был здесь для очищения души, чтобы предстать перед лицом Создателя в ожидании Его суда.

Во дворе было холодно. Под ногами лежал тонкий слой выпавшего снега. Ступив на этот белоснежный ковер, Мейсон вдруг пожалел, что не сидит сейчас в одном из шале под горным склоном и не ждет с нетерпением утра, когда можно будет сесть в кабинку фуникулера и отправиться на вершину ледника. Он прикрыл веки и представил себе во всех подробностях длинную и сложную трассу, а потом захватывающий дух спуск по крутому склону. Ему не раз приходилось лететь вниз с заснеженных гор через белую пустыню, исчерченную голубыми тенями. Он всегда предпочитал горные вершины отлогому спуску,

переходящему в долину Аржантьер.¹

Мейсон хорошо знал горы. Подъемы на Монблан, Гран-Жорасс² и Маттерхорн³ входили в программу тренировок. Альпинизм закалял волю и позволял получить полезные навыки. Мейсон с интересом изучал технические требования к каждому восхождению, а потом с удовлетворением фиксировал собственные достижения. Но наибольшее удовольствие он получал от горных лыж. И сейчас он вдруг почувствовал смутную тоску по острым ощущениям, которые они дают. Господи! Похоже, неизбывная печаль ирландца — нечто вроде заразной болезни. Меланхолия Пола Ситона неожиданно-негаданно нарушила его покой.

Мейсон открыл глаза, но настроение не улучшилось, и он вдруг вспомнил о былой несчастной любви Ситона. Ее звали Люсинда. У Мейсона было много женщин, но вряд ли он кого-нибудь любил так, как ирландец свою Люсинду Грей. У Мейсона в основном были не слишком трезвые дамы на одну ночь. Правда, в Германии у него как-то раз была более продолжительная связь, оборвавшаяся из-за пограничных барьеров и его частых отлучек. В Ирландии он неосмотрительно вступил в опасную связь с женой интенданта из «прово». Но тогда им в основном руководило желание насолить этому зажавшемуся убийце, слывшему неприкасаемым по причинам, о которых никто толком и не знал. И все же тогда он потерял голову из-за Шинейд, из-за ее серых глаз и неукротимого темперамента. Но она не захотела уйти от этого выроodka. Двое обожаемых малышей прочно скрепляли их брак.

Если хорошенько подумать, то практически все более или менее значимые воспоминания остались у Мейсона о мужчинах. Ему приходилось и убивать, и спасать людей. Хорошо, если второе чаще, чем первое. Врагов он ненавидел, зато искренне любил друзей. Он тем легче рисковал собственной жизнью, чем больше она зависела от преданности, отваги и хладнокровия его собратьев по оружию.

За исключением сестры. Она была единственным исключением в его кодексе чести. Сестру Мейсон очень любил. Больше всего на свете. Он любил ее за чистоту, пылкость, яркость ее личности. Его Сара была из ряда вон, иначе не скажешь. Ее явно сделали не по шаблону. Мейсон понимал, что в его братской любви заложена изрядная доля эгоизма, ибо его страшила перспектива остаться на свете без кровной родни. Это означало бы разрушение семейных корней и полнейшую изоляцию. А тот угрюмый мир, который зовется одиночеством, углубился бы до размеров бездны. Товарищи любили Мейсона, если можно так сказать, за смелость и острый язык. Сара же любила его просто так. Мейсон тоже любил Сару, и не только из эгоизма. Вовсе нет. Ведь Ник Мейсон готов был отдать за нее свою жизнь.

«Продать, — пришло ему в голову, — а не просто так отдать. Продать — вот более точное определение. И не задешево». Снова повалил снег. Мейсон запрокинул голову и прищурился, глядя на густые хлопья, медленно кружившиеся на фоне неприступных стен. Он не представлял, как можно просто так расстаться с жизнью. Это было чуждо его натуре. Однако ради сестры он готов был поторговаться. В любом случае, если нашелся бы желающий купить его жизнь, Мейсон уступил бы ее, но за очень высокую цену.

Он вздохнул. Теперь можно было и возвращаться. Последнее соображение служило прекрасной заменой якобы выкуренной сигарете. Оно было созвучно тому образу крутого мачо, каким его считал Пол Ситон. Мейсон догадывался, что ирландец о нем не слишком высокого мнения, считал его мужланом. Ну и пусть. Мейсон тоже считал, что Ситон ни на что не годится. По крайней мере, в драке. Ситон уже давно выдохся. В этом не было его вины, но тут уж ничего не поделаешь. Ситон был хромой уткой. И теперь им все же придется отправиться в дом Фишера и сразиться с тварью, держащей в плену трех пока еще живых девушек. Им предстояла сверхсложная миссия. Она, конечно, была вызвана необходимостью, но надежд на успех практически не было. В глубине души Мейсон понимал, что это

¹ Аржантьер — французское селение в Шамони, давшее название знаменитому леднику на Монблане, источнику реки Арвы.

² Гран-Жорасс (Большой Жорасс) — гора в Шамони высотой 4200 метров.

³ Маттерхорн — вершина в Пеннинских Альпах, на границе Швейцарии и Италии, высотой 4477 метров.

сражение будет поопаснее африканской схватки, из которой он вышел победителем.

Однако слабак напарник беспокоил его куда меньше, чем этот загадочный любитель сигар, Малькольм Коуви. Коуви всезнающий и вездесущий. Коуви увертливый и хитроумный. Мейсона почему-то тревожила эта двойственность. Уже при первом упоминании о Коуви он почувствовал в его имени скрытую угрозу. Не мешало бы расспросить священника об этом человеке. Ситон, при всех его талантах, иногда бывает до ужаса тупым. Зато монсеньор Ласкаль видит — по крайней мере пока — всех насквозь. Мейсон круто развернулся и, задрав голову, некоторое время созерцал уходящую ввысь каменную громаду и затянутую снежной пеленой бездну над ней. Затем он глубоко вдохнул морозного воздуха и пошел назад по своим запорошенным следам.

В библиотеке Мейсона встретили молчанием. Но молчание это было вполне дружеским. Похоже, Ситон и священник догадались, что он вовсе не покурить выходил. Но оба сочли за благо закрыть глаза на этот пустяшный обман.

— Ведь там произошло что-то еще, святой отец? В блиндаже у Уитли произошло что-то такое, о чем вы не стали упоминать.

— Это несущественно, Николас.

— И все же расскажите нам. Знание — сила.

— Вера, сын мой, — улыбнулся Ласкаль, — вот сила.

— И все же.

Камин уже догорал, и в его мягком свете видно было, как изогнулись в усмешке губы священника. Выражение его лица говорило о том, что память его пока еще не подводит.

— Его блиндаж был хорошо укреплен. Там были койка, застеленная солдатским одеялом, карточный столик, за которым мы сидели, и два стула. А еще две полки. На одной стояли книги, а на другой — банки с мясными консервами, кофе и та самая бутылка виски. В углу на перевернутом ящике я увидел патефон «Виктрола». При иных обстоятельствах такую обстановку можно было бы назвать уютной. Однако даже если отвлечься от происходящего вокруг, то въедливый запах кордита и порошка от вшей, а также небольшая пробоина в настиле землянки после недавнего минометного обстрела нарушали эту идиллическую картину. И еще. На столе рядом с картами лежал револьвер марки «Уэбли». Без рукояти и с оторванным барабаном. Вероятно, именно с этим револьвером Уитли ходил в бой, когда в него попал снаряд. Теперь револьвер служил некой искалеченной реликвией, молчаливым свидетельством силы взрыва, который ни один смертный не в силах пережить. На фронте, пока шла война, я носил форму капитана. Войдя в блиндаж к Уитли, я первым делом снял накидку. Он не предложил мне раздеться, но я старался тянуть время. Итак, я повесил накидку на крючок, а когда собирался уходить, Уитли даже не удосужился встать, чтобы меня проводить, хотя для офицера его ранга такое проявление вежливости было бы обычным делом. Но он продолжал сидеть, развалившись на стуле. И тут вдруг заиграла «Виктрола».

— А вы запомнили музыку, отец? — спросил Ситон.

— Я сразу же ее узнал. И это несмотря на то, что был просто ошеломлен. Хочу напомнить, что в семнадцатом году патефоны представляли собой весьма примитивные устройства. В любом случае, функцию самозавода тогда еще не придумали.

— Так что это была за музыка?

— Малоизвестное песнопение во славу Всевышнего, сочиненное одним из ватиканских композиторов. Оно получило печальную известность, так как исполнялось последним из здравствующих кастратов.

— Оно звучало нормально?

— Если к кастрату вообще применимо понятие нормальности, — усмехнулся священник. — Впрочем, он успел пропеть всего несколько фраз. Затем мелодию исковеркала синкопа. Я в это время застегивал воротник, делая вид, будто не замечаю мерзкой пародии. Прodelки дьявола, знаете ли. И тут хоральное песнопение окончательно уступило место ритму, в котором я сразу же узнал то, на чем помешалась вся Америка. Духовная музыка исполнялась в стиле регтайма.

— Оказывается, вы с дьяволом давние противники, — произнес Мейсон, бросив на Ласкаля многозначительный взгляд.

— Тебе не интересно узнать о своем крещении? — спросил священник, пропустив мимо ушей его замечание.

— Я и так о многом догадываюсь. В те времена, когда мой отец вел торговлю в Африке, вероятно, он увлекся магией. Стал фетишистом. Это очень сильное колдовство. Вот почему купленный им дом на берегу моря в Уитстейбле, вопреки ожиданиям Пола Оттона, не мог стать надежной защитой от посторонних вмешательств. Думаю, именно вы спасли мою душу и, судя по всему, отец был вам за это очень благодарен. Однако вы решили, что он передал мне нечто особенное. Назовем это даром. Очевидно, вы сопровождали меня на протяжении всей жизни. Один лишь Бог знает, на какие пружины вам пришлось нажать, чтобы это осуществить, но факт остается фактом. И скорее всего, случай с кедди был своего рода проверкой. Это вы вызвали меня туда. Чтобы испытать.

— Не я. Ты сам желал этого испытания. И выдержал его.

— Кедди убили пули, святой отец.

— Пули из твоего автомата. Пули не сами по себе расправились с дьяволом. Это сделал ты, Николас.

— Я, конечно, не могу тягаться с Николасом в разгадывании шарад, — вмешался Ситон. — И я не получил столь блестящей подготовки в умении уворачиваться. Поэтому я совершенно не представляю, кто такой Малькольм Коуви. Или какую роль он играет во всей этой истории. Боюсь, вам придется меня просветить.

Ласкаль бросил на него взгляд, и Ситон неожиданно смутился. Очень глупо, но он с самого начала аудиенции завидовал Мейсону из-за того, что священник обращался к Николасу «сын мой». Ласкаль дважды так его назвал. Ситон, как ребенок, обижался за то, что в их общих воспоминаниях ему не было места. И теперь Пол понял, что святой отец увидел обиду, написанную на его лице.

— Клаус Фишер умер в Буэнос-Айресе весной тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, — сказал Ласкаль. — Он прожил восемьдесят восемь лет. Это была длинная жизнь. И такой человек вряд ли захочет расстаться с ней добровольно. Тем не менее двенадцать лет назад он все же умер. Как сообщалось, мирно, во сне. Через пять месяцев после его кончины вас навестил в лечебнице человек, по описанию имеющий много сходных черт с Фишером.

Ситон кивнул.

— Разумеется, не тогда, когда он стал старым и дряхлым. Но в пору расцвета сил. Вспомните о его полноте, вычурных костюмах и, наконец, о сигарах. Вспомните о его познаниях в оккультизме. Любил ли он музыку?

— Я заходил к нему всего однажды, — ответил Ситон после короткого раздумья. — Я тогда снимал комнату в Далстоне. Отказывал себе во всем, чтобы скопить на билет до Штатов. Я был обязан сообщить в лечебницу мой новый адрес. Вероятно, именно там он его и раздобыл. Однажды утром почтальон принес мне от него записку с приглашением на чай. Как я уже сказал, я был там всего раз. У него была просторная квартира в шикарном доме у вокзала Виктории. Он показал мне музыкальную комнату. Там стояла стереосистема, которая, вероятно, обошлась ему в несколько тысяч фунтов.

— Это невозможно, — заметил Мейсон.

— Боже мой, — выдавил Ситон, — гипноз...

Он вспомнил слова Пандоры из ее дневника о том, что она сама подверглась гипнотическому воздействию Фишера, оказавшись с ним наедине в тесной каюте во время той штормовой переправы. Пол стиснул голову ладонями. Ласкаль подошел к нему, положил руку ему на плечо и сильно сжал.

— Мужайся, сын мой, — сказал он. — Ты ни в чем не виноват. К таким встречам невозможно подготовиться заранее.

— Вы действительно думаете, святой отец, что это он? — спросил Мейсон.

— Могу со всей уверенностью сказать только одно: до восемьдесят третьего года нет ни

единого свидетельства существования Малькольма Коуви, — пожал плечами священник.

— Они очень изобретательны, — сказал Ситон.

— Никакие не «они», Пол. Враг у нас всегда один, — нахмурился Ласкаль.

— Но я видел их, святой отец! Они пытались причинить мне вред.

— Это лишь проявления.

— И Коуви — тоже проявление?

— Пол, — торжественно произнес священник, — ты назван в честь святого апостола Павла.

Отеческий тон Ласкаля куда-то исчез, а в голосе зазвучал металл. Его собеседники напряглись. Время было уже позднее — около двух ночи. Но отец Ласкаль, несмотря на преклонный возраст, вовсе не выглядел утомленным.

— Фишер горит в аду, — произнес он скрипучим голосом. — Они все горят в аду — все те, кто были рядом с ним в то время и в том месте. Может быть, Коуви — человек, а может быть, нет. Он просто прислужник, марионетка. У нас один враг со времен первого грехопадения. Это он. Вы оба совершите роковую ошибку, если забудете об этом.

Ласкаль направился к одному из книжных шкафов, сунул руку в прорезь сбоку сутаны, где скрывался карман, и извлек оттуда очки. Затем, расправив проволочные дужки, он надел их и принялся водить пальцем по полке. От Мейсона не укрылось, что даже в очках святой отец отыскивает нужную книгу на ощупь, определяя ее по фактуре и ширине корешка. На это ему потребовалось всего несколько секунд. Священник вынул небольшой томик в переплете с мраморными разводами. Ситон, не удержавшись, охнул. И Мейсон даже ощутил прилив сочувствия к ирландцу. Для него это была ночь откровений.

— Да, — обратился Ласкаль к Ситону, — ваше острое зрение не подвело вас. Она была верна своим привычкам. Она всегда покупала одинаковые тетради для ведения личных записей. Вам стоит прочесть это, Пол. — Голос священника снова был полон сострадания. — Здесь вы найдете ответы на те вопросы, которые вы мне задавали.

25

6 октября, 1937

Вышеозначенной дате я не придаю никакого особого значения. Ровно десять лет прошло с тех пор, как более молодая и гораздо менее испорченная версия меня нынешней в последний раз описывала все происходящее, доверяя свои мысли бумаге. Мысли были пустые и тривиальные, а события — просто чудовищные. С тех пор я, по существу, ничего не писала. Впрочем, вовсе не эта годовщина заставила меня сегодня утром взяться за перо и подробно изложить свои намерения. Право, эта дата — не более чем неприятное, тревожащее душу совпадение.

Вчера, впервые за много месяцев, я взяла в руки газету. Это произошло в приемной у дантиста на Уэймут-стрит. Я пошла туда по совершенно пустяковому поводу и забыла взять с собой что-нибудь почитать. «Панч» я и раньше не жаловала, а модные журналы с некоторых пор возненавидела. Следовательно, особого выбора у меня не было: свежая газета или вообще ничего. Итак, я наткнулась на статью, посвященную обстановке в Германии. Там фигурировали все лица из ближнего круга фюрера, причем описывались они в самых лестных выражениях. Не обошлось, конечно же, без Геринга, щеголявшего в новой форме, которую, сдается мне, он сам и придумал. Автором обозрения был английский историк, между прочим, профессор Оксфордского университета. По примеру многих теоретиков он, очевидно, попал под очарование понятия «человек действия» и перечислил боевые заслуги Геринга, когда тот служил в «Воздушном цирке» Красного Ворона.¹ Разумеется, в самом панегирическом тоне. Не забыл он

¹ Манфред Альбрехт фон Рихтгофен (1892–1918) — германский летчик-истребитель, лучший ас Первой мировой войны, сбивший более 80 самолетов. Получил прозвище Красного Барона из-за дворянского титула и

упомянуть о его охотничьих подвигах и с возмущением осудил упорные слухи о том, что пожар Рейхстага в тридцать третьем году якобы инициировали вовсе не коммунисты, а верный приспешник Гитлера Герман Геринг. В общем, тот газетный материал произвел на меня впечатление пустой трескотни.

Мне нет никакого дела до пожара в Рейхстаге и до той роли, которую сыграл или не сыграл в нем Геринг. Кому бы ни приписывали этот поджог, кого бы за него ни осудили, он никак не повлиял на последующие события в Германии. Партия шашистов оказалась бы у власти при любом раскладе. В их стремительном взлете есть некая неумолимость, неизбежность. Они подобны буре, которую пожнет не только Германия — она-то наверняка, — но и, возможно, весь мир.

Я же посмотрела на надменное лицо Геринга на снимке и вспомнила об Уитли, о его славе и богатстве, добытых писательством. И Фишер, и голливудский магнат — все они процветают. А затем я не смогла удержаться и мысленно вернулась к тем ужасным событиям десятилетней давности. Это воспоминание и родило во мне страстное желание наконец-то выяснить что-нибудь о том несчастном мальчугане, которою они похитили и обрекли на заклятие. Теперь он был бы почти взрослым. Но у него отняли эту возможность — взрослеть. Он умер. Они убили его. Какой у него был нрав? Каким человеком стал бы, если бы вырос? В тот короткий период общения с мальчиком я увидела в нем достоинство и храбрость. Теперь меня снедает желание узнать о нем побольше.

Стремление пролить свет на прошлое Питера появилось у меня своевременно и вполне закономерно. Мне стало казаться, что это мой долг перед ним. Вина — мощный стимул, а я, погрязнув в суете, десять лет жила с чувством вины. Но сейчас у меня появился еще более сильный мотив.

С тех давних пор дня не проходило без воспоминаний о том, как мы оба тогда были близки к освобождению. Однако после вчерашней статьи и снимка Геринга, который гордо вышагивал в плаще, украшенном многочисленными регалиями, и в новых сапогах, я вдруг впервые серьезно задумалась о возмездии. Они должны поплатиться за греховный источник своего благоденствия. Придет час, и все они ответят перед Господом за свои злодеяния. Но я хочу, чтобы их наказали прямо сейчас, чтобы еще на этом свете они предстали перед судом и он покарал бы их за убийство невинного ребенка.

Похищение ребенка в Англии — преступление не обычное. Не было оно заурядным и десять лет назад. Следовательно, велика вероятность того, что после исчезновения Питера была поставлена на ноги полиция. В нашей стране и в двадцать седьмом году мальчику не позволили бы бесследно исчезнуть, даже если бы он был из очень бедной семьи. Никакая мать не бросит свое чадо на произвол судьбы. Это против человеческой природы. Прожив презренную жизнь, я поневоле набралась опыта во всякого рода мерзостях. Если родитель добровольно отдает своего отпрыска в руки злонамеренных чужаков, то иначе как мерзостью такой поступок не назовешь.

Итак, тогда наверняка была задействована полиция. Значит, после того как первоначальные поиски не увенчались успехом, был объявлен розыск. А это означало появление заметки в газете. Я, конечно, не имею в виду статью в крупной газете типа «Дейли геральд», напечатавшей вчера слюнявую апологию нацистскому верховному командованию. Зато какое-нибудь местное издание наверняка должно было опубликовать сообщение об исчезновении ребенка, дать его подробное описание или даже поместить снимок, если таковой имелся в наличии.

Знаю, что в этом случае самым разумным было бы нанять частного детектива и поручить ему вести поиски. Любой здравомыслящий человек на моем месте прибег бы к помощи профессионала. Однако мысль о привлечении какой-нибудь нечистоплотною детектива в отставке, привыкшего раскрывать адюльтерные дела и приводить в бракоразводных процессах гадкие подробности тайных свиданий,

цвета фюзеляжа самолета Командовал эскадрилей, обычно размещавшейся в палатках у самой линии фронта и за мобильность прозванной «Воздушным цирком». После гибели Рихтгофена в воздушном бою командование эскадрилей принял Вильгельм Райнхардт, а за ним — Герман Геринг.

сразу показалась мне довольно гнусной. Сами обстоятельства дела связаны с таким безутешным горем, с такой тяжелой потерей, что платный ассистент здесь просто неуместен. Если уж мне суждено довести все до конца, то сделать это придется без участия посторонних. Мои источники — это Бюро судебных протоколов и Британский музей, где, как я знаю, должно храниться по одному экземпляру каждого издания, когда-либо вышедшего на территории Великобритании. Очень надеюсь, что мне поможет акцент Питера. Те редкие слова, которыми мы обменялись, выдавали выговор жителя Уэльса.

Первое препятствие на моем пути к выполнению замысла носит чисто практический характер: у меня нет пропуска в читальный зал Британского музея. Я не студентка, не занимаюсь ни наукой, ни исследованиями по заказу. Вот уже десять лет, как я оставила свою профессию, в чем вынуждена буду признаться. По иронии судьбы в том архиве, в который я надеялась попасть, есть образцы и моего творчества, но я не могу переступить его порог и попросить разрешения взглянуть на них, даже если бы мне очень захотелось. Вот в этом и состоит трудность. Однако теперь я решила и отступить не собираюсь.

6 октября, 1937, позже

В четыре часа пополудни я пешком отправилась в Челси, в церковь Святого Луки к своему духовнику. Стоял обычный осенний день с мокрыми мостовыми и воздухом, пропахшим табачным дымом. Витрины магазинов на Кингс-роуд смутно желтели в тумане. Мужчины в одинаковых серых плащах и фетровых шляпах прогуливались под ручку со спутницами, семенившими на неустойчивых каблучках. Для среды в городе было чересчур оживленно. Товары в витринах выглядели безвкусно и слишком блекло для того, чтобы привлечь покупателей. Впрочем, толпа народу — всего лишь иллюзия. Многие слоняются по улицам оттого, что им не надо идти на работу, которой нет, и они попусту протирают подошвы, убивая время.

Транспорт, идущий в северном направлении, стоял. Есть что-то демократичное в дорожных пробках. Мое внимание привлек «делаж» с фарами размером с тарелку и обтекаемым корпусом, застрявший позади чумазого угольного фургона, который содрогался от конвульсий изношенного двигателя. Грузчики сидели у заднего борта среди мешков с углем, коксом и шламом и безучастно курили. Их черные лица и руки придавали им сходство с бродячими актерами. Владелец «делажа», расположившись на заднем сиденье за спиной шофера, читал биржевые ведомости и тут же наспех делал какие-то вычисления на счетах, лежащих на подлокотнике. Он сидел, подняв воротник каракулевой шубы, и лицо его сохраняло почти величавое спокойствие. Я поехала. Бригада черномазых угольщиков живо напомнила мне об американской звезде Эле Джолсоне, сыгравшем главную роль в фильме «Певец джаза». В моей памяти невольно всплыли обстоятельства, при которых я впервые увидела этот фильм.

Затор возник из-за тележки молочника. Его лошадь, очевидно, понесла и опрокинула поклажу. Бидоны раскатились по дороге, молоко разлилось и ручьями текло в канавы, где смешивалось с грязью, окрашивая ее в цвет некрепкого кофе. Когда я поравнялась с местом происшествия, бедная кляча уже стояла смиренно, тяжело поводя боками. От лошади валил пар, возничий поглаживал ее по шее, а полисмен тем временем, нахлобучив потоке фуражку, под прикрытием козырька записывал показания несчастного молочника. Сигнальные рожки на дороге еще всю дудели, но так уныло, словно уже смирились с неизбежностью. Я перешла улицу там, где обычно, у булочной. Похоже, католицизм будет у меня всегда ассоциироваться с запахом свежеевыпеченного хлеба. Мне это нравится. Не могу придумать аромата, более подходящего для литургии. Все остальные запахи, которые возникают в моем воображении, либо слишком бедные, либо слишком печальные, а аромат хлеба несет утешение.

Монсеньор Ласкаль помог мне решить проблему доступа в читальный зал. Я не стала признаваться ему, зачем мне понадобился пропуск. По завершении моего

посвящения, когда я окончательно приму веру, я могла бы попросить его стать моим исповедником и все ему рассказать. Но сначала на это надо решиться. Я понимаю, что, несмотря на все его познания и духовный опыт, доверив ему свои тайны, я не только потеряю хорошему друга, но и лишу иллюзий добродетельного человека. Слабым звеном наших с ним отношений является мое стремление ему понравиться. Мною движут тщеславие и женская интуиция. Ведь до того как стать священником, отец Ласкаль был мужчиной. Его мускулистое тело и мрачная красота заставляли меня задуматься о мужском начале, скрытом под сутаной. Во время наставления он держится весьма серьезно и даже угрюмо. Но потом позволяет себе расслабиться и улыбнуться. У него типичный французский юмор фаталиста. Мне не хотелось бы его разочаровывать. И тем не менее это неизбежно. Однажды мне придется во всем ему признаться.

Я изложила ему свою проблему, пока мы пили кофе в притворе освященной части храма. Здесь женщине нельзя оставаться с непокрытой головой. Но гостям разрешается курить. И я с признательностью зажгла сигарету. Сам монсеньор не курит. Он признался, что курил на фронте, как и все тогда. Но с тех пор отказался от пагубного пристрастия. Кумою, что курение — одна из маленьких слабостей, распрощаться с которыми его вынудил духовный сан.

Я сказала отцу Ласкалю, что хотела бы получить пропуск в архив Британского музея для проведения частного исследования. При этом я добавила, что документ требуется мне срочно и у меня нет времени на бюрократическую волокиту. Я специально так выразилась, поскольку французы знают о бюрократии не понаслышке и ненавидят ее всеми фибрами души. Монсеньор на секунду задумался. Сдержанное выражение породистою лица свидетельствовало о его уме. Затем он радостно улыбнулся.

«Для Его Преосвященства кардинала исследования выполняют двое добровольных помощников, — сообщил он. — Мужчина и женщина. У обоих есть пропуск». — «Но, святой отец, не является ли такая уловка ложью?»

Он склонил голову набок и посмотрел на меня. У него серые глаза. Кроткими их не назовешь, но все же, как и в их владельце, в них иногда сквозит доброта.

«На пропуске значится имя Сьюзен Грин, — сказал отец Ласкаль. — Не думаю, что будет большим грехом, если хранители в читальном зале решат, будто оно ваше. Я позабочусь о том, чтобы завтра утром пропуск доставили вам на дом».

7 октября, 1937

Я нашла его. Я уверена, что это он. Если это так, то они ловко все рассчитали. Из музея я вышла, уже планируя поездку. На Грейт-Портланд-стрит находятся гаражи, где любой добропорядочный человек со средствами может взять машину напрокат. Путь предстоит нелегкий, по глухим проселкам, где мне ездить не доводилось. Однако когда у меня было свое авто, я любила быструю езду и вообще была неплохим водителем. Подумать только: женщина за рулем красного «бугатти». Оглядываясь назад, на свои былые деяния и вожделения, я с трудом узнаю себя в этой достойной презрения личности. Однако она — это я. И я несу ответственность за все совершенные ею поступки. И покупка «бугатти», как мне кажется, среди них была не самым большим грехом.

Сейчас для передвижения по городу мне достаточно пары удобной обуви и подземки. На такси я экономлю и при случае не стыжусь сесть на автобус или трамвай.

«Смирение помогает нам достигнуть благодати», — говорит монсеньор.

Выйдя из здания музея, расположенного в Блумсбери, я почти машинально направилась к книжному магазину Фойла на Чаринг-Кросс-роуд. Там я наверняка найду нужные карты, чтобы разработать маршрут поездки.

Даже сырым осенним вечером я не могу не любоваться Чаринг-Кросс-роуд. Когда я туда дошла, длинные ряды книжных магазинчиков на восточной стороне улицы уже светились огнями. Продавец каштанов с лоснящимся лицом колдовал над своей жаровней. Сквозь уличный шум до меня доносились выкрики торговцев

снедью, расположившихся в квартале от Кембридж-серкус. Магазин Фойла через дорогу от меня напоминал сияющий книжный дворец. Есть нечто волнующее в лондонских светофорах. Нечто такое, что восхищает даже самого затюканного жителя столицы. Вот и я, сворачивая с унылых улиц Блумсбери на мигающий цветными лампочками пешеходный переход, каждый раз испытываю знакомое волнение. Но только не на этот раз, так как внутренний голос подсказывал мне, что за мной следят от самого музея.

Я подошла к краю тротуара. Там мне пришлось подождать, пока мчащиеся мимо машины не остановятся, давая дорогу пешеходам. Прямо передо мной затормозил красный автобус, весь верхний ярус которого занимала серебристо-зеленая реклама безопасных лезвий «Жилетт». Люди на остановке начали входить в автобус, и я вдруг почувствовала, что попалась. На какое-то мгновение мне даже показалось, что я вот-вот почувствую тяжелую руку на своем плече и какой-нибудь местный представитель власти доверительно шепнет мне на ухо: «Мадам, нам известно, что вы вовсе не Сьюзен Грин». Я даже обернулась, но увидела лишь поток прохожих в плащах под зонтами. Когда я вновь повернула голову, автобус уже тронулся и передо мной предстал магазин Фойла.

Отъезд я наметила на завтрашнее утро. Предварительно я позвонила и договорилась насчет машины. В агентстве обещали уже сегодня вечером залить в бак бензин и воду в радиатор, а также проверить шины и двигатель. Я должна буду забрать авто в восемь утра. Мне даже предложили последнюю модель, но я ответила, что и марка, и год выпуска меня абсолютно не волнуют, лишь бы машина была надежной и обязательно черного цвета. Не хочу привлекать к себе внимание. Хотя я и рискую лишиться милости монсеньора, но не могу не признать, что природа наградила меня незаурядной внешностью. Признаваться в этом — значит потворствовать своей гордыне. Но я просто констатирую факт. Мне вовсе не нужна ярко-красная спортивная машина для того, чтобы привлечь внимание как мужчин, так и женщин.

Наверное, стоило все же предупредить, что я не желаю ехать на машине немецкого производства. От Фойла я отправилась дальше, мимо рыбного ресторана Шики и Бедфордбери к Стрэнду и станции метро «Эмбанкмент». При входе в подземку мальчик продавал «Ивнинг ньюс». Я мельком увидела заголовки передовицы. Президент Рузвельт в своей речи призвал американских нацистов к терпимости по отношению к остальным политическим группировкам. Однако нацистская идеология вовсе не подразумевает терпимости. Железная метла, о которой так высокопарно разглагольствует Гитлер, оставляет после себя кровавый след, стоит лишь пустить ее в ход. Терпимость для них — синоним безволия. Бот почему примирение в данном случае парадоксально. Оно может только способствовать тому, что пока отсрочивает или пытается предотвратить неизбежное.

Вместо того чтобы войти в метро и сесть на поезд до своей станции, я свернула на набережную и стала смотреть на воду. Я люблю Темзу. Ночь стояла ясная, величественная. На реке был прилив, и маслянистые волны бились о причальные кольца, которые свисали из пастей печальных бронзовых львов, стоявших на каменных постаментах и позеленевших за время водяного плена. Сварливый буксир тащил вверх по реке вереницу барж, груженных углем и битумом. Рулевой за штурвалом покуривал трубку, потягивая горячительное из металлической фляжки. Парус барки, черной тенью накрывшей реку, поглотил свет газовых фонарей и факелов на том берегу, так же как вакуум засасывает в себя воздух. У Иглы Клеопатры¹ я повернула назад, провожая взглядом составы, уходящие от станции Чаринг-Кросс в юго-восточном направлении. Они бежали по мостам через реку под ликующие трели свистков паровозов, а в пышных дымовых шлейфах, словно светлячки, горели огненные искры.

Немцы собираются бомбить Лондон. Это пару дней назад сказал по радио представитель министерства обороны, тут же уволенный за «преступное

¹ Игла Клеопатры — египетский обелиск из красного гранита, подаренный англичанам в XIX веке султаном Мохаммедом Али.

подстрекательство к войне». Обычный госслужащий, виновный лишь в том, что сказал правду, лишился выходною пособия вместе с добрым именем. Я знаю двух негодяев, которые наживутся на предстоящей войне. Это, конечно, Геринг. И Фишер, на заводах которого производятся бомбы, способные обезобразить и даже уничтожить город, где я живу, город, такой дорогой моему сердцу. Но я могу помочь разоблачить их обоих еще до того, как начнется война. А пока могу просто бойкотировать немецкие автомобили. Неудачная шутка, но я улыбаюсь, когда пишу эти строки. Я уже и забыла, как это приятно, доверять свою тайну бумаге. Не сомневаюсь, что когда я приму католичество, то стану одной из тех ужасных женщин, которые исповедуются каждую неделю.

Перед тем как отправиться на поезд, я присела на скамью у реки и закурила. Там у меня снова возникло странное ощущение, будто за мною следят, также как ранее на Чаринг-Кросс-роуд. Но потом оно прошло, и я смогла спокойно предаться своему пороку, чувствуя если не благодать, то успокаивающее «одиночество среди толпы».

10 октября, 1937, Лондон, рано утром

Я очень измучена, но спать совершенно не в состоянии, ко мой я вернулась на рассвете, но из своей поездки почти ничего не помню. Не могу думать ни о чем другом. Только о них — как они выглядели, когда догнали нас, грязных и трясущихся от холода, на берегу после неудачной попытки спастись. Мы заблудились и искали либо паромщика, либо непривязанную лодку, чтобы выбраться наконец с острова Уайт. Питеру я отдала пальто, чтобы он мог прикрыть свою наготу. Честно говоря, нашей целью было судно, пришвартованное Уитли, но в прибрежном тумане, окутавшем весь остров сразу после нашего бегства, я не смогла отыскать дорогу к нему. Они возникли из влажной мглы. Три высокие фигуры в пальто, шелковых шарфах и цилиндрах. Они хохотали, а у одного — вероятно, у Кроули — в глазу блестел монокль. На голодный желудок обоняние обостряется. От этой троицы разлило сигарным дымом, камфарой и бриллиантином. Меня вырвало на песок просто желчью, и это развеселило их еще больше. Они сорвали пальто с худеньких детских плеч и бросили его мне обратно. А потом повернулись и увели с собой мальчика. Теперь уже навсегда.

Того, что мне удалось выяснить, должно хватить для возобновления следствия, несмотря на срок давности. Вполне возможно, что в доме Фишера найдутся и вещественные доказательства их преступления, то есть убийства. Думаю, дом сейчас стоит заброшенный.

В любом случае, собранных мною улик достаточно для полновесного уголовного дела.

Однако за последние несколько дней я поняла, что одна не справлюсь. Мне необходим надежный и толковый помощник. Мне нужен трезвый совет стороннего человека о том, как лучше поступить. Может быть, стоит обратиться к юристу? Или разумнее будет немедленно дать показания детективу из Скотланд-Ярда?

Признаюсь, я едва не поддалась искушению рассказать обо всем монсеньору. Он очень умен. У него тонкий ум, свойственный иезуитам, особенно французам. Меня уже мало смущает перспектива лишить его иллюзий. Жажда справедливости выше глупого кокетства.

Но монсеньор — католик и иностранец. Обе эти характеристики свидетельствуют не в его пользу, тем более сейчас, когда все англичане думают только о войне.

Есть еще мой кузен, Эдвин Пул. Он моложе меня, и мы видимся лишь от случая к случаю. Тем не менее он сделал у Ллойда головокружительную карьеру. Он также член всех элитных клубов. Пул не пропускает ни одного сезона в Ковент-Гардене и всякий раз берет там ложу. Он предпочитает заведомо выигрышные процессы, зато работает над ними весьма усердно. Правда, перспектива семейного скандала может привести его в ужас. К тому же он немного знаком с Уитли. Но мне просто необходимо кому-нибудь довериться. Так или иначе, Пул — мой

родственник. Он обеспечил себе безбедную жизнь определением страховых рисков и, более того, поставил свое благосостояние в зависимость от собственной осмотрительности. Такой человек по определению годится в конфиденты.

Мне пора в постель. Я вконец измотана, но до сих пор не могу избавиться от запахов камфары и сигарного дыма. Они щекочут мне ноздри, а тусклые блики от их цилиндров в тумане так и стоят у меня перед глазами. Я снова слышу их издевательский, оскорбительный смех, вижу прокуренные зубы, золотую коронку Фишера. Их лакированные туфли глянцево поблескивают. Кажется, Кроули был в гетрах, мокрых и в клочьях пены, оставшейся на берегу после отлива.

Бедный Питер, затерявшийся в тумане, лишившийся надежности своей прежней сиротской жизни!

Да простит мне Бог! Прости меня и ты, Питер.

Завтра утром мне нужно вернуть машину. И завтра же я безотлагательно поговорю с кузеном.

26

Ситон прочитал рассказ Пандоры вслух, специально для Мейсона. Когда он закончил и медленно закрыл тетрадь, тот первым подал голос:

— Она была в вас влюблена, святой отец.

— Обворожительная женщина, — не оборачиваясь, отозвался священник. — Поражала своим умом и жизнелюбием. Думаю, я тоже немного ею увлекся.

— Где вы взяли дневник? — спросил Ситон.

— Она сама дала его мне. Принесла и вручила мне сверток в плотной бумаге, перевязанный бечевкой и запечатанный воском. Она предупредила меня, что прочесть это следует только в случае ее смерти. Иначе она сама придет за ним и заберет недели через две. Та встреча с Пандорой, когда она передала мне свой дневник, была последней. Больше я ее никогда не видел.

— Это была ее последняя исповедь, — сказал Мейсон.

— Она и на первой-то не успела побывать, — возразил Ситон. — Она не завершила курс наставлений и осталась невоцерковленной. Эдвин Пул позаботился об этом.

— И все же, Пол, думаю, Николас, в сущности, прав.

— Она предчувствовала скорую смерть? — спросил Мейсон.

— В нашу последнюю встречу она казалась абсолютно спокойной. Она с улыбкой отдала мне сверток с дневником, — чуть поколебавшись, ответил Ласкаль. — Но принятые ею меры предосторожности говорят сами за себя. Она сама выбрала свой путь. Возможно, Пандора понимала, что ее ждет. Она знала, как коварен и силен ее враг.

— Пандора называла вас «монсеньор», — сказал Ситон. — Как и францисканец, который приносил нам еду. Вы иерарх в Ватикане?

— Я священник.

— Священник, который может обращаться прямо к кардиналу?

— У меня был телефон. А кардинал прежде всего — обычный служитель церкви, а уже потом — ее иерарх.

В библиотеке повисло молчание.

— Пандора не голодала, — произнес наконец Ситон. — Она постилась. Вот почему она была такой худой, когда ее нашли в реке. Она наложила на себя епитимью.

Ласкаль вынул четки и поцеловал распятие. Мейсону показалось, что в глазах его блеснули слезы. Но это вполне могли быть и старческие слезы, вызванные утомлением или иными причинами.

— Я найду Питера, — сказал Ситон. — Пандора же смогла его разыскать, раздобыв пропуск в библиотеку. Я же был когда-то репортером, причем неплохим. Я обязательно его найду и выясню, кем он был, этот мальчик.

Тон его голоса показался Мейсону непривычным. Более уверенным, что ли. И он осторожно сказал:

— Пол, но ведь с тех пор прошло почти семьдесят лет. Этим ты не оживишь мальчика. И ее тоже.

— Мы должны выяснить, почему они выбрали и похитили именно его.

— «Они ловко все рассчитали», — повторил Николас фразу из дневника Пандоры. — Наверное, это был подкидыш из работного дома. Несчастный малыш, до которого никому не было дела..

— Вряд ли она это имела в виду, — медленно покачал головой Ситон. — Скорее всего, тут что-то другое. Думаю, как только найду Питера, мы сможем отправиться в дом Фишера.

— Святой отец? — вопросительно взглянул на Ласкаля Мейсон.

— Я буду молиться, чтобы Господь не покинул вас, — ответил Ласкаль, не отрывая глаз от Ситона. — Молиться, чтобы оба вы не лишились Его помощи.

И уже на следующий день Ситон был в Британском музее, а Мейсон сошел с поезда в Эшфорде, где они перед поездкой оставили «сааб». Теперь Николас собирался вернуться на нем в Уитстейбл.

— Сколько это займет времени? — спросил он Ситона.

— Сколько надо, столько и займет, — огрызнулся тот. Ему не хотелось это обсуждать. Мейсон считал, будто он зря тратит время. Сам Ситон допускал, что дело, возможно, даже хуже. Он опять действовал чисто интуитивно, ощущая где-то в глубине души знакомый зуд, который уже однажды довел его до беды.

— Я свяжусь с семьями остальных девушек, — бросил Мейсон. — Может быть, даже навешу.

— Предложи им ворованного морфина, — съязвил Ситон, но, не выдержав взгляда Мейсона, торопливо добавил. — Извини. Ну, прости меня, Ник. Не знаю, что на меня нашло. Это займет от силы два дня. Наберись терпения и дождись меня.

— Сара сейчас в надежных руках. Я не буду сидеть без дела, — покачал головой Мейсон. — Сегодня вторник. К пятнице возвращайся. Дольше ждать не могу. С тобой или без тебя, но примерно в это время я собираюсь навеститься в дом Фишера.

— Для чего?

— Пол, ты же ирландец и наверняка слышал о семтексе. Проложу провод по периметру и взорву все к чертовой матери!

С вокзала Ситон по мосту Ватерлоо вышел к Элдвичу и направился вдоль Саутгемптон-роу к Блумсбери. В монастыре они поспали часа два, а затем тот же францисканец повез их вниз, сердито морщась на крутых поворотах, когда «фольксваген» заносило на тонких шинах. Спешка объяснялась желанием посадить гостей на ближайший поезд. Это было вчера. А сегодня уже после полудня Ситон снова был в Лондоне. Он шел по осенним улицам по знакомому адресу. Старые экземпляры «Вестерн мейл», вероятно, были переведены на микроленку еще в восьмидесятые. И он не думал, что библиотечная подборка газет могла быть неполной. Он прошерстит все издания, начиная с сентября тысяча девятьсот двадцать седьмого года. Пол практически не сомневался, что найдет что-нибудь, относящееся к делу. И эта уверенность согревала его, как крошечный огонек. Тем временем небо над Саутгемптон-роу нахмурилось, налилось темнотой, тени поблекли, и Ситон почти машинально свернул на Мьюзиум-стрит, спасаясь от надвигающегося ливня.

Валлийский акцент мальчика, жившего семьдесят лет назад, мог означать только Уэльс. В те времена в Британии не было свободы перемещения. Рабочий класс тогда путешествовал — пешком или в фургонах для скота, — лишь будучи мобилизованным на войну во славу империи. Большинство людей жили и умирали там, где родились. Только немногим избранным вроде учеников привилегированных школ, каким некогда был мистер Брин-младший, удавалось совершить поездку по стране. Исчезновение Питера не вызвало широкой огласки. В те далекие годы общественный резонанс получали только дела,

касающиеся богатых или известных людей. Взять, к примеру, случай с похищением несчастного сына Линдберга. Питер же был один из многих. Когда его увезли, то местожительство мальчика выдал его акцент. Ситон был в этом просто уверен.

Так оно и вышло. Пол почти сразу обнаружил то, что искал.

Первой была срочная информация внештатного корреспондента по уголовным делам, в которой не фигурировало ни одного имени. В номере от четвертого октября говорилось только, что из рыбацкой деревушки Абердифи в Гвинее пропал восьмилетний ребенок-сирота. В сообщении даже не был указан пол ребенка, но Ситон сразу понял, о ком шла речь. Как справедливо заметила Пандора в своем дневнике, похищение детей и тогда не считалось рядовым преступлением.

Двадцатого октября последовал уже более пространный материал за подписью Филипа Била, аккредитованного старшего криминального репортера «Дейли мейл». В статье было дано словесное описание пропавшего мальчика, составленное со слов приходского священника и директрисы приходской школы. По отзывам мисс Марджори Пегг, Питер Морган был честным и послушным мальчиком, наделенным от природы жизнерадостным нравом. Он прекрасно играл в футбол и вообще был необычайно одаренным ребенком. Мисс Пегг категорически отвергала предположение, будто Питер мог добровольно уйти с посторонним человеком. Она не уточнила, в какой области знаний проявлялись способности Питера. А если даже и так, то ее комментарии не уцелели под безжалостной рукой редакторов, кромсавших материалы под размер колонки в кардиффском отделе «Дейли мейл».

Описанию мальчика Ситон не стал придавать особого значения. Это старый трюк. Репортеры здесь всегда выступают заодно с полицией. Чем живее и привлекательнее портрет жертвы, тем эмоциональнее прореагируют читатели. Такой испытанный на практике, проверенный прием помогает найти новых свидетелей и позволяет им припомнить важные детали происшествия.

Гораздо важнее был статус автора репортажа. Три недели спустя после исчезновения мальчика в редакции «Дейли мейл» уже знали, что имеют дело с похищением ребенка. Не только сейчас, но и в те дни оно считалось тяжким преступлением. Никто не тешил себя иллюзией о том, что произошел несчастный случай и мальчик мог просто заблудиться среди холмов, обступавших деревню, и погибнуть от холода и голода. Питера Морган украл. Украл и убили. Однако никто никогда так и не понес наказания за эти заранее спланированные гнусные злодеяния.

Ситон протер глаза и перечитал заметку, затем отключил проектор. Теплое жужжание вентилятора стихло, свет потух, и пожелтевшая страница с типографскими колонками, набранными целое поколение назад, погрузилась во тьму, вновь став историей. Пол отстранился от видеоискателя и, оглядев стены читального зала, утомленно поморгал, затем взглянул на часы. Без четверти пять. Он выпрямил ногу и пошарил в кармане брюк, достаточно ли там мелочи на звонки, которые он собирался сделать с платного телефона в вестибюле библиотеки. Затем он осмотрелся по сторонам.

Пандора Гибсон-Гор когда-то сидела здесь, в этом самом зале, и читала те же строки, что и он сам. После этого она отправилась пешком на Чаринг-Кросс-роуд, чтобы купить карты и продумать маршрут поездки, предприняв тем самым отчаянную попытку запоздалого возмездия. Ей и в самом деле были нужны карты. В те дни еще не существовало автострад для сокращения расстояний. Дороги, соединявшие города Великобритании, были ухабистыми и узкими, а после заката погружались в кромешную тьму. Собственная страна в прошлом представлялась Ситону чужой, враждебной планетой — отапливаемой углем, освещенной газом, с безликим небом, монохромной, полной контрастов: убогие трущобы, с одной стороны, и роскошные дворцы — с другой. Те семьдесят лет, которые так разительно изменили облик Великобритании и всего мира в целом, составляли протяженность целой человеческой жизни, которую отняли у Питера Морган. Ситон вдруг почувствовал, что его душит злоба. Он понял, что всецело разделяет праведный гнев Пандоры.

И точно так же, как она в свое время, Пол, едва выйдя из музея, почувствовал за собой слежку. Он пешком отправился к Ватерлоо и на деньги Малькольма Коуви купил билет до Абердифи. «Сааб» был в Уитстейбле. Значительно быстрее получалось добраться по железной дороге. В Эустоне надо было сесть на северный экспресс и в Бирмингеме сделать пересадку на поезд до Абериствита в Западном Уэльсе. Абердифи находится между Мэчинлетом и Бармутом. Неспешное путешествие с короткими стоянками вдоль живописного валлийского побережья. Если Ситон отправится туда завтра с утра пораньше, то к обеду уже будет на месте.

Кто-то упорно шел за ним по пятам Только купив билет и покинув здание вокзала, Ситон почувствовал, что слежки больше нет. По дороге домой он свернул с Ватерлоо-роуд на Лоуэр-Марш и там остановился. Магазины уже закрывались, на витрины опускали жалюзи. В глубине души ему безумно хотелось на деньги Коуви снять на ночь номер в «Новотеле», расположенном к югу от моста Ламбет. Место там было новое, безликое и слишком современное и гламурное для привидений. Однако шестое чувство подсказывало ему, что преследование на время прекратилось и можно смело отправляться домой. На сегодня игры закончились. Не будет ни звона церковных колоколов, ни расчлененных песен, извергаемых сломанным плеером. Его ждало настоящее дело. Коварные ловушки и происки врага начнутся не раньше, чем он переступит порог дома Фишера.

На Лоуэр-Марш опускались сумерки вместе с грохотом жалюзи, шуршанием мусора в сточных канавах и шелестом обрывков оберточной бумаги, цепляющейся за помятые фрукты, которые еще утром упали с лотков. Ситон подумал о Мейсоне. О том, как тот сейчас едет со своим семтексом, о его переживаниях из-за сестры, заставивших ввязаться в эту историю. Полу стало интересно, о чем в эту минуту думает Ник, и внутри у него вдруг нестерпимо защемило от жалости к новому другу и странного нехорошего предчувствия. То и дело налетали порывы ветра, гремели водосточные трубы. На улице стемнело. Ситон принялся и в ноябрьском воздухе уловил едва различимый запах сигар.

27

Деревня Абердифи представляла собой ряды приземистых домишек с плоскими крышами в устье реки Дифи, прилепившихся к крутому уступу над водой. Пенхелиг же, со стороны которого появился Ситон, был всего-навсего кучкой строений, натканных в южной части деревушки. Все здесь было типовым, устаревшим, словно место это окунули в сепию или наложили на него заклятие и оно так и осталось на веки вечные. Ситону пришло в голову, что все, вероятно, объясняется тем, что деревня находится в Сноудонии. После учреждения национального парка на этой территории запретили новое строительство, а также сносить еще не развалившиеся здания. Пол подумал, что это ему даже на руку, так как поможет раскопать старые секреты. Абердифи не зря кичилась своим прошлым. Она только им и жила, причем летом, в туристический сезон, вполне припеваючи. В стремлении воздвигнуть себе памятник деревушка эта переплонула многие исторические места. Настоящее было загнано в резервацию. Его терпели там, где оно не требовало внешних изменений.

Питера Моргана крестили и вырастили в лоне англиканской церкви, вернее, англиканской епархии, которую во времена его детства только-только основали в Уэльсе. Он ходил в приходскую школу. Его рождение было занесено в метрические книги прихода Святого Луки. Ситон позвонил по таксофону из Британского музея местному vicar и договорился с ним о личной встрече, получив также разрешение осмотреть деревенскую церковь. Он солгал о причине такого интереса. Короткий звонок не располагал к обсуждению давнишней трагедии. Так что Ситон положился на свой изрядно заржавевший талант выдумывать подходящие предлоги.

Ситон шел к Пенхелигу по берегу под непрекращающимся дождем. Облака серым покрывалом накрыли вершины холмов слева от него. Справа осталась гавань Абердифи с

рыбацкими лодками и яхтами, стоявшими на якоре. Под дождем все вокруг словно притихло. Даже такелажные канаты на мачтах суденышек, вытяженных на песок, безвольно поникли.

Сойдя с поезда, Ситон сразу же промок до нитки. Последний раз с ним такое случилось в Лондоне, когда он, терзаясь нехорошими предчувствиями, вышел из автобуса и оказался на мосту Ламбет. Именно тогда, правда чуть позже, он встретился в «Занзибаре» с Малькольмом Коуви. Теперь ему казалось, что это было ужасно давно. Однако, если верить календарю, с тех пор прошло не больше недели.

Он бросил дорожную сумку на кровать в заказанном по телефону номере гостиницы «Под гербом Пенхелига». Комната ему понравилась. Деньги, полученные от Коуви, были потрачены не зря. Постоялый двор находился у прибрежной дороги, и из окна открывался вид на покрытую рябью серую реку.

К церкви Святого Луки вверх по крутому склону вела дорожка, обсаженная деревьями. На ее поверхности, посыпанной гравием, желтели наносы песка, а в канавах по краям журчала вода. Храм, расположенный на возвышенности, казалось, затерялся среди холмов. Но тут вдруг в вышине прямо перед Ситоном блеснул его остроконечный шпиль. Дверь была открыта, и освещенная паперть выступала из мрака. Правда, священника на месте не было. Преподобного отца Маддена вызвали к больному прихожанину, о чем Ситону сообщила встретившая его миссис Рив. Давным-давно, когда Ситон еще только осваивал азы профессии, он искоренял в себе привычку делить людей на типы. Однако ему хватило одного взгляда на миссис Рив, чтобы отнести ее к категории старых дев, которые обычно занимаются цветочками на клумбах у церкви, натирают сиденья воском и чистят купель.

— Вы, должно быть, мистер Ситон, писатель, — сказала она.

Фальшивое удостоверение, выданное Коуви, мокло у него в кармане пальто. Но здесь в нем не было необходимости. Писателям не нужно предъявлять документы. Важно, чтобы они четко знали, на какую тему собираются писать.

В руках у миссис Рив была какая-то тряпочка прилизанные волосы убраны со лба заколками. Средних лет, в больших очках. Словом, настоящая церковная служительница. Неожиданно она улыбнулась, и Ситону показалось, будто солнце выглянуло на небе.

— Вы, кажется, пишете книгу о Марджори Пегг?

— Собираю материал.

— Говорят, эта женщина была просто святая. Она столько сделала для нашей школы. Могу я предложить вам чашечку чаю, мистер Ситон? Есть еще свежесваренный кофе.

— Я бы не отказался от кофе, — сказал Ситон, стряхнув со лба капли дождя.

«Говорят». Итак, эти женщины не были знакомы. Впрочем, спрашивать об этом вряд ли уместно. Если верить репортеру криминальной хроники, на момент исчезновения Питера директрисе было сорок три года. А Филип Бил явно был настоящим профессионалом. Щепетильность не позволила бы ему исказить факты, подлинность которых он проверил.

Они пили кофе в крохотной комнатке, расположенной слева от алтаря. В комнате пахло свежими цветами, освещалась она одной-единственной лампочкой без абажура, разгонявшей царивший там полумрак. По водосточным трубам барабанил дождь. Миссис Рив достала фотографию в рамке Восемь бледных ребятишек застыли перед объективом на фоне каменного строения. Ситон понял, что фотография была сделана в школьном дворе, по расчерченным «классикам», видневшимся на мощеных плитах перед шеренгой детей. По краям стояли опрятно одетая женщина и худой пожилой человек в пасторском воротничке — должно быть, один из предшественников преподобного отца Маддена. Пол вгляделся в женщину на снимке.

Марджори Пегг была высокого роста. На фотографии она была запечатлена без головного убора. Густые с проседью волосы, затянутые в аккуратный пучок. Простое платье на лямках и полосатая блузка с пуговичками на шее и на запястьях. На груди что-то приколото — скорее всего, часы, какие обычно носят на ленточке или цепочке няньки. Ситон разглядел на чулке учительницы штопку на колене. Башмаки, невзрачные, хоть и начищенные до блеска, были чиненые-перечиненые. На фотографии Марджори Пегг

улыбалась. Солнце придавало изображению живость, высвечивало детали. Директриса шурилась от его ярких лучей, но ее лицо при этом оставалось веселым и добрым. Она явно гордилась своими подопечными, их стриженными «в кружок» головками, их форменными короткими штанишками.

Удивительная четкость изображения на снимке в руках Ситона создавала ощущение новизны и современности, словно класс совсем недавно позировал фотографу. Однако эта иллюзия быстро рассеялась. Лица мальчиков, похожих на маленьких старичков, говорили о выпавших на их долю лишениях. Эти дети познали и холод, и голод, и прочие напасти. Их невинные глаза недоверчиво смотрели на мир. И выражение их лиц было совсем не таким, как у современных школьников. Это были дети своей эпохи — жизнерадостные, беспечные и в то же время осторожные и побитые жизнью. Мальчикам на снимке нельзя было дать и восьми лет. Но вычислить Питера, если тот и был среди детей, Ситон не смог.

Ситон вспомнил лицемерные разглагольствования Фишера на тему полиомиелита и рахита. Тем не менее он что-то не заметил ни у кого из детей ни лубков, ни костылей. Вспомнил он и слова Мейсона о бедном подкидыше из рабочего дома. Однако таких у мисс Пегг был целый выводок. Ватага бойких крепышей. Настоящая семья без единого уродца.

— Вы хмуритесь, мистер Ситон.

— Мне просто интересно, нет ли среди детей мальчика по имени Питер Морган?

Миссис Рив тут же отобрала у него фотографию. Лицо ее помрачнело.

— Прошу прощения, — резко поднявшись, сказала она. — Вы приехали к нам под вымышленным предлогом. Вы обманули преподобного отца. И вы очень меня обяжете, если уйдете.

— Пожалуйста миссис Рив. В этом деле у меня далеко не праздный интерес.

— Не сомневаюсь. Как не сомневаюсь, что и вы сами — человек не праздный. А поскольку я не знаю никаких мальчиков по имени Питер Морган, то вы зря тратите здесь свое драгоценное время.

Миссис Рив по-прежнему держала снимок в руках. Руки у нее слегка дрожали. Сквозь аромат цветов в комнате пробивался запах то ли застоявшейся воды в вазе, то ли канализации, засоренной опавшей листвой. Изрыгаемые водостокоток потоки дождя шумели неправдоподобно громко. Ситону показалось, что из-за двери, отделяющей их от церковного придела, доносятся слабые звуки органа. Он почувствовал, как весь покрывается гусиной кожей. Внутренне он уже приготовился услышать цокот копыт конской упряжки, фырканье лошадей, увенчанных черными траурными плюмажами.

— Уходите, — повторила миссис Рив, не выпуская из рук фотографии.

Похоже, она совсем забыла о своих восторгах по поводу святости мисс Пегг.

Не было никакой органной музыки. Это была игра его воображения. Время для игр прошло. А он все продолжал развлекаться. Ситону стало стыдно за свой мелкий обман. Понурился, он взялся за ручку двери, прошел по безмолвному приделу мимо купели и оказался на паперти.

И вдруг он обнаружил, что бродит среди могил. Было еще довольно светло, несмотря на сгущавшиеся сумерки. Оказывается, Ситон в спешке, вместо того чтобы свернуть налево от входа, где был спуск к подножию холма, к Пенхелигу, нечаянно свернул направо. Оглядевшись, он увидел, что стоит на небольшом плато позади церкви. Окружающие его скромные надгробия в основном были сделаны не из мрамора, а из изъеденного дождями песчаника и унылого гранита. Траву между ними, похоже, недавно скосили, и в заходящем солнце могильные камни отбрасывали на стерню длинные тени. Над головой Ситона еще накрапывало, но к западу, над морем, уже был виден пылающий горизонт. Ситон стал разглядывать надгробия и почти сразу же наткнулся на могилу, где был погребен отец Питера Моргана. «На добровольные пожертвования» — гласила надпись на полированной гранитной поверхности, отнюдь не замшелой, несмотря на минувшие с тех пор семьдесят лет. Под изящной фигурной гравировкой было высечено имя. Надгробие было совсем небольшим, но, похоже, односельчане сделали все, чтобы увековечить добрую память о Роберте Моргане.

В своей заметке Филип Бил упоминал, что отец Питера служил рулевым на спасательной шлюпке в Абердифи. Он погиб во время шторма, когда их лодка перевернулась в бухте Кардиган при попытке подплыть к тонущему грузовому судну. Это случилось в тысяча девятьсот двадцать пятом году. Роберту Моргану тогда было тридцать семь лет. Маленькая трагедия, хорошо знакомая обитателям рыбацких хижин. Она оставила пятилетнего Питера сиротой, а товарищей погибшего подвигла на создание сего надгробного шедевра из полированного гранита, розовеющего в лучах вечернего солнца. Ситон опустился на колени на мокрую траву и почтительно потрогал рисунок на камне. На барельефе был изображен маяк на скале. Одинокий луч пересекал надгробие. Внутри луча было выбито имя усопшего, а внизу — эпитафия:

Носитель надежды.
Погибший, но навечно оставшийся
в наших сердцах.

Вот как! Спасательная шлюпка Абердифи помогла сохранить немало жизней. Для этого, собственно, она и была предназначена. И люди выходили на ней в море, зная, на что идут.

Ситон поднялся с колен. Ноги болели. Надгробия понемногу окутывала тьма. На многих из них было выбито сразу несколько имен, но предков Моргана там не нашлось. Роберт приехал сюда из Бармута, где успел похоронить жену, неудачно разрешившуюся от бремени сыном. В Абердифи он искал забвения от печали, и люди приняли его, а после смерти воздали ему должное, похоронив на тихом деревенском кладбище за старой церковью. Это облаканное закатными лучами последнее пристанище было ничуть не хуже других. Священный уголок, где благородные души покоятся с миром.

Гостиничный бармен, к сожалению, оказался слишком молод и не мог предоставить Ситону никакой нужной информации. Заказав себе пинту «Бэнкс биттер», Пол уселся за столик в углу у окна. Утром он еще раз попытается встретиться с отцом Мадденом. Да, он солгал, но священникам ведь положено проявлять снисхождение. Завтра Пол скажет ему правду, пусть и не всю. Признается, что его интересует только пропавший мальчик. А солгал он потому, что закрытые общины, как правило, скрывают совершаемые там преступления. А похищение ребенка как раз относится к разряду тех злодеяний, о которых люди не любят говорить. Обсуждая с миссис Рив достоинства бесподобной Марджори Пегг, Пол надеялся как бы невзначай коснуться темы ее исчезнувшего ученика.

Да, он выбрал неправильный подход. С момента совершения преступления прошло так много времени, что, скорее всего, в живых не осталось ни одного очевидца. Откровенное любопытство Пола и его вопросы в лоб вряд ли могут возмутить своей бестактностью. Он совершил грубейшую ошибку, но не поздно и завтра все исправить.

Пол с удовольствием глотнул еще пива. В окно видны были мерцающие огни на другом берегу устья реки. Там вдали, за холмами, находился какой-то городок. Ситон не знал, что это за город. И вообще, ничегошеньки он не знал. Вряд ли ему удастся хоть что-нибудь здесь отыскать. В здании, где когда-то была приходская школа, теперь разместилась гончарная мастерская. Снаружи оно ничуть не изменилось, но внутри рядом с гончарными кругами и печами для обжига были свалены мешки с глиной для изготовления сувениров. Отсюда их рассылали по всему Уэльсу: туда, где пользуются спросом изделия местных ремесленников. Школьная документация давным-давно обратилась в прах, и Мадлен не захочет с ним разговаривать. Особенно теперь. С какой, собственно, стати?

Ситон взял со столика меню. Здешняя кухня имела хорошую репутацию. Можно и дальше тратить денежки Коуви. Среди главных блюд первое место занимала тушеная баранина. Что ж, он закажет горшочек с чем-нибудь, хотя аппетита почему-то не было.

Дверь отворилась, и вошла женщина. Ситон лишь со второго взгляда узнал в ней миссис Рив. На этот раз ее волосы были распущены, а губы накрашены. На ней были приталенное пальто и красивый шарф из тонкой шерсти — похоже, кашемировый. Она села

напротив Пола за столик и начала стягивать с рук лайковые перчатки.

— Вы из полиции?

— Полиция не расследует преступления семидесятилетней давности.

— Что все-таки вас интересует? — спросила она.

Ситон вздохнул и стиснул в кулаке пивную кружку.

С чего начать?

— Скажите мне только одно. Вы добиваетесь разоблачения? Или возмездия? Или, как сейчас принято говорить, «прекращения прений»?

Он невольно представил себе сидящую напротив женщину в церкви. Одета в застегнутый на все пуговицы цветастый халат, она до блеска полирует купель в праведном стремлении достигнуть Божьей благодати. Но иногда удача вполне заменяет суд Божий.

— Разоблачение тут вряд ли возможно, миссис Рив. Однако я всем сердцем надеюсь заставить виновных поплатиться и, хотя с опозданием, довести это печальное дело до конца.

Она вперила взгляд в стол, на котором словно замерли в рукопожатии ее перчатки.

— Давно пора, — тяжело вздохнув, произнесла она. — Вы сами чем-то похожи на священника. Католического и лишенного сана, если угодно. Видно, все дело в вашем ирландском акценте. Впрочем, мне кажется, вы человек вполне положительный.

Пол промолчал, продолжая потягивать пиво.

— Я возьму двойной виски, мистер Ситон. Безо льда. Обычно я пью виски с содовой. Мы немного посидим, а потом я попрошу вас проводить меня домой. И там расскажу вам то небольшое, что мне известно об этом прискорбном деле.

Мэри Рив жила у самого моря, в доме, доставшемся ей от дядюшки. Она всю жизнь прожила в Абердифи. Ей принадлежал магазин, где продавался антиквариат и разные диковинные вещи. Окна ее бывшей квартиры выходили прямо на дверь магазинчика. Летом большинство посетителей составляли постоянные покупатели, и торговля шла весьма бойко. Спасибо сентиментальным туристам, бережно хранившим мимоходом приобретенные безделушки.

Последние пять лет миссис Рив занимала дом, куда и пригласила Ситона. Ее дядя некогда был профессиональным игроком в гольф. Поле для гольфа находилось в южной части деревни. Подъезжая к Абердифи, Ситон как раз заметил из окна вагона пару флажков, установленных возле лунок. И этот дядя, Уильям Рив, учился в одном классе с Питером Морганом.

— А где жил Питер? В сиротском приюте?

Они расположились на кухне, которая, как справедливо полагал Ситон, после кончины Уильяма Рива претерпела некоторые изменения. Стол был из твердой древесины темно-красного цвета. Блестящие кастрюли были явно сделаны в Германии. На крюках была развешана металлическая утварь. Похоже, Мэри Рив не носила домой старое барахло из своей лавки.

— Социальных служб в то время еще не было, мистер Ситон, — с улыбкой отвечала хозяйка дома. — Государство не выделяло средств на строительство заведений для мальчиков, потерявших отцов. Все держалось на благотворительности. Но пожертвования были крайне скудными. К тому же, судя по воспоминаниям, тогда стояли жестокие морозы.

— И что же случилось?

— Марджори Пегг взяла Питера к себе. Конечно, жалованье у нее было весьма скромное. Но она очень привязалась к мальчику. Кстати, большинство прихожан церкви Святого Луки воспринимали блюдо для пожертвований как свою святую обязанность.

— То есть содержание Питера ей оплачивал весь приход?

— Строго говоря, да. Но местное население воспринимало это совершенно иначе. Люди считали это заботой о своем ближнем.

— Что это был за мальчик?

Мэри Рив пожала плечами и принялась изучать свои руки.

— Его похитили за тридцать лет до моего рождения. Поэтому до меня дошли лишь

слухи. Но эти слухи правдивее многих прочих. Он хорошо играл в футбол и крикет. Любил приключенческие книжки. Легко находил себе друзей. Не сомневаюсь, что осенью он лазал через забор в сад Брэдли и воровал там яблоки.

— Но ведь не он один?

— Только если проходя мимо, — улыbnулась она.

— В общем, мальчик как мальчик, — подытожил Ситон.

— Давайте я лучше расскажу вам о своем дяде, — предложила Мэри Рив.

Уильям Рив окончил школу в шестнадцать лет и устроился служащим на железнодорожную станцию в Мачинлете. В свободное время он подносил клюшки, чтобы заработать деньги на свои собственные. К двадцати годам он уже участвовал в соревнованиях и даже выиграл несколько любительских турниров в Уэльсе и на северо-западе Англии. В тысяча девятьсот сороковом, в возрасте двадцати двух лет, его призвали в армию и отправили воевать в Италию. Там он в конце концов дослужился до чина капитана и был награжден орденом за отличную службу. Уильям Рив демобилизовался только в тысяча девятьсот сорок восьмом — через три года после окончания войны.

— Дядя не раз повторял мол, своим чином он обязан тому, что армии были нужны свои чемпионы, — продолжила свой рассказ миссис Рив. — Однако шутки шутками, а медаль он получил не просто так. Он был храбрый, добрый и скромный человек и, как мне кажется, отлично нес воинскую службу. Тем не менее, оставив ее, дядя почему-то выбрал до странности тихую жизнь.

Ситон промолчал. Иногда это лучший способ показать свой интерес.

— Я не раз задавала себе вопрос сам ли он сделал такой выбор? Все эти ограничения и вообще. Конечно, это его собственное решение. Но нельзя же запретить себе думать, строить предположения. Не могу отделаться от мысли, будто дядя нарочно втискивал свою жизнь в узкие рамки, мистер Ситон.

— Почему же? — не удержавшись, спросил Пол.

В Абердифи, в красивом каменном доме миссис Рив, унаследованном ею от дяди, царило ничем не нарушаемое спокойствие. Холодильник тихо урчал. На стене кухни кварцевые часы резко отщелкивали секунды. Однако городской житель — и Ситон в том числе — не слышал здесь звуков, обычно ассоциируемых с присутствием человека. Никакого постороннего шума. Мимо дома даже не проехало ни одной машины.

— Идите за мной, — позвала миссис Рив. — Я вам кое-что покажу.

Кабинет Уильяма Рива был увешан и уставлен таким количеством спортивных наград и других памятных вещей, что Ситон удивился, как все это поместилось в одну комнату. Предметов в этой домашней коллекции было столько, что вполне хватило бы для небольшого музея. Здесь можно было найти и деревянные щиты с привинченными к ним латунными пластинками, и серебряные призовые статуэтки: литые и лепные фигурки спортсменов в брюках-гольф. Во множестве представлены были мячи, потрескавшиеся и пожелтевшие, и корзины с клюшками. В комнате пахло засаленными кожаными рукоятками, олифой и льняным маслом, но в остальном это было просто жилое помещение, а вовсе не храм. Здесь прославлялась игра в гольф, но ни в коем случае не сам Рив или его спортивные достижения. Были, конечно, и фотографии, но чемпионы, запечатленные на них, служили лишь напоминанием о том золотом для гольфа веке, о котором Ситон имел весьма смутное представление.

Тем временем Мэри Рив, роясь в ящике бюро в дальнем углу комнаты, продолжала:

— Когда дяде исполнилось тринадцать лет, его отец сделал ему особый подарок: взял с собой в Хойлейк посмотреть заключительный тур открытого чемпионата «Ройял Ливерпуль».¹ Они подлезли под веревочное ограждение и пробрались на галерею. Оттуда им было видно, как Бобби Джонс сыграл на девять,² что принесло ему победу в чемпионате.

¹ Известный гольф-клуб.

² Девять — количество лунок на поле для гольфа. Выбивание всех девяти лунок свидетельствует о мастерстве игрока.

Девятнадцать из тридцати. Это был его последний победный тур. Больше он не выиграл ни одного чемпионата.

Ситон молчал. Миссис Рив выпрямилась и обернулась к нему. В руке она держала бархатный мешочек, в котором лежал какой-то плоский прямоугольный предмет. Тонкая книжка? Или еще один снимок в рамке?

— Мой отец считал талант Джонса уникальным, а его самого называл лучшим спортсменом своей эпохи, величайшим игроком из всех, кому довелось держать в руках клюшку для гольфа.

Сильно потертый черный мешочек был стянут тесьмой с кисточками. Миссис Рив ослабила тесемку.

— Дядя однажды мне признался, что в Хойлейке он увидел истинное величие. А потом он, как о чем-то обыденном, рассказал мне о чуде по имени Питер Морган, с которым они вместе ходили в школу.

Она потянула за низ мешочка. И Ситон увидел у нее в руках дощечку для письма. Мэри Рив крепко держала ее за деревянную кромку, стараясь не касаться самой поверхности. Она подошла к окну и повернула доску к свету так, чтобы Ситон мог прочитать, что на ней написано.

Там были какие-то расчеты. Четыре убористые строки формул, наспех накорябанных через всю доску. Мел, которыми были написаны буквы и цифры, успел пожелтеть. Масло, добавленное в него в процессе прессовки, чтобы бруски не крошились при хранении, уже испортилось, оставив на дощечке едва заметные жирные пятна. Приглядевшись к почерку, Ситон убедился, что формулы вовсе не были накорябаны. Цифры и символы были выведены хоть и детской, но уверенной рукой, пытающейся поспеть за полетом мысли. Взору Пола предстала работа разума, функционирующего с циклонической скоростью и мощностью.

— Хорошо играл в футбол и крикет. Воровал яблоки в саду у Брэдли, — пробормотал Ситон.

— Да. И это тоже. И это тоже он, — сказала миссис Рив.

— Кто-нибудь еще это видел?

— О, к нему приезжали отовсюду с очень заманчивыми предложениями. Доктор Картер из Кембриджа, и еще один из Тринити-колледжа, и даже какой-то тип из Сорбонны. Из Оксфорда приезжал на «делаже» профессор Коуви.

Услышав это имя, Ситон чуть не упал:

— Малькольм Коуви?

— Он пригласил нескольких мальчиков поесть мороженого. Мой дядя тоже ездил с ним. Профессор угостил каждого двойной порцией с малиновым сиропом. Но не таков был Питер Морган, чтобы продаться за рожок мороженого. Так сказал дядя. Он, то есть Питер, собирался посвятить себя медицине. Хотел учиться в Эдинбурге.

Мэри Рив наклонилась, подняла чехол и спрятала в него свою реликвию, а затем положила обратно в ящик бюро. В этой комнате тоже висели настенные часы. Но не кварцевые. Ситон слышал, как качается маятник, и взглянул туда, откуда исходил звук. Часы висели прямо над бюро. За стеклянной дверцей блестел качающийся маятник. Циферблат был фарфоровым с римскими цифрами. Стрелки показывали неправильное время. Часы в какой-то момент снова ожили, как иногда бывает со старинными механизмами в старинных комнатах.

— Что случилось потом с Марджори Пегг?

Ситон увидел, как напряглась спина у Мэри Рив.

— Она покончила с собой. Она любила Питера, словно родного сына. Восемь мучительных месяцев после его исчезновения она терзалась неизвестностью, но все же надеялась, а потом положила конец своим мучениям.

— Вы сказали, якобы ваш дядя втискивал свою жизнь в узкие рамки. Какое странное выражение.

— Зато точное, мистер Ситон. У Питера было семь одноклассников. Двое погибли на

войне. Один умер в Нормандии, другой — позже на Борнео. И никто из семи ни разу не был женат. Нет нужды добавлять, что ни у одного из них не было детей.

— Понимаю.

— Сомневаюсь, — усмехнулась Мэри Рив.

— Почему вы вдруг передумали, миссис Рив? Почему все же решили со мной поговорить?

И тогда она обернулась:

— Когда вы покинули церковь, я поднялась на башенку, чтобы проверить, ушли вы или нет. Видите ли, я сразу заподозрила, что вы так просто не уйдете. Я видела, как вы бродите среди могил. Мне стало ясно, что вы просто-напросто заблудились. А потом вы наткнулись на могилу Роберта Моргана, опустились перед ней на колени и перекрестились. И мне показалось, будто вы заплакали, мистер Ситон. Я видела, как вы вытирали глаза ладонью.

— Возможно, это был просто дождь?

— Возможно. Вполне возможно, что это был просто дождь, — произнесла миссис Рив.

28

В полумиле от гостиницы Ситон опять попал под дождь. На часах было двадцать минут одиннадцатого. Последняя порция тушеной баранины давно съедена и забыта. Хотя какая разница. Все равно есть ему не хотелось.

В номере он стянул с себя мокрую одежду и принял душ. Сумка со сменой белья по-прежнему лежала на кровати, не распакованная с самой Франции. Ситон расстегнул молнию и обнаружил среди сложенных вещей черный увесистый томик. Это был потрепанный толстый молитвенник. Тонкая бумага, мелкий шрифт. Пол положил молитвенник на ладонь, и книга сама собой раскрылась на том месте, где была вложена темно-зеленая закладка. Но, вынув ее, Ситон увидел, что это вовсе не закладка, а пропуск в библиотеку Британского музея. На нем еще можно было различить блеклый штамп музея, а надпись выцветшими от времени чернилами удостоверяла, что документ выписан на имя некой Сьюзен Грин.

Ситон бросил пропуск обратно в книгу и нахмурился, заметив, что она раскрылась на странице с поминальной молитвой. Он захлопнул том и пригляделся к тиснению на кожаном переплете, где еще угадывались очертания мальтийского креста. На форзаце Пол нашел имя отца Ласкаля и ниже дату его рукоположения. Рядом, уже свежими чернилами, был приписан телефонный номер с кодом Франции.

Телефон в комнате был. Пол набрал указанный номер и принялся ждать, а ночной тариф пожирал денежки Коуви. Трубку на другом конце не брали целую вечность, а когда наконец Полу ответил знакомый францисканец, то в его голосе не было и следа прежнего добродушного юмора.

— А, это вы! Вы со своим приятелем, с вашим *gefallene Engel*,¹ едва не свели монсеньора в могилу!

Горский акцент в его голосе стал резче, грубее.

— Прошу вас, брат.

— Он спит!

— Так разбудите его, — сказал Ситон, закрыв глаза.

Последовала очередная вечность, оплаченная деньгами Малькольма Коуви. Или так проявлялась широта натуры профессора Коуви, щедро угощавшего ребятешек и не скупившегося на командировочные? Ситон, словно наяву, увидел Коуви за рулем «делажа», выпущенного в начале столетия. Он любовался белыми боками машины, принюхивался к исходящему от сидений запаху кожи. И тем не менее он доподлинно знал, что с этим самым Коуви он недавно здоровался за руку. Поэтому Ситон мог поклясться, что профессор — человек из плоти и крови. Толстяки, конечно, стареют медленно, но Малькольму Коуви, несмотря на всю его обрюзглость, никак нельзя было дать больше полтинника. Ситон

¹ Падший ангел (нем.).

зажмурился. Перед глазами желтыми вспышками плясали цифры и алгебраические символы.

— Пол?

— Он был гением, святой отец. Их мальчик. Их жертва. Они специально его выбрали, так как точно знали, кем он был.

— Не кем он был, Пол. Его выбрали, так как знали, кем он мог однажды стать.

И Ситон все понял. Ноги у него подкосились, и он рухнул на кровать рядом с раскрытой сумкой. Он понял. Ему вдруг стало тяжело дышать. Не в силах говорить, он лишь плотнее прижимал трубку к уху. Питер Морган мог получить новую вакцину. Он мог разработать передовой хирургический метод. Найти способ победить неизлечимую болезнь. Они сторговались с дьяволом в обмен на то благо, которое Питер мог бы принести человечеству. Они выбрали свою жертву, преследуя совершенно определенную, уходящую в бесконечность цель.

— А те девушки? — спросил Ситон и не узнал собственного голоса.

— А сам ты как думаешь?

«Одна, возможно, выступила бы посредницей при заключении мирного договора, — подсказало что-то Ситону. — Другая возглавила бы кампанию против повальной коррупции. Третья основала бы благотворительный фонд, призванный изменить лицо мира».

— Что я должен сделать, отец?

— Похорони мальчика. Дай ему приют. Пусть он наконец обретет вечный покой. Сделай это, и тогда я буду знать, что зло, исходящее из того места, иссякнет навеки.

— Я не священник...

Ласкаль засмеялся. Это прозвучало просто ужасно: одинокий смех умирающего, последний глоток эликсира жизни.

— Ты тот, кто ты есть, Пол, — возразил иезуит. — И будучи тем, кто ты есть, ты найдешь способ. Я в этом уверен.

В трубке все смолкло. Ситон понимал, что теперь можно хоть всю ночь напролет крутить телефонный диск, но никто в далекой горной обители больше не откликнется на его звонок. Ласкаль сказал ему все, что считал нужным. Вернее, им обоим. Теперь он спит, как сказал францисканец. И очень скоро его брненное тело погрузится в вечный сон. Он дотянул до ста лет ради обещания, для выполнения которого выбрал Ситона и Мейсона. Он терпеливо ждал с того момента, как взломал печать на письме Пандоры и узнал тайну. Теперь он считал свою миссию выполненной. Теперь больше ничего не держало старого священника на этой грешной земле.

«Ты найдешь способ. Я в этом уверен». Вот только сам Ситон почему-то не разделял этой веры. Он засунул молитвенник обратно в сумку, понимая, что это последний дар умирающего старца, и все же сомневаясь в полезности этого дара. Он позвонил Мейсону.

— Их состояние без перемен, — сообщил тот, опережая вопрос Ситона. — Американская чета добилась послаблений для своей дочки. Вначале она и в самом деле довольно мило щебетала. Правда, вела себя как официантка из чикагского ресторана. Ей казалось, будто она работает на Аль Капоне. Ее бедные родители воспрянули было духом. Но потом она вдруг стала вопить про какого-то типа по имени Гарри Грэб. И врачи в Бельвю вынуждены были снова утихомирить ее и сунуть ей в рот кляп, чтобы она со страху не откусила себе язык.

Ситон изо всех сил сжимал трубку дрожащей рукой, чувствуя, как вибрирует телефон у самой щеки.

— Не зря съездил?

— Завтра будет видно, — ответил Пол. — Завтра мы это проверим. Так и сделаем.

Мейсон, хмыкнув, повесил трубку, и Ситон вспомнил, что падший ангел старого францисканца никогда особо не любил ирландцев.

Они отправились в путь на «саабе» Коуви, с брезентовым верхом и нервическим, порою неуправляемым радио. В этом был их вызов и сигнал к началу боя. Мейсон заглянул к

напичканной успокоительными средствами сестре, а затем загрузил багажник холщовыми мешками самого устрашающего вида. Он решил, что перевезти все это снаряжение на пароме до острова Уайт будет безопаснее на «саабе», чем на его лендровере. Такова была его логика военного.

Глядя на то, как Николас набивает багажник, Ситон заметил:

— Думаю, из автомата эту тварь не убьешь.

— Господь всемогущий! Да она топала за тобой по ступеням так, что полы трещали, — возразил тот. — Значит, у нее есть и вес, и масса. И тело тоже — хотя бы иногда. И, судя по громоханию от ее шагов, это офигенно крупная цель. Уж поверь мне, ирландец, я не промажу.

Показалось солнце. Было всего четыре часа пополудни, и там, внизу, за каменистым пляжем, солнечные лучи играли на зеленых волнах. Воздух был свежим и соленым. Легкий ветерок ерошил волосы Ситона. Он забрался в машину и поглядел на свои стиснутые кулаки с побелевшими костяшками пальцев. Руки у него тряслись, но не от страха. От злости. Ситон и сам удивился тому, что убийство шестидесятилетней давности могло вызвать у него такую ярость. Но это было именно так. Он не мог не думать о незаполненных страницах ее дневника, о ее измученном теле в клочьях пены на холодных камнях. Она была такой утонченной. И пылкой. Она уже смиренно вступила на путь искупления. Но была лишена жизни каким-то вырождением. Обречена на поругание как самоубийца, сумасбродка и нищенка. Он не мог смириться с такой явной несправедливостью.

Он жаждал поймать неуловимого эмиссара по имени Коуви, прижать его к стенке, чтобы тот не мог ускользнуть, и убить собственными руками. А руки у Пола Ситона были натренированные. И хотя пик его физической формы остался в далеком прошлом, мышцы не позабыли уроки, полученные еще в нежном возрасте. Он хотел загнать Коуви в угол и бить до тех пор, пока тот не завизжит и не заскулит, а потом бить снова и снова — пока тот не испустит дух. Ситон непроизвольно сжал кулаки, до крови вдавливая ногти в кожу ладоней. Но он ничего не замечал. Ему не терпелось вновь встретиться с Малькольмом Коуви. Конечно, он все еще боялся его. И все же злость пересилила чувство страха.

О мальчике он просто старался не думать.

Ник Мейсон захлопнул багажник, набитый смертоносным грузом, и посмотрел на часы.

Он был не уверен в ирландце. Он не понимал, как в одном человеке, особенно с такой израненной душой, как у Пола Ситона, могут одновременно существовать и трусость, и смелость. На войне он не раз видел, как трусость маскировалась бравадой. И он не раз видел, как храбрость уступает место страху. Он и сам не раз испытывал страх, но вырывался из его железных тисков, не позволял страху парализовать свою волю в бою и продолжал делать то, чему его научили: нести смерть. Однако таких людей, как Ситон, он еще не встречал. Он посмотрел на напарника, лицо которого отражалось в зеркале заднего вида. Тот сидел, решительно сжав зубы, вперив взгляд в дорогу, и не замечал, что за ним наблюдают. Да, Ситон многое повидал на своем веку. То, что обычным людям видеть не положено. Ужасный опыт только ранил его душу. И вот теперь, вопреки всем доводам рассудка, он отправляется обратно, чтобы получить еще больше. Битва, в которую он однажды ввязался, не закалила его, а скорее лишила покоя. И тем не менее он снова здесь — решительный и непреклонный.

Сам Мейсон чувствовал лишь нечто вроде мрачной готовности отдаться в руки судьбы. Несмотря на принятое крещение, которое, естественно, он не мог помнить, Ник не считал себя верующим и не исповедовал никакой религии. Он раз и навсегда выбрал для себя путь воина. Ему нравилась его работа своей изменчивостью и бескомпромиссностью. Все остальное зависело лишь от обстоятельств. Ник любил сестру и хотел защитить ее жизнь и душевное здоровье. Для нее он был готов на все. Еще не было случая, чтобы он не выполнил своего долга. Выполнит его и сейчас.

Мейсон подозревал, что слова иезуита об уничтожении африканского идола недалеко от истины. Нажимая тогда на курок, Ник действительно ощущал небывалый прилив сил. Он еще сказал тогда Ситону, что хижина вождя — поле недавнего и, возможно, грядущего боя —

вселила в него ужас и беспокойство. Но кое о чем он предпочел умолчать. Да, черт возьми, он тогда не на шутку испугался. И все же, когда он прошел кедди автоматной очередью и тот рухнул на землю, Ник Мейсон испытал чувство торжества.

Впрочем, сейчас торжествовать было рано. Мейсона мучили дурные предчувствия. Дом Фишера манил, звал его к себе. И всему виной магия, которой занимался в Африке его отец, чтобы обдѣлывать свои темные делишки. Впрочем, похоже, ирландца в доме Фишера ждали еще больше. Малькольм Коуви, подручный Фишера срежиссировал это неотвратимое и опасное путешествие. Именно Коуви способствовал мучительно долгому распаду личности Ситона. Именно Коуви через двенадцать лет без труда разыскал Пола после рокового посещения дома Фишера группой студентов. Ирландец влачил жалкое существование отверженного, но Коуви тем не менее каким-то образом раздобыл его незарегистрированный телефонный номер.

И вот Малькольм Коуви незримо вел их к неясному месту назначения. При встрече с Ситоном Коуви продемонстрировал удивительную осведомленность о судьбе студенток, что уже само по себе наводило на подозрения. Не он ли провернул дело с сундуком на чердаке у Гибсон-Гора? И действительно, Ситону подозрительно легко удалось обнаружить дневник Пандоры. Да и сам Гибсон-Гор — человек, помешанный на антиквариате, — вряд ли мог проглядеть плохо спрятанную вещь.

Итак, именно Коуви отправил тогда Ситона в дом Фишера. Но Ситону удалось вырваться, что нарушило планы Коуви. И вот Пол снова туда возвращается. Возвращается по настоянию Коуви. Значит, все дело в Ситоне? А он, Мейсон, не играет никакой роли в общей расстановке сил? Но почему? Разве и сам ирландец не мучается сомнениями?

Мейсон снова посмотрел на Ситона. Тот, сжав зубы, упрямо смотрел вперед, и по его лицу невозможно было прочесть, о чем он думает. Какие чувства владели ирландцем? И, что еще более важно, чем таким особенным владел ирландец?

Мейсон задумчиво покачал головой и сунул руку в карман. Его пальцы нащупали обтянутую акулей кожей рукоятку складного ножа. Ее привычная тяжесть и знакомые очертания успокаивали. Прикоснувшись к ней, Мейсон почувствовал то ли благодарность, то ли облегчение. Он понял, что сделает это, так как у него нет другого выхода. Его должно поддерживать то небольшое, что он знает и что он действительно понимает.

Они переправлялись через Солент под темной пеленой дождя, ерошившего поверхность воды и делавшего еще более угрюмыми вздымавшиеся над морем форты. Вокруг не было ни одного судна. Они взяли по кружке кофе и спрятались под протекающий навес на верхней палубе. Когда паром вошел в док Фишбурна, погода ухудшилась и ливень принялся выбивать частую дробь по брезентовой крыше их «сааба». Ситон включил фары, «дворники» разгоняли потоки воды на ветровом стекле. На этот раз, ведя машину по пустынным осенним дорогам, он обогнул лес по периметру и подъехал к дому Фишера с юга. Они тряслись и прыгали по ухабам лесной тропы, петляющей между мокрыми деревьями, пока лучи фар не уперлись в одинокий столб ворот. На столбе сидел уцелевший каменный грифон, голова которого, изрядно потрепанная ветрами, смотрела на них со злобным оскалом. Ситон притормозил, заметив второй столб, лежащий неподалеку и весь заросший плющом. Пол включил первую передачу и свернул на незаметную дорожку между путевыми знаками. Под шинами заскрипел гравий подъездной аллеи, ведущей к заброшенному дому Фишера.

— Что нас там ждет? — подал голос Мейсон.

— Студентки пошли туда, вооружившись ключами к висячим замкам единственных ворот в ограде вокруг дома. Внутри они обнаружили развалины, подступы к которым преграждал барьер из цепи, усиленный еще и колючей проволокой. Вот что успел запомнить их предводитель, перед тем как у них в головах все смешалось и их поглотил хаос. Но мне кажется, что нас все-таки ждет более теплый прием.

— Мне тоже так кажется. К тому же мы вооружены не только ключами.

Никакой ограды вокруг дома не было и в помине. В окнах горел свет — не слишком

яркий, но хорошо видный. Прежде чем башня нависла над ветровым стеклом «сааба», Ситон усилием воли заставил себя поднять на нее глаза. За толстыми неровными стеклами горел красноватый огонь. Рядом на сиденье Мейсон заряжал и перезаряжал двойной магазин короткоствольной винтовки с глушителем. Как только они сошли с парома и тронулись в путь, Ник потребовал сделать остановку и достал оружие из спрятанной в багажнике сумки. Они подъехали ближе, и натяжной верх «сааба» заслонил вершину башни. Теперь Ситон увидел, что шикарные машины, стоящие на просторной площадке перед главным входом, накрыты брезентовыми чехлами. В прорехе одного из них виднелся черный навощенный кузов. Солдат Мейсон, тяжело дыша, обматывал обоймы с патронами полосками цветного скотча. Ситон вдруг вспомнил, что всего десять лет назад, когда его снесло собственное всем молодым тщеславие вперемешку с застенчивостью, он смел претендовать на одну из небольших, но ярких ролей в том захватывающем фильме, который именуется жизнью.

«Поосторожнее со своими желаниями», — сказал Ситон сам себе.

Он резко затормозил, вышел из машины и под неумолчный шум дождя направился мимо лимузинов к дверям дома Фишера

29

Поднявшись по ступеням, он обнаружил, что стоит у дверей один. Впрочем, это уже не имело значения. Отступать было поздно. Пол толкнул створку, однако на этот раз дверь оказалась запертой. Он постучал молоточком, и ему тут же открыли. На пороге возникла фигура человека в ливрее.

Верхняя часть черепа над разложившимся лицом лакея была словно собрана из пластин неумелыми детскими руками. Кое-где на костях виднелись застарелые пятна мозгового вещества. Из-за спины дворецкого, из глубины дома до Ситона доносились обрывки музыки и приглушенный смех. В руках слуга держал накрытый крышкой поднос.

— Привет, Джузеппе, — кивнул ему Ситон.

Дворецкий сделал приглашающий жест, затем доверительно наклонился к вошедшему. Из рта у него несло запахом тления, а грубый чикагский акцент резал слух, как ржавая пила.

— Должен предупредить вас, сэр, что мистер Грэб сегодня неумерен в питье.

Джузеппе кивнул пробитой головой в сторону лестницы. Ситон заставил себя проследить за его взглядом. Устланная пушистым ковром лестница уже через семь-восемь ступеней проваливалась во мрак. Интерьер претерпел и другие изменения. Вестибюль был превращен в некое подобие бального зала. За столами у дальней стены сидели нарядно одетые гости, явно заинтригованные происходящим.

— Сейчас он настроен вполне миролюбиво, — продолжил Джузеппе, — но мы-то знаем, как легко вывести из себя мистера Грэба.

Ситон все гадал, что же лежит у него под крышкой на подносе.

— Если вы будете так любезны и пройдете со мной, сэр, я с удовольствием возьму на себя смелость устроить вам встречу с одним дорогим для вас человеком.

Ситон двинулся за мертвым дворецким, пробиравшимся среди столов. Он старался не смотреть на лица гостей. Такие же безжизненные, как и у слуги Фишера, они взирали на него с безучастным любопытством. Наконец Ситон в сопровождении Джузеппе вышел в длинный коридор со множеством одинаковых дверей. Из-под одной из них слабой полоской пробивался свет. В коридоре Ситон снова услышал музыку. Хриплые заедающие аккорды, воспроизводимые ржавой граммофонной иглой. Это была композиция Джона Леннона «Imagine», исполняемая густым баритоном под аккомпанемент расстроенного пианино. Ситону давали понять, что Николас Мейсон уже в доме.

Джузеппе открыл перед ним дверь и отступил в сторону. Люсинда Грей оторвалась от швейной машинки, за которой сидела. На ее некогда прекрасном лице было написано изумление. Бледную наготу прикрывали лишь нижняя юбка и лифчик. Люсинда что-то строчила, мерно нажимая на педаль старой машинки, и Ситон видел, как ходит вверх-вниз ее

коленный сустав, торчащий из-под разорванной плоти полусгнившей ноги.

— Я выйду в зал сразу, как закончу платье, — сообщила она.

Ее ровный голосок со знакомым северным акцентом ножом вонзился в сердце Ситона. Он не увидел ни ткани под машинной иглой, ни катушки с ниткой на штырьке.

— О Люсинда! — только и смог сказать Пол.

Он вдруг почувствовал, что весь дрожит. Ситон не был готов к такому зрелищу. Он давным-давно отправил Люсинду Грей в тот заветный уголок памяти, где солнце вечно ласкало ее сияющую кожу и где она всегда оставалась молодой и прекрасной. Не может быть, чтобы Люсинда уже закончила свой земной путь. Только не она! Пол застонал:

— Зачем тебе было умирать?

— Умирать легко, — сказала она. — А вот жизнь — слишком уж сложная штука. Помнишь тот вечер, когда ты не смог прийти на открытие бара, стены которого расписывал Дэвид Холидей?

Пол кивнул. Ему показалось, что в углу комнаты кто-то прячется. Ну и пусть. Сейчас ему важнее всего была Люсинда.

— В тот вечер, Пол, мы из бара с росписями Дэвида перебрались в «Табу». И там я впервые попробовала героин. Настроение у меня было поганое, так как ты не пришел, а у кого-то в «Табу» была с собой доза. Я решила попробовать разок. И все разочарования вдруг куда-то улетучились. Мне казалось, будто я плыву по воздуху.

И тут он вспомнил. Он встретил ее по дороге домой. Он нес тогда в кармане дневник Пандоры. Люсинда как раз вышла из-за угла на Ламбет-Хай-стрит, и ему показалось, будто она плывет по воздуху.

— Я, как и ты, отправилась в Нью-Йорк. Не могла больше переносить этот Лондон. Но там мое поганое настроение стало еще хуже, а героина было навалом. Он избавлял меня от страданий. И стоил совсем недорого...

— О Люсинда!

— Тебе никогда не приходило в голову, почему мы больше так ни разу и не встретились? Даже случайно? Не думаю, что ты мог мне помочь. Хочу сказать, что ты ведь и не пытался. Но передозировка была случайной.

Люсинда нахмурилась. Ее глаза под мертвыми прядями челки еще хранили следы былой, навеки утраченной зелени, а стрижка-боб, некогда шелковистая на ощупь, превратилась в жесткий парик.

— По крайней мере, мне так кажется.

Из угла вышла какая-то фигура. Ситон уже догадался, что это Патрик. Он думал, что готов к встрече с братом, но уже через мгновение понял, что ошибся. Едва взглянув на его скорбное разложившееся лицо, Пол зарыдал. Ему так не хватало Патрика. Лакей Фишера тактично кашлянул:

— Сэр?

Джузеппе снял с подноса крышку. Там лежал револьвер. Старая модель марки «Уэбли», поцарапанная шрапнелью. К стволу были приделаны новая рукоять и никелированный магазин. Курок был взведен, а в магазине лежал один патрон.

— Что тогда случилось, Патрик?

— Трудно сказать.

В груди Патрика что-то неприятно булькало. Он кашлянул, распространив вокруг запах сырости.

— Я не всплыл, — сообщил он. — Мне показалось, что так легче.

«Как все просто», — подумал Пол, машинально нащупывая рукоять револьвера на подносе, услужливо поднесенном ему слугой Фишера. Иногда жизнь действительно невыносима. Он услышал, как баритон усмехнулся и сменил тональность.

— Вам было бы лучше тоже с этим покончить, сэр, — произнес Джузеппе.

Люсинда и Патрик молча смотрели на Пола.

— Настроение у мистера Грэба в любую минуту может испортиться. И что тогда с нами

будет?

И правда, что? Ситон взял револьвер с подноса. Тяжесть металла в руке внушала уверенность. Он сунул ствол себе в рот. Это казалось вполне естественным.

— Очень хорошо, сэр.

Он будет спутником Люсинды на балу. Патрик тоже пойдет с ними. Они повеселятся, совсем как в былые времена. Они повеселятся, и у него снова появится то чувство, воспоминания о котором Пол бережно хранил уже много лет. Все будет как в старые добрые времена. Они выпьют «Ламбруско» на крыше школы Святого Мартина. Будут и теннис в парке, и пикники. Пол уже ощущал, как спину приятно греет солнце, а сам он сидит на скамейке под цветущей вишней и вдыхает ее полузабытый аромат. Его палец лег на курок, Ситон закрыл глаза.

«Imagine» вдруг зазвучала просто оглушительно. Кто-то с силой вышиб револьвер у него из руки. «Уэбли» отлетел на пол, и выстрел грохотом отдался в голове Ситона. Он поморгал. Перед ним стоял Мейсон. Лицо Николаса, одетого в пятнистую защитную форму, было разрисовано камуфляжной краской, а пояс и грудь обмотаны патронными лентами. Ситон огляделся. Они оба находились в вестибюле заброшенного дома. Лестница за спиной Мейсона была грязной и полуразрушенной. Свет в доме не горел. Не светила и луна за окнами, где не переставая шел дождь. Ситон слышал, как яростно хлещут по стеклам его косые струи. Он успел разглядеть лишь то, что вырывал из темноты яркий луч фонарика Мейсона. Николас с силой хлопнул его по плечу:

— Что там у тебя в кармане?

— Молитвенник. Мне его дал Ласкаль.

— Что тебе велено сделать?

— Найти останки мальчика. Похоронить так, как он того заслуживает.

— Больше не отклоняйся в сторону, Пол. Это слишком опасно.

Николас посмотрел на лежащий на паркете у их ног еще дымящийся револьвер, потом отшвырнул его ногой в темноту.

— Наверное, опять Коуви со своим гипнозом.

— Ты слишком легко поддаешься внушению, — спокойно заметил Мейсон.

Ситон внимательно посмотрел на него. Мейсон был солдатом. Но он не знал, что делать. Сейчас он всего лишь спас жизнь напарнику. Но в безумии, царящем в доме Фишера, не было и не могло быть четкого плана операции. Николас, с головы до ног обвешанный оружием, сейчас был абсолютно бессилен. Пол понимал, что Мейсон слишком отважен и дисциплинирован, чтобы поддаться панике. Но он ждал постановки боевой задачи. И сделать это мог только он, Ситон. Пол оглянулся и заметил, что парадная лестница теперь ведет не только вверх, но и вниз. Ему стало стыдно за свое поведение — за то, что он позволил призракам дома использовать себя, раздеть донага, поставить на грань самоуничтожения. Впрочем, времени на угрызения совести и самобичевание не оставалось. Надо было действовать. В противном случае оба будут прокляты навеки.

Откуда-то с верхнего этажа донесся неопределенный звук, то ли смешок, то ли ленивое бряцанье цепей.

— Это мистер Грэб, — сказал Пол. — Зверь проснулся. Мы должны разыскать останки мальчика до того, как чудовище придет в себя.

Шум наверху все усиливался, пока наконец не перешел в яростный рык. Мейсон, сжимая висевший через плечо автомат, заглянул в зияющий провал с уходящими вниз ступенями.

— Нам надо найти комнату для игр, — сказал Ситон. — Для них это была просто игра. Всегда. Они разыграли дьявольскую партию. Иначе и быть не могло. Ведь они служили покровителю всех игроков. Вот вам и ключ к разгадке. Надо во что бы то ни стало попасть в подземелье.

Они спустились по лестнице, ступая по липнувшим к ногам остаткам ковра. Дальше коридор шел вглубь. Жуткие вопли над головой здесь были не так слышны. Но успокаиваться

было рано. Затхлый коридор с влажными стенами напоминал туннель в катакомбах. Ситон чувствовал себя заживо погребенным.

— Сюда, — позвал Мейсон.

Они зашли в бильярдную — низкое и узкое помещение с четырьмя вытянутыми в ряд столами. У стены в пазах были закреплены кии, на полке свалены расползшиеся коробки с настольными играми. Жетоны для баккара и фишки казино лежали на столах алчными грудками. В комнате играла музыка. Ситон сразу узнал мрачный тромбон Фрэнка Росолино. Мягкие переливы создавали приятный акустический эффект. Над столами одна за другой, словно бы нехотя, загорелись тусклые лампы.

На стенах висели фотографии в рамках. Ситон с первого взгляда узнал работы Пандоры. Неужели тот самый пропавший архив? Напечатанный, подготовленный для экспозиции и выставленный на обозрение Пола. Присмотревшись, Ситон узнал на одном снимке Алистера Кроули. Лицо мага с впалыми глазами и бугристой кожей казалось ужасно старым, а расшитая шелковая мантия — непомерно широкой для его тщедушных плеч. Шея была вся в складках. Взгляд отрешенный, словно мысли Кроули витали где-то очень далеко. Портрет человека, прожившего бурную жизнь, кидавшегося из одной крайности в другую. Он погружался в такие глубины, о которых более рассудительному и менее тщеславному человеку даже страшно было подумать. Полученный опыт истощил его силы и сделал бесчувственным Ситон прошел дальше, и глаза на портрете посмотрели ему вслед, а губы растянулись в мерзкой ухмылке.

Уитли, напротив, источал благожелательность. Его бледным припухлым чертам не хватало оригинальности. Лоснящиеся черные волосы по моде того времени были причесаны на прямой пробор. На устах Уитли играла фотографическая улыбка, вернее, ее необходимый, приличествующий моменту минимум. Что-то странное было в выражении его глаз: они смотрели не в объектив, а сквозь него. Глаза у Уитли были черными, непроницаемыми, но в них явно читалось вожелание к Пандоре. У этого снимка Ситон задержался подольше, пытаясь разглядеть на лице Уитли следы того ужасного взрыва во Фландрии, который, если верить очевидцам, от обычного человека и мокрого места не оставил бы. Но магическая сила разгладила все шрамы. Кожа Уитли была младенчески гладкой. Чтобы свести в могилу Уитли, понадобилась целая жизнь неумеренных возлияний. Когда его печень в конце концов сдалась и позволила смерти явиться за ним, Уитли готовился отметить восьмидесятилетний юбилей.

Фишер выглядел самодовольным и сладострастным. Он являл собой пример человека, продавшего душу дьяволу. Ситон смотрел на него и понимал, что перед ним еще более порочный и нечестивый прототип Малькольма Коуви. По-видимому, Коуви со временем предстояло стать полным подобием хозяина этого дома. Если бы приезжий психиатр при первой встрече с Ситоном выглядел бы так, как Фишер на этом снимке, то Пол, без сомнения, увидев его, закричал бы еще громче, чем тогда в лабиринте. Правда, Коуви немного отличался от Фишера возможно, выглядел чуть более человечно. Что до Клауса Фишера, то его запечатленный Пандорой образ вряд ли вообще можно было назвать человеческим. С фотографии на Пола взидало плотоядное чудовище. Все они здесь были чудовищами. И то, что они делали, было тоже чудовищным.

На бильярдных столах сохранилось сукно. В неярком свете ламп видно было, какое оно потертое и выцветшее почти до желтизны. Подойдя вплотную, Пол с Ником заметили на одном из столов большое застарелое пятно. Давным-давно какая-то черная вязкая жидкость расплзлась по поверхности и стекла прямо в лузы.

— Спокойно, Пол, — предостерег Мейсон.

Но горестное зрелище лишало Пола прежней решимости. Он задрожал всем телом и с благодарностью ощутил на плече железные пальцы напарника. Ситон устался на пятно и не смог сдержать стон. Едва дыша, он коснулся расплзшегося сукна и услышал, как зверь наверху глумливо захохотал. Слезы навернулись у Пола на глаза. Кровь была повсюду.

— Чудесно! — раздался чей-то голос.

На пороге бильярдной стояли двое в смокингах, цилиндрах и белых шелковых шарфах на шее. Над развратной ухмылкой одного из них поблескивало стекло монокла. Даже с такого расстояния до Ситона и Мейсона доносился запах сигар и бриллиантина. А еще трупная вонь.

— Это Кроули, — шепнул Николасу Пол. — И Фишер.

— Кроули и Фишер горят в аду, — с издевкой сказал Мейсон, сплюнув на пол.

— Вот тебе и на! — удивился призрак Кроули. — А ты, оказывается, зануда.

Мейсон снова сплюнул и покрепче сжал висевший на груди автомат. Фигуры начали блекнуть и наконец совсем пропали. Исчезающий Кроули успел сообщить:

— Вы рассердили мистера Грэба. И мистер Грэб скоро с вами поквитается.

— Почему мистера Грэба? — поинтересовался Мейсон.

— Был такой боксер-профессионал, Гарри Грэб, — ответил Пол. — Служил у Фишера, до того работал на Аль Капоне.

Мейсон кивнул и посветил фонариком себе под ноги. Луч задержался на некогда заделанном и более светлом, чем остальная поверхность, участке. Николас вынул что-то из рюкзака и протянул Ситону. Это была саперная лопатка. Затем Мейсон кивнул в сторону светлого пятна:

— Бетон, щебень и земля. Попотеть, конечно, придется, но я рыл могилы на поле боя, а земля там была хуже некуда.

Ситон посмотрел на свои непривычные к физическому труду мягкие руки. А там наверху, на лестнице, уже вовсю бесновался зверь. И от его воплей волосы на голове у Пола встали дыбом, а по телу побежали мурашки.

— Мое имя — Гарри Грэб! Я разделал Танни под орех! Я здорово разделал его! И я разделаю любого, мертвого или живого! Ты выйдешь ко мне на бой? Или я слезу вниз к тебе?

Мейсон сунул в руки Ситона лопатку. Тот послушно взял ее. Затем Николас, смахнув пот со лба, поправил ремень автомата.

— Не ходи туда, — попросил Ситон.

— Если я не пойду, он сам спустится к нам, — бесстрастно ответил Николас, словно констатировал очевидное. — Тебе надо откопать останки мальчика и вынести их из дома. Сделай так, как велел тебе Ласкаль: похорони эти кости там, где дом больше не сможет на них влиять.

Мейсон еще раз кивком указал на лопатку в руках Ситона, затем перевел взгляд на потолок. От смертельной опасности, исходящей от зверя там, наверху, воздух в доме раскалился. В подвале уже было нечем дышать.

— А теперь, Ситон, мать твою, рой! Рой, как если бы от этого зависела твоя жизнь. Хотя, в общем-то, так оно и есть. Ты ведь ирландец! И пэдди. Наверное, тебе не составит особого труда вырыть эту хренову яму, — тяжело дыша, ухмыльнулся Мейсон.

Он направился к выходу из бильярдной. Его лицо лоснилось от пота. И от страха. Николаса одолевало не просто страх. Смертельный ужас. Однако он упрямо шел вперед, так как был храбрецом, даже когда трусил. Бравата помогала ему скрыть страх. Но Ситон ясно видел, что никакому страху не под силу скрыть беспримерную отвагу Ника Мейсона. Николас не отступит. Конечно нет. Он должен идти вперед. Такова его натура. Он всегда был таким. Ибо он солдат. Поэтому он выйдет на бой и сделает все, чтобы победить. У дверей Ник обернулся:

— Если я все-таки не справлюсь с ним, позаботься о Саре, Пол. Но смотри у меня, без глупостей. Если хоть пальцем тронешь ее, то, Богом клянусь, я еще вернусь и разделаюсь с тобой к такой-то матери!

Он уж было собрался идти, но Ситон остановил его:

— Постой-ка. Подожди. Я кое-что знаю о боксе. О его истории.

— Нет времени, приятель.

— Дьявол ведь любит игры?

Наверху кто-то то ли стучал, то ли скакал как сумасшедший.

— Он вообразил себя Гарри Грэбом. А Грэм был выдающимся боксером. Уже в первой схватке с Джинном Тинни он разделал его под орех. И в спаррингах с Дэмпси ни разу не ударил в грязь лицом. За всю свою спортивную карьеру Грэм лишь однажды оказался на лопатках. И всякий раз, выходя на ринг, брал свою тайну с собой. Гарри Грэм был слеп на один глаз.

А зверь наверху все выл, и они слышали, как под его когтистыми лапами трещит пол.

— Но это не Гарри Грэм, — возразил Мейсон. — Можно только молить Бога, чтобы это был он.

— Но он-то думает именно так! По крайней мере, в данный момент.

— Что, глаз был совсем слепой? — поинтересовался Мейсон.

— Абсолютно.

— Ты не помнишь какой?

— Помню. Как не помнить. Правый.

Мейсон нахмурился и кивнул. Затем подошел к Ситону, и они обнялись.

— К югу от дома есть ручей. Я похороню кости на другом берегу. Переберусь в узком месте. И буду тебя там ждать.

Наверху затрещали половицы. Зверь сделал первый шаг им навстречу. Обретя голос, тварь стала обретать форму. С потолка игрового зала посыпалась штукатурка.

«Оно выросло, — подумал Ситон. — С прошлого раза оно прибавило в весе».

— Копай, Пол, — спокойно бросил ему Мейсон с порога бильярдной. — Ради Сары. Ради спасения наших душ.

Он поцеловал дуло висевшего на груди автомата и, еще раз сказав: «Копай», скрылся.

Ситон, расставив для удобства ноги и покрепче сжав черенок лопатки, замахнулся и изо всех сил ударил острым концом. Не раз и не два пришлось ему вонзать лопату в неподатливый цементный пласт под ногами. Он натер ладони о шершавый черенок и мысленно пожалел, что не догадался поплевать на руки. Впрочем, от страха у него во рту так пересохло, что не набралось бы и капли слюны. Сверху доносились автоматные очереди, что-то тяжело бухало — очевидно, рвались гранаты. До Ситона уже донесся запах боя — удушливый, с металлическим привкусом. По рыку зверя он определил, что тот ошарашен, может, даже ранен и взбешен сверх всякой меры.

Ситон рыл и рыл, побрякивая от натуги. Он уже раздолбил цементную корку и теперь лопаткой выгребал камни из прохладного суглинка, углубляя отверстие. По красным пятнам на черенке Пол понял, что стер ладони в кровь, но это сейчас не имело значения. Лишь бы выжить, а кожа нарастет. Грохот наверху усиливался. Казалось, весь дом скрипит и трясется. Все вокруг ходило ходуном. Полы выгибались, стены вспучивались от ударов.

Неожиданно какофония диких звуков смолкла. От двери потянуло сквозняком, прошелестевшим по комнате и унесшимся прочь. Музыка между тем тоже прекратилась. Это насторожило Ситона. Штукатурка продолжала сыпаться ему на голову. Значит, бой еще не закончен. Вдруг тишину расколол дикий рев. Это был первобытный победный клич.

— Сюда, ирландец! — раздался хриплый голос. — Я иду к тебе!

Мейсон погиб. Пал в неравном бою. Ситон услышал, как убившая Ника тварь неспешно двинулась вниз. Ступени дрожали у нее под ногами. Ему снова послышалась музыка. Кажется, это был Эл Боули и квинтет «Горячий клуб». В любом случае, что-то невразумительное, безумное и до крайности неуместное.

В суглинке показалась белая косточка. Совсем маленькая, вроде кроличьей. Ситон, захлебнувшись слезами, послал хулу жестокосердному Богу за то, что тот не дал ему времени закончить миссию, ставшую для него святой обязанностью. Он оценивающе посмотрел на саперную лопатку, черенок которой стал скользким от его собственной крови. Оружие из нее никакое. Но другого все равно не было.

Звук шагов по ступеням становился все ближе. Ситон выпрямился и взял лопатку наперевес. И вдруг наверху снова раздался вопль. На сей раз человеческий. Это Мейсон, собрав остатки сил, бросил зверю последний вызов, а затем прошил его автоматной

очередью. Тем самым он мстил за сестру. Но не только. «Падший ангел» ценой своей жизни решил получить спасение для Сары.

Темная вселенная содрогнулась от боли и ярости над головой Ситона. Каким-то чудом он отыскал в комнате бархатный мешок с бильярдными шарами и высыпал их. Затем опустился на колени возле ямы и пальцами стал просеивать глину в поисках драгоценных останков. Главное — как можно скорее унести их отсюда. Шум драки наверху уже стих. Пол складывал кости в мешок. Неторопливо и любовно, аккуратно и методично он наполнял мешок драгоценными косточками. Понемногу тяжесть в груди отпустила, и он понял, что собрал их все.

Похоже, бой наверху и в самом деле закончился. Ситона снедало чувство жалости и печали по убитому другу. Он тут же выругал себя. Слишком уж часто он поддавался чувству жалости. А Николас в ней не нуждался. Ситон прислушался, нет ли поблизости мистера Грэба, но все было тихо. Он вышел в коридор — сумрачный, длинный, со множеством дверей. Лишь под одной из них виднелась тоненькая полоска света. Она исподволь звала к себе. Ситон наспех стряхнул с рук землю, прилипшую к кровоточащим ссадинам, затем снова прислушался. Все тихо. Зализывает раны, судя по всему. Его задержал отчаянный противник. Может быть, даже ранил. Ситон решил, что сейчас самое время уходить. Но мешала темнота. И тогда, зажав в руке мешок, он двинулся к призывно светящейся двери.

30

Дверь открылась, и он попал в учебный класс, освещенный свисающими с потолка шарами из матового стекла. В классе в четыре ряда выстроились маленькие парты с желобками для хранения карандашей и ручек и с фарфоровыми чернильницами. В помещении стоял смешанный запах меловой пыли, мастики, отсыревшего габардина и карболки. Пахло давно ушедшим детством, подчиненным строгой дисциплине. Крышки парт были старыми, поцарапанными, даже почерневшими по краям, но не исписанными. В книжном шкафу справа аккуратными стопками лежали потрепанные молитвенники. За узкими окнами, тянувшимися вдоль левой стены, царила кромешная тьма. Ситон вошел в класс. Стены украшали пейзажи, нарисованные неумелой детской рукой на цветной бумаге. В электрическом свете они выглядели жутковато.

Марджори Пегг стояла у доски спиной к Ситону. Ее седые волосы висели неопрятными космами. Четким почерком она что-то писала на доске мелкими буквами. Но в неверном свете свисающих с потолка шаров было невозможно разобрать написанное.

Через ряды парт слева от доски Ситон разглядел еще одну дверь и, даже не оборачиваясь, понял, что той двери, через которую он попал в класс, больше нет. Все здесь, в доме Фишера, опровергало законы логики. К тому же и сам Пол уже был в другом месте. В Пенхелиге, в сельской школе, где учился Питер Морган. Он слышал, как под окнами слева от него тихо журчит вода в остывающих радиаторах. Из-под двери в углу потянуло сквозняком, и Пол увидел, как бойлер, работающий на коксе, затухая, выпустил облачко пепла. Ситон вдруг почувствовал приступ паники. Ведь, следуя этой дьявольской логике, он мог упустить драгоценную ношу. Но нет. Правая рука все еще крепко сжимала пропитанный сукровицей бархат.

Учительница отошла от доски и обернулась. Взгляд ее безжизненных глаз ничего не выражал. Лицо было мертвенно-бледным, на посиневших руках, вокруг длинных продольных порезов, ключьями висела кожа.

«Так вскрывают себе вены те, кто решился наверняка, — вспомнил Пол слова Боба Холливелла. — Они не полосуют запястья как придется. Наоборот, вонзают лезвие в мякоть у локтевого сгиба и режут наискось, до ладони. Тогда кровеносные сосуды будут перерезаны и их нельзя будет ни прижечь, ни перевязать».

Марджори Пегг подняла голову и посмотрела на Пола. Она двигалась словно в замедленной киносъемке. Все в классе было правдиво до мелочей, включая безупречно

чистые чернильницы. Лишь его хозяйка выпадала из общей картины. Отвратительная пародия на свою живую копию. Она с трудом передвигала ноги, и Ситон увидел, что они обмотаны обрывками газет, перевязанных бечевкой. Марджори Пегг улыбнулась, растянув провал рта. Пол вспомнил, что на фотографии у нее были начищенные до блеска туфли. Неужели ее уволили после того печально известного события? Возможно, она сама все расскажет. Но сейчас Ситону меньше всего хотелось, чтобы призрак заговорил с ним.

Глядя на мисс Пегг, он вспомнил еще кое-что. Ранним ноябрьским утром тысяча девятьсот двадцать восьмого года, когда гостившие у Фишера Пандора и ее спутник шли на кухню попить кофе, Уитли обмолвился, что для рождения зверя необходимо чье-то самоубийство. Никаких дальнейших объяснений он ей дать не потрудился.

В окнах мелькнул свет. Цепочка мерцающих огоньков примерно на высоте человеческого роста Ситон догадался, что это горят фонарики на касках шахтеров, спешащих на смену в свой забой. Мисс Пегг повернулась к окну и, выронив мел, прикрыла ладонью щель рта. Шахтеры пели. Что-то задушевное. Они выводили песню с особым подъемом. Может, «Люди Харлеха»?¹ Неужели в этой части Уэльса были залежи угля? Пол напряг память, но так ничего и не вспомнил. Он был готов допустить, что недалеко от Абердифи находились сланцевые разработки, но насчет шахт все же сильно сомневался.

Марджори Пегг вдруг покачнулась, с трудом устояв на своих ободренных ногах. На стене справа, рядом с книжным шкафом, Ситон заметил деревянную доску с прибитыми в ряд крючками для одежды. Очевидно, ученики, уходя, забрали свои пальто. Кроме одного. На ближайшем к Полу крючке висел детский синий плащ. На него был накинут голубой шарф, а сверху — синяя фуражка с белым околышком. Над козырьком красовалась искусно вышитая серебряными и алыми нитками эмблема. Все остальные крючки были пусты. На последнем из них висела, зацепившись выгнутой ручкой, чья-то трость. Конец трости был выпачкан какой-то темной жидкостью, капавшей на пол и образовавшей уже небольшую лужицу. Ситон перевел взгляд на учительницу и заметил, что от нее не укрылось его внимание к трости. Он больше не мог смотреть ей в глаза, превратившиеся в пустые темные дыры.

Кажется, свет в классе померк? Да, похоже на то. И шахтеры за окнами пели вовсе не «Людей Харлеха». Что-то до боли знакомое, но точно не «Люди Харлеха». Всмотревшись в темноту, Ситон засомневался, что это горят фонари на шахтерских касках. Слишком уж резким и изменчивым был их свет. Словно вырванные из тьмы, огоньки эти больше походили на факелы. В звенящей тишине классной комнаты Ситон явственно слышал, как капает с кончика трости кровь на пол. Учительница застонала, и он, сорвавшись с места, ринулся мимо нее к выходу. Ситон молил Бога, чтобы дверь выпустила его в ночную прохладу Брайтстоунского леса. Открыла ему путь к спасению.

Но Ситон попал в паб «Ветряная мельница» на Ламбет-Хай-стрит. За все эти годы обстановка там практически не изменилась. Пол оказался здесь, вероятно, уже после закрытия. За барной стойкой уже никого не было, и лишь за одним из столиков играла в карты троича припозднившихся посетителей, одетых в смокинги. От них исходил запах турецкого табака и дорогого одеколона. Что-то вроде давно забытого «Табарома» или «Мушуар де месье», пахнувших кожей и лавандой. Впрочем, основная тема парфюма была дефектной и отдавала сладковатым, гниlostным душком.

Себастьян Гибсон-Гор удостоил Ситона кивком, мистер Брин-младший чуть привстал, а третий игрок даже не оторвал глаз от карт.

— Позвольте, я вас представляю, — засуетился Брин.

— Не трудитесь, — оборвал его Ситон. — С мистером Гибсон-Гором мне уже доводилось встречаться. Что до Эдвина Пула, то у меня нет ни малейшего желания знакомиться с убийцей.

— Чудно, — усмехнулся Гибсон-Гор, в то время как Пул продолжал тарашиться в карты. — Вам бросилось в глаза фамильное сходство?

¹ Харлех — замок XIII века в валлийской провинции Гвинед. В эпоху Войны Алой и Белой розы подвергся осаде, что послужило основой для создания песни «Люди Харлеха».

Пул, со своей невыразительной монохромной красотой ушедшей эпохи, не был похож на кузину — свою жертву. Его волосы были густо намажены, а подбородок гладко выбрит.

Снаружи мелькали огни факелов. Там орали во всю глотку и били стекла. Ситон наконец понял, что это была за песня. «Хорст Вессель».¹ Понял в тот самый момент, когда, выбегая из класса Питера Моргана, на ходу прочитал написанные на доске слова.

— Интересно, что, по-вашему, там происходит? — обратился к нему мистер Брин, уже успевший сесть.

— Ничего особенного, — ответил ему Ситон, про себя подумав: «Это Геринг и его волчья свора рыщут по полям прошлого, воплощенного им в жизнь с помощью всей этой кодлы».

— Вы никогда не были боевым летчиком, — добавил он, обращаясь к Брину. — И Арчи Макиндоу не лепил вам лицо заново. Просто неудачно проведенный магический обряд. Отсюда и шрамы. Все пошло не совсем так, как вам хотелось бы.

Брин молча посмотрел на него, а Гибсон-Гор лишь хмыкнул.

— Вы, должно быть, гордитесь своими подвигами?

— О, вы даже не представляете как, — откликнулся мистер Брин-младший. — Бог мой, ну и веселое было времечко!

«Пожалеешь розги — испортишь дитя», — написала на доске учительница-самоубийца.

— Часто ли ее заставляют бить мальчика? — спросил Пол.

На этот раз Эдвин Пул соизволил поднять на него глаза.

— Каждый раз, как этого захочет мистер Грэб, — сказал, он и перевел взгляд на мешок, зажатый в руке у Ситона. — Почему бы вам не положить куда-нибудь вашу кладь? Вы среди друзей, старина. Не стесняйтесь. Чувствуйте себя как дома.

Но Ситон вовсе не собирался расставаться со своей драгоценной ношей. Пул казался молодым и красивым. Кожа у него была гладкой и без морщин. В отличие от своих изрядно потасканных сотоварищей, он, по всей видимости, довольно рано умер. Из кармана пальто он вытащил револьвер Уитли и положил его на стол.

— Итак, мистер Ситон, игрок вы или нет?

Он превосходно симитировал акцент. Но в конце концов, все они были здесь имитаторами. Пол взглянул на револьвер. Обитатели дома Фишера с завидным упорством демонстрировали необъяснимую привязанность к этому оружию.

— Малькольм Коуви — сын Клауса Фишера?

— Не думайте о всяких глупостях, мой дорогой Пол! — поддержал Пула Гибсон-Гор. — Так что, сыграем по маленькой? С нами, с вашими друзьями-приятелями?

— Нет.

— Фу, какой противный!

Снаружи снова стало тихо. Позади барной стойки вдруг включился магнитофон, и Марвин Гэй запел «Abraham, Martin and John».

— Классная музыка, — заметил мистер Брин. — Спорим, вы чертовски к ней неравнодушны?

— Сыграйте же с нами, — не отставал Гибсон-Гор.

— А смысл? — спросил Ситон. — Вы же жульничаете.

— А кто нынче не жульничает? — парировал Брин.

— Смысл в ставке, — заявил Пул. — Твой дружок, старина Ники, только что испустил дух. А ты? Мистер Грэб здорово на тебя сердит. Перспективы у тебя, приятель, самые плачевные. Но мистер Грэб — хозяин слова. Он даже типам вроде тебя готов дать шанс выиграть право на жизнь.

Продолжая разглагольствовать, он собрал карты в колоду и начал ловко тасовать ее, держа руки над столом. Его умелое обращение с картами, даже после смерти, оказало на Ситона чуть ли не гипнотическое воздействие. Ему вдруг ужасно захотелось рискнуть.

¹ Вессель Ханс Хорст(1907–1930) — немецкий штурмовик, автор текста гимна нацистской партии, известного как «Хорст Вессель».

— Сейчас я объясню тебе, как играть в эту простую, как палец, игру, — продолжал Пул. — Каждый из нас вытягивает из колоды одну карту. Любую, Пол, кроме младшей. А потом ступай вон в ту дверь и живи дальше, как все нормальные люди.

Ситон заколебался.

— Ну, — подбодрил его Пул. — Давай сыграем.

Теперь он не шутил. Предложение было серьезным, и Пул бросил валять дурака.

— Шансы весьма велики, — добавил он.

Его голос казался загробным. Фонетический реликт канонического произношения, какое только и можно услышать в радиозаписи семидесятилетней давности.

— А если я вытяну младшую карту?

— Тогда вы поступите как честный человек, — сказал Гибсон-Гор. — Для того и револьвер на столе.

Ситон кивнул. Пул глядел на него во все глаза. За Марвином Гэем последовал Билли Пол с композицией «Me and Mrs Jones».

— Сейчас тысяча девятьсот восемьдесят третий год, — вкрадчиво сказал Себастьян Гибсон-Гор, кивнув на дверь паба. — Весна. Вишня в палисаднике через дорогу вся в цвету. Сегодня суббота. Четыре пополудни. Люсинда Грей сидит на газоне и читает последний номер «Вог». Она просто восхитительна в своей льняной плиссированной юбочке и блузке цвета слоновой кости. Она ждет своего Пола. И теннисный корт уже арендован. А на ужин будет лазанья и бутылочка «Фраскати».

Ситон посмотрел на дверь. Над ней, сквозь полоску обычных стекол, установленных над цветными витражами, пробивался тусклый, точно оловянный, свет.

— Год нынче девяносто пятый, — возразил он.

— Вы ошибаетесь, — печально произнес Гибсон-Гор мягким, но словно обиженным голосом. — Сегодня вечером вы встречаетесь с Гретом и Стюартом. И Майк обещал заглянуть. Патрик тоже придет.

— Выйди в ту дверь, Пол, и тебе снова станет всего двадцать три, — поддакнул Пул. — Мир опять будет чист и прекрасен, как ты когда-то. Положи мешок. Отдохни. Поверь нам.

— Мне надо выпить.

Ситон перегнулся через барную стойку, поставил пинтовую кружку под кран с «Директорским» и повернул ручку насоса. Подождав, пока кружка наполнится, он выпрямился и поднес ее ко рту. Пиво было черным и чем-то пахло, словно воду для него брали из болота.

— Выигрыш у него уже в кармане, — лениво произнес Пул.

— Как пить дать, — отозвался Гибсон-Гор голосом заправского кутилы. Прямо-таки Брендан Бехан.¹ — Пока течет Лиффи,² ничто в этом бренном мире не замутит ни капли ее воды.

— Кто была та девушка, Пул, когда вы представлялись Антробусом? Та, что была с вами в кафе «У Пердони»? Вы оба тогда пилились на меня через стекло.

— Одна из экс-ассистенток Кроули, — небрежно бросил Пул. — Она немного развлекла меня. А потом надоела мне, как и ему.

— И где она теперь?

— Все зависит от точки зрения. Она там, где я ее оставил. На дне одного из антверпенских каналов.

— Или в туалете — вышла попудрить носик, — хихикнул Гибсон-Гор.

Ситон еще раз огляделся. Бросил взгляд на узкую полоску тусклого света там, за окном. Там, где, должно быть, под весенним небом — небом его кошмара — раскинулся Ламбет. По потолку и стенам паба расползлись пятна плесени. Полу казалось, что его окружает мир, разлагающийся прямо на глазах. Снаружи все наверняка выглядит даже хуже и непригляднее. Отвратительная подделка, стилизованный хаос. Он поставил кружку на барную стойку,

¹ Брендан Бехан (Биэн) (1923–1964) — известный ирландский поэт, писатель и драматург.

² Лиффи — река в Ирландии, протекающая через центр Дублина В переводе с ирландского означает «жизнь».

собрался с духом и посмотрел на отражение своих собеседников в зеркале, висящем за стойкой.

В свой первый визит в дом Фишера он впервые обнаружил — а впоследствии получил подтверждение этого и в лечебнице, — что отражения были всегда безжалостны к ним. Вот и сейчас в зеркале «Ветряной мельницы» их вечерние облачения обратились в червивые лохмотья, а мертвая плоть лиц поросла мхом. Все трое уставились пустыми глазами на мешок в руках Пола. И по этому взгляду Пол понял, что, даже мертвые, они объаты смертельным ужасом. Ситон посмотрел на мешок из выцветшего потертого бархата. Его скорбная ноша вдруг показалась ему совсем невесомой.

Струнный аккомпанемент к пению Билли Пола стал менее замысловатым и слезливым. Более того, изменилось даже звучание. Словно теперь ноты не вылетали из-под скрипичного смычка, а с натугой выбирались из старой шарманки. Мелодия звучала хрипло, механический звук затихал в мертвом пабе на каждой музыкальной фразе. Ситон содрогнулся. Нет, его вовсе не ждала та удивительная весна восемьдесят третьего, которую он так хорошо помнил. Он живо представил себе жалкие трущобы, тянущиеся к югу под дымным небом. Лица их обитателей были такими бледными и замученными. На мощенных булыжником улицах было мокро и сыро, крыши кишаших паразитами домов просели. Ни света, ни тепла, ни чистоты. Царство полиомиелита и рахита, вшей и мучительного сосущего голода. Надежда здесь давно умерла. Радость же была редкой гостьей. Совсем как классики, начерченные мелом на мостовой и смываемые первым же дождем. Жизнь без веры. Жизнь без надежды. Это был южный Лондон. Плод больного воображения Эдвина Пула, вдохновленного былыми ночными похождениями. Интуиция подсказывала Ситону, что Пулу не была чужда низкопробная экзотика, манившая семьдесят лет назад столичных денди в портовые кабаки Уэппинга и Ротерхита. Однако северный Ламбет там, за дверью, не тянул на экзотику. В нем царило запустение времен Великой депрессии. Явно реконструированное воспоминание. Когда-то, давным-давно, проезжая мимо, Эдвин Пул бросал презрительные взгляды на все это из окна кеба. Здешний мир был ужасен и безобразен.

Что до паба то он был воссоздан просто замечательно. Они выудили у Пола воспоминания о самом светлом отрезке его жизни и вывернули их наизнанку. Он даже понял, как им это удалось. В этом была заслуга Коуви. Согласившись на гипноз, Пол, как человек легко внушаемый, вероятно, выложил Малькольму Коуви всю свою подноготную. Его убаюкивала мнимая безмятежность того состояния, в которое псевдодоктор погружал его во время сеансов. Сколько их всего было? Они ограбили его. Вскрыли сейф с самыми сокровенными чувствами. Теперь возмущение в душе Ситона сменилось замешательством, так как мало было знать, как они это с ним сделали. Необходимо было понять для чего. Для чего? И, ради всего святого, почему их выбор пал именно на него?

Вонь от протухшего пива в стакане на барной стойке немим укором ударяла в нос, сиплые звуки музыки в ушах постепенно замирали.

«Пожалеешь розги — испортишь дитя».

Он прикинул на вес несчастные останки, завернутые в бархат. Что ж, хорошо.

Ситон повернулся, подошел к их столику, пододвинул стул и сел, пристроив мешок на коленях.

— Я тяну последним, — сказал он.

Ситон старался сосредоточиться на игре, по смыслу довольно несложной. Ему необходимо было сохранять хладнокровие и — более чем когда бы то ни было — ясность ума. Но мысли его были далеко. Мысли его были с Люсиндой. Он, словно наяву, видел, как бойко строчит она на швейной машинке, нажимая на педаль, и как ходит при этом вверх-вниз ее обнаженный коленный сустав. И Пол чувствовал, что ярость захлестывает его, словно цунами.

Затем тянул Брин. Ему выпала девятка червей. Ситон попытался прикинуть шансы, думая о сестре Мейсона. О том, как убитый горем брат вытаскивает ее, нагую, из воды. О том, как она, накачанная успокоительными, лежит в постели у себя в Уитстейбле.

Эдвин Пул бескровными опытными пальцами вытянул карту и с треском перевернул ее. Это была бубновая королева. Ситон же в этот момент мог думать только о женщине с перерезанным горлом, лежащей в грязи на причале Шадуэлл в предрассветном тумане далекого прошлого.

Пол боялся, что, когда подойдет его очередь, у него будут дрожать руки. Но нет.левой рукой он взял карту, перевернул и увидел двойку пик. Пул улыбнулся ему. Сдержанно, поскольку мешал золотой зуб, нависавший над нижней губой. Ситон заметил, что музыка смолкла. Билли Пол прекратил слезливые признания в любви к чужой жене. Ситон уронил карту. Правой рукой он взялся за рукоять револьвера, а пальцами левой перебрал колоду. Карты мелькали перед глазами однообразной чередой, и каждая из них была двойкой пик. Ситон, пожав плечами, ответил на улыбку Пула, взял револьвер со стола и поднес дуло к виску. Оружие было невероятно тяжелым и ужасно неудобным. К такой тяжести невозможно привыкнуть. В зале «Ветряной мельницы» стало так тихо, что слышно было, как капает на пол кровь с кончика трости для порки. Это последнее, о чем успел подумать Ситон, прежде чем взвести курок, опустить дуло, нажать на спусковой крючок и засадить пулю в правый глаз ухмыляющегося призрака убийцы Пандоры.

— Все нынче жульничают, — сказал Ситон, продолжая давить на курок.

31

Ситон снова стоял в вестибюле дома Фишера. В руке у него был дымящийся револьвер. Потрогав ствол, Ситон почувствовал, как нагрелся металл. Он попытался сосчитать, сколько зарядов осталось в барабане, но в потемках невозможно было ничего разглядеть, а сам он точно не помнил, сколько раз стрелял. Впрочем, это не имело особого значения. Призрака убить невозможно. По крайней мере, из револьвера. Ситон положил «Уэбли» на пол. Интуиция подсказывала ему, что если в этой безвыходной ситуации для него и оставался хоть какой-нибудь шанс, то оружие здесь было ни при чем.

Пол переложил мешок из левой руки в правую. Затем он вышел из дома через парадную дверь и по ступенькам спустился в парк. Он напряженно прислушивался, ожидая, что из темноты вот-вот вынырнет мертвый Джузеппе и печальным голосом начнет уговаривать его вернуться. Но все было тихо. Только шум дождя и хруст гравия под ногами. Джузеппе было не видно и не слышно. Зато Пол отчетливо услышал, как кто-то заворчал. Вероятно, мистер Грэм уже спустился в вестибюль и теперь идет по его следу, чтобы сожрать. Сердце глухо застучало у него в груди, и его накрыло обжигающей волной страха.

Однако, придя в себя и еще раз прислушавшись, Ситон понял, что это не ворчание мистера Грэма, а голос какой-то давно забытой блюзовой певицы — то ли Бесси Смит, то ли Лидбелли. Голос этот, освобожденный из винилового плена граммофонной иглой, звучал еще во времена порока и безмерного отчаяния и теперь наполнил собой пустующий дом.

Ситону показалось, что мешок у него в руке чуть шевельнулся. Хотя поверить в это было невозможно. Он вдруг понял, что плачет. Рыдает под дождем от страха, горя и ярости. Не сбавляя шагу, Пол обернулся. Огни в доме уже были практически неразличимы. Тыльной стороной свободной руки Пол смахнул с лица слезы и капли дождя. Кругом царила кромешная тьма. Теперь надо было установить направление, определить местоположение ручья и перебраться на другой берег, чтобы в относительной безопасности совершить погребение. Он проклинал себя за то, что оставил в подвале саперную лопатку Мейсона. Ну да ладно. Могилу он выроет голыми руками. У него впереди будет целая жизнь, чтобы залечить раны.

Озираясь, Пол почувствовал, что полог леса, сгустившись, давит на него. И все же на тропе не было видимых препятствий. Эта странность заставила его остановиться. Он вытянул руку и ощупал колючую и непроходимую живую изгородь, возникшую прямо на пути. Листья казались мясистыми, сочными и, несмотря на дождь, абсолютно сухими. Ситон горько засмеялся, поняв, куда попал. Это был тот самый заброшенный лабиринт, где он

заблудился десять лет назад. Здесь стоял давно забытый знакомый запах. Запах надвигающейся опасности. Бархатный мешок у него в руках снова шевельнулся.

«Нервы, — подумал Ситон. — Нервы ни к черту. Чего удивляться? Еще немного — и я снова наложу в штаны».

Он прямо-таки кожей чувствовал, как все ближе подбирается к нему кто-то, сбывающийся в густых кустах. Ситон, похолодев от ужаса, наконец понял, кто это был. Нет, не мистер Грэб. Зверь продирался бы сквозь заросли, сметая все на своем пути, а нынешний преследователь Ситона крался как тень. Ситону оставалось только уповать на Господа, так как теперь он уже точно знал, кто это. Вернее, кем был когда-то его таинственный преследователь.

В тот день медсестра из Дандалка забрела вместе с ним в лабиринт. Она явно положила глаз на молоденького Пола Ситона. Он понял это через неделю после своего спасения. Тогда она тихонечко вошла в палату, куда его поместили оправляться от потрясения, и осторожно, чтобы не сдвинуть фиксирующие ремни, с довольной улыбкой оседлала его, предварительно возбудив. Но Пол и так легко возбуждался. Ему было всего двадцать пять, и это был его первый секс с тех пор, как Люсинда Грей ушла от него. Но секс этот не доставил ему радости. Он возненавидел медсестру, не успев войти в нее. Но какие бы эмоции им тогда ни владели, озвучить их он не мог по причине резинового кляпа во рту. Врачи опасались, как бы пациент не откусил себе язык во время панических атак.

Она, должно быть, уже умерла, иначе не догоняла бы его сейчас, смрадно-игривая.

— Доктор Коуви уже ждет вас, — догнав Ситона, скрипучим голосом сообщила медсестра и хихикнула.

Бархатный мешок мягко ткнулся в его бедро.

«Свершилось. Это действительно свершилось. Я почувствовал», — пронеслось в голове у Ситона.

— Он в столовой, — сказала мертвая медсестра из Дандалка. От нее тянуло чем-то стылым, похожим на холодный ночной воздух с озера. — Доктор приглашает вас поужинать с ним.

Ситон вздохнул и повернулся к ней, но никого не увидел. Тогда он направился обратно к дому, чувствуя в душе скорее решимость, нежели страх.

«Видно, сама судьба предопределила для меня такой конец», — подумал он.

Ему не позволят убежать, как последнему трусу. Это значило бы искушать судьбу, а от нее, как известно, не уйдешь.

— И себя тоже не обманешь, — прошептал Пол и, не обращая внимания на боль в ладони, крепко сжал в руке мешок.

Затем он поднял глаза к окнам башни, где притаился зверь, убивший его бесстрашного товарища. Ситон подумал и о Малькольме Коуви, лишившем его своими махинациями целой жизни. Пол двинулся вперед по влажной земле, и дом вместе с его противниками, поджидавшими его в зале приемов, придвинулся ближе.

— А, дружище! — приветствовал его Коуви, когда Джузеппе, на сей раз в ливрее с позументами, открыл перед Полом двери столовой и с низким поклоном объявил о прибытии гостя.

Коуви, восседавший на некоем подобии трона, был облачен в мантию с застежкой из эбенового дерева в виде козлиной головы, инкрустированной золотом. К его груди была приколата металлическая старинная брошь с руническими символами.

«Его оружие, — понял Ситон. — Он хорошо подготовился к нашей встрече».

Пухлые пальцы Коуви, все в перстнях, выстукивали дробь по крышке высокого обеденного стола. Коуви явно был в ярости. Стол ломился от яств и бесчисленных бутылок с винами и ликерами. В вазах стояли пышные букеты цветов. Но коронное блюдо — молочный поросенок в центре стола — отдавало тухлятиной, а фрукты в начищенных до блеска чашах явно подгнили. Скатерть устилали лепестки, осыпавшиеся с увядших и уже засохших цветов. В этом зале проходили «шерстяной» и «роговой» банкеты, и их болезнетворный запах

донесся до Пола Ситона сквозь десятилетия. Он поглядел на Коуви, состарившегося со времени их недавней встречи в «Занзибаре» лет на десять. Впрочем, вполне возможно, это просто была игра света. Зал освещали всего два резных настольных канделябра. Воск капал с красных свечей, подобно запекшейся крови, а пламя отбрасывало кровавый отсвет.

Ситон сел за стол, достаточно длинный, чтобы можно было находиться подальше от Коуви.

— Вы, должно быть, недоумеваете, Малькольм, — сказал Пол. — Должно быть, удивляетесь.

— Сила, — произнес без всякого выражения Коуви. — Власть. Влияние. Богатство. Все то, что тебе не суждено постичь до конца. Поэтому оставим в покое философию, мораль и этику. Давай сразу перейдем к делу. У тебя на коленях в мешке лежит нечто тебе не принадлежащее. Верни его, Пол, и я обещаю, что мы расстанемся друзьями.

— А если нет?

Губы Коуви, растянутые в улыбке, казались кровавыми в пламени свечей.

— К нашей компании скоро присоединится мистер Грэб. Думаю, встреча с ним тебя вряд ли обрадует.

Ситон кивнул. Коуви говорил чистую правду. За небольшим исключением. В доме было тихо.

— Знаете, что я думаю, Малькольм? Заметьте, это просто предположение. И все же у меня родилось смутное подозрение, что ваш зверь не совсем здоров. Он убил Ника Мейсона, это правда. И вы с мистером Грэбом уже собирались было подпитаться магическими силами, которыми одарил Николаса его отец. Именно так вы все и планировали. Но наш Николас оказался куда упрямее и хитроумнее, чем вы ожидали. И вот теперь Гарри Грэб неважно себя чувствует после боя. Он в глубоком нокауте и пока из него не вышел. Что-то подсказывает мне: ему явно нужна передышка. Иначе ему не хватит сил со мной разделаться. Поэтому, сдастся мне, сейчас мы с вами остались один на один.

Наверху кто-то тяжело зашевелился, словно опровергая слова Ситона. На лице Коуви появилась тусклая улыбка. Пол был прав. Зверь пока не изъявлял желания подкрепиться. Мистер Грэб скоро придет в себя, соберется с силами. Но не сейчас. Коуви потянулся за зубочисткой. И Ситон вспомнил магический прием, пущенный в ход отцом этого лжедоктора в портсмутском баре. Прием, сломавший хребет задиристому матросу.

— Мне нужен мешок, который лежит у тебя на коленях. Он не твой. Ты выкрал его содержимое. Верни его, и уйдешь отсюда целым и невредимым. Отдай.

— Малькольм, мать твою! А не пошел бы ты!

Зверь наверху заворчал и шумно завозился, явно собираясь с силами.

Коуви, словно играя, откусил кончик зубочистки, и Ситон почувствовал острую боль. Из мешка послышался вздох, и Пол только теперь понял, что будет биться с тем же ожесточением, с каким его павший доблестный друг отвоевывал право отдать мальчику последний долг.

— Коуви, почему все-таки я?

В ответ тот лишь пожал плечами.

— Отдай мешок.

Зверь над ними уже поднялся на лапы и стал сползать вниз по лестнице. Мешок на коленях у Ситона задрожал. Коуви вынул изо рта зубочистку и поднес ее к пламени свечи. Ситон был мокрый насквозь. Молитвенник Ласкаля в кармане куртки разбух от сырости. От одежды валил пар, а все тело горело нестерпимым жаром.

— Отдай мешок.

— Никогда.

Ситон, даже не оборачиваясь, понял, что в зал ворвался зверь. Свечи погасли, и все вокруг погрузилось во тьму. Чудище взвыло, и мешок на коленях у Пола снова вздрогнул. Коуви выругался. Зловонная тварь, громко пыхтя, в ярости застыла прямо у Ситона за спиной. Пол слышал, как Коуви скребет ногтями по скатерти. Ищет нож? Или револьвер

Уитли? Он почувствовал, как подобрался для прыжка мистер Грэб.

Спички. Коуви искал спички.

Ситон расхохотался. Он кое-что вспомнил. Ему пришла на ум одна мысль, которую доктор некогда терпеливо заставлял его выбросить из головы.

— Я вам посвечу, — произнес Пол.

И Малькольм Коуви взвизгнул. Ситон накрыл мешок ладонями, поглаживая мягкий бархат, скрывающий его скорбное содержимое. Он закрыл глаза и увидел свет.

— Ты будешь в безопасности, Питер. Обещаю, — прошептал Пол.

Ситон силой мысли удерживал зверя. Теперь он вспомнил, что однажды уже делал это, инстинктивно используя неизученные ресурсы своего организма. Тогда его эксперимент вызвал чудовищные последствия. Целый лес погрузился в безмолвие, а птицы на лету теряли перья. Не ирландская легенда о текущей воде остановила мистера Грэба. Это сделал он, Ситон. И тут его подвело самое банальное человеческое тщеславие. Ему мало было свалить чудовище. Ему захотелось взглянуть на поверженного врага. Он подошел и посмотрел зверю прямо в глаза. Ошибка, которую Пол больше не повторит.

Теперь зверь отчаянно скулил за спиной у Ситона, скованный его стальной мыслью. А Коуви упорно чиркал спичками по коробку в тщетной попытке повторить свой коварный фокус. Но ни одной из спичек не суждено было зажечься, ибо Пол не допустил бы этого. Револьвер Уитли по-прежнему лежал на столе. Но Коуви не удастся даже с места его сдвинуть. Ситон мысленно пригвоздил револьвер к столу. Коуви зарыдал. Громко всхлипывая, он вертел в пальцах коробок и ронял в темноте сломанные спички. Пол улыбнулся, все еще не открывая глаз. Он понял, что и так прекрасно видит. Однако его ждало дело гораздо более важное, чем Малькольм Коуви с его мелкими пакостями и пустыми амбициями. Ситон дал мальчику торжественное обещание, которое теперь собирался выполнить.

Мешок под его пальцами отозвался тихим дробным звуком. Теперь Пол мысленно был на кладбищенском плато за церковью, откуда открывался вид на море. От тенистых деревьев веяло уединением, в воде отражался свет предзакатного солнца. Среди свежескошенной травы возвышалось надгробие Роберта Моргана. Пол Ситон собрал все свои силы, которыми доселе почти не пользовался. Ему пришлось проникнуть в недра своего существа, чтобы извлечь квинтэссенцию. Он сконцентрировался и словно достиг полного единения с физическим миром, и вера победила действительность, а материя уступила силе и чистоте его помыслов. Великая нежность к мальчику направила волевой импульс Ситона. Пусть останки Питера, его благословенные мощи во веки веков покоятся в отцовских объятиях, озаряемые лучом маяка, высеченного на граните.

Он вздохнул и опустил голову. Мешок на его коленях был пуст. Зверь, таившийся за спиной, исчез, едва рассеялись — окончательно и бесповоротно — вызвавшие его губительные чары. Вместе с разбитыми иллюзиями обветшал и дом, снова став развалинами. Ситон открыл глаза и посмотрел на Малькольма Коуви, сидевшего за протухшей едой. Не было больше ни привычной музыки, ни призраков. В своей нелепой мантии, в перстнях и с дурацкой брошью, Коуви выглядел печальным и изможденным. Между пальцами он катал сигару, но не мог прикурить ее. Ни одна из спичек, рассыпанных на столе, не желала зажигаться.

— Теперь я понимаю.

— Ничего ты не понимаешь, — сказал Коуви. — Все напрасно. Какие напрасные траты! Будь ты проклят!

— Я мог бы убить вас.

— Мог бы. Но не убил, — покачал головой Коуви, бросив взгляд на бесполезную сигару. — Все напрасно.

Обветшавшие стены особняка Клауса Фишера были испещрены следами некогда висевших там фотографий. Ливень хлестал в зияющие дыры окон. Ситон встал и начал осторожно пробираться к выходу. Он вышел в ночь из разрушенного дома. Дождь лил не

переставая. Но Ситон упрямо продолжал идти туда, где, по его расчетам, было побережье. Он не допускал даже мысли о том, чтобы воспользоваться «саабом» Коуви. Слишком тяжело было бы смотреть на пустое пассажирское сиденье. Интуиция подсказывала Полу, что он непременно выйдет к морю и найдет там лодку. Пандоре не повезло с лодкой, но ему — и он был в этом абсолютно уверен — обязательно повезет. Ситон только раз оглянулся на дом — когда плотная стена леса должна была скрыть его из виду. В одном из башенных окон мелькнул свет, но Пол понял, что это всего лишь тусклый отблеск луны. Даже издали было заметно, что стекло расколото. Весь дом был расколот. Опустевший, лишенный былой губительной силы.

В какой-то момент ему даже захотелось убить Малькольма Коуви. Вполне естественное желание. Но Пол вспомнил слова Ника, обращенные к нему в подвале: о спасении души Сары и его собственной. Он думал, что отныне Сара Мейсон ничто не угрожает. Конечно, ей еще предстоит пережить скорбь тяжелой утраты. Пол хорошо знал, что значит потерять близкого человека. Но Николас всю свою сознательную жизнь играл в прятки со смертью, и Сара должна была быть готова к его уходу. Грезы рассеются, вернется здравость ума, и теперь, когда призраки исчезли, постепенно забудется хаос, поглотивший ее с подругами. Больше всего беспокоила Ситона забота Мейсона о сохранении их душ, в частности его собственной души. Он обнаружил в себе неведомый потенциал. Но инстинкт подсказывал ему, что было бы большой ошибкой растрачивать этот новоявленный грозный дар на пустяки и месть. И пусть Коуви проклял его. Если кто-то и был проклят, то только сам Коуви. Теперь этот тип может до конца своей жизни думать о Страшном суде.

Ситон приближался к морскому побережью. До него уже доносился вялый плеск волн под дождем. Сразу же нашлась и лодка — самая настоящая, с веслами. Лодка лежала на берегу выше кромки прилива. Она точно когда-то принадлежала Фишеру, но теперь, похоже, хозяин в ней больше не нуждался.

А затем Пол обернулся и увидел ее.

Пандора, спокойная и прекрасная, стояла всего в двадцати футах и тоже смотрела на него. Ее блестящие волосы пышными волнами падали на горностаевый воротник пальто. Пол любовался ее безупречным профилем, вдыхал аромат духов, доносимый томным ветерком. Он всегда знал, что в один прекрасный день он ее встретит. И все прошедшие годы уверенность эта только крепла. Пол предчувствовал эту встречу уже тем знойным летним днем, когда они с Майком Уайтхоллом обедали в Далстоне, в кафе «У Артура». С тех пор прошла вечность. Он еще сильнее поверил в свое предчувствие, когда ступил на поляну в Брайтстоунском лесу, где некогда состоялась дуэль между гостями Фишера. Тогда он, безоружный, впервые наудачу отправился в дом Фишера. Видел ли он Пандору в тот день? Если и так, то лишь на уровне подсознания. Теперь он видел ее воочию. Даже шлейф из разбитых сердец, тянувшийся за этой своенравной и незаурядной женщиной. Ее локоны растрепал ветер. По меху на воротнике пробежала рябь, словно его гладила невидимая рука. Ее рот был открыт в немом восторге. Она повернула голову, и Ситон заметил блеск жемчужного кольца на ее бледной шее. Она кивнула ему и улыбнулась.

Ситон улыбнулся в ответ. И Пандора исчезла. Израненными руками он взялся за весла и принялся грести прочь от берега. Теперь Пол мог вытерпеть любую боль. Это удивительное открытие он сделал недавно.

За полосой прибоя простиралась безмятежная морская гладь. Вода билась о борт в такт его мерным гребкам.

Ситон держал курс на красный маяк навигационного буя. Когда лодка поравняется с ним, вдали покажется материк. По ту сторону Солента замигают огни Портсмута. Пол упрямо работал веслами, глубоко дыша соленым морским воздухом.

Наконец рядом заклокотала вода, накатывая на полые металлические бока буя и со вздохом натягивая его якоря. Дождь неожиданно перестал, пелена облаков поредела, и Ситон увидел плавучий конус, облепленный водорослями.

Он плыл мимо буя, сжимая ободранными руками тяжелые весла. Течение само несло

его к цели. Через минуту он обогнет мыс, увидит Помпею и свет. Слишком долго он жил во мраке. Но свет был уже близко, и Пол Ситон чувствовал, что наконец заслужил это право. Право жить при свете.